

"Сама невинность"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Бертрис Смолл

Сама невинность

Моим соседям, Эмили и Джиму Гандерсен, фанатам рок-н-ролла. Это всерьез, приятели!

Пролог. ДИТЯ. Англия, 1143 год

- Хочу маму!

Рыдающая малышка билась и извивалась, стараясь вырваться из сильных рук молодой монахини.

- Мама! Где моя мама?

- Тише, Эльф! - нежно уговаривал старший брат. Он уже жалел о принятом решении, хотя в глубине души признавал правоту де Вареннов. Не мог же он растить в одиночку маленькую сестру, и, кроме того, нехорошо обременять Айлин дополнительными обязанностями, хотя, видит Бог, другие невесты охотно выполняют работу потяжелее.

- Дикон, - жалобно всхлипывала девочка, - я хочу домой, к маме и Аиде!

На маленькое печальное личико невозможно было смотреть равнодушно. Из огромных серо-голубых глаз градом катились слезы.

Сердце Ричарда де Монфора снова сжалось от боли и тоски, но рыцарь, решительно подавив непрощенные эмоции, строго заметил:

- Ну же, Эльф, ты и сама знаешь, что мама умерла. Вокруг бушует война, и мне недосуг возиться с тобой. Нужно идти сражаться за короля. Мы ведь все с тобой обговорили. Здесь, в монастыре Святого Фрайдсуайда, ты будешь в безопасности. Теперь это твой дом.

- Попрощайся с братом, Элинор, - велела настоятельница матушка Юнис, глядя ребенка по голове. - Отнесите ее к другим девочкам, сестра Катберт, да побыстрее. Чем больше вы медлите, тем тяжелее ей расстаться с братом.

- Прощай, сестричка, - выдохнул Ричард, целуя светлую, золотисто-рыжую макушку.

Элинор, не в силах вымолвить ни слова, растерянно взглянула на брата и тут же вновь разразилась рыданиями. Сестра Катберт поспешила выполнить приказание настоятельница и вбежала в ворота монастыря, унося кричащего ребенка.

- Дикон! - отчаянно вскрикнула Эльф в последний раз. Ричард выглядел так, словно сам сейчас расплачется, и матушка Юнис успокаивающе похлопала его по руке.

- Маленьким детям всегда трудно расставаться с родными. Не волнуйтесь, милорд, мы позаботимся о мадемуазель Элинор.

- Эльф, - поправил рыцарь. - Мы зовем ее Эльф. Возможно, если вы хоть ненадолго забудете ее настоящее имя, это поможет ей свыкнуться с новой жизнью. После смерти матери ее некому воспитывать. Я тут бессилён.

- Разумеется, милорд. Не расстраивайтесь. У нас, кроме нее, живут несколько маленьких девочек. Одна почти ровесница вашей сестры. Живет у нас с трех лет. Другая малышка на год старше Элинор... Эльф. - Монахиня улыбнулась. - Как я слышала, милорд, вас следует поздравить. Говорят, вы женитесь.

Добрая женщина, очевидно, как могла, старалась отвлечь Ричарда от неприятных мыслей.

- Мадемуазель Айлин еще не достигла брачного возраста, но ее мать заверяет, что ждать осталось недолго, - кивнул Ричард, искренне не понимавший, почему столь зрелой девице, как Айлин, рано идти к алтарю. Но он не в том положении, чтобы спорить с леди де Варенн.

Монахиня постаралась ничем не выказать удивления. Айлин де Варенн провела в монастыре год, и девчонки развратнее и похотливее матушка Юнис в жизни не встречала. Все обитательницы монастыря вздохнули с облегчением, когда Айлин их покинула, хотя ее пребывание у них имело и свои преимущества. Де Варенны отличались щедростью и великодушием. Именно по их рекомендации монастырь получил такую воспитанницу, как маленькая Элинор де Монфор, вместе с завидным приданым.

- Уверена, леди де Варенн желает своей дочери добра, милорд де Монфор. А теперь я должна с вами распрощаться. Думаю, вам следует подождать несколько месяцев, прежде чем навещать сестру. Дайте ей время привыкнуть к новой жизни. Приезжайте в День святого Мартина, будем рады вас видеть.

Матушка кивнула, повернулась и медленно направилась к воротам монастыря, которые с негромким стуком захлопнулись за ней. Послышался скрип задвигаемого засова.

Ричард де Монфор вскочил на серого в яблоках жеребца и медленно отправился назад, в свое поместье Эшлин, до которого было не более восьми миль. Он не взял с собой сопровождения - весьма рискованный для тех времен поступок, но последнее время в окрестностях Эшлина было довольно спокойно, а Ричард не хотел, чтобы при прощании с сестрой присутствовало слишком много народу. Как он любил малышку Эльф! Когда четыре года назад отец погиб в битве между войсками короля Стефана и армией дочери короля Генриха Матильды, Ричарду было всего одиннадцать. С помощью матери мальчик принял на себя управление отцовским наследством. Эльф, тогда еще совсем крошечную, только отняли от груди.

К счастью, поместье Эшлин было не слишком большим, и ни один из более могущественных баронов не польстился на него. Их основное богатство заключалось в овцах. Кроме того, у де Монфоров было достаточно крепостных, которые вместе с несколькими вольноотпущенниками и выполняли всю необходимую работу. Каменный дом, окруженный неглубоким рвом, стоял на холме. Вокруг теснились амбары, загоны, хозяйственные постройки и хижины крепостных. Рядом протекала быстрая речка, на которой построили мельницу. Маленькая каменная церковь, однако, была полуразрушена. Поместье окружали высокие каменные стены, надежно защищавшие жителей от рыскавших в округе валлийских бандитов. На близлежащих холмах паслись овцы, у подножия лежали пашни, на которых поочередно выращивались трава, овес, ячмень и горох.

Но леди де Монфор так и не оправилась после гибели горячо любимого мужа - она не представляла себе жизни без него. Война опустошала Англию, и, кроме того, Эшлин был достаточно уединенным местом, так что его обитатели месяцами не видели никого, кроме странствующих монахов, отважившихся забираться в самые отдаленные уголки страны в надежде, что сутана защитит их от разбойников.

Аделиза де Монфор, как могла, цеплялась за жизнь, спеша научить сына всему, что нужно было знать относительно управления поместьем. Старый вояка Фулк не уставал наставлять Ричарда в бранном искусстве. И Эльф. Малютка сестра была радостью и счастьем всей его жизни. Милая, добрая и удивительно проникательная. Часто вечерами, когда усталый Ричард садился в зале у огня, она карабкалась к нему на колени и гладила лицо крошечной ручонкой, что-то весело бормоча. Как он любил ее!

Но прошлой осенью матери стало хуже. К этому времени Ричард превратился в мужчину и взвалил на себя обязанности главы дома. Аделиза де Монфор полностью сознавала это и, хотя волновалась о судьбе дочери, не имела ни сил, ни желания продолжать пустую, никчемную жизнь. Как-то утром ее нашли в постели бездыханной, с улыбкой на устах. Каким-то чудом оказалось, что в Эшлине заночевал странствующий монах. Он благословил душу Аделизы и помог похоронить несчастную, прежде чем отправиться своей дорогой. Следующий дом, куда он зашел, по странному совпадению принадлежал Хью де Варенну. Барон Хью с жадным интересом выслушал новости и отчего-то усмехнулся, узнав, что Ричард де Монфор и его сестра осиротели.

Два дня спустя он поспешил в дом де Монфоров и предложил заключить брачный союз между членами обеих семей. Молодой хозяин Эшлина согласился подумать над предложением барона. Тот пригласил его посетить дом де Вареннов. Ричард поехал, оставив Эльф на попечение старой нянюшки Айды. Один взгляд на Айлин де Варенн – и бедняга потерял голову. Создания прекраснее не было на земле: длинные шелковистые волосы цвета чистого золота и влажные синие глаза – словом, само совершенство. Но дело было не только в ее небесной красоте. Самый вид Айлин возбуждал в Ричарде безумную похоть. И хотя в манере девушки двигаться, говорить, улыбаться не было ничего особенно нескромного, каждый ее жест, каждое слово вызвали в нем такое неукротимое желание, что Ричард готов был ринуться хоть в ад, лишь бы завладеть ею.

Обе стороны договорились о браке. Ричард де Монфор женится на Айлин де Варенн, когда та войдет в подходящий возраст. Ну а тем временем следовало позаботиться о другом. Будущие родственники утверждали, что Айлин вряд ли подобает хозяйкой в дом, где живет другая высокородная особа женского пола. Кроме того, трудно ожидать, что молодая женщина согласится приглядывать за малюткой, и к тому же не своей, хотя подобное случалось. Ричард объяснял, что его сестра не будет обузой и к тому же за ней присмотрит старая няня, но де Варенны отказались уступить и продолжали настаивать, чтобы для Эльф нашли другой дом. Ричард предложил обручить девочку с одним из сыновей де Варенна, но барон Хью поклялся, что они, к сожалению, все уже сговорены.

Именно Мод де Варенн посоветовала поместить Эльф в монастырь Святого Фрайдсуайда.

- Не можешь же ты сам растить ее, - заявила она будущему зятю с улыбкой. - Девочке здесь не место, ведь ты женишься на Айлин, и у вас будут свои дети. В монастыре живут монахини ордена Святой Девы Марии. Они берут девочек на воспитание и таким образом получают средства к существованию. Некоторых обучают и готовят к супружеской жизни. Да и наша Айлин пробыла там год. Остальным предназначена участь невест Христовых. А ты не думаешь, что это самое подходящее место для твоей сестры, Ричард? Помести ее в монастырь Святого Фрайдсуайда, и ее будущее обеспечено. Там она будет в полной безопасности.

- И, - добавил барон Хью, - они возьмут всего половину приданого, которое тебе пришлось бы когда-нибудь выплатить мужу. Это умное решение. Ну, что скажешь?

- Я любила этот монастырь, - звонко засмеялась Айлин. - Мы там весело жили, а монахини

такие добрые. – Положив на его рукав изящную ручку, девушка промурлыкала:

– Твоя сестра будет там так же счастлива, как я с тобой, если, разумеется, ты выполнишь все условия папы.

И, блеснув жемчужными зубками, снова улыбнулась ему. Темные ресницы отбросили тень на бледные щеки, а пальцы на мгновение стиснули его запястье.

– Пожалуйста, Ричард, – шепнула она.

И он, конечно, согласился, потому что был готов любой ценой добиться ее. Ни с одной женщиной, кроме Айлин, он не будет счастлив!

Однако Ричард не стал делить приданое, как предлагал будущий тесть. Его отец отложил определенную сумму при рождении Эльф, и Ричард не позволит, чтобы родители на небесах мучились угрызениями совести за недостойного сына. И поскольку ни Айлин, ни ее семья не знали точной суммы, то и никаких ссор не возникло.

Первого мая Эльф исполнилось пять лет, и брат принял окончательное решение.

Теперь, возвращаясь домой, Ричард де Монфор предавался невеселым размышлениям. Старая Айда горько рыдала, когда он сказал ей, какую участь уготовил сестре, и на коленях молила не отсылать питомицу. Допытывалась, что за подлое создание должно стать женой лорда, твердила, что только женщина с сердцем змеи захотела бы избавиться от невинной малютки.

Сначала Ричард утешал старушку, нянчившую еще его отца, но Айда продолжала бушевать, и он наконец в гневе напомнил, что она всего лишь крепостная. Няня молча поднялась, игнорируя протянутую руку, окинула господина свирепым взглядом и гордо удалилась. С этой минуты она словно не замечала Ричарда, и хотя тому было не по себе, он все же не мог позволить, чтобы кто-то оскорблял его Айлин. Когда жена подарит ему сына, старая Айда смягчится и станет заботиться о малыше. Да и без того она скоро забудет о своем гневе. Поймет, что иного выхода не было. Айлин будет счастлива в Эшлине, а Ричард де Монфор сделает все для ее спокойствия и безопасности.

ЧАСТЬ I. ПОСЛУШНИЦА. Англия, 1152 год

Глава 1

Монастырь Святого Фрайдсуайда стоял на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на окружающую местность, называемую Херефорд. Отсюда было рукой подать до Уэльса.

Высокие каменные стены образовывали квадрат, на южной стороне которого была возведена церковь. От церкви начинались четыре тенистые аллеи, идущие по всему периметру к трапезной, где ели монахини и гости, зданию капитула, где они встречались с посетителями или выполняли различные работы по дому, и к кельям. Здесь были также специально отведенные помещения для учебы, кухня, лекарня, пивоварня, кладовая, стойла для животных, курятник и голубятня, не говоря уж о лекаре, нескольких мастерских и садике, где выращивались целебные травы.

Каждый день был расписан едва ли не по минутам. В полночь начиналась всеобщая, первая служба, за которой следовала еще одна. Потом монахини расходились по кельям. Заутреню служили в шесть утра летом и в семь – зимой. На этот раз к монахиням присоединились

воспитанницы. Потом все шли в трапезную, где подавался завтрак, состоявший из миски овсянки, кусочка хлеба с маслом и маленькой чашки сидра или эля для взрослых. После еды дети возвращались в спальни, застилали постели, подметали полы, выносили ночные горшки и открывали окна, чтобы проветрить помещение. А монахини тем временем собирались в здании капитула, обсуждали неотложные дела, читали письма, и настоятельница накладывала епитимью на согрешивших. В девять часов снова начиналась служба, на которой пели высокую мессу. Затем монахини принимались за повседневные работы: обучали детей, мыли, готовили, убирали, трудились в мастерских, где изготавливались простые металлические изделия и украшались изумительными цветными рисунками рукописи. Некоторые ухаживали за овцами и коровами, свиньями и птицей. В полдень служили очередную мессу, а в три и четыре часа – две вечерни, посещавшиеся только теми монахинями, у которых не было других дел.

Девочек наставляли с утра до пяти. Каждая умела читать, писать, знала сложение и вычитание, латинский, французский и английский, поскольку в Англии говорили именно на двух последних языках, но далеко не все воспитанницы знали оба, когда поступали в монастырь. Девушек, которым предстояло стать монахинями, учили шить и вышивать. Наиболее талантливым разрешалось рисовать картинки и переписывать священные книги. Некоторым, самым сметливым, предстояло входить в тонкости управления монастырским хозяйством, на случай болезни или отлучки матушки Юнис, аббатисы монастыря. Кроме того, им с детства было знакомо искусство целительства.

Девочки, которых родственники собирались выдать замуж, играли на каком-нибудь музыкальном инструменте, вышивали и учились присматривать за кухарками, то есть умели готовить, солить и коптить мясо и дичь, делать мыло для умывания и стирки, управлять помещьем в отсутствие мужа, заботиться о больных и ухаживать за ранеными.

Испуганная и одинокая, Эльф тем не менее быстро привыкла к жизни в монастыре Святого Фрайдсуайда. Сестра Катберт, та монахиня, что унесла ее от брата, оказалась невероятно доброй. Именно на ее попечении были шесть малышей. Пухленькая, с круглым розовым личиком и искрящимися юмором карими глазами, она явно сочувствовала новой воспитаннице, но не собиралась позволять девочке предаваться горю. Ворвавшись в спальню, она поставила Эльф на ноги.

- Вот тут ты будешь жить с новыми подругами, – весело объявила монахиня. – Ну же, познакомьтесь с Элинор де Монфор, которую все зовут Эльф. Ей пять лет.

- Не похоже, – протянула старшая из девочек, – Уж очень мала. Матильде Фицуильямс пять, а она куда выше.

- Но я выше и Изабо Сен-Симон, а ей шесть, – возразила Матильда, злобно зыркнув на десятилетнюю противницу, бывшую к тому же дочерью графа. – Природа всех нас создала разными, и ничего тут такого нет. – И, протянув руку Эльф, добавила:

- Можешь звать меня Матти, и уверена, мы с тобой подружимся.

У новой приятельницы были круглые голубые глаза и соломенные косички. Эльф робко выглянула из-за прикрытия – подола монашеского одеяния сестры Катберт.

- Мне исполнилось пять в майский праздник, – подтвердила она. – Это брат прозвал меня Эльфом, потому что я совсем не расту.

- У меня шесть братьев, – сообщила Матти, – поэтому меня и отослали сюда, в монахини. У семьи просто нет денег, чтобы выделить мне приданое. Мне тогда едва три исполнилось. А

мать умерла, когда рожала последнего брата. Тебе здесь понравится. Ты тоже будешь монашкой?

- Не знаю, - вздохнула Эльф.

- Тоже, - кивнула сестра Катберт. - А теперь, Матти, пора заниматься.

- Новенькая отстанет от нас! - воскликнула дочь графа.

- Ничего страшного, - жизнерадостно улыбнулась сестра Катберт. - Она самая младшая из вас, но, думаю, быстро нагонит. Эльф наверняка понравится учеба. Не думаешь же ты, Ирмагард, что она должна знать столько, сколько ты? В конце концов, ты живешь с нами уже четыре года и поступила сюда в шесть, а Эльф всего пять.

Добрая сестра не высказала, что, по ее мнению, Эльф далеко превзойдет Ирмагард.

Ирмагард Бувье покинула монастырь три года спустя после прибытия Эльф, чтобы готовиться к свадьбе с неким немолодым рыцарем. Он уже успел жениться дважды, и дети его были старше будущей мачехи. К этому времени Эльф и в самом деле оставила дочь графа далеко позади.

- К сожалению, она отнюдь не самая способная из воспитанниц, - коротко заметила сестра Катберт после того, как торжествующая Ирмагард, вне себя от восторга, отправилась к жениху.

А за стенами монастыря война разгоралась с новой силой. В 1139 году Матильда высадилась на побережье Англии. Два года спустя король Стефан был захвачен в плен, и дочь Генриха I и внучка Вильгельма Завоевателя с триумфом вошла в Лондон. Но претендентка на английский престол страдала излишней чванливостью и алчностью и немедленно возложила на народ ярмо непосильных податей. Ее тезка, жена Стефана, изгнала узурпаторшу из столицы, и в 1147 году та наконец навсегда покинула Англию. Ее преемником стал сын, Генрих Плантагенет, властитель Анжу и Пуату по рождению и повелитель Аквитании по праву брака с Алиенор Аквитанской, наследницей этого государства.

В 1152 году Эльф стала послушницей. Предполагалось, что она принесет монашеские обеты двадцать второго июня, в день празднования первого английского мученика, и Эльф решила, что возьмет его имя и отныне будет именоваться сестрой Олбен. Ее лучшая подруга Матти собиралась принять постриг в тот же день под именем сестры Колаамбы. Что же до третьей подруги, Изабо Сен-Симон, она намеревалась покинуть монастырь в конце лета и отправиться домой, в Ворчестер, где уже будет ждать жених.

Как-то поздней весной девушки сидели на склоне холма, присматривая за отарой овец. Две были одеты одинаково, в серые одеяния послушниц, третья нарядилась в ярко-красную тунику поверх синих юбок.

- Поверить не могу, - вздохнула Иза, - что тебе отрежут волосы. Эльф. Кровь Христова, я всегда им завидовала. Просто грех!

Она осторожно погладила золотисто-красные волосы подружки.

- Тщеславие не пристало невестам Христовым, - тихо возразила Эльф.

- Но ты вовсе не тщеславна! - запротестовала Иза. - Какая жалость, что тебя не выдадут

замуж. Эльф! Могу поклясться, что немало знатных мужчин дрались бы за право получить твою руку и готовы взять тебя совсем без приданого! Ты куда красивее меня и Матти. Страшно подумать, что через несколько месяцев нас навсегда разлучат! Пусть я вечно жалуясь, но, по правде говоря, мы неплохо проводили здесь время, верно?

- Да уж, приключений было немало, - лукаво хихикнула Матти.

- Скорее злоключений, - усмехнулась Эльф. - Я, бедняжка, изо всех сил старалась уберечь вас от неприятностей, Тебе пора исправиться, Матти.

- Матушка-настоятельница знает, что это невозможно, - пробормотала Матти. - Поэтому я вместе с сестрой Катберт буду заботиться о малышах. Настоятельница утверждает, будто к вечеру я буду так уставать, что не хватит времени на глупые проделки. Она говорит, что каждый по-разному служит Господу. А сестра Агнес сказала, что, если мой голос будет еще улучшаться, когда-нибудь я стану главной певчей. Вы же знаете, как я обожаю музыку!

- Но едва Матильда Фицуильямс станет сестрой Коламбой, - ехидно заметила Иза, - больше ей не придется ходить к амбару и подсматривать, как отец Ансельм охаживает молочницу своим огромным жезлом.

- Жаль, что ты отказывалась пойти с нами, - хмыкнула Матти. - Даже не представляешь, какого зрелища лишилась! Кажется, я приношу Господу огромную жертву и поняла это после того, как узрела мужчину и женщину в порыве страсти! Как противно, что у моей семьи нет средств выдать меня замуж за здорового парня. Но я смирилась с судьбой, и на душе легче при мысли, что я приношу Богу свою девственность.

- Не могу дождаться, пока мы с сэром Мартином ляжем в брачную постель, - вмешалась Иза. - Говорят, в первый раз ужасно больно, но потом все проходит «

Когда отец Ансельм втыкает свое толстое копьё в молочницу Хильду, она визжит от удовольствия.

- И дрыгает ногами, пока не сцепит их за спиной нашего доброго священника, - продолжала Матти. - Потом они качаются вверх-вниз, рычат, стонут и, наконец, успокаиваются. Мне так нравится, когда он кладет голову на ее пышные груди, а иногда, Эльф, не поверишь, даже сосет их, как грудной младенец. Ужасно интересно наблюдать за ними. Так возбуждает!

Эльф поспешно закрыла уши ладонями.

- Матти! Матти! Ты знаешь, что я не желаю слушать ничего подобного! Как тебе не стыдно сплетничать, да еще о нашем преподобном отце! Если не прекратишь, придется все рассказать матушке Юнис, а мне совсем этого не хочется! Как я боюсь за твою душу, Матти!

Матти подалась вперед и потрепала подругу по плечу пухлой ручкой.

- Не стоит расстраиваться из-за меня, Эльф. Как только я приму обеты, больше никаких визитов к амбару. Нельзя служить сразу двум господам, а мой хозяин - всемогущий Господь, не повелитель похоти и тьмы.

- Рада это слышать, Матти, - ответила Эльф, немного успокоившись.

Она искренне любила подруг, с которыми выросла. И не важно, что Изабо суетна, ведь ей скоро предстоит стать женой и матерью, но вот Матильда - дело иное. Мать-настоятельница

велела ей воспитывать малых детей. Эльф пришлось поговорить об этом с сестрой Катберт, но та, похоже, не приняла всерьез ее опасения.

- Некоторые девушки бегают к амбару, прячутся и подсматривают, как Хильда забавляется с любовником, - с тревогой сообщила Эльф и, понизив голос до шепота, неловко добавила:

- Даже те, которые должны принять постриг.

Сестра Катберт ответила почти слово в слово то же, что и Матти:

- Но они пока не монахини, малышка Эльф, и сгорают от любопытства увидеть, чего лишатся навсегда. Узрев плотскую любовь, они либо посчитают ее неприятной и будут рады избавиться от подобной мерзости, либо поймут, чего лишатся, если станут верно служить Господу. В этом нет вреда, доколе сами они остаются целомудренными. Почти все девушки бегали в сыроварню. Даже я, когда была очень молода, - призналась она потрясенной Эльф. - Не волнуйся, дитя мое. Из Матильды выйдет прекрасная монахиня.

- Но я не сказала... - начала было Эльф.

- Не сказала, - с улыбкой согласилась сестра Катберт. - Может, тебе стоит тоже побывать у амбара, прежде чем принять постриг?

- Никогда! - яростно воспротивилась Эльф, ожесточенно трясая головой. - Я стараюсь сохранить свою чистоту в целостности и неприкосновенности и прийти к Христу невинной невестой. Другого пути для меня нет.

- Каждый из нас выбирает свою дорогу, - утешила сестра Катберт и сменила тему:

- Сестра Унифред твердит, что лучшей ученицы у нее еще не было. Даже попросила матушку сделать тебя ее помощницей в садике с лечебными травами. Она уже немолода, дитя мое, и в один прекрасный день ты можешь занять ее место. Только не говори, что я сказала тебе, пока сама настоятельница не объявит.

Несколько дней спустя Эльф услышала о своем предполагаемом назначении и очень обрадовалась. Она любила старую монахиню, которая научила ее лечить раны и болезни. А в садике так мирно и спокойно! Летом все цветет, и в воздухе разливается благоухание. Какое счастье - знать свое место в твердом распорядке монастыря!

- Смотрите! - воскликнула Иза, возвращая ее к действительности. - К монастырю приближается всадник! Интересно, что за новости он везет! Кровь Марии! Смотрите, как солнце блестит у него в волосах! Совсем как золото!

- Это у меня волосы золотые! - возразила Матти.

- Не золотые, а желтые, как солома, а когда их срежут, смотри как бы коровы их не съели! - хихикнула Иза. - Никто не станет жалеть о твоих волосах. А вот личико у тебя миленькое.

- Надеюсь, через несколько лет ты пришьешь сюда свою первую дочь, так что я смогу рассказать ей, какой назойливой, скандальной особой была ее мамаша, - усмехнулась Матти.

- Вы обе просто ужасны, - упрекнула Эльф, но тут же присоединилась к хохочущим подругам. - Ох, Иза! Мне будет так не хватать твоей откровенности и острого, как кинжал, язвительного язычка! Буду молить Бога, чтобы сэр Мартин понял, какая чудесная жена ему досталась, пусть

и немного капризная.

- Мужчины любят капризных женщин, - возразила Иза.

- Но не жен, - мудро уточнила Матти. - Даже мне это известно. Когда отец искал невесту для моего старшего брата Симона, тот с ума сходил по дочери соседа, но мой батюшка услышал, что она довольно вздорная особа. Отец заявил, что нам нужна девушка поскромнее. Бедняжке соседской дочери исполнилось двадцать, прежде чем ей нашли подходящего жениха, и тот был немало удивлен, обнаружив на брачном ложе, что его жена вопреки всеобщему мнению девственна. Репутацию следует оберегать так же тщательно, как целомудрие, так по крайней мере твердит мой отец.

- Я была помолвлена с Мартином Ленгли с пяти лет. После обручения меня немедленно отослали в монастырь, - вставила Иза. - Уеду отсюда сразу после праздника урожая и выйду замуж. Подумать только, у меня нет никакой репутации! - пожаловалась она.

- Какой он, сэра Мартин? - полюбопытствовала Матти.

- Я не видела его со дня помолвки, но насколько помню, у него каштановые волосы и карие глаза. Ему было пятнадцать. Только что был посвящен в рыцари; кажется, у него на лице нет следов оспы, и внешность неплохая. Надеюсь, меня ждет Приятный сюрприз и его тоже, потому что тогда он видел перед собой сопливую девчонку. Я простудилась, и все, чего мне тогда хотелось, - лежать в теплой постели, но меня вытащили на свет Божий, одели в лучшее платье и повели в церковь. Вряд ли он меня разглядывал, может, только разок посмотрел в мою сторону, желая убедиться, что невеста не косяя.

Девушки снова захихикали, но тут же притихли, услышав чей-то голос. Это оказалась привратница, сестра Перпетуя. Добродушная монахиня махала рукой, подзывая подруг.

- Элинора де Монфор, немедленно спускайся! - кричала она. - Мать-настоятельница хочет тебя видеть. Эльф поспешно поднялась.

- Иду, сестра, - откликнулась она и, надев апостольник, спрятала под него длинные косы, смахнула травинки с одеяния и опасно осведомилась:

- Все в порядке?

Девушки дружно закивали, и Эльф поспешила к монастырю.

- Беги прямо в здание капитула, дитя мое, - , велела сестра Перпетуя. - Найдешь матушку вместе с гостем в зале.

- Кто он? - поинтересовалась Эльф. - Тот всадник, который только сейчас приехал в монастырь?

- Да, но я не знаю, кто он. Поспеши, дитя мое. Не заставляй настоятельницу ждать.

Эльф торопливо направилась к зданию капитула, большую часть которого занимал огромный зал. На одном конце стоял стул аббатисы, по обе стороны от которого тянулись скамьи, где каждое утро сидели монахини. Эльф приблизилась к стулу и низко поклонилась матери Юнис.

- Можешь встать, дочь моя, - разрешила та, и Эльф, почтительно склонив голову, поднялась.

- Это сэр Саэр де Бад, Элинор. Приехал, чтобы проводить тебя в Эшлин.

Эльф посмотрела на них с недоумением.

- Твой брат Ричард болен, дочь моя, и желает видеть тебя, - ответила настоятельница на невысказанный вопрос. Сэр де Бад - кузен твоей невестки, леди Айлин. Путешествие не слишком длинное, и если уедешь через час, будешь дома еще до заката. Сестра Катберт поможет тебе собрать вещи. Можешь оставаться дома сколько захочешь. Как только твой брат отпустит тебя, вернешься. И, видя, что Эльф умирает от желания заговорить, почтенная монахиня величаво кивнула:

- В чем дело, дочь моя?

- Мои обеты, матушка. Мы с Матильдой должны принять постриг двадцать второго июня, менее чем через три недели. Что, если я к тому времени не приеду? - со слезами спросила девушка.

- В таком случае, дитя мое, придется перенести обряд на более поздний срок. Помни, на все воля Божья, и ты должна послушно следовать по пути, предписанному Господом.

- Да, матушка, - ответила встревоженная Эльф. Если Ричард послал за ней, значит, случилась беда. За те девять лет, что она пробыла в монастыре, он приезжал лишь однажды, через полгода после того, как привез ее сюда. С ним была его невеста, Айлин, самое прекрасное создание на земле. Беда в том, что она не слишком обращала внимание на малышку, ставшую ее золовкой. И Дикон разительно изменился, стал рассеянным, раздражительным и непрерывно следил глазами за женой, словно никого, кроме нее, не замечал. Они пробыли совсем недолго, и с тех пор о Ричарде напоминали только ежегодные письма ко дню рождения сестры. Однако в этом году не было даже письма.

В невеселые мысли Эльф ворвался голос аббатисы:

- Иди с миром, дочь моя, и готовься к поездке. Сэр де Бад подождет тебя за воротами монастыря. Когда соберешься, иди к сестре Джозефе, и та даст тебе крепкую лошадку. С Богом, дитя.

Эльф поклонилась настоятельнице, повернулась и поспешила выполнить приказ.

- Мадемуазель Элинор - девушка из хорошего рода, милая и воспитанная, - пояснила настоятельница гостю. - Прибыла сюда в пять лет и с тех пор не выходила за ворота монастыря. Надеюсь, что вы будете обращаться с ней бережно и с надлежащим уважением. Прошу вас, никаких грубостей. Элинор, как вы понимаете, не привыкла общаться с лицами противоположного пола. Отец Ансельм - единственный мужчина, кого она знает.

- Разумеется, матушка, - кивнул Саэр. - Моя кузина прогневаается, если я расстрою мадемуазель. Что же, мне пора. Подожду мадемуазель у ворот.

Он направился было к выходу.

- Минуту, сэр, - резко бросила мать Юнис. - Каково истинное состояние Ричарда де Монфора? Не бойтесь, я ничего не скажу Элинор.

- Он умирает, - жизнерадостно заверил Саэр де Бад. Настоятельница безмолвно кивнула и после паузы проронила:

- Вы можете идти.

Она не сомневалась, что только близость неминуемой кончины могла заставить Ричарда послать гонца за сестрой. Слишком хорошо помнила мать Юнис Айлин де Варенн. Гордая, эгоистичная, надменная девчонка, которой ни до кого нет дела. Кроме того, после девяти лет брака Айлин оставалась бездетной! Даже до монастыря доходили слухи об этом. И если Ричард умрет, поместье Эшлин перейдет к Элино де Монфор. А это милое дитя вскоре должно принять обеты целомудрия и послушания. Поскольку монахиня не должна владеть никакими земными богатствами и даже ее бессмертная душа принадлежит Богу, Эшлин достанется монастырю Святого Фрайдсуайда.

Совсем неплохо. Мать Юнис давно заглядывалась на плодородные пахотные земли, примыкающие к владениям монастыря. Если продать Эшлин, на вырученные деньги можно купить вожделенные поля.

Настоятельница улыбнулась. Господь всегда отвечает на ее молитвы, пусть и не сразу. Иногда на это уходит больше времени, чем рассчитывает аббатиса.

Пока мать Юнис подсчитывала в уме будущие выгоды от наследства Элино де Монфор, Эльф стояла в спальне, растерянно осматриваясь.

- Я не знаю, что взять с собой, - пожаловалась она сестре Катберт. - Что мне может понадобиться?

- Еще одна юбка, две туники, все три сорочки, чулки, гребень и пара перчаток для верховой езды. Дам тебе свои. Руки у нас почти одинаковые. Сверху накинешь плащ.

Продолжая говорить, сестра Катберт собрала вещи и аккуратно завернула в темную тряпку.

- Иди облегчись, дитя мое, - велела она. - Тебе придется проехать целых восемь миль. Потом умойся и надень чистый апостольник. Этот выглядит так, словно ты сидела на нем на траве, что, вероятнее всего, так и есть. Сейчас принесу тебе новый.

Эльф стянула измятый апостольник и отправилась выполнять приказания.

- Вы скажете Матти и Изабо, куда я уехала, сестра Катберт? И что вернусь, как только смогу?

Монахиня кивнула, поправила белоснежный головной убор воспитанницы и заметила:

- Эта поездка будет настоящим приключением, дитя мое, а ты заслуживаешь хотя бы малого развлечения, прежде чем посветишь жизнь нашему милосердному Господу. Мы станем молиться за твоего брата. Эльф. Не страшись за него, ибо все мы в руках Божьих. Пойдем, я отведу тебя к сестре Джозефе, присмотрю, чтобы она дала тебе приличного коня. Она всегда норовит всучить того злосчастного мула, который идет только куда пожелает, а не куда стремится попасть бедный наездник. Ты слишком молода, чтобы самостоятельно справиться с сестрой Джозефой, а я многое повидала.

Обе женщины отправились в конюшню, маленькое строение на западной стороне монастыря. Как и предсказывала сестра Катберт, сестра Джозефа вознамерилась оседлать своего любимого мула, но на этот раз у нее ничего не вышло.

- Выведи белую кобылу, - потребовала сестра Катберт.

- Но она предназначена для матушки-настоятельницы, - запротестовала старая монахиня.
- Мать-настоятельница больше не выезжает. В отличие от Элинора де Монфор. Этот мул никому не подчиняется, кроме тебя, и ты это знаешь.
- Но неизвестно, сколько она пробудет в отлучке, а если настоятельнице понадобится лошадь, что я скажу? - не уступала сестра Джозефа.

Сестра Катберт повернулась к Эльф:

- Ты можешь приказать крепостным брата вернуть кобылку через день-другой? Уверена, что, когда захочешь вернуться, он позаботится, чтобы сестра получила хорошую лошадь. Таким образом, и волки будут сыты, и овцы целы.

Эльф кивнула.

- Ну так и быть, - смягчилась сестра Джозефа. - Только смотри, Элинора, чтобы через два дня кобыла была на месте.

- Обязательно, сестра, обещаю, - тихо вымолвила девушка. - И надеюсь, что сама приведу ее обратно.

Она погладила животное по бархатистому носу.

Кобылу оседлали, прикрепили к луке узелок с вещами Эльф и помогли девушке сесть в седло. Всех девушек в монастыре обучали ездить верхом на случай крайней необходимости. Эльф не думала, что когда-нибудь выедет за ворота, и, собирая поводья, почувствовала странное волнение. Она возвращается в Эшлин! Увидит Дикона и, используя полученные от монахинь знания, сумеет исцелить брата, в этом можно не сомневаться! Встретится со старой Айдой, если она все еще жива, конечно. Ну а потом вернется в монастырь, примет монашество и проведет остаток дней своих, служа Создателю. Эльф жалела лишь о том, что не успела перед отъездом перемолвиться словечком с Изой и Матти.

Сестра Катберт вывела лошадь вместе с всадницей из стойла, сестра Перпетуя отворила ворота, и Эльф оказалась на дороге. Сестра Катберт вложила повод в протянутую руку Саэра де Бала.

- Не гоните коней, - строго наставляла она молодого человека. - Леди не привыкла ездить верхом. Ну, с Богом, дитя мое.

Они потрусили вперед. Эльф успела заметить Изу и Матти, сидевших на склоне холма. Она хотела помахать подругам рукой, но постеснялась: вдруг о ней подумают плохо.

Саэр не выпускал поводьев, держа кобылу справа от своего жеребца. Несколько минут прошло в молчании. Наконец рыцарь спросил:

- Вам позволено разговаривать со мной, леди?

- Да. Мы не давали обета молчания.

- Вы не бывали в Эшлине с тех пор, как попали в монастырь, - утвердительно констатировал он.

- Так и есть, - кивнула Эльф. - Расскажите мне о моем брате, сэра. Тяжело ли он болен, и кто

его лечит?

- Ричард умирает, - без обиняков выпалил Бад.

- Господи милостивый! - воскликнула девушка и тут же густо покраснела, осознав, что употребила имя Господа всуе.

- Леди Айлин ухаживает за супругом с преданностью истинного ангела, - продолжал рыцарь. - Ваш брат - настоящий счастливчик.

- Но отчего он умирает? - допытывалась Эльф. - Что с ним, добрый мой господин? Надеюсь, за лекарем послали и он определил причину болезни?

- В Эшлине нет лекаря. Пришлось ехать в Вустер. Сначала болезнь вашего брата никому не показалась серьезной.

- В монастыре я помогала сестре-лекарке, - пояснила Эльф. - И намереваюсь осмотреть брата, хотя, конечно, не обладаю должным опытом. Но уверена, что смогу ему помочь.

- Леди Айлин будет вам крайне благодарна, - заверил рыцарь.

- Как вы попали в Эшлин? - полюбопытствовала девушка.

- Моя мать урожденная де Варенн. Я кузен леди Айлин. Ее семья посчитала, что я - самый подходящий для вашего брата союзник и сподвижник в ратных делах.

- Ричард наверняка согласился бы с вами, - вежливо ответствовала Эльф и надолго замолчала. Она видела невестку лишь раз. Айлин была той, что отняла у нее любимого Дикона. И даже ослепительная красота невестки не вызвала у девочки симпатий. А ведь Айлин была поистине прекрасна: волосы словно золотистый тростник в лунном свете, темно-синие глаза и кожа как сливки, а щеки лишь слегка тронуты нежным румянцем. И пахло от нее розами, восхитительное пьянящее благоухание, присущее истинно элегантным дамам. Согласитесь, пятилетней девочке в уныло-сером платье трудно полюбить такую женщину. Да и сама Айлин не сделала никаких усилий, чтобы согреть сердце покинутого ребенка. Визит был коротким и невеселым. Айлин все время простояла у окна, рассматривая двор, а Дикон что-то бормотал, почти не отрывая взгляда от невесты. Атмосфера в комнате для посетителей скоро стала невыносимой, и Ричард поспешил откланяться.

Но теперь бездетная чета решила послать за ней. Эльф про себя поклялась не судить строго Айлин, поскольку детские впечатления могли оказаться обманчивыми. Однако странно, почему столь зажиточные люди не могли позволить себе роскоши иметь лекаря в поместье!

Тем не менее она любит мужа и заботится о нем. Должно быть, сердце Айлин разрывается при мысли о том, что Господь не дал ей сыновей и дочерей.

» Я должна приветствовать ее как свою родную сестру. И полюблю ее ради Дикона. Разве наш Господь не завещал нам любить ближнего, как самого себя?«- решила Эльф.

- Так вы еще не приняли обеты? - снова заговорил Саэр де Бад. - И действительно желаете стать монахиней? Неужели никогда не стремились познать радости супружеской жизни, леди?

- Никогда. Думаю, мое истинное призвание - стать монахиней, - искренне призналась Эльф. - Я благословляю день, когда брат привез меня в монастырь, хотя сначала там боялась всего и

дичилась. Видите ли, я рано потеряла мать, а отца совсем не знала. Все, что у меня оставалось, – Дикон и старая няня Аида. Добрые сестры ухаживали за мной, учили и заменили мне родных. В один прекрасный день я поняла, как счастлива быть среди них, и решила получить привилегию служить Господу до последнего вдоха.

– Как я вас понимаю! – воскликнул де Бад. – Сам я всегда мечтал быть рыцарем и бороться за короля. Создатель исполнил мои заветные желания.

Снова воцарилось молчание.

– Как по-вашему, мы можем ехать быстрее? – осведомился наконец де Бад.

– Вероятно, но если я испугаюсь, вы остановитесь, сэр?

– Да, – пробурчал он, посылая лошадь в галоп.

Эльф поскакала следом, пригнувшись к шее кобылы. К своему удивлению, она неплохо держалась в седле. Оказалось, что это довольно легко. Легкий ветерок бил в лицо, а на душе росло ощущение полной свободы. Сестра Катберт всегда подшучивала над девушкой, утверждая, что и в стенах монастыря есть немало радостей и что Эльф слишком уж всерьез воспринимает жизнь.

Но уже через несколько миль девушка устала и попросила рыцаря остановиться.

– Простите, госпожа, вы такая тихая, совсем как мышка, и я почти забыл о вашем существовании. Вам, разумеется, не мешает отдохнуть. Эшлин уже недалеко. Позвольте помочь вам спешиться. – С этими словами де Бад приподнял Элинора с седла и опустил на землю. – Вон под тем склоном течет ручей. Хотите напиться?

– Нет, спасибо, – отказалась Эльф. – Разомну немного ноги, прежде чем продолжать путь. – И, осмотревшись, добавила:

– Мы уже на землях Эшлина? Слишком много лет прошло, но места кажутся знакомыми.

– О, леди, вижу, у вас прекрасная память. Мы действительно въехали во владения вашего брата. Еще две мили, и вы снова окажетесь дома, – широко улыбнулся де Бад.

Он добр и учтив, но почему в его присутствии ей не по себе? Может, она просто не привыкла к мужчинам? Или в нем действительно есть нечто неприятное?

Она искоса взглянула на рыцаря. Довольно привлекательная внешность. Коренастый, среднего роста, с золотистыми волосами и темноглазый. Лицо круглое и, правда, рябоватое, но это его не уродует. Короткая, тщательно подстриженная бородка и висячие усы, обрамлявшие рот, придавали ему вид зрелого мужчины. Хорошо, но не слишком ярко одет, в коричневатозеленые тона, и Эльф отметила, что сапоги хоть и поношенные, но сшиты из лучшей кожи.

Саэр де Бад сделал несколько глотков из фляжки, висевшей на поясе, вытер рот рукой и скрылся за кустами. Девушка покраснела, услышав предательское журчание. Вернувшись, рыцарь объявил:

– Так не желаете напиться? Тогда нам пора ехать. Эльф покачала головой. Она умирала от жажды, но боялась пойти к ручью из страха, что потом захочет облегчиться. Разве она осмелится на такое в обществе мужчины?

- Едем, сэ, - попросила она. - Мне не терпится поскорее добраться до Эшлина.

Он снова посадил ее в седло и отступил.

- Благодарю вас, сэ. Теперь я не свалюсь.

Рыцарь коротко кивнул и, вскочив на жеребца, повел ее лошадь в поводу. Наконец густой лес расступился, и с вершины очередного холма Эльф увидела свой родной дом - небольшое каменное здание, освещенное заходящим солнцем. Сердце девушки сжалось, и, сама того не замечая, она пришпорила кобылку и помчалась по лугу, не обращая внимания на разбегавшихся овец. Спутник, вначале растерявшись, последовал за послушницей, несколько удивленный ее смелостью. Он не ожидал ничего подобного от столь милой покорной девицы.

Рыцарь ухмыльнулся. Да, следующие несколько дней скучать не придется! А вдруг под мышино-серыми одеяниями и белоснежным апостольником скрывается живая и отнюдь не глупая особа? Айлин такого, разумеется, не ожидает! Вряд ли это ей понравится, но его кузина достаточно осторожна, чтобы не делать опрометчивых поступков. То, что началось как простое поручение привезти сестру Ричарда де Монфора, обернулось весьма интригующим, а может, и выгодным дельцем. Пожалуй...

Сэр де Бад снова усмехнулся.

Глава 2

Молодой слуга помог Эльф слезть с седла.

- Добро пожаловать домой, леди, - прошептал он. И хотя девушка не узнала его, все же вежливо поблагодарила.

- Пожалуйста, присмотри, чтобы за кобылой хорошо ухаживали, - попросила она паренька. - Это лошадь настоятельницы, и ее следует вернуть в монастырь через два дня.

Слуга кивнул.

- Я сам позабочусь о ней, госпожа, - пообещал он. - Я Артур, внук Айды. Не думаю, что вы меня помните.

- Ну конечно, помню! - воскликнула Эльф. - Мы играли вместе, и, когда мама умерла, ты принес мне маргаритки, которые сорвал на лугу. И плакал, когда я уезжала. Как сейчас вижу: стоишь рядом с бабушкой, шмыгаешь носом и вытираешь глаза рукавом. Да благословит тебя Бог, Артур, и уберезет от беды!

Артур торжественно кивнул и, улыбаясь, повел кобылку к конюшне. Но тут ворвавшийся в ворота на полном скаку де Бад окликнул девушку:

- Подождите, госпожа, я провожу вас к брату. - Он соскользнул на землю и, схватив Артура за шиворот, приказал:

- Эй, парень, возьми и моего коня!

- Вы очень добры, сэ, но я помню дорогу, - отмахнулась Эльф.

Де Бад шагнул вперед и стиснул ее руку.

- Леди, мне было ведено привезти вас в Эшлин, и я не выполню поручения до конца, если не приведу вас к кухне и ее мужу, - процедил он и повел Эльф в главный зал. - Кухина, я вернулся!

Айлин де Монфор, растянув губы в улыбке, поспешила к вошедшим.

- Добро пожаловать в Эшлин, дорогая Элинор! - воскликнула она. - Жаль только, что повод для твоего визита столь печален.

Эльф внезапно сообразила, что невестка могла бы послать за ней раньше, в более спокойные и счастливые времена, но тут же постаралась выбросить из головы непрошеную мысль. Приветственно протягивая руки, она направилась к Айлин и расцеловала ее в обе щеки.

- Да благословит тебя Бог за то, что позвала меня, Айлин. Твой кузен рассказывал, как преданно ты заботишься о Ричарде, а теперь я здесь и помогу тебе. Где мой брат?

- Вон там. - Айлин показала на стоявший у очага топ-Чан. - Сейчас он спит, но проснется, если ты окликнешь его. Я оставляю вас одних, поговорите свободно, вспомните прошлое. Пойдем, кузен. Я хочу немного прогуляться по саду, подышать свежим воздухом.

Эльф даже не заметила ухода новоявленных родственников. Бедняжка в ужасе воззрилась на спящего брата. Настоящий скелет, обтянутый желтовато-серой кожей! Некогда красивый мужчина теперь стал почти уродом: впалые щеки, резко выдающиеся скулы, слишком большой для исхудавшего лица нос. Когда-то густые волосы поредели, и теперь он почти облысел.

Эльф встала на колени у ложа брата.

- Дикон, - позвала она со слезами на глазах, - наконец я дома и помогу тебе поправиться.

Глаза Ричарда медленно открылись. Костлявые пальцы сжали ее руку.

- Кто ты? - прохрипел он.

- Это я, Дикон, Эльф! Твоя сестра. Распустив тонкие завязки апостольника, она тряхнула головой и храбро улыбнулась.

- Эльф, - прошептал он, - это в самом деле ты? Ты выросла.

- Надеюсь, что так, братец. Прошло девять лет с тех пор, как мы виделись. Я собираюсь принять постриг, но тут приехал сэр де Бад и сказал, что ты тяжело болен. Знаешь, я помогала монастырской лекарке и, наверное, сумею тебя вылечить.

- Я умираю. Эльф, - печально усмехнулся Ричард, - и мне уже никто не поможет. Когда я покину этот мир, сестра, Эшлин будет твоим.

- Но что станет с Айлин? - пробормотала пораженная Эльф. - Ведь она твоя жена, Дикон. И поместье должно перейти к ней.

- По закону ей причитается вдовья часть, и она возвратится к де Вареннам, - возразил Ричард. - Эшлин твой. Ты еще не постриглась и, если такова будет твоя воля, найдешь мужа. Эшлин невелик, но может стать неплохим приданым. Оставь в монастыре те деньги, что я внес. Так будет вполне справедливо. Что ни говори, а монахини заботились о тебе все это время.

- Но мне не нужен муж, - запротестовала Эльф. - Я готова служить Господу, Дикон, и, кроме

того, не позволю тебе умереть. Я знаю все целебные травы. Расскажи, что тебя мучит. Когда ты заболел?

- Больше года назад. Сначала ныл живот, и я не мог есть жирное, но через день или два все проходило. Потом мне все чаще становилось плохо. Все внутренности горели огнем. Я ослабел так, что почти не мог ходить, ездить верхом и даже стоять. Потом хворь внезапно отпустила, и я вроде как немного приходил в себя, только чтобы снова свалиться. Теперь я ничего не могу удержать в животе и, как видишь, почти лишился зубов и волос. Я понимаю, конец недалек, Эльф, и не верю, что ты исцелишь меня, сестричка.

- Но я попытаюсь, - перебила она. - Обязательно попытаюсь, Дикон.

- Хуже, чем сейчас, мне уже не будет.

- Почему у тебя нет детей? - прямо спросила Эльф.

- Айлин бесплодна, хотя я не смею сказать ей правду, ибо это разобьет ей сердце. У меня два сына и дочь от крепостных женщин, только не говори ей ни слова. Она уверена, что во всем моя вина, хотя это не так. Ты сохранишь мой секрет, Эльф, правда? Я признался тебе в грехе, а разве ты не связана обетом хранить тайну исповеди?

Но ведь Ричард так любил жену! Почему же искал утешения в постелях других женщин?

Однако Эльф решила, что это ее не касается. Сейчас главное - здоровье брата!

- Можешь положиться на меня, Дикон, - успокоила она его. - А теперь усни. Я тем временем попрошу Айлин отвести место для моих трав. Нельзя терять ни минуты. А где старая Аида?

- Она не разговаривает со мной с того дня, как тебя отправили в монастырь. Ноги ее не было в этом доме.

- Я найду ее, и она поможет мне вылечить тебя, Дикон, - выдохнула Эльф и, поднявшись, окликнула служанку:

- Где хозяйка дома?

- В саду, госпожа.

- Отведи меня к ней и отправляйся на поиски Айды. Передай, что я дома и нуждаюсь в ее помощи. Девушка последовала за служанкой в сад, утопавший в цветущих розах. По дороге она отметила, что, пока мать была жива, за садом ухаживали куда заботливее.

Оглядевшись, она заметила невестку. Та сидела в самом дальнем конце сада, рядом с кузеном. Они о чем-то шептались, склонив друг к другу головы. Служанка поспешила прочь, а Эльф громко окликнула Айлин. Та вскочила словно ужаленная и бросилась к Эльфу.

- Господи, как ты меня напугала, Элинора! Щеки женщины полыхали, и от этого она казалась еще красивее.

- Не хотела беспокоить тебя, сестрица, но мне нужно где-то развесить и разложить травы. Я видела Дикона, и боюсь, он действительно тяжело болен. Молю Бога о том, чтобы он сотворил чудо.

- Я тоже, дорогая сестра, - мило улыбнулась Айлин. - Вон там стоит небольшой амбар. Думаю,

он тебе подойдет. Пойдем, посмотришь.

Теперь она намеренно игнорировала де Бада. Грациозно покачивая бедрами, обтянутыми голубой юбкой, она повела гостью по тропинке. От аромата роз кружилась голова. Важные шмели громко жужжали у белых, розовых и красных бутонов, собирая нектар. Эльф покорно пошла за невесткой в другой конец, где возвышалось убогое, скорее похожее на лачугу строение.

- Годится? - медоточиво осведомилась Айлин.

- Что ж, если нет ничего лучшего... сойдет и это. Ты позволишь мне взять несколько крепостных, чтобы кое-что тут переделать?

- Ну конечно! В конце концов, это и твой дом! - с едва уловимым ехидством заверила Айлин, но Эльф успела уловить неприязненные нотки в голосе невестки.

Айлин знает, что, если Дикон умрет, Эшлин достанется Эльф! Знает и злится.

- Спасибо, - поблагодарила она вслух. Айлин пожала плечами.

- Теперь я тебя оставлю, Элинора, - обронила она и поспешила назад.

- Дитя мое! Это в самом деле ты? - По тропинке ковыляла согбенная старушка.

- Аида! - обрадовалась Эльф, обнимая няньку. - Дикон сказал, что ты вот уже девять лет как не разговариваешь с ним! Какая ты недобрая! Но теперь, боюсь, мой несчастный брат нуждается в нашей помощи.

- Ты здесь, детка, и я снова переступлю порог этого дома и помирюсь с лордом Ричардом. Я поклялась не делать этого до твоего возвращения и сдержала слово. - Старушка решительно выдвинула вперед сморщенный подбородок. Зеленоватые глаза жестко блеснули.

- А если бы я не вернулась, Аида? - мягко спросила девушка. - Неужели ты позволила бы Дикону сойти в могилу без твоего прощения?

- Как я могла простить его, когда он предпочел эту женщину своей родной сестре?! - свирепо выпалила Аида. - Святым долгом и обязанностью хозяйки Эшлина было вырастить младшую сестру мужа после смерти матери, да упокоит Господь чистую душеньку леди Аделизы! Куда более знатные и богатые невесты воспитывали маленьких братьев и сестер своих супругов, а то и их детей от предыдущих браков! Эта же не пожелала помочь мужу!

- Ты ее не любишь, - тихо заметила Эльф. - Но почему? Ведь не только из-за того, что Дикон отослал меня!

- Началось с этого, - призналась Аида бывшей воспитаннице. - Но все эти годы я наблюдала, как она обводит вокруг пальца твоего бедного ослепленного брата. Он воображает, что и солнце и луна светят именно для нее! Представь себе, она не привела с собой ни одного слуги, хотя родители вполне могли дать ей сколько угодно крепостных! И мы быстро поняли почему, дитя мое. Придирчивой, капризной, ей ничем не угодить, хотя перед твоим братом она строит из себя истинного ангела. А без него бьет слуг за малейший проступок или жалуется лорду Ричарду, а тот наказывает виновных. Она подлое создание, настоящая ведьма. Остерегайся ее!

- Но ее кузен утверждает, будто она преданно и нежно ухаживает за Диконом, - возразила

Эльф.

- Ха! - фыркнула Аида. - Если он в самом деле ее кузен. Заявился в Эшлин год назад. А вскоре после этого твой брат впервые заболел. Ты же знаешь, прежде он был само здоровье и сила!

По спине девушки пробежал холодок страха. Не может быть!

Она упрямо покачала головой:

- Уверена, что это всего лишь совпадение, Аида. Не стоит плохо думать об Айлин только потому, что Дикону неможется. Я сужу о ней по нашим встречам, и до сих пор она не сделала мне ничего плохого. Приветливо встретила и отвела этот амбар, где я собираюсь хранить травы.

- Еще бы она не была с тобой приветлива, - прошипела Аида. - Ты единственная родственница ее мужа и его наследница!

- Мой брат не умрет. Я многому научилась от сестры Унифред. Мать-настоятельница пообещала, что, когда я приму обеты, стану помогать в лекарской. Больше я ничего не прошу у Господа нашего. Ну а теперь поищем метлы и как следует уберем амбар, чтобы я без опаски могла разместить там свои травы.

- Ты слишком невинна и добросердечна, - вздохнула Аида, спеша выполнить приказ юной хозяйки.

Из-за деревьев как по волшебству появились несколько крепостных и принялись расчищать годами копившиеся мусор и паутину. Рядом разложили костер и нагрели воду для мытья полов и стен. Двое мускулистых парней успели вырыть колодец и обложили его каменной оградой в половину человеческого роста. В землю вбили деревянный столб и подвесили журавль, чтобы легче было доставать ведра с водой. В амбаре сделали крепкую дверь, прорубили два окна и затянули их бычьим пузырем, пропускавшим свет и предохранявшим помещение от холода. Пол аккуратно вымели, а стены выбелили. Сколотили полки, на которых Эльф предполагала разместить травы и снадобья, поставили стол и стулья. Уже через неделю все было готово.

Все это время она, как могла, старалась облегчить страдания брата, поила его подслащенной ячменной водой в тщетной попытке очистить его внутренности от неведомой хвори. Эльф почти сразу же поняла, что невестка почти ничего не делает для мужа. Только благодаря Аиде больному ежедневно меняли простыни, обтирали тело и давали лекарства. Именно старая нянька вылечила ужасные пролежни, смазывая их сначала яичными белками, чтобы облегчить боль, а потом накладывая мазь, приготовленную Эльф из бараньего жира и желудей. Однако Айлин была вежлива с сестрой мужа, в зале царила чистота, и еду подавали вовремя. По вечерам хозяйка сидела вместе с кузеном по другую сторону очага. Парочка тихо шепталась о чем-то, пока Ричард дремал. Эльф, устроившись у ложа брата, вышивала, чтобы скоротать время, и гадала, действительно ли намеки Айды имели под собой основание, или бедняжка Айлин попросту находит утешение в обществе родственника.

Нет, она не должна допускать столь злобные и несправедливые мысли, журила себя Эльф. Айлин и сэр де Бад не делали ничего дурного и постоянно находились на глазах.

- Боже, прости меня, - молилась девушка, - за несправедливые мысли о жене брата. Аида просто сварливая старуха. Ей не о ком заботиться, а ведь она всю жизнь посвятила детям, вот и злится теперь.

Эльф принялась бормотать молитву Деве Марии, вздыхая о мирной жизни в монастыре.

Сын Айды Джон и внук Артур сложили в лекарне небольшой, вделанный в стену полукруглый очаг из сланца и камня. Закончив работу, они просверлили дыры в боковой стенке и вделали железные стержни, на которых можно было развесить котелки. Они даже вывели на крышу дымоход, и амбар окончательно превратился в уютный домик. Мужчины по-детски обрадовались, когда Эльф горячо их поблагодарила.

- Ничего особенного мы не сделали, госпожа, - тихо вымолвил Джон. - Мне незнакомо искусство врачевания, но вряд ли вам стоит выходить из дома каждый раз, когда понадобится горячая вода. Особенно если погода испортится!

- Надеюсь, я не слишком отвлекла вас от основных обязанностей, - откликнулась Эльф. - Не хотелось бы, чтобы хозяйка дома рассердилась на вас.

- Все крепостные рады услужить вам, леди Элинон, и не нуждаются в указаниях людей вроде этого рыцаря. Он ничего не понимает в хозяйстве, хоть и кичится сверх меры. Простите мои откровенные слова, миледи, но матушка твердит, что вы слишком хороши для нашей грешной земли, и я не позволю, чтобы вам причинили зло, - объявил Джон и, поклонившись, добавил:

- Мы принадлежим вам, госпожа, и станем защищать вас до последней капли крови.

С этими словами отец и сын удалились, оставив недоумевающую Эльф в новых владениях.

Всю последнюю неделю Эльф с молодыми девушками бродила по полям и лесам в поисках трав и ягод. Девушка с радостью обнаружила в кладовой запас желудей. Какое счастье, ведь до осени их не будет!

От прошлого урожая в житнице осталось немного пшеницы и ячменя. Эльф набрала две полные корзинки и, поджарив ячмень, смешала с сушеными винными ягодами. Хорошее средство от чирьев. Неподалеку от житницы росли кустики каперсов, поистине бесценного лекарства от множества хворей, включая зубную боль, прострел и колики. Мед Эльф отыскала в дупле полусгнившего дерева и собрала в огороде морковь, кабачки, огурцы, порей, лук-репку, чеснок, а также шпинат, салат, пастернак и свеклу. Кроме того, там же росли горчица, мята, шалфей, петрушка и укроп. На соседнем лугу Эльф обнаружила девясил.

Скоро на стенах и полках сушились пучки целебных трав. Глиняные горшки до краев наполнились фиалками, корнями одуванчика, луковицами крокуса, а также винными ягодами и финиками, которые Эльф взяла на кухне. Она очень удивилась, отыскав столь редкое лакомство, но кухарка объяснила, что леди Айлин обожает сладости.

Артур расчистил и вскопал небольшой участок земли, где Эльф посадила те травы, которых не смогла найти на огороде, включая мелкую ромашку.

Дикон, похоже, слабел с каждым днем, несмотря на все усилия сестры, но число ее пациентов из обитателей поместья все росло. Когда пораженная таким нашествием девушка стала расспрашивать Аиду, та ответила, что леди Айлин не слишком искусна в целительстве и терпеть не может это занятие.

- Но разве не долг госпожи заботиться о своих людях? - пробормотала Эльф. - Хочешь сказать, что все эти годы она отказывалась лечить недужных?

- Вот именно. И кроме того, так и не дала твоему брату наследника, хотя у него есть дети от

крепостных. Ни разу не перебинтовала рану, не сварила ни одного снадобья. Никчемная ведьма!

- Но Дикон любит ее, - тихо возразила Эльф. Аида фыркнула:

- Много счастья это принесло ему, как же! Когда бедный лорд Ричард уйдет на небо, ты станешь куда лучшей хозяйкой!

Эльф промолчала. Спорить с Айдой не имело смысла. С той самой минуты, когда Айлин переступила порог нового дома, старуха возненавидела жену господина. Все же Эльф тревожила невестка. Не далее как вчера вечером она заметила, как Айлин кормит Дикона засахаренными фруктами, его любимым, но строго-настрого запрещенным сестрой лакомством. И это не впервые! Эльф так и подмывало как следует отчитать невестку, но она ограничилась лишь мягким упреком. Айлин сначала приняла покаянный вид, но потом презрительно скривила губы.

- Айлин, ты не должна давать Дикону ту еду, которая ему вредна, ибо мне нелегко справиться с его недугом. Сладости расстраивают его живот. Я знаю, что ты не желаешь ему зла, но не нужно баловать мужа только потому, что любишь его. Следует быть построже.

- А если бы заболел я? Вы так же заботливо пеклись бы и обо мне? - вмешался Саэр.

Эльф нашла его улыбку крайне неприятной.

- Облегчать страдания больных - мой долг как целительницы и служанки Господа нашего, - сухо обронила Эльф.

- Ухаживай за мной вы, и я мгновенно бы поправился, - вкрадчиво продолжал де Бад. - Из рук столь прелестной особы я готов принять самое горькое лекарство.

Эльф покраснела и отвернулась, прекрасно сознавая, как неприличны его комплименты. Да и он сам должен понимать, что истинный рыцарь не может говорить в подобной манере с невестой Христовой. Она низко склонилась над вышиванием, но не пропустила мимо ушей злобного шипения невестки, хотя слов не расслышала.

- Как смеешь ты флиртовать с этой благочестивой сучкой? - прошептала Айлин кузену. - Будь Ричард здоров, прикончил бы тебя за подобные речи! Ты спятил?

- Нет, но я думаю о нашем будущем в отличие от тебя, милая кузина. Разве не мы с тобой все это затеяли и не потому ли выманили малышку из монастыря? До сих пор ты все делала как нужно, Айлин. Не позволяй ревности и зависти все испортить. Помни, я люблю тебя, а не монашенку. Владей я поместьем или замком, мы могли бы убедить твоего отца отдать тебя мне, а не Ричарду.

- Но ты нищий, - уничтожающе бросила Айлин.

- Верно, зато, женившись на твоей золовке, получу все. И Эшлин станет моим. Ну а когда внезапно овдовею, ты снова станешь здесь хозяйкой. - Его глаза, темно-синие, почти черные, обожгли ее страстным взором. Локон золотистых волос свесился на лоб. Айлин хотелось отвести его, но она боялась, что кто-то заметит слишком интимный жест.

- Она не выйдет ни за тебя, ни за кого другого, - злобно процедила Айлин. - До этого я виделась с ней всего однажды, сразу после свадьбы. Он привез меня в монастырь

познакомиться с сестрой. По-моему, надеялся, что я предложу забрать ее. Глупец! Тогда она была совсем ребенком и ничего не понимала, зато теперь достаточно взрослая, чтобы знать, чего хочет. Трудно представить, почему она так рвется в монахини! Она довольно хорошенькая и с таким приданым, как Эшлин, может легко поймать достойного мужа. Но ей никто не нужен, кроме Иисуса Христа. Не тебе тягаться с Господом нашим, кузен.

- Если мы не сможем ее уговорить, остается лишь один способ, Айлин. Я возьму ее силой. Ни один монастырь не примет испорченный товар. Поверь, я сумею лишиться ее невинности и хорошенько попользоваться, прежде чем она изменит свое решение.

- Неплохо, - одобрила Айлин. - Надеешься, что она будет сопротивляться, когда ты захочешь ею овладеть?

- Вероятно, - мрачно хмыкнул Саэр. - Хочешь помочь мне, Айлин?

Синие глаза Айлин широко раскрылись.

- Как?! - почти со страхом прошептала она, понимав, что вступает на опасную почву. Временами Саэр пугал даже ее, хотя, нужно признаться, сейчас заинтриговал.

- Среди моих вещей есть одна, называемая дилдо, которую я приобрел в мавританской лавке в Херефорде. Это штука запрещенная, достать ее нелегко, но мавр знает мои вкусы. Она вырезана в форме мужского достоинства из полированного ясеня. - Он коварно усмехнулся. - После того как я ворвусь в храм Венеры маленькой монашки, ты, наверное, пожелаешь взять ее другую девственность через ворота Содомы? Дилдо можно держать в руке или прикрепить к поясу ремешками и изобразить мальчика, дорогая кузина. Как тебе это понравится?

Щеки Айлин покраснелись от сладострастных мыслей и образов. Непристойность и порочность предложения туманила голову.

- Да! - выдохнула она. - О да, Саэр!

- В таком случае не будь ревливой дурой, - спокойно заметил он.

Аида, сидевшая на другом конце зала, с подозрением поглядывала на парочку.

- Видите, как она разругалась, миледи, - заметила она. - Интересно, что такого он ей сказал? Наверняка что-то, не предназначенное для ушей порядочной женщины. Уверена, именно они отравили лорда Ричарда.

- Как ты можешь говорить подобное? Это грех! И откуда ты такое взяла?

- Ты слишком долго вела уединенную жизнь, - возразила Аида. - Следует видеть вещи в истинном свете. Ваша невестка - женщина коварная. Может, она и заискивает перед тобой, но это ничего не меняет. Мы боимся за тебя. Когда умрет господин, ты останешься с этими людьми! Вполне возможно, они любовники, госпожа. Слуги видели, как он несколько раз выходил из ее опочивальни. Но не можем же мы жаловаться больному господину. А вот ты должна знать!

- Не понимаю, - охнула Эльф. - Разве она не любит Дикона, Аида? Как она может изменять мужу?!

Доброе морщинистое лицо Айды стало грустным.

- Не думаю, что жена господина любит кого-то, кроме себя, - вздохнула она, погладив руку девушки. - Она может только брать и понятия не имеет, как жертвовать собой. Ты, дитя мое, дело другое. С детства приучена служить нашему Господу. Леди Айлин не представляет, что это такое. Она хочет своего кузена и желает получить Эшлин.

Эльф, расстроенная словами Айды, беспомощно озиралась. Пусть она невинна и провела юность в монастыре, глупой ее не назовешь. Она давно подметила нежные отношения невестки и де Бада. Кроме того, ее тревожило, что Дикону становилось хуже каждый раз после того, как жена соблазняла его сладостями, засахаренными фруктами и миндалем. Неужели Аида права и Айлин дает мужу яд? Немыслимо! Но вполне вероятно.

Девушка вздохнула. Жаль, что рядом нет Изы и Матти или хотя бы сестры Катберт, истинного оплота здравого смысла. Она совсем одна и так же беспомощна, как крепостные брата, не в силах доказать свои подозрения, вынужденная молча наблюдать, как угасает брат.

Раздумья девушки были прерваны появлением рыцаря в сопровождении эконома Седрика. Незнакомец назвался сэром Ранульфом де Гланвилем и объяснил, что возвращается из Уэльса, куда ездил по поручению короля. Настоящий великан, и голос низкий, бархатистый.

- Надеюсь, вы дадите мне приют на ночь, господин? - спросил он Ричарда. Хозяин Эшли как раз проснулся и открыл глаза.

- Добро пожаловать, сэр рыцарь, - гостеприимно, хоть и едва слышно, объявил Ричард и посмотрел в сторону Айлин, которая приветливо улыбалась, но не сделала ни малейшей попытки позаботиться об удобствах гостя. - Это моя жена, леди Айлин, - пояснил Ричард, очевидно, надеясь, что жена догадается исполнить долг хозяйки. Айлин снова улыбнулась, но не двинулась с места.

- И моя сестра, леди Элинон, к которой перейдет Эшлин после моей смерти, - добавил Ричард, разгневанный столь открытым пренебрежением к хорошим манерам.

Аида украдкой подтолкнула Эльфа, и та поспешила подняться.

- Добро пожаловать в Эшлин, добрый сэр, - учтиво приветствовала она де Гланвиля. - Аида, пожалуйста, принеси гостю еды и вина. Садитесь у огня, сэр, погрейтесь, пока вернется Аида. День слишком ветреный и дождливый для июня. - И, забрав его плащ, пообещала:

- Я прослежу за тем, чтобы его высушили к завтрашнему утру.

- Спасибо, госпожа, - поклонился Ранульф. - Вы так добры, и я благодарен за гостеприимство.

Он сел, осматривая собравшихся. Еще один мужчина, смутно знакомый. Вероятно, они встречались при дворе. Красавица жена хозяина и его столь же прекрасная сестра. Судя по серому одеянию, либо послушница, либо монахиня. Но нет, длинная золотисто-рыжая коса не острижена, значит, девушка еще не дала обеты. Как жаль, что такое прелестное личико скоро скроет апостольник. Ей бы мужа хорошего и детей.

Его размышления были прерваны подошедшим мужчиной.

- Я Саэр де Бад. Мы вместе сражались за короля, - сообщил он. - Госпожа этого дома - моя кузина. Я живу здесь весь последний год, помогая в делах ее мужу, который, как видите, тяжело болен.

Ранульф де Гланвиль встал и протянул руку.

- Мне вы сразу показались знакомым, сэр де Бад. Он подумал, что этот человек слишком напыщен и крайне бестактен. Ведет себя словно владелец поместья!

- Вина! - громко воскликнул де Бад. - Почему не несут вина? - Он с хозяйским видом шагнул к высокому столу. - Садитесь сюда, сэр. Слуги сейчас подадут ужин.

Не зная, что происходит в доме, и не желая показаться грубым, посланец короля подчинился. Прекрасная леди Элинор собственноручно поставила перед ним блюдо с едой и тарелку с ломтями хлеба. Ранульф с удовольствием узрел хорошо провяленную оленину, тушеного кролика, толстый ломоть окорока, горошек и кусок сыра. Слегка улыбнувшись, девушка вручила ему деревянную ложку. Поняв, каким голодным он, должно быть, выглядит, рыцарь покраснел так, что румянец пробился даже сквозь покрывавший щеки загар, склонил голову, перекрестился, произнес молитву и принялся есть. Наконец, подобрав остатки соуса хлебом и допив вино, Ранульф с удовлетворенным вздохом выпрямился.

- Леди, вы прекрасно ведете хозяйство, - одобрил он.

- Это дом моего брата, - скромно ответила Эльф.

- Насколько я понял, вы вернулись из монастыря, чтобы помочь невестке. Сумели ли вы вылечить брата, леди? И не могу ли я что-то сделать для вас?

- Дикон умрет, - выдохнула Эльф, впервые открыто признав то, что так долго таила в сердце. У этого рыцаря такие добрые глаза... на минуту она даже забыла об одиночестве. - Я многое узнала от нашей монастырской лекарки и травницы. Говорят, что я ее лучшая ученица, но едва мне кажется, что наступило улучшение, как на следующий день брату становится хуже. Это произошло уже трижды за то время, что я нахожусь здесь. Никак не могу разгадать причину недуга. Рано или поздно мне придется сдаться, - со слезами на глазах прошептала девушка.

- Говорите, так и не смогли определить, что мучит его? - тихо переспросил рыцарь.

- Что-то с животом. Иногда его терзают такие боли, что он кричит и бьется в судорогах. Его постоянно слабит. Он потерял почти все волосы и зубы. Кожа желтовато-серая. И хотя он всего на десять лет старше меня, кажется совсем дряхлым. Все, что я могу, - позаботиться о его удобствах. Но меня изводит сознание собственной беспомощности.

- У него всегда было слабое здоровье? - осведомился де Гланвиль.

- О нет! По словам нашей бывшей няни Айды, еще год назад он был крепок, как молодой дубок, - заверила Эльф, но, тут же вспыхнув, добавила:

- Совсем забыла, что брат просил вас поговорить с ним, прежде чем отправитесь на покой. Я уже велела постелить вам на скамье у очага, и вы прекрасно проведете ночь.

Рыцарь поднялся из-за стола и почтительно поклонился девушке:

- Я немедленно иду к вашему брату. Еще раз спасибо за гостеприимство, леди Элинор.

- Хорошего вам отдыха, сэр, - кивнула Эльф.

- Не знал, что вы так поднаторели в искусстве флирта, красавица, - многозначительно

подмигнул де Бад, едва рыцарь отошел. – Это добрые монахини научили вас любовным играм? Жаль только, что меня вы не замечаете, а я сражен вашей прелестью.

Он потянулся к ее руке, но Эльф поспешно отдернула пальцы.

– Почему обычную вежливость вы толкуете столь странным образом? – резко бросила она и, не выдержав, выпалила:

– И почему так долго живете здесь? Вряд ли в вас тут нуждаются, сэр. Дикон скоро умрет, и неприлично жить в одном доме с двумя женщинами в отсутствие старших родственников. Не хотите же вы очернить имя своей кузины?

Она не ожидала, что так обозлится.

– А за свою репутацию не боитесь? – с издевательской усмешкой поинтересовался он.

– Зачем? Все, кто знает меня, не сомневаются в моем целомудрии, поскольку я невеста Христова. Моя репутация незыблема, но как насчет Айлин, сэр? – возразила Эльф и сошла с возвышения в зал. Сегодня она уступила сэру де Гланвиллю свою скамью, самую удобную в зале. Сама девушка вместе с Айдой предпочитала дежурить у постели больного. Айлин спала в маленькой комнате рядом с комнатой для рукоделия, а Саэр де Бад проводил ночи в каморке на чердаке.

Ричард де Монфор приветствовал королевского посланца и пригласил сесть рядом.

– У меня к вам поручение, сэр, если, конечно, согласитесь его выполнить, – начал он. – Мы с женой бездетны. По закону наследования Эшлин должен перейти к моей сестре Элинор. Приданое жены будет ей возвращено, и Айлин вернется к родным, де Вареннам. Она молода и красива, и ей без труда найдут нового мужа. Утром я попрошу сестру написать мне завещание, ибо в монастыре она получила прекрасное образование и умеет читать и писать. Она сделает три копии. Одна будет храниться у меня, вторую попрошу доставить к Вустерскому епископу, а третью – королю. Не хочу, чтобы у кого-то оставались сомнения относительно моей последней воли. Я уже приказал слуге после моей смерти немедленно отправляться к епископу и все сообщить. Епископ должен уведомить короля. Я вверяю безопасность и судьбу сестры его величеству королю Стефану. Вы сделаете это для меня сэр? – слабеющим голосом dokonчил хозяин Эшлина.

– С радостью, – пообещал Ранульф де Гланвиль. Ричард облегченно кивнул:

– Благодарю вас, сэр. Не нравится мне кузен жены. Слишком много себе позволяет, но я терпел его ради Айлин, потому что она, похоже, его любит. Однако в последнее время я заметил, какие взгляды Саэр де Бад бросает на мою младшую сестру, когда думает, что этого никто не видит. Словно хищник, которому не терпится наброситься на жертву. Эльф так невинна! Она не сумеет защитить себя от такого человека.

Эльф. Какое очаровательное прозвище!

– Как долго пробыла ваша сестра в монастыре? Моя юная родственница Изабо Сен-Симон тоже там живет. Правда, этой осенью она должна выйти замуж.

– Иза – одна из двух лучших подруг Эльф, – отозвался Ричард. – Вы обязательно должны сказать сестре, что мадемуазель Изабо с вами в родстве. Я отвез Эльф в монастырь вскоре после того, как ей исполнилось пять. Сначала погиб наш отец, потом умерла мать. Я обручился

с дочерью де Варенна, и он посчитал несправедливым, что Айлин должна заботиться о чужом ребенке. Это они посоветовали отослать Эльф в монастырь. Зная, что приданое сестры невелико, они предложили также, чтобы она дала монашеские обеты. Думаю, это было хорошим решением. Все эти тревожные годы Эльф находилась в безопасности. Она девушка мягкая и добрая и идеально подходит для выбранного ей пути, в противном случае я боялся бы, что после моей смерти ее ждут немалые беды.

Ричард побледнел сильнее обычного и закашлялся.

- Может, теперь, унаследовав поместье, она предпочтет выйти замуж? - заметил Ранульф. Ричард покачал головой:

- Скорее передаст Эшлин монастырю. Пусть делают с ним все, что найдут нужным. Супружество не для Эльф. А теперь простите, мне нужно отдохнуть. Я очень слаб, несмотря на то что целыми днями лежу.

Ранульф кивнул молодому слуге, которому предстояло дежурить у постели хозяина, и направился к своей скамье. К его удивлению, оказалось, что рядом стоит миска с теплой водой. Он вымыл жирные после ужина руки, вытер куском полотна и вздохнул. Какая жалость, что молодая хозяйка выбрала путь отречения и покаяния. Она стала бы прекрасной женой даже для графа!

Рыцарь снял блию, аккуратно сложил, расшнуровал кожаный камзол и стянул сапоги. Пожалуй, раздеваться до камизы

ни к чему.

Решив облегчиться, он вышел из дома, немного погодя вернулся и плотно прикрыл за собой дверь.

Слуга разбудил его на рассвете. Подали завтрак, состоявший из горячей овсяной каши, свежего хлеба, сыра, масла и темного эля. Поев, Ранульф подошел к постели Ричарда, где Эльф старательно переписывала вторую копию завещания. Лицо девушки было пасмурным. Ранульф молча устроился рядом с топчаном. Глаза больного были закрыты, воздух со свистом вырывался из пересохших губ. Ранульф де Гланвиль перекрестился и сложил руки в молитве, хотя его мозолистые руки были куда более привычны к мечу. Взор зеленовато-карих глаз то и дело обращался к склоненной головке девушки.

- Ну вот, осталась еще одна копия, - вымолвила она наконец. - Документ не слишком длинный, сэр. Постараюсь не задержать вас. Должно быть, вам не терпится отправиться в дорогу и доложить королю о выполненном поручении.

И она снова занялась делом.

Ранульф поднял пергамент. Завещание было коротким и предельно ясным. Ричард де Монфор, законный владелец Эшлина, будучи бездетным после девяти лет брака с Айлин де Варенн, оставляет дом, земли, крепостных, скот и все имущество единственной наследнице - своей сестре Элинор де Монфор, с тем чтобы Айлин было возвращено приданое.

Тут Ранульф удивленно поднял брови. Де Варенны были щедры, возможно, даже слишком. Очевидно, готовы были любой ценой сбыть с рук дочь. Интересно, почему? Леди очень красива и из хорошей семьи.

Завещание заканчивалось просьбой Ричарда известить о его желаниях его величество короля Стефана и его светлость епископа Вустера. Епископу за труды передавались шесть овец и молодой баран.

- Готово, сэра, - объявила Эльф.

Ричард подписал бумаги и скрепил печатью подпись и свернутый пергамент. Он был так слаб, что слуге пришлось придержать его за плечи. Но сначала Ранульф де Гланвиль подписал каждую копию в качестве свидетеля.

- Что это вы делаете? - осведомилась Айлин, появляясь в зале рука об руку с Саэром. Восхищенный ее внешностью, Ранульф подумал, что они прекрасная пара.

- Диктовал Эльф завещание, - тихо пояснил Ричард. - Ранульф де Гланвиль его засвидетельствовал. Эльф сделала три копии, и наш добрый гость согласился отвезти одну епископу Вустерскому, а вторую - его величеству. Их я назначаю душеприказчиками. Эльф получает Эшлин.

- Еще бы! - выпалила Айлин. - Я знаю, только вот в толк не возьму, зачем монашке поместье. Что она будет с ним делать? Построит новый монастырь?

- Как только я приму постриг, мне не разрешат иметь собственные владения. Вернувшись в монастырь, я передам все права на Эшлин моему ордену. Поместье будет принадлежать сестрам Святой Девы Марии.

На какое-то кратчайшее мгновение лицо Айлин перекосила уродливая гримаса, исчезнувшая так же быстро, как появилась. Да ведь она ненавидит золовку! Что же, вполне понятно. Отсутствие детей лишит ее спокойной самостоятельной жизни и дома. Она, разумеется, это переживет, но кто может ее осудить за вполне человеческие эмоции?

Ранульф взял два свитка и поднялся..

- Обещаю все передать по назначению и стану молиться за вашу душу, господин мой, - с поклоном поклялся он.

- Спасибо, - обронил Ричард.

- Ваш плащ, господин, - напомнила Аида, подходя к нему.

- Да он совсем как новый! - изумился рыцарь.

- Просто хорошо вычищен, - резко бросила старуха. - Для этого Господь и создал женщин. О мужчинах следует заботиться, это очевидно. С Богом, господин!

Он накинул плащ на широченные плечи и попрощался со всеми. Эльф была последней, к кому он подошел.

- Ваша доброта сняла с моей спины тяжкий груз усталости, и я благодарен за это. Мне предстоит долгий путь. Спасибо вам.

- Да благословит вас Господь, сэра Ранульфа. Я буду поминать вас в молитвах.

Рыцарь поклонился ей и оставил дом.

- А меня? Будете ли вы поминать и меня в молитвах, леди? - спросил сэр де Бад, едва посланец короля скрылся из виду.

- Как и всех остальных, - коротко бросила Эльф и, не сдержавшись, с ехидцей добавила:

- Думаю, что вы нуждаетесь в молитвах куда больше, чем этот добрый рыцарь. Аида, нам понадобится чистое белье для Дикона. Я пойду принесу, пока вы с леди Айлин будете его мыть.

И девушка, не дожидаясь ответа, поспешила к бельевой. Таи пахло лавандой и дамасскими розами. Услышав за спиной шаги, Эльф обернулась и оказалась лицом к лицу с де Бадом.

- Вы еще прекраснее, чем моя кузина, - начал он.

- Ваши слова и мысли крайне неприличны, сэр, - прошипела Эльф, раздраженная близостью этого человека. Но голос ее не дрожал, и она не отступила ни на шаг.

Взгляд темно-синих глаз пригвоздил ее к месту.

- Я нахожу тебя бесконечно желанной, Элинор де Монфор, и поскольку ты еще не приняла постриг, считаю, что могу тебе это сказать.

- Но в своем сердце я давно уже монахиня, сэр, и ваше излишнее внимание мне неприятно, мало того, оскорбительно. Пожалуйста, посторонитесь и дайте пройти! Мне нужно отнести белье.

Он засмеялся, и Эльф заметила слегка пожелтевшие зубы, портившие красивое лицо. Протянув руку, он поймал прядь тонких волос, потер и поднес к губам.

- Какие мягкие!

Эльф с отвращением поморщилась. Теперь она поняла, почему монахиням коротко стригли волосы. Женские волосы - поистине дьявольское искушение, и лучше лишиться их навсегда, чем терпеть подобные вещи!

- Немедленно отпустите!

Но вместо ответа Саэр обвел пальцем ее губы.

- Так и просят поцелуев, - вкрадчиво пробормотал он. Эльф затошнило. Не в силах сдержаться, она извергла содержимое желудка прямо на рыцаря. Рвота забрызгала небесно-голубое сюрко. Де Бад в ужасе отступил, бормоча проклятия. Только тогда Эльф представилась возможность протиснуться мимо. Оказалось, что она каким-то образом даже не выпустила из рук белье. Голова отчаянно кружилась, но она бежала, пока не встретила молодую служанку.

- Отнеси это в зал. Я должна выйти на воздух, - пробормотала девушка и, выскочив из дома, помчалась на луг, где паслись овцы с ягнятами. Наконец она уселась под толстым дубом, подтянув колени к груди. Дикон умирает, и она бессильна спасти его. Вес ее искусство бесполезно, и, того хуже, она жалела, что брат за ней послал. Как было бы хорошо вновь очутиться в монастыре? Уже почти конец июня, близится Иванов день. Матти скорее всего придется принимать постриг одной, пока подруга застряла здесь, в Эшлине. За все эти годы Дикон навестил ее один раз. Почему вдруг он ощутил желание увидеться с сестрой? Он мог бы

умереть, а она – унаследовать Эшлин без всех этих церемоний. Ее присутствие здесь совершенно ни к чему.

А если брат чувствовал себя виноватым за то, что отослал ее в угоду невесте? Зря он мучится. Она почти сразу привыкла к монастырю и была счастлива в обществе других девочек. Может, Дикон все понял перед смертью и пожалел, что обидел сестру? Похоже, между ним и Айлин нет особой любви. Наверное, в прошлом он уступал ее малейшему капризу, вымаливая хотя бы крупницу ее внимания? Если бы только Айлин родила Дикону детей. Но этого не случилось.

Эльф испуганно вздрогнула: кто-то бесцеремонно плюхнулся на траву рядом с ней. Поняв, что это Артур, девушка облегченно вздохнула.

- Слава Богу, это ты, – сказала она, вытирая глаза рукавом.

- Я видел, как ты выбежала из дома, словно за тобой сам сатана гнался.

- Именно он, в образе Саэра де Бада. Имел наглость проследовать за мной в бельевую и попытался поцеловать. Он и раньше заговаривал со мной в совершенно неприличной манере. Вроде как пытался ухаживать, – призналась Эльф.

- Может, так оно и есть. Эльф. Он на все способен, – кивнул Артур, но тут же покраснел, сообразил, что с языка сорвалось прозвище госпожи. Совсем как в детстве!

Но Эльф положила руку ему на плечо.

- Для тебя я по-прежнему Эльф, – прошептала она. – Но что нужно от меня этому ужасному человеку? Я монахиня и ничем не давала ему понять, что изменила решение принять постриг. Наоборот, мне не терпится вернуться в монастырь.

- Но скоро ты станешь наследницей прекрасного поместья. Сэр де Бад – младший сын. У него ничего нет. Думаю, что, если бы Эшлин унаследовала не ты, а леди Айлин, он бы женился на ней. Но увы, леди Айлин вернется к родителям. Что ты намереваешься сделать с Эшлином и с нами?

- Поместье отойдет к моему ордену, – сообщила Эльф. – Не знаю, что решит мать-настоятельница. Может, сдаст в аренду рыцарю, которому нужен свой дом, а может, и продаст, но это не важно. Ты и остальные принадлежите Эшлину и тут останетесь.

- Но без вашей семьи. Де Монфоры всегда владели поместьем.

- Не совсем, – возразила Эльф. – Во времена Завоевателя Эшлин принадлежал саксонцам. Дочь хозяина вышла замуж за де Монфора, и Эшлин отдали ей в приданое. Моя прапрабабка Ровена делала все, чтобы сохранить владения. Летописи гласят, что ее братья погибли в битве при Гастингсе, а отца тяжело ранили, но его мужество заслужило благодарность короля Вильгельма. Он велел одному из рыцарей, первому Ричарду де Монфору, отвезти сэра Эдмунда домой, в Эшлин.. Там Ричард и встретил леди Ровену и полюбил с первого взгляда. Я унаследовала от нее цвет волос. Говорят, что хотя бы один ребенок в каждом поколении рождается рыженьким, – заключила Эльф, но тут же рассмеялась: два любопытных ягненка, подобранных совсем близко, стали жевать ее мягкие туфли. – Какие миленькие! – воскликнула она, глядя животных, и со вздохом добавила:

- Наверное, мне пора.

- А как же кузен госпожи? - встревожился Артур.

- Меня вывернуло прямо на него, когда он попытался меня поцеловать. Надеюсь, отныне он станет держаться как можно дальше из страха, что у него не останется чистой одежды.

Артур залился смехом.

- Уж я бы точно на три шага не подошел к такой дерзкой девчонке, - едва выговорил он и, протянув руку, помог ей подняться. - Эльф, я, конечно, всего-навсего слуга, - пробормотал он, внезапно став серьезным, - но если он снова станет тебе докучать, скажи мне - Артур, слуга, ударивший знатного человека, неминуемо будет приговорен к смерти. Не хотелось бы, чтобы твоя гибель была на моей совести. Не дай Бог!

- Есть много способов проучить зарвавшегося негодяя, будь он крепостной или рыцарь. И совсем не обязательно бить его или убивать, - подмигнув, сообщил Артур. - Но нельзя позволить, чтобы этот грубиян преследовал тебя в твоём же доме. Эльф. Не волнуйся. Мы что-нибудь придумаем.

- Спасибо, Артур, - кивнула девушка и зашагала к дому. На сердце стало немного легче.

- Где ты была?! - взвизгнула Айлин, когда Эльф вошла в зал. - Мне пришлось самой сменить белье Ричарду, а эта злосчастная старуха исчезла как раз тогда, когда понадобилась мне! Заявила, что принесет воды, чтобы вымыть моего супруга, и еще не возвращалась!

- Хочешь остаться со мной или поискать Аиду? - перебила Эльф, откровенно возмущенная нытьем и жалобами. Айлин давно пора сделать хоть что-то для собственного мужа!

- О, поищи се сама! Ричард опять заснул. Кстати, где мой кузен? Если мне приходится торчать тут часами, не мешало бы хоть немного побыть в его обществе.

- Я иду за Айдой, - коротко бросила Эльф.

- А я уже здесь! - объявила няня, появляясь в зале с большой миской. - Вам стоит помнить, леди, что я уже не так молода и дряхлые ноги не слушаются.

Айлин мгновенно подскочила.

- Не могу сидеть и смотреть, как умирает муж, - заявила она и поспешила прочь.

- Не так уж ты стара и, когда нужно, бегаешь не хуже молодой, - упрекнула Эльф. - Что тебя так задержало? Хотела, чтобы она немного побыла с Диконом?

- Наткнулась на ее кузена, заляпанного блевотиной, - буркнула Аида. - Он просто выл от злости. Потребовал, чтобы я постирала его одежду, а потом вылил всю теплую воду на себя. Какой он мужчина, если не может удержать выпитый с утра эль? Ладно, пойдем вымоем господина.

Эльф подошла к топчану и осторожно тронула брата за плечо.

- Дикон, дорогой, проснись. Мы с Айдой умоем тебя. Веки Ричарда медленно поднялись.

- Эльф, - прошептал он, - прости, что отослал тебя. Я не должен был, не должен был так поступать.

По его телу прошла судорога. Голова бессильно свесилась набок.

- Господь и благословенная Дева Мария, упокойте его несчастную душеньку! - вскрикнула Аида и, перекрестившись, всхлипнула.

Потрясенная, Элинор недоуменно уставилась на безжизненное тело брата. Глаза Ричарда смотрели в никуда.

- Он мертв, - выдохнула она наконец и, тоже перекрестившись, упала на колени. - Иисусе милостивый, прости меня за то, что не смогла спасти его. Ты видишь, я пыталась, но не хватило ни сил, ни умения, - зарыдала Эльф.

- Она отравила его, - злобно прошипела Аида. - Убила мое дитя, и я проклинаю ее! Он просил привезти тебя с полгода назад, но она и не подумала подчиниться. Покарай ее Господь! Покарай ее Господь!

Услышав гневные речи старушки, Эльф на миг забыла о своей скорби и обняла Аиду.

- Тише, тише. У нас ведь нет доказательств. Признаюсь, у меня тоже были подозрения, но ни одной улики. Тебя могут казнить за то, что несправедливо очернила Айлин. Пойми же, Аида, нужно держать язык за зубами.

- И позволить ей избежать наказания за убийство господина, моя дорогая госпожа? - взорвалась Аида.

- А чем ты докажешь, что она преступница? Мы даже не можем открыто обвинить ее, - убеждала Эльф. - Но Господь все видит, и поверь, Аида, кара его неотвратима. Мы должны верить Богу.

- Ради тебя одной я промолчу, - пообещала Аида. - Теперь ты - хозяйка Эшлина, и мой долг - подчиняться. Отпусти меня, дитя мое. Мы должны обмыть тело господина, и приготовить к погребению.

- Может, нужно позвать Айлин? - спросила Эльф.

- Не стоит, пока он не будет обряжен. Пойду за саваном, - вздохнула Аида.

Эльф присела рядом с топчаном и стала молиться. Всякий, кто войдет в зал, предположит, что Ричард де Монфор спит.

Когда старушка вернулась, они вместе раздели Ричарда и осторожно обмыли. Девушка старательно отводила глаза от его мужского достоинства и предоставила Аиде обтереть низ живота покойника. Потом они завернули Ричарда в саван, оставив голову непокрытой, чтобы скорбящие могли посмотреть на него в последний раз. Перед положением в могилу лицо прикроют. Какое оно мирное и спокойное!

Эльф коснулась его холодной восковой щеки. Из ее глаз покатались слезы. Разве заслужил ее бедный брат такую участь? Неужели Аида права и его действительно отравили? Странно, что Дикон так внезапно заболел, ведь он всегда отличался крепким здоровьем.

Наклонившись, она поцеловала его в лоб и сказала Аиде:

- Пошли Артура за священником. Дикону нужно отпустить грехи перед погребением. И вели

плотнику сколотить крепкий гроб. Мой брат будет лежать в зале, чтобы все крепостные и слуги успели с ним попрощаться.

- Гроб уже сделан, госпожа, - сообщила Аида. - Я велю его принести и положить в него тело. Артур съездит за преподобным отцом. Боюсь, его придется привезти из монастыря. Здесь поблизости нет ни одного священника.

- Хорошо, - согласилась Эльф. - Схожу за Айлин. Она направилась к хозяйским покоем, находившимся как раз возле зала. Приоткрыв дверь, девушка увидела у очага невестку и ее кузена, занятых оживленным спором. Айлин первая услышала скрип двери и обернулась.

- Что тебе надо? - рассерженно выпалила она, красная от гнева.

- Твой муж мертв.

- О Боже! - Она беспомощно взглянула на де Бада. - Слишком рано. Он не может умереть! Не может! Неужели ты так ничего и не сумела сделать, Элинора?!

- Я всего лишь человек, Айлин. Не мне становиться на пути смерти, - раздраженно ответила Эльф. - Ты знала, что конец недалек.

- Но именно сейчас! - проныла Айлин.

- Такова воля Божья.

- О, прекрати свои благочестивые бредни! - взвизгнула Айлин, топая ногой. - Ты же получила все, что хотела с самого начала! Эшлин теперь твой! Ненавижу! Ненавижу тебя!

Она разразилась слезами. Саэр де Бад поспешно обхватил лапищами кузину.

- Она не это хотела сказать, Элинора, я уверен! Просто расстроена кончиной мужа, - заверил он.

- Меня разлучили с Эшлином в пять лет, и притом по твоему требованию! - взорвалась Эльф, не в силах сдержать давно копившуюся ярость. - Леди куда высокороднее и богаче воспитывают мужниных сестер, братьев, детей от предыдущих браков и даже бастардов! А ты лишила дома маленькую девочку! Счастье еще, что я нашла доброту и участие в монастыре! Я никогда не стремилась получить Эшлин! И если бы ты дала брату наследников, меня бы тут не было! Твои отпрыски унаследовали бы все. Но ты не выполнила своего долга перед Диконом, оставшись бездетной, так что по закону Эшлин теперь мой, хотя, повторяю, я никогда его не желала!

Айлин подмяла голову с плеча Саэра.

- Я хотела детей, - всхлипнула она, - но твой брат оказался слишком слаб по мужской части, чтобы дать их мне.

- Нет, леди, это вы - бесплодная смоковница! У моего брата есть дети от крепостных девушек! - выпалила Эльф и тут же осеклась, но было уже поздно. Слезы Айлин мгновенно высохли.

- Что-о-о?! - протянула она.

- У брата трое детей от других женщин, - свирепо прошипела Эльф. Она не позволит этой негоднице чернить имя Дикона, а если это грех, покается отцу Ансельму, когда вернется в

монастырь. Сейчас самое главное – защитить брата.

- Лгунья! Лгунья! – взывала Айлин. Ее обычно бледное лицо словно распухло и покрылось красными пятнами. – Мерзкая лгунья! Ненавижу!

- Я монахиня, Айлин, а монахини не лгут, – спокойно возразила Эльф. – Это ты повинна в том, что Ричард умер бездетным.

- Где эти ублюдки?! – завопила Айлин. – Я велю их прикончить вместе с потаскухами мамашами! Где они?!

- Ты пальцем никого не тронешь, Айлин, – твердо объявила Эльф. – Отныне ты здесь никто. Я госпожа Эшлина, в жилах этих детей течет моя кровь, и все они под моей защитой. Попробуй причинить им зло, и я напущу на тебя церковь. Посмотрим, как ты станешь держать ответ перед епископом.

Эльф спокойно повернулась и вышла из комнаты.

- О Боже, – охнула Айлин, цепляясь за кузена.

- Ты и вправду дура. Еще глупее, чем я думал, – покачал головой Саэр. – Нажила врага в Элинора, а ведь мы нуждаемся в ее дружбе.

- Но ты слышал, что она сказала? Слышал? Я бесплодна! У Ричарда трое детей от каких-то потаскух, – твердила охваченная паникой Айлин. – Теперь ты не захочешь меня!

Она прильнула к нему, рыдая и что-то бормоча.

- Не мели чушь, Айлин. Конечно, я тебя хочу, всегда хотел, и никакие дети нам не нужны. Просто придется внести изменения в наш план. Я заставлю монашку выйти за меня. Если нужно, силой потащу к алтарю. После того как она родит мне сына, мы от нее избавимся, а ты вырастишь мальчишку как своего. Представь, она может даже умереть родами, а если не выйдет, подождем немного. Парень даже не узнает, что ты ему не родная мать. Какая разница, кто его родил? Он будет моим сыном, Айлин. И твоим.

- Мне противно, что тебе придется с ней спать, – шмыгнула носом Айлин.

- Знаю, знаю, – кивнул он, глядя ее по волосам, – но ничего не поделаешь. Это единственный выход, ведь ты не дашь мне дитя. Кроме того, меньше подозрений возникнет, если я сначала женюсь на другой и получу наследника. А когда монашенка вернется к своему Создателю, мы будем вместе.

- Но откуда мы знаем, что она не солгала? – тихо обронила Айлин. – Может, и я сумею подарить тебе младенца, Саэр. Уверена, что она нас обманывает.

- Нет, в ней нет ни капли притворства. – Она Поистине невинна. Думаю, Элинора не собиралась говорить тебе об ублюдках Ричарда, но ты довела ее до этого своим дурацким поведением и отсутствием всяких чувств по поводу смерти мужа. Теперь она, должно быть, прочтет сотню молитв, чтобы искупить грех, – хмыкнул де Бад. – Иди в зал и отдай мужу последний долг. Мы так ждали этого дня, моя милая кузина!

- Не боишься, что они нас заподозрят?

- Эти простолюдины? Да и Элино́р пробыла здесь всего несколько недель. Слишком недолго, чтобы предположить неладное. Нет, никто не знает, что мы убили твоего мужа, Айлин. - Он нежно улыбнулся вдове. - Когда твой отец отдал тебя де Монфору, разве не я обещал тебе, что мы обязательно будем вместе? Я сдержал слово, Айлин. Теперь тебе остается потерпеть еще немного. Доверься мне, и мы получим и Эшлин, и наследника. Поклянись, что будешь терпеливой. Если снова потеряешь выдержку, мы лишимся всего, а может, и жизни. Поняла, Айлин? Немедленно помирись с Элино́р, красавица моя.

- Но что, если я все же рожу тебе дитя? - настаивала она.

- Если бы могла, давно бы родила, Айлин. Я брал тебя едва ли не каждую ночь с тех пор, как приехал в Эшлин, даже когда ты бывала нечиста. Но ты ни разу не зачала, а я, подобно твоему мужу, наплодил немало бастардов, включая девчонку, родившуюся здесь всего пару месяцев назад.

- О негодяй! - взвизгнула она, пытаясь наброситься на него с кулаками.

- Прекрати выть, сука! - оборвал он. - Мужчина имеет право забавляться с крепостными девками! А теперь пошла вон! И веди себя как подобает порядочной скорбящей вдове! Наше будущее обеспечено, если ты сумеешь держать голову низко, а вспыльчивость - в узде.

Он отпустил ее и подтолкнул к двери. Айлин обернулась и окинула его уничтожающим взглядом.

- Когда ты принудишь монашку? Чем скорее мы начнем, тем быстрее всего добьемся.

- погоди, сначала я попробую ее улестить.

- Как сегодня? У тебя не так много одежды, любовь моя, не стоит ее портить.

- Я сделал ошибку, слишком поторопившись. С юными девственницами нужно обращаться осторожно. Я хотел помочь ей донести белье, а она не так меня поняла.

Айлин презрительно фыркнула:

- Скажи лучше, позволил похоти взять над собой верх! Не лги мне, любовь моя, я слишком хорошо тебя знаю! Что же, придется унижаться перед новой госпожой Эшлина, притворяться убитой горем. Попрошу у нее прощения, и она смягчится, поскольку вообразить не способна, что я лгу.

- Элино́р отнюдь не дура, Айлин, - предупредил любовник. - Пусть она чиста и невинна и далека от коварства брэнного мира, но глупой ее не назовешь. Постарайся изобразить истинное раскаяние. Помни, никто в этом доме тебя не любит. Ты прослыла недоброй и придиричливой госпожой. Они постараются на каждом шагу отыскать повод, чтобы пожаловаться на тебя новой хозяйке. Элино́р они знали с рождения и не одобрили, когда ты убедила Ричарда ее отослать. Взять хотя бы старую Аиду. Она терпеть тебя не может!

- Но с чего это я была обязана растить чужое отродье? - огрызнулась Айлин. - Выйдешь после моего ухода, - добавила она и исчезла.

Тело усопшего уже лежало в гробу, на дубовых козлах. В каждом углу были поставлены подсвечники с восковыми свечами. В головах и изножье возвышались большие кувшины с живыми розами. Руки мертвеца сложили на груди, а поверх поместили распятие. Жалкие

остатки волос были аккуратно причесаны. Челюсть туго подвязали, а веки придавили медными монетками. Ричард выглядел умиротворенным и словно спал.

Айлин взвизгнула и картинно упала на гроб умершего супруга.

- Ричард, любовь моя! О, почему ты меня оставил! - взывала она, принимаясь громко всхлипывать.

- Лицемерная шлюха, - пробормотала Аида себе под нос. - Сначала довела его до могилы, а теперь льет фальшивые слезы! Если на земле существует справедливость, Господь должен поразить ее громом, причем немедля, и воскресить нашего доброго господина здоровым и сильным!

- Господь уже воскресил Дикона, - тихо возразила Эльф. В этот момент в зале появился отец Ансельм.

- Леди Элинон, рад видеть вас, - приветствовал он. Эльф повернулась и выступила вперед, протягивая руку доброму святому отцу:

- Спасибо, что приехали, отец мой, и как быстро! Я благодарна вам. Прошу вас отпеть моего брата и прочитать поминальную молитву.

- Я был тут неподалеку, по другому делу, когда юный Артур отыскал меня, - пояснил монастырский священник. - Разумеется, я останусь. Готов всеми силами служить вам и несчастной вдове.

Айлин, несмотря на громкий плач, прекрасно расслышала разговор и, отойдя от гроба, бросилась на колени перед Эльф:

- Сестрица, прости меня за резкие слова! Я знала, что мой бедный Ричард умирает, но когда настал его час, просто не поверила, что несчастного больше нет! В своем потрясении, терзаясь болью утраты, я набросилась на единственного человека, который облегчил моему мужу последние минуты итак преданно ухаживал за ним! Прости меня, Элинон, молю! Не могу вынести мысли о том, что мы поссорились!

Она с жалким видом протянула Элинон руки. Та наклонилась и подняла невестку.

- Разумеется, Айлин, я тебя прощаю, но извини и ты меня за то, что я наговорила! Как и ты, я была вне себя от горя.

Она расцеловала Айлин в обе щеки.

Отец Ансельм улыбнулся, довольный мирным окончанием ссоры, и выразил свои утешения несчастной вдове.

- А это мой кузен, Саэр де Бад, - представила рыцаря Айлин. - Мой отец прислал его на помощь, когда заболел Ричард. Он проводит меня и мое приданое домой после похорон. Теперь Эшлин принадлежит Элинон, и она может сделать с ним все, что пожелает.

- Я передам его ордену, - пояснила девушка. Священник одобрительно кивнул:

- Мать-настоятельница будет рада такому щедрому дару.

- Скажите, отец Ансельм, Матильда уже дала обеты Господу? - осведомилась Эльф. - Мы

должны были вместе постричься в День святого Олбена.

- Сестра Коламба стала Христовой невестой именно в тот день, Элинора. Она посылает свои молитвы и ждет вашего возвращения. Настоятельница сказала, что вы можете принять постриг в октябре, в День святого Фрайдсуайда, если ваши дела в Эшлине к тому времени будут завершены. Это великая честь, дочь моя.

Лицо девушки осветилось радостью.

Священник и молодая послушница всю ночь молились у гроба Ричарда де Монфора. Айлин пожаловалась на усталость и в полночь ушла к себе. До утра в дом приходили крепостные и челядь, чтобы попрощаться с господином и помолиться за его душу. Айлин появилась только через час после того, как рассвело, и выразила желание некоторое время побыть наедине с мужем. Аида принялась хлопотать над воспитанницей, твердя, что Эльф должна немного поесть, а после завтрака уложила в постель, наказав поспать перед похоронами.

Ричарда де Монфора похоронили в полдень. В воздухе пахло дождем, а небеса нависли над землей тяжелым серым покрывалом. Могилу засыпали землей, устроили скромные поминки, и Эльф разрешила остаток дня не работать. Гроза разразилась только к вечеру, налетев из-за холмов, отделявших Херефорд от Уэльса.

- Завтра утром отслужу мессу, - пообещал священник, - и отправлюсь домой. Что передать преподобной матушке? Когда ждать твоего приезда?

- Я поеду с вами, святой отец, - решила Эльф. - Больше я здесь не нужна. Пора возобновить прежнюю жизнь.

- О, прошу тебя, останься, пока я не покину Эшлин и не воссоединюсь с семьей, - вмешалась Айлин. - Вряд ли мы когда-нибудь увидимся снова. Какое значение имеют несколько дней, дорогая Элинора?

- Думаю, преподобная матушка одобрила бы, - кивнул отец Ансельм. - Леди Айлин рассказывала о твоей верности брату, дитя мое. Вам просто необходимо отдохнуть несколько дней, прежде чем вновь приступать к трудам на благо Господне. Я сам поговорю с матушкой Юнис. Вернешься, когда сможешь.

- Что же, - согласилась Эльф, - мне действительно следует назначить управителя, пока матушка не решит, что делать с Эшлином. Кроме того, нужно выделить Айлин ее приданое. После того как ты снимешь траур, Айлин, твой отец, вне всякого сомнения, найдет тебе другого мужа.

- Так ты остаешься?! - Айлин по-детски захлопала в ладоши. - О, как я рада!

Взгляды ее и де Бада на какое-то неуловимое мгновение встретились, но Аида все заметила. Интересно, что задумала эта парочка?! Придется быть начеку и не спускать с них глаз, иначе они вполне способны устроить какую-то пакость се девочке. Такие, как они, на все пойдут.

Вскоре после отъезда отца Ансельма Айлин отвела золовку в сторону.

- Теперь ты тут госпожа. Я вынесу свои вещи из хозяйской спальни, чтобы ты заняла свое законное место.

- Ни за что, - отказалась Эльф. - Мы пробудем здесь не больше недели, сестрица. Не стоит

обременять себя. Я не привыкла иметь отдельную комнату. Всегда спала вместе с другими девушками. Правда, после пострига мне дадут крошечную келью, а пока мне будет неудобно в спальне. Я не жила там с самого детства..

- Но хотя бы раздели ее со мной, - уговаривала Айлин. - Неприлично хозяйке поместья ночевать в зале на скамье. Прежде чем расстаться навсегда, мы утешимся воспоминаниями о Ричарде. - Она победоносно улыбнулась золовке.

» Эта ведьма что-то затевает «, - решила Аида.

- Так и быть, - согласилась Эльф. - Надеюсь, я не стесню тебя. Ведь это ненадолго.

- Вот и хорошо, - обрадовалась Айлин. - Давай перенесем твои вещи.

- Я сама позабочусь об этом, - поспешно вмешалась Аида. Ей не терпелось проверить, нет ли чего подозрительного в спальне. Она не переступала порога комнаты с тех пор, как отослали из дома Эльф.

- Только не касайся моих вещей, - резко предупредила Айлин. - Смотри берегись, я все узнаю!

Аида уничтожающе глянула на нее, но ничего не ответила, хотя мысли ее лихорадочно метались.

» Нет, я не трону ничего твоего, но постараюсь, чтобы и ты не захватила ни лоскутка из того, что по праву принадлежит Эшлину «.

Старушка собрала одежду Эльф и направилась к спальне. Там было грязно и царил ужасающий беспорядок. Нянька вернулась в зал.

- Госпожа, да там жить невозможно. Комната так захламлена, что вам там места нет. Пока ее не уберут, вам лучше оставаться здесь.

- Почему спальня в таком беспорядке? - удивилась Эльф. Монахини превыше всего ставили чистоту и аккуратность.

- С того дня, как умер Ричард, челядь отказывается выполнять мои приказания, - жалобно проныла Айлин. - Даже девушка, которая мне прислуживала, исчезла куда-то.

- И неудивительно. Правда, похоже, что там месяцами ни к чему не притрагивались, - ехидно пробормотала Аида. Если Эльф и услышала ее, то не подала виду, спросив:

- Кто служил госпоже Айлин? Пусть немедленно возвращается к своим обязанностям, пока вдова моего брата не вернется в родной дом. Приказываю разложить вещи вдовы моего брата и тщательно вычистить комнату. Только потом я войду в спальню, и отныне намереваюсь проводить там каждую ночь. Я достаточно ясно выразилась?

Эконом Седрик выступил вперед:

- Немедленно все сделаем, госпожа, как приказано.

- Надеюсь, Седрик. Мы во всем полагаемся на тебя, - улыбнулась Эльф.

Айлин с досадой наблюдала, как спешат слуги выполнить повеления девушки. Ей они так низко не кланялись! Ничего, должно быть, просто пытаются подластиться к наивной девчонке.

Ничего, когда Саэр станет здесь хозяином, они еще попляшут. Ленивые, тупые скоты!

Но ее ждал сюрприз. Войдя в спальню, Айлин была потрясена царившей там идеальной чистотой. Такого она в жизни не видела!

Каменные полы и стены выскребли, из очага выгребли золу, окна протерли, и сквозь бычьи пузыри лилось солнечное сияние. Два гобелена, висевшие на стенах, выбили, так что не осталось ни следа пыли и паутины. Над кроватью, где она спала с Ричардом, повесили чистый полог, постелили пахнувшее лавандой белье, положили новые пухлые подушки и перину. Деревянные сундуки Айлин переставили и откинули крышки, чтобы показать аккуратно сложенные вещи. Еще один небольшой раскрашенный сундучок, которого Айлин раньше не видела, стоял в изножье кровати. Там лежала скромная одежда Эльф.

Девушка захлопала в ладоши и засмеялась.

- Это сундук моей матушки! - восторженно воскликнула она. - Я совсем забыла! Он всегда нравился мне, потому что на нем нарисованы животные и птицы! Когда-то он принадлежал моей прапрабабке. - И, осмотрев комнату, добавила:

- Они хорошо потрудились, не так ли, Айлин? Комната в полном порядке. Пойдем скажем Седрику, что мы довольны.

Она сжала мягкую ладошку невестки. Но та вырвала руку.

- Сказать Седрику, что мы довольны? Да ведь слуги просто выполнили свой долг! Да это давно следовало сделать! Не собираюсь никого благодарить!

- А я собираюсь, - возразила Эльф. - Думаешь, слуг не опечалила смерть Дикона? Он последний де Монфор, который правил здесь, потомок старого саксонского рода. Крепостные и их семьи жили тут сотни лет, Айлин. Они страшатся будущего.

- Но этот древний род, о котором ты говоришь, не прервался бы, если бы ты вышла замуж, вместо того чтобы остаток дней гнить в монастыре. Теперь, когда Ричард умер бездетным, твой долг оставить мысли о монашестве и принять на себя ответственность за управление поместьем. А ты эгоистично приносишь интересы семьи в жертву своим желаниям.

Эльф потрясение устала на невестку. Ей такое в голову не приходило.

- Но я уже монахиня, Айлин.

- Ты еще не приняла постриг, Элинора. Ричард отдал тебя в монастырь, опасаясь, что с таким маленьким приданым ты не найдешь достойного мужа, который владел бы собственным поместьем. Ричард долго обсуждал это с моими родителями, и тогда было решено отвезти тебя в монастырь. Монахини рады любому приношению, а тебя ожидала бы спокойная жизнь в полной безопасности, посвященная служению Господу нашему. Теперь, однако, ты стала наследницей землевладения, имеешь дом, скот и собственных крепостных. Любой рыцарь из хорошей семьи будет счастлив получить такую жену.

- Мой путь определен, - твердо ответила Эльф. - Я посвятила себя Богу в тот день, когда мне исполнилось десять. Начала готовиться к вступлению в орден. А в двенадцать лет стала послушницей. В октябре, в День святого Фрайдсуайда, я приму постриг под именем сестры Олбен. Именно этого я хочу. Именно этого желает Господь. Ты не права, Айлин, когда пытаешься сбить меня с избранной дороги. Что бы ты ни говорила, тебе меня не соблазнить.

- А я думаю, это ты не права, - отозвалась Айлин.» Но твое упрямство еще сослужит мне хорошую службу. Я буду наслаждаться, наблюдая, как Саэр лишает тебя девственности и покоряет своей воле. Он покажет тебе, как целовать его, облизывать и сосать. Узнаешь, что губы годятся не только для молитв. Поймешь, как доставить мужу удовольствие способами, о которых раньше понятия не имела, маленькая монашка! Даже в монастыре тебя не приучат к такому повиновению! А когда дашь Саэру сильного сына и наследника, я собственноручно прикончу тебя!«- размышляла она.

Глава 4

- Я буду спать на кровати для служанки, - решила Эльф, когда они готовились ко сну.

- Сначала искупаемся, - предложила Айлин. - У огня уже стоит лохань с горячей водой. Иди первой, дорогая сестрица.

Эльф неловко поежилась. Лохань так велика, что может вместить двоих! Не то что маленькая и неудобная монастырская!

Нагнувшись, она распутала ленты подвязок, скатала чулки, сбросила туфли, стянула и сложила серую тунику и юбку. Потом заколола на макушке косу и взошла по ступенькам к лохани.

- Ты хочешь мыться одетой? - взвизгнула Айлин. - Да ведь ты еще в камизе, Элинор!

- Так принято в монастыре. Это куда скромнее. Неприлично выставлять напоказ свое тело.

- Но ты не в монастыре, - запротестовала Айлин. - Сними и искупайся как следует. Обещаю, что не стану смотреть, если ты так невинна, что боишься моего взгляда!

- Тогда отвернись, - велела Эльф, не желая спорить и откровенно любопытствуя узнать, каково это - сидеть в воде голой. Айлин послушно отошла. Девушка сняла длинную камизу, бросила на пол и ступила в лохань. Вода оказалась душистой и горячей. Какие чудесные ощущения!

Эльф вздохнула от сознания собственной греховности. Она и не ведала, что на свете существует подобная роскошь!

Но девушка тут же пожурила себя. Всю свою жизнь она обходилась без подобных излишеств, так что нечего и начинать!

Саэр де Бад из своего укрытия за гобеленами пожирал жадным взглядом стройное юное тело. Пусть формы не такие пышные, как у кузины, но для своего роста она идеально сложена. Ему смертельно хотелось броситься на нее и изнасиловать прямо сейчас, но рыцарь сдержался, вспомнив, как ее рвало при одном его приближении. Нет, он снова попытается соблазнить ее, завоевать.

Айлин подошла к тому месту, где он стоял.

- Ну, - прошептала она, - и что ты думаешь, кузен?

- С ней неплохо будет позабавиться на мягкой перине, - едва слышно ответил он.

- Уходи, - тихо велела она и с облегчением вздохнула, когда раздался негромкий щелчок. Потайная дверь за гобеленом закрылась, и Айлин повернулась к золовке:

- Ну как, Элинора? Понравилось?

- О да! - воскликнула девушка. - Так куда лучше, чем в моей камизе, но в монастыре приходится быть скромнее, сестрица.

- Ах, Элинора, подумай о моем совете, - добродушно заметила Айлин. - Ты прелестна и, клянусь, получила бы не менее дюжины предложений руки и сердца, если захотела бы. Мой отец, барон Хью, будет счастлив стать твоим опекуном в этом деле. Ты нужна Эшлину.

- Господь призвал меня, - покачала головой девушка. - Не настаивай, Айлин. Супружеская жизнь предназначена для тебя, а монастырь - для меня.

Айлин поджала губы. Саэр воображает, что сможет обольстить девчонку, но сильно ошибается. Все-таки ему придется изнасиловать ее, чтобы получить Эшлин.

- Возьми простыню, - сказала она. - Выходи из воды, чтобы и я наконец смогла искупаться.

- Отвернись, - попросила Эльф, вставая, хотя борта лохани скрывали ее наготу. Она вышла и, краснея под любопытным взглядом Айлин, принялась вытираться. Невестка пожалала плечами, сбросила камизу и погрузилась в воду. Эльф оделась и легла на низенькую кровать.

Айлин покачала головой:

- Ты хозяйка и должна спать на большой кровати!

- Это супружеское ложе, - вздохнула Эльф. - Принадлежало сначала моим родителям, а потом тебе. Боюсь, мне в нем будет не слишком уютно.

- Тогда мы ляжем вместе, глупышка, - рассмеялась Айлин.

- Нет. Мне и здесь хорошо. Да пошлет тебе Господь крепкий сон.

И Эльф тихо, но отчетливо принялась шептать молитвы.

» Маленькая ханжа «, - злобно подумала Айлин и, повернувшись на бок, укрылась пуховым одеялом. Придется сегодня спать одной, и это совсем ей не нравилось. Ничего, когда монашка заснет, она прокрадется в комнату на чердаке, где живет кузен. Интересно, затащил ли он сегодня в постель какую-нибудь девчонку? Неплохо бы!

Айлин всегда нравились игры втроем, жаль только, что Саэр не позволяет привести молодого мускулистого слугу. Она так мечтала, что мужчины ее возьмут вдвоем! Но ничего не поделать. И хотя временами Саэр ужасно упрям, она все равно питает к нему нежные чувства.

Айлин любила кузена с тех пор, как они были детьми и шестилетнего Саэра отдали в семью де Вареннов на воспитание, как было принято в те времена. Сама Айлин, как младшая дочь, в отличие от своих братьев и сестер оставалась дома.

Айлин закрыла глаза и задремала. Немного отдохнет и отправится к Саэру.

Когда Эльф проснулась, солнце уже поднялось высоко. Сначала она не поняла, где находится, но тут же вспомнила все, что было вчера.

Потянувшись, она поднялась и взяла чулки. Она уже успела одеться, когда в комнату ворвалась Аида.

- Наконец-то ты проснулась, дитя, - обрадовалась няня. - Не хотела будить тебя, ибо ты нуждалась в отдыхе. С того дня, как вернулась домой, ты все хлопотала над бедным братом, упокой Господи его несчастную душеньку! Пойдем в зал, пора бы и поесть.

- Уже совсем поздно! - воскликнула девушка.

- Да, половина утра пролетела. Эльф охнула, но, поняв, что чувствует себя куда лучше, чем за последние несколько недель, спросила:

- Где леди Айлин?

- Поехала кататься верхом с этим своим кузенком, - проворчала Аида. - Все требовала, чтобы ты к ним присоединилась, но я не позволила тебя беспокоить. Нечего якшаться с этой парочкой!

- Где Седрик? - осведомилась девушка, усаживаясь за высокий стол. - Нужно выделить Айлин приданое, и пусть уезжает. Отец сумеет подыскать ей нового мужа.

- Сначала нужно поесть и восстановить силы, - непререкаемым тоном объявила Аида. - Ты ешь не больше птички! Неужели в монастыре тебя морили голодом?

Она сделала знак слугам принести завтрак.

- Обжорство - смертный грех, Аида, - наставительно заметила Эльф. - Мы едим, чтобы поддерживать наше брэнное тело. Уверю, в монастыре нас неплохо кормили. А мы здесь тратим слишком много продуктов зря.

Эльф склонила голову в молитве и благочестиво сложила руки. Служанка поставила перед ней корку от половины каравая с вынутым мякишем, наполненную овсяной кашей, и Эльф неторопливо начала есть. Принесли блюдо с крутым яйцом и кусочком сыра, а также кубок с разбавленным вином и травами.

- Челядь питается тем, что осталось от трапезы господ, как заведено искони, а объедки отдают нищим, которые часто приходят к нашей двери. Эти войны разоряют народ, госпожа. Живя в безопасности и тишине монастыря, вы, наверное, и не подозревали о том, какие ужасы творятся кругом.

- Наш благословенный Господь завещал нам быть милосердными, - согласилась Эльф. - Каюсь, ты пристыдила меня, Аида.

- Ешь лучше, - велела Аида, вылив в кашу ложку густых сливок.

Эльф рассмеялась, но оказалось, что сегодня утром у нее превосходный аппетит. Она даже сжевала всю корку вместе с яйцом и сыром. Когда она допивала вино, вошел Седрик и встал перед госпожой, ожидая позволения говорить. Эльф кивнула. Эконом вежливо поклонился и сообщил:

- Я просмотрел хозяйственные записи, чтобы определить точный размер приданого госпожи Айлин. Оказалось, что оно в основном было выплачено деньгами, причем ваш брат, как благородный человек, к ним не прикоснулся, и золото так и лежит все в том же мешке. Кроме того, госпожа привезла с собой кое-какую утварь и верховых лошадей. Все это тщательно перечислено и легко может быть возвращено.

- Много ли времени потребуется на это, Седрик? Уверена, что леди Айлин не терпит

оказаться дома так же, как мне – в монастыре.

Седрик понимающе улыбнулся:

– К концу дня все будет сделано, госпожа, так что все вы можете покинуть Эшлин завтра утром. Вы довольны, госпожа?

– Превосходно, Седрик, – улыбнулась Эльф. – Ты хороший слуга, это признавали мои мать и брат. За долгие годы ты ничуть не изменился.

– Леди, могу я спросить?

– Разумеется.

– Что станет с нами, если вы вернетесь в монастырь?

– Монахиням не позволено иметь собственность, – пояснила Эльф. – Я передам Эшлин своему ордену. Он позаботится о поместье. Есть много способов извлечь из него выгоду. Здесь можно основать еще один монастырь, сдать поместье в аренду или попросту продать. Не мне решать, но даю слово, крепостные и вольноотпущенные, жившие на этой земле много веков и ставшие частью Эшлина и самой этой земли, останутся здесь. Преподобная матушка – мудрая и добрая госпожа. Она не позволит обидеть вас. В этом я, Элино де Монфор, клянусь вам, а ты сам знаешь, что слово де Монфоров дороже золота.

– Спасибо, госпожа, – поклонился эконом. – Я должен был узнать о нашей участи, чтобы успокоить людей и заверить, что им не причинят зла в ваше отсутствие. Но мы действительно хотим, чтобы вы остались с нами. . – Моя судьба решена. Можешь идти, Седрик, и проследи, чтобы с Айлин поступили по справедливости.

Эконом поклонился и оставил ее. Эльф оглядела зал. Совсем не к чему руки приложить. Сборы займут всего несколько минут, и она успеет сделать это утром, перед отъездом из родного дома.

Наконец она решила пойти в лекарню. Травы в небольшом огорожке успели взойти и подрасти. Жаль бросать их на произвол судьбы, лучше срезать все, что можно, и взять с собой в монастырь. Сестра Уинифред будет в восторге.

Эльф поспешила в сад, помахав по дороге Артуру, занятому прополкой. К дому скакали два всадника. Скорее всего это Айлин и ее отвратительный кузен.

Эльф усмехнулась. Саэр де Бад избегал ее после того случая в бельевой. Девушка удивлялась себе самой. Ведь она совсем не боялась рыцаря, откуда же такая сильная рвота? Наверное, потому, что он ей противен и, кроме того, как раз в эти дни прервалась ее связь с луной. Но так или иначе, он от нее отстал, так что все к лучшему. И плакала она тогда от злости. Хорошо еще, что Артур утешил ее, совсем как когда-то в детстве. Только теперь она поняла, как тосковала по его дружбе. Ей будет не хватать его присутствия. Многим, слишком многим придется пожертвовать.

Но разве не к этому она готовилась все годы? Хотя Айлин, наверное, права, утверждая, что Эльф заботится лишь о себе и собственных желаниях, вместо того чтобы выполнить свой долг. Разве не все сущее на земле произошло от Господа?

Элинор покачала головой. Откуда взялись столь мятежные мысли? Ведь до сих пор у нее не

было сомнений в том, что она избранная невеста Христова! Почему же сейчас все изменилось?

Это сатана искушает ее!

Эльф перекрестилась и вошла в лекарню, отметив, что очаг совсем остыл. Она решила сделать те эликсиры и мази, которые возьмет с собой, и, позвав Артура, попросила:

- Пойди в дом и принеси мне горящих угольев, чтобы разжечь очаг. Попроси у Седрика миску, чтобы не обжечься.

- Сейчас, госпожа, - отозвался Артур и помчался выполнять поручение.

Эльф подошла к колодцу, вытащила ведро с водой и принесла в амбар. Намочив тряпку, она протерла сланцевую столешницу, поставила ведро на пол и взяла с полки несколько ступок и пестиков. Потом сорвала самые большие листья латука и принялась мыть. Наполнив водой котелок, она бросила туда листья. Если добавить меду, получится сироп, помогающий при укусах паука. А еще с его помощью можно вызвать сон не хуже, чем от макового отвара.

Далее она взяла горсть подсохших целебных трав, слегка размяла, бросила в ступку и истолкла в порошок, который и высыпала в кувшин. Можно сделать прекрасный напиток.

- Я принес угли, Эльф. Хочешь, разожгу очаг? Вижу, ты наполнила водой котелок, - произнес Артур, вбегая в амбар.

- Готовлю сироп из латука. Да, Артур, разводи огонь, а потом можешь вернуться к своей работе. Спасибо. Я буду в своем садике.

Эльф захватила корзину и вышла. Сначала она собрала шалфей, первое средство от зубной боли, мяту, чтобы успокаивать рвоту, икоту и лечить желудочные хвори, горчицу, которой пользовали подагру, и анис, помогающий страдавшим от газов.

- Ну вот и все! - известил Артур. - Вода скоро закипит, Эльф. Поднести тебе корзинку?

- Нет, она легкая, - отмахнулась девушка, входя в лекарню и принимаясь разбирать растения.

Она уже почти закончила, когда послышался стук двери. Эльф подняла голову.

- Что вы здесь делаете? - раздраженно осведомилась она.

- Хотел извиниться перед вами, Элинора, за свой опрометчивый поступок. Мое поведение непростительно рыцарю. Все же, - продолжал Саэр де Бад, - вряд ли мужчина, хоть раз увидевший такую красавицу, осудит меня. Несмотря на скромную одежду, вы прелестны, леди.

- Я принимаю ваши извинения, поскольку отказывать в прощении не подобает христианам.

- Чем вы занимаетесь? - поинтересовался рыцарь.

- Делаю снадобья, мази и эликсиры, - пробурчала Эльф, надеясь, что он уберется.

- Как хорошая хозяйка поместья, - улыбнулся Саэр.

- Я помогаю нашей матушке-лекарке, - объяснила Эльф.

- А что это кипит в котелке? - Саэр плотно прикрыл за собой дверь и подошел к очагу. -

Знакомый запах!

- Листья латука, – бросила Эльф. Почему он тут торчит?
- А я слышал, что латук отбивает желание, – заметил де Бад.
- Видно, поэтому вы боитесь его есть, – парировала она.

Рыцарь громко рассмеялся. Похоже, они недооценивали юную монашку! Она может и пошутить, и отпустить язвительную остроту. Этого он не ожидал. И не так уж она бесцветна, как кажется с первого взгляда. Вовсе нет! Пожалуй, не стоит ходить вокруг да около!

- Леди, – начал он, – буду с вами откровенен. Я младший сын в семье. Мне нужно собственное поместье. Если передумаете возвращаться в монастырь и принимать постриг, я стану вам хорошим мужем. Моя мать была урожденная де Варенн, а род моего отца уважают в Нормандии. Я всегда был человеком чести.

- Вот уж нет, сэр, этого о вас не скажешь, ибо вы совершили грех прелюбодеяния с женой моего брата. Я не слепа и не настолько глупа, чтобы не понять этого, хотя молилась о том, чтобы все оказалось не так плохо, как кажется! Надеюсь, Дикон ничего не узнал, хотя сильно сомневаюсь. И его нельзя было назвать дураком. Кроме того, среди крепостных ходят слухи, что вы и Айлин отравили моего брата. К сожалению, нельзя обвинить вас открыто, ибо доказательств у меня нет, так что не бойтесь людского суда. Что же касается меня, я избранница Господня и не выйду замуж. Если хотите жить в Эшлине, поговорите с матушкой Юнис. Она решит, что делать с поместьем, и, возможно, станет искать арендатора.

- Не желаю я быть ничьим арендатором, – мрачно проворчал он и, подойдя ближе, внезапно сжал ее в объятиях. – Леди, я получу и Эшлин, и вас, хотите вы этого или нет!

Эльф попыталась вырваться, но силы были неравны.

- Немедленно отпустите меня, сэр! – негодуя вскрикнула она, но де Бад с издевательским смешком впился губами в ее губы. Прижав девушку одной рукой к широкой груди, он запустил другую в круглый вырез и одним рывком располосовал и тунику, и камизу. Жесткие пальцы немилосердно стиснули грудь.

Неожиданное нападение потрясло и испугало Эльф. Она задыхалась, отчаянно борясь с головокружением, не помнила, как ей удалось оторвать губы от алчного рта, но вместо крика из сдавленного горла вырвался слабый писк.

- В тебе скрыта бездна страсти, Элинон, – прорычал Саэр де Бад. – Нужно только пробудить ее к жизни. И этим счастливец стану я.

Он осыпал поцелуями ее белоснежную шею, жадно ласкал груди.

- К тому времени, как я успею насытиться тобой, ни один монастырь не примет тебя, красавица. Посчитают тебя оскверненной голубкой.

И он умелой подножкой сбил ее на землю. Девушка с криком повалилась, потеряв на миг сознание. Де Бад торжествующе навис над ней, снимая шоссы

и высвобождая свою налитую кровью мужскую плоть.

- Это, красавица моя, только для тебя! - воскликнул он, прежде чем наброситься на нее.

Элинор, впервые увидев набухший желанием огромный отросток, от ужаса немедленно пришла в себя и завопила. Неизвестно откуда взялись силы сопротивляться, и она принялась отбиваться, словно боялась за свою жизнь. Да так оно в некотором смысле и было. Если он изнасилует ее, монахиней Эльф не быть. Ее принудят выйти замуж за человека, которого она презирала всеми силами души.

Она вцепилась ногтями в красивое ненавистное лицо, едва де Бад задрал ей юбки и принялся коленом раздвигать ноги. Девушка визжала, срывая голос, отчаянные вопли о помощи разрывали тишину.

Саэр де Бад, обезумев от боли, вплепил ей увесистую пощечину.

- Заткнись, сучонка! - заорал он и принялся бить ее по лицу, чтобы заставить замолчать, но Эльф не унималась:

- Помогите! Помогите!

- Ты сама этого хотела, - прогремел он. - Признайся, мерзавка, ты хотела этого!

- Нет! Нет! - всхлипывала Эльф.

- Тебе понравится, - хрипло пообещал он. Ее сопротивление невероятно возбуждало его.

- Боже, спаси меня! - взмолилась Элинор, когда силы начали иссякать. Тут Создатель словно услышал ее, ибо дверь амбара распахнулась, и послышался голос Артура.

Изрыгая самые гнусные ругательства, он схватил де Бада за шиворот и оттащил от изнемогавшей девушки. Кулак парня врезался в подбородок негодяя, и де Бад тяжело рухнул на пол, ударившись головой о край каменного стола. Эльф с трудом поднялась,правила юбки и стыдливо стянула разорванные края туники.

- Пойдем, - выпалил Артур, хватая ее за руку.

- Но он ушибся, - запротестовала Эльф. - Я должна посмотреть, что с ним.

Однако Артур, не слушая, потащил ее к двери.

- Мы пошлем кого-нибудь из домашних присмотреть за ним. Клянусь, Эльф, ты либо святая, либо дура! Мерзавец пытался изнасиловать тебя, а ты собираешься лечить его раны. - Он буквально поволок ее по тропинке к дому.

- Седрик! Бабушка! - окликнул он, едва они оказались в зале.

- Дева Мария и все святые! - охнула Аида при виде Эльф. - Что случилось с моей деткой?

- Рыцарь едва не изнасилвал ее, - без обиняков заявил Артур.

- Все обошлось благодаря Артуру, - поспешила заверить Эльф. - Но де Бад ударился головой и лежит в аптеке. Пошлите кого-нибудь к шерифу графства! Я хочу подать жалобу на этого человека!

- Нет, - мрачно покачал головой Седрик. - Артур ударил дворянина, и его немедленно казнят.

Вы сами знаете, что наказание за такой проступок – смерть. Мы приведем рыцаря в чувство, но вы вместе с Артуром немедленно вернетесь в монастырь. Пусть Артур попросит убежища у настоятельницы Юнис. Там он будет в безопасности, пока вы не сумеете объяснить шерифу, что произошло. Здесь его немедленно арестуют. Идите к конюху, пусть оседлает двух коней. Обещаю, госпожа, мы присмотрим за рыцарем.

- Прежде чем уехать, я должна знать, жив ли он, – настаивала Эльф.

- Я сам проверю, – вызвался Седрик и поспешил из зала.

Пока он отсутствовал, Аида умудрилась собрать вещи Эльф, а девушка переоделась в чистую камизу и тунику. Айлин дремала и не услышала тихих шагов женщин.

- Рыцарь выживет, к моему величайшему сожалению, – объявил вернувшийся Седрик. – Он уже пытался встать. Я сказал ему, что мы пошлем за помощью. Уезжайте, госпожа! Мы выведем остальных лошадей на самое дальнее пастбище, чтобы никто не догадался о вашем бегстве. Правда, рыцарь вряд ли соберется в погоню за вами. Он сильно разбил затылок, жаль только, что рана не смертельна.

- Я желаю, чтобы они оба как можно скорее убрались из Эшлина. Как только де Бад оправится, пошлите от моего имени к барону Хью за эскортом для его дочери и племянника. Думаю, к тому времени как его люди придут, этот человек сможет сесть на коня и отправиться в путь, а если нет, пусть его несут на носилках!

- Все будет сделано, госпожа, – улыбнулся эконо. – Счастливого пути.

- Благослови вас всех Господь, – ответила Эльф и вместе с Айдой пошла во двор, где Артур уже держал под уздцы двух лошадей. Он помог хозяйке сесть на коня и вскочил в седло сам.

- Прощай, бабушка, – прошептал Артур, и Аида шмыгнула носом.

- Не волнуйся, Аида, – утешила Эльф, – я не позволю, чтобы с Артуром что-то случилось. Он ничего плохого не сделал. В крайнем случае отошлю его в Уэльс. – Она почтительно поцеловала руку старушки. – Прощай, дорогая. Да благословит тебя Бог.

- Сохрани тебя Пресвятая Дева, – всхлипнула Аида и, повернувшись, кинулась в дом.

- Ну как? Надеюсь, не станешь тащиться в хвосте? – поддразнил Артур.

- А как насчет тебя? – не осталась в долгу Эльф и пришпорила лошадь.

На закате они прибыли в монастырь.

- Добро пожаловать, Элино де Монфор, – приветствовала сестра Перпетуя, привратница монастыря.

- Спасибо, добрая сестра, – кивнула Эльф. – Это мой крепостной Артур. Он просит убежища, и когда преподобная матушка услышит его историю, думаю, поверит ему.

Изабо Сен-Симон выбежала навстречу подруге.

- Эльф! Я не знала, что ты приедешь сегодня!

- Я сама не знала, – вздохнула Эльф. – Иза, прошу тебя, найди преподобную матушку и

попроси, чтобы она приняла меня по срочному делу.

Иза кивнула и бросилась выполнять поручение. Несколько минут спустя она вернулась.

- Мать-настоятельница ждет тебя в здании капитула. - И, заметив Артура, девушка с любопытством спросила:

- Кто это?

- Мой крепостной, - коротко бросила Эльф.

- Вот как, - разочарованно пробормотала Иза. Так это всего лишь крепостной! А она было подумала, что подруга решила не принимать постриг, особенно теперь, получив наследство, и привезла с собой своего избранника.

- Пойдем со мной, - велела Эльф Артуру и повела его к зданию капитула, где в зале сидела настоятельница. Подойдя к настоятельнице, она почтительно поклонилась ей.

- Встань, дочь моя, и объясни, отчего ты прибыла так неожиданно и в обществе этого молодого человека, - приказала настоятельница.

- Это Артур, мой крепостной, матушка. Он просит убежища в монастыре. Вы должны согласиться, ибо он спас меня от судьбы горше, чем сама смерть, - начала Эльф. Девушка подробно рассказала обо всем, что случилось со времени ее прибытия в Эшлин: о безвременной смерти брата, требованиях невестки отречься от ее призвания и выйти замуж, нападении Саэра де Бада.

- Если бы Артур не оказался поблизости и не услышал мои крики, меня обесчестили бы, - заплакала девушка. - Я никогда не вернулась бы в монастырь и была бы вынуждена выйти замуж за этого ужасного человека! Бедный Артур! Только потому, что он пришел мне на помощь, его безжалостно казнят!

- Артур из Эшлина, я даю тебе убежище в стенах монастыря Святого Фрайдсуайда на год и один день. Если к тому времени мы не сумеем оправдать тебя, значит, будешь жить здесь столько, сколько потребует, - объявила аббатиса. - Теперь иди к конюшне, где главная - сестра Джозефа. Передай, что я велела приютить тебя и найти работу.

Артур упал на колени перед аббатисой и приложился губами к подолу ее одеяния.

- Благодарю, преподобная матушка, за ваше милосердие. Он встал и покинул зал.

- О, спасибо, преподобная матушка! Артур - мой друг детства, он первый приветствовал меня по возвращении. Аида, его бабушка, была моей нянькой. Не хотелось бы стать причиной его гибели, - снова всхлипнула она.

Аббатиса поняла, что девушка еще не пришла в себя, но следовало немедленно выяснить подробности неудавшегося нападения.

- Я должна точно знать, что сделал с тобой этот человек, дочь моя. Пойдем сядем, - велела она, увлекая девушку на скамью у стены. - А теперь объясни честно, как все было, Элино де Монфор. Если солжешь, твоей бессмертной душе грозит вечный огонь. Поняла, дочь моя?

- Да, матушка, - прошептала Эльф и вздрогнула. - Он схватил меня и поцеловал. Гладил груди.

Потом повалил меня на пол и обнажил свое мужское достоинство. И при этом бормотал ужасные вещи, что-то вроде того, будто мне понравится все, что он со мной сделает. – Она снова затрепетала, припоминая омерзительные подробности, но храбро продолжила:

– Потом он возлег на меня. Я кричала, кричала, и, слава Богу, ворвался Артур. Он оттащил от меня насильника и ударил в челюсть. Саэр де Бад свалился и стукнулся головой о край стола. Я увидела, как из раны хлынула кровь, и хотела остаться и перевязать его, но Артур не позволил. Мы побежали к дому, и Седрик, мой эконо, пошел посмотреть, что с рыцарем, и велел ему не вставать, пообещав, что пришлет людей. А в это время Аида собрала мои вещи, и мы с Артуром сбежали.

– Касалась ли мужская плоть запретных частей твоего тела и не проникал ли его мужской орган внутрь тебя, дочь моя?

– Нет! Никогда, матушка! – с ужасом прошептала Эльф. Аббатисе было достаточно одного взгляда на ошеломленное лицо девушки, чтобы убедиться в правдивости ее слов.

– Ты носишь ту же самую одежду, в которой была, когда он пытался лишить тебя невинности? – продолжала допрос настоятельница. Она должна убедиться, что девушка не лжет, как бы неприятно это для нее ни было.

– Да, если не считать туники и камизы. Он разорвал их, когда набросился на меня, – пробормотала Эльф. Ее лицо было бледнее полотна. – Можно мне вымыться, преподобная матушка? На моем теле до сих пор остался запах этого человека.

– Разумеется, дочь моя, только разденься на этот раз догола. Передай сестре Катберт, что я разрешила. Нет, я сама ей скажу. – Она поднялась со скамьи. – Пойдем, моя бедная Элино, отыщем сестру Катберт и все устроим.

Они вышли в сад и направились в спальню, где жили девочки. И сестра Катберт, и Матти, теперь сестра Коламба, вышли навстречу Элино.

– Иди с сестрой Коламбой, дочь моя, и вытащи из кладовой лохань. Согрейте воды. Возьмите ту лохань, что поменьше, ее будет легче наполнить, – наставляла аббатиса.

Дождавшись ухода девушек, она рассказала сестре Катберт о приключениях Элино.

– Уверена, что Элино сказала правду, – заключила она, – но несчастная невинна и многого не понимает. Испуг, потрясение могли затмить ее разум. Нужно убедиться, что на ее бедрах и юбке не осталось следов крови. Элино сменила порванные камизу и тунику, но нам необходимо твердо знать, что она по-прежнему девственна и чиста, сестра Катберт.

Лицо молодой монахини затуманилось печалью.

– Какой ужас пришлось пережить нашей милой Элино! Но я сделаю все, как вы велели, матушка, хотя я уверена, что Элино не уклонилась от истины. Ее призвание слишком много для нее значит. А кто тот парнишка, что проводил ее сюда?

– Тот юноша, что ее спас. Его зовут Артур, и я дала ему убежище в монастыре, потому что храбрость и отвага могут привести его на виселицу. Сама знаешь, каково наказание для крепостного, ударившего господина.

Сестра Катберт кивнула.

- Но разве справедливо наказывать мальчика, защитившего свою госпожу?

- Подождем и посмотрим, выдвинет ли рыцарь обвинения против Артура, - решила аббатиса. - Если за парнишкой придут, мы скажем, что дали ему убежище и согласились защищать перед судьей. Это будет по чести и справедливости.

Глава 5

Хью де Варенн, брезгливо морщась, разглядывал младшую дочь. Да, она красива и, вне всякого сомнения, достаточно молода, чтобы второй раз выйти замуж. Но она раздражала его до крайней степени.

- Если бы ты дала Ричарду дитя, пусть даже дочь, всякий стремился бы получить руку богатой вдовушки. Теперь же придется найти какого-нибудь старика, отчаявшегося получить наследника. Только такие и согласятся взять тебя с жалким приданым.

- Она бесплодна, - преспокойно объявил дяде Саэр де Бад. - У меня, как, впрочем, и у Ричарда, полно бастардов в Эшлине, но твоя дочь так и не смогла зачать ни от одного из нас.

- Значит, ты опять взялся за старое? - устало бросил дядя. - Не можешь отвязаться от нее? Бегаешь, как кобель за сукой в течке! Что же, если ты говоришь правду, по крайней мере я могу не бояться, что она наплодит мне ублюдков. В таком случае, Айлин, остается сговорить тебя за богатого старичка. Обвиним его в том, что он слишком дряхл и не в силах дать тебе ребенка. Уж он скорехонько уберется на тот свет и оставит тебе свое золото. А ты сможешь перескочить в постель другого дряхлого болвана. Ведь именно это тебе и нужно, жадная маленькая стерва? - Невесело хмыкнув, де Варенн обратился к племяннику; - А что делать с тобой, Саэр де Бад? Ты сын моей сестры, и я не могу бросить тебя на произвол судьбы, но как мне пристроить человека без средств к существованию?

- Сестра Ричарда де Монфора унаследовала Эшлин. Устройте этот брак, и я получу собственные владения. Она прехорошенькое создание, и я ее хочу.»

- Монахиню? Да ты спятил, мальчишка! - завопил Хью.

- Она не примет пострига до октября, дядюшка. Я уже поимел ее, но она в припадке раскаяния удрала обратно в монастырь, захватив с собой деревенского паренька, своего крепостного. Уверен, что она и с ним валялась на сеновале, ибо оказалась недевственницей. Я предъявил обвинения шерифу графства и потребовал поймать и повесить мерзавца.

- Но если девчонка так распутна, зачем на ней жениться? - недоумевал дядя.

- Я заставил ее признаться в том, что он не брал ее по-настоящему, только лишил невинности пальцами и языком. Поверь, дядя, я на совесть вспахал эту пашню, объездил норовистую кобылку и так намял ей чрево, что она вполне могла затяжелеть с первого раза. Моим ребенком. Законным наследником Эшлина, если, конечно, удастся жениться на ней. Прошу, дядюшка, помоги!

Барон надолго задумался. Саэр был самым младшим из отпрысков сестры. Расчетливый, корыстный парень. Однако он все-таки считался неплохим солдатом. Правда, слабостью Саэра были женщины. Любые женщины. Барон Хью дал за Айлин куда большее приданое, чем рассчитывал, потому что поймал ее с распутным кузенком на месте преступления, в укромном уголке, где они со стоном и криком сплетались в объятиях, и, судя по всему, не впервые. Узнав обо всем, жена Хью избила Айлин едва не до полусмерти, а потом научила, как

притвориться девственной в брачную ночь. Если Ричард де Монфор и понял, как его обманули, то ни разу не пожаловался, потому что был безумно влюблен в жену. И вот теперь она снова объявилась, как фальшивая монетка в кармане нищего, и Хью в довершение всего обнаружил, что Саэр пробыл в Эшлине почти год.

Он не желал знать правды, не хотел, чтобы подтвердились его подозрения. Очень уж странной была внезапная болезнь Ричарда, ведь год назад тот отличался превосходным здоровьем. Эта парочка способна разрушить и его жизнь, если не разлучить Айлен с Саэром раз и навсегда. Молодая жена, дети и хлопоты по хозяйству надежно отвратят мысли племянника от Айлин. Что же касается дочери... чем скорее он найдет ей мужа, тем лучше. А пока пусть мать позаботится о своей младшенькой. В конце концов, Айлин сейчас в трауре по мужу. Пусть хотя бы притворится, что скорбит. Мерзкая сука!

- Утром я разошлю гонцов. Одного к епископу Вустерскому, пусть передаст все, что ты рассказал мне. Второго к королю. Попрошу, чтобы он назначил меня опекуном леди Элинор. Ну а получив над ней власть, я устрою твою женитьбу, племянник. Согласен?

- Разумеется, дядя, - кивнул де Бад. Вечером Айлин умудрилась ускользнуть от бдительного ока матери и встретила со своим любовником в саду.

- Почему ты не запротестовал, когда отец пообещал найти мне мужа? Мы никогда не будем вместе, Саэр. Думаю, ты вообще меня не любишь.

Прижав Айлин к толстому дубу, де Бад задрал ее роскошную юбку, приподнял любовницу и вонзил в нее свое копьё.

- Не люблю тебя, красавица? Разве это «петушок» человека, который тебя не любит?

- Это «петушок» похотливого негодяя, - пробормотала Айлин, обнимая его и сцепляя ноги у него за спиной. Саэр де Бад улыбнулся ей:

- Ты единственная, которую я любил и буду любить. План твоего отца идеален, дорогая. Ты выйдешь за богатого старичка, которому нужен наследник. Когда он окончательно потеряет надежду обрести сына, ты начнешь медленно травить его, как когда-то Ричарда. Ну а тем временем я женюсь на монашке, и она даст мне сына. Потом она отправится за братцем, и хозяин Эшлина Саэр де Бад женится на богатой вдове, леди Айлин. Мы сумеем купить еще больше земли и станем самыми могущественными людьми в округе. Все, что нам необходимо, - немного терпения, красавица моя.

- Но почему ты сказал отцу, что уже успел отведать ее прелестей? - вновь взвилась Айлин. - Мне казалось, что этот парень вовремя помог ей сбежать.

- Так и было. Но я знал, что твой отец не собирается ничего предпринимать, если я не признаюсь, что обесчестил девчонку. А теперь он завтра же отправит посланника к епископу. Тот не разрешит Элинор принять постриг, пока не будет доказана правота моих слов. Моего заявления вполне достаточно, чтобы ее изгнали из монастыря, а если и нет, король, несомненно, вынесет решение в мою пользу, основываясь исключительно на моих показаниях. Вспомни, я видел ее голой во время купания и могу детально описать все ее приметы и особенности, если меня заставят сделать это. Только любовник может знать подобные вещи, красавица моя.

Он снова врезался в нее.

- Ты прекрасно все придумал, - одобрительно протянула Айлин.

- Я хочу Элино де Монфор и хочу Эшлин, - выдавил Саэр де Бад. - И получу их. Толчок... другой... третий...

- Кажется, я дура, что доверяю тебе, Саэр? - спросила Айлин. Никто не возбуждал ее так, как этот человек. В нем было нечто опасное, манившее и соблазнявшее ее. Только он умел дать ей безумное наслаждение.

Айлин громко закричала, извиваясь в блаженных судорогах.

- Ты должна решить сама, красавица, - поддразнил он, отстраняясь и спуская ее на землю.

- Ты настоящий сатана, я больше чем уверена в этом, - прошептала она.

Де Бад рассмеялся:

- Возможно, дорогая Айлин. В конце концов, кто, кроме дьявола, получает неземное удовольствие, насилуя монахиню? И он исчез во тьме, оставив Айлин в одиночестве.

Женщина вздрогнула. Только теперь она начала понимать, как коварен и порочен ее любовник. В этот момент Айлин почувствовала, что он способен предать ее так же легко, как любого человека. О, она не сомневалась в его любви, но последнее время остро ощущала исходившее от него зло. Если Элино де Монфор даст ему сына, удовлетворится ли он или потребует от нее других детей? А что, если он разлюбит Айлин и влюбится в Элино? Разве мать не говорила, что мужчина будет любить и прощать всякую женщину, давшую ему детей? Но именно этого не способна сделать Айлин. Значит, нужно либо воспрепятствовать отцу найти ей мужа, либо как можно скорее убить новобрачного, а потом отправиться к Саэру и сделать все, чтобы он избавился от своей благочестивой монашки. На этот раз никто не разлучит ее с любимым!

Епископ Вустерский принял послание барона Хью, прочитал, крайне удивился и послал гонца в монастырь с письмом, запрещающим Элино де Монфор давать монашеские обеты, пока обвинения, выдвинутые бароном Хью и его племянником Саэром де Бадом, не будут доказаны или опровергнуты.

Настоятельница пробежала глазами ровные строчки и рассерженно отшвырнула пергаментный свиток.

- Ад и проклятие! - тихо выругалась она, но тут же покаянно перекрестилась. Бедная Элино! Девочка только начала оправляться от своих несчастий.

Аббатиса, как женщина умная, сразу поняла, что целью дьявольской интриги было заполучить Эшлин. По словам Элино, ее неудачливый соблазнитель был безземельным рыцарем. Вероятно, стремился обесчестить девушку, чтобы монастырь от нее отказался. Ей пришлось бы выйти замуж за де Бада, и поместье перешло бы к нему. Теперь он и его дядюшка пытались добиться клеветой того, чего не сумели достичь насилием.

- Им следовало бы вырвать языки, - пробормотала настоятельница и, позвав послушницу, послала ее за сестрой Коламбой. Она и Изабо Сен-Симон были лучшими подругами Элино. К сожалению, Изабо две недели назад оставила монастырь, чтобы вернуться домой и выйти замуж.

Прибежала запыхавшаяся монахиня и низко поклонилась настоятельнице:

- Чего изволите, матушка? Чем могу услужить вам?

- Садись, дочь моя, - велела аббатиса и объяснила, что произошло.

- О, какая низость! - воскликнула сестра Коламба. - Это разобьет сердце Эльф, матушка!

- Поэтому я и сказала тебе первой, дочь моя. Ты должна помочь мне убедить Элинон смириться. Ничто не случается просто так, во всем виден промысел Божий. Я поговорю с ней, но ты будешь присутствовать при разговоре.

Узнав о том, как ее очернили, Эльф разразилась слезами:

- Но я девственна, матушка! Я бы не осмелилась лгать в таком деле из страха погубить свою бессмертную душу!

- Я верю тебе, дитя мое, - кивнула аббатиса, - но епископ не знает тебя и, разумеется, потребует доказательств. Сестре Уинифред придется осмотреть тебя. В этом случае не останется ни малейших сомнений в твоей чистоте.

- Осмотреть меня? - дрожащим голосом повторила Элинон. - Но как?!

- Она вставит палец в твой женский проход и определит, что твоя невинность не тронута. Это совсем не больно и займет всего минуту-другую, - бесстрастно пояснила настоятельница.

Эльф побледнела, а сестра Коламба ахнула. - Сделаем это сейчас, чтобы у тебя не было времени волноваться и мучить себя в ожидании неприятной процедуры, - мягко заметила аббатиса. - Пойдем. И ты тоже, сестра Коламба. Будешь держать подругу за руки, чтобы придать ей мужества.

Все трое направились в лекаряню. Аббатиса объяснила сестре Уинифред, что предстоит сделать, и та, кивнув, велела Эльф лечь на стол. Потом принесла воды и тщательно вымыла руки.

- Сестра Коламба, - велела она, - подними ее юбки, а ты, Элинон, согни ноги в коленях и разведи их.

- Я боюсь, - пробормотала Эльф.

- Тут нечего бояться, - деловито заметила сестра Уинифред. - Постарайся запомнить все, что я делаю, ибо в один прекрасный день тебе придется занять мое место и самой выполнять такие же обязанности. А теперь начнем.

Монахиня окунула палец в горшочек с маслом и осторожно проникла внутрь девичьего тела. Элинон, тихо вскрикнув, потеряла сознание.

- Так даже лучше, - кивнула сестра Уинифред. - По крайней мере она не напрягается.

Сосредоточенно наморщив брови, она немного помедлила, отняла руку и снова сполоснула водой.

- Опусть ее юбки, сестра Коламба, и сожги под носом перо, чтобы привести бедняжку в чувство. Вне всякого сомнения, она девственна, матушка. Мой палец - единственное, что проникало в ее тесные ножны. Ее девственность по-прежнему нетронута, и ни один мужчина

не проторил эту дорожку. Ее обвинители лгут, я клянусь в этом телом нашего Создателя.

- Спасибо, - кивнула аббатиса. - У меня не было ни малейших сомнений, но епископу потребуются не просто слова девушки. Однако он обязан поверить свидетельству монастырской лекарки.

Эльф пришла в себя и с помощью подруги слезла со стола.

- Но что будет теперь? - встревоженно спросила она.

- Я пошлю епископу письмо, в котором расскажу, как все было, но пока он не даст разрешения, ты не можешь принять постриг. Кроме того, я сообщу, что ты готова защищать Артура в суде, объясню, что дала ему убежище, а он пусть поклянется бессмертием души, что Саэр де Бад пытался изнасиловать тебя, но не сумел. Этого будет достаточно.

Возможно, ко Дню святого Мартина ты сможешь принять обеты.

- Хорошо, - вздохнула Эльф.

Несколько недель спустя епископ сообщил, что удовлетворен клятвами Элино де Монфор и доказательствами, представленными сестрой Уинифред, однако король приказывает Элино де Монфор и аббатисе прибыть в Вустер ко Дню святого Андрея. Его величество тоже посетит епископа и собирается сам решить судьбу Элино де Монфор.

Эльф едва ли не впервые в жизни вышла из себя.

- Неужели нет конца мерзостям де Бада? Он что, воображает, что король может вынудить меня выйти за него? Да я скорее умру, чем стану чьей-то женой! Это невозможно! Да чтоб у него чирей на носу сел!

Аббатиса закусил губу, чтобы скрыть смех.

- Дитя мое, ты не должна желать зла никому, особенно сэру де Баду. Совершенно очевидно, что Господь не дал ему разума, а это тяжкое бремя для любого мужчины. Ничего, мы поедем в Вустер, все выясним и выпросим прощения для Артура.

- Да, матушка, - кивнула Эльф. - Мне стыдно за свою вспыльчивость.

- Дочь моя, - заметила настоятельница, - ты стремишься стать монахиней, но не забывай, что при этом ты всего лишь простая смертная. Может, когда-нибудь тебя и канонизируют, но большинство из нас - обыкновенные женщины, с такими же человеческими недостатками, как и все люди. Нет греха в том, чтобы испытывать праведный гнев. Только не стоит держать камень за пазухой, это куда хуже. Боюсь, что ты чересчур усердно стремишься добиться совершенства, ведь самое главное - чистота бессмертной души нашей.

В конце ноября они отправились в Вустер. Четырех монахинь сопровождали с полдюжины вооруженных воинов., хотя вряд ли кто-то осмелился бы напасть на служительниц Божьих. Настоятельница попросила сестру Уинифред сопровождать их, считая, что показания лекарки будут бесценными в столь запутанном деле. Кроме того, она пригласила также сестру Коламбу. Пусть девушки немного поболтают и отвлекутся от невеселых мыслей. Пожилая сестра Уинифред была слишком слаба, чтобы ехать верхом, и восседала в маленькой тележке, чем, разумеется, сильно задерживала небольшую процессию. Вместо обычных трех дней они пробыли в пути четыре.

Стояла поздняя осень. Серое небо низко нависало над землей. Тут и там коровы и овцы щипали последнюю травку.

Первую ночь они провели в доме барона, родственника аббатисы, а следующие две – в монастырях. Наконец к вечеру четвертого дня показался Вустер. На башне епископского замка красовался королевский штандарт. Монахини остановились в странноприимном доме при соборе, где никого не было, кроме них, и немедленно послали воина к епископу с известием о своем приезде.

Король, епископ и придворные обедали в большом зале. Его величество, выслушав гонца, кивнул.

- Итак, настоятельница привезла свою подопечную, – заметил король – невысокий человек с грустным лицом, рыжеватыми волосами и бородой, в которой блестело серебро. Добрые голубые глаза задумчиво прищурились. – Пора решить это дело раз и навсегда.

- Вы уже знаете, как поступить, сир? – осведомился его друг Джеффри де Боун.

- Весьма неприятная история, – отозвался король. – Хью де Варенн просит сделать его опекуном девушки. Его младшая дочь – вдова усопшего владельца Эшлина, брата молодой леди. Если я исполню просьбу де Варенна, он, вне всякого сомнения, заберет девушку из монастыря и выдаст замуж за своего племянника Саэра де Бада, чтобы прибрать к рукам поместье. Де Бад утверждает, что согрешил с ней, но и она сама, и монастырская лекарка клянутся, что это ложь.

- Барон Хью воевал на нашей стороне, сир? Заслуживает ли он награды? – справился де Боун.

- Барон Хью всю жизнь заботился о собственной выгоде. Поддерживал меня, когда это совпадало с его интересами, но при удобном случае готов был перевернуться к авантюристке Матильде, – с сухой улыбкой пояснил король.

Последнее время он редко улыбался, ибо недавно потерял жену, сильную и мужественную женщину, мудрых советов которой ему так недоставало. И сейчас он пытался представить, как поступила бы в подобной ситуации покойная супруга.

- А Ричард де Монфор был вашим человеком? – допытывался Джеффри.

- Ричард де Монфор подчинялся законам этой страны и поклялся в преданности его величеству, – вмешался епископ.

- Но разве его отец не сражался в войсках Матильды и не погиб на поле брани? Насколько поместье важно для вас, сир?

- Верно, что отец Ричарда считался сторонником претендентки на престол, но ведь не он один! Ричард был совсем мальчиком, когда лишился отца. Он никогда не был перебежчиком и свято чтит обеты верности, данные его величеству. Его сестра с пяти лет пребывала в монастыре. Сомневаюсь, что Элинор де Монфор что-то понимает в светской жизни, не говоря уже о политике, – горячо защищал де Монфоров епископ. Кому, как не ему, увидеть истинные намерения де Бада. Всякий мужчина стремится приобрести землю, основу могущества и власти, и де Варенн с племянником прекрасно это понимают.

- Расскажите, любезный мой епископ, об этом поместье, – спокойно потребовал король. Ему очень хотелось принять справедливое решение.

- Оно находится близ Уэльса. Небольшое и не слишком богатое, но довольно зажиточное. Вот, пожалуй, и все. Но у сэра де Бада совсем нет владений и денег тоже, и единственный способ заполучить Эшлин - жениться на наследнице.

- Девушка еще не приняла постриг? - осведомился король.

- Нет, сир. Она должна была принести обет Господу в июне, но пришлось отправиться в Эшлин ухаживать за умирающим братом. Дату перенесли на праздник святого Фрайдсуайда, но тут последовало обвинение де Варенна и его племянника, утверждавших, что последний вступил с Элинором де Монфор в плотские сношения. Девушка это отрицает, а лекарка монастыря подтверждает, что Элинором де Монфор девственна. Я уже хотел было разрешить девушке перейти в монашество, но барон Хью пожаловался вам, и вы потребовали привезти леди Элинором, прежде чем принять решение. Каков же будет ваш приговор, господин мой?

- Объявлю его после того, как выслушаю обе стороны, - ответил король. - Пусть все, кто замешан в этом деле, предстанут передо мной по завершении утренней мессы.

Епископ повернулся к гонцу:

- Ступай в странноприимный дом и скажи настоятельнице, чтобы вместе с леди Элинором пришла в большой зал завтра утром, после службы.

Молодой человек поклонился и почти выбежал из зала.

Три монахини и робкая послушница переступили порог зала, и эконом епископа немедленно о них доложил. Женщины вышли вперед, напоминая стайку черных лебедей с маленьким серым утенком. Настоятельница сначала встала на колени перед королем, потом поцеловала перстень епископа. Спутницы последовали ее примеру. Король, внимательно рассмотрев Элинором де Монфор, нашел ее настоящей красавицей и весьма скромной особой. Она всего лишь раз подняла на короля прозрачные серо-голубые глаза, но тут же застенчиво потупилась. Король невольно улыбнулся. Неудивительно, что молодой де Бад так добивается ее!

Барона Хью с племянником тоже позвали в зал. Рыцарь выступал гордо, голову держал высоко, уверенный в своей победе. Его дядя прошлой ночью бражничал с другом короля, Джеффри де Боуном, и поделился с ним кое-какими мыслями, которые де Боун наверняка не преминет передать королю. По мнению де Бада, услышав их, его величество непременно отдаст Элинором под опеку де Вареннов, а это означает, что Эшлин почти у него в руках.

Вновь прибывшие поклонились королю Стефану, и де Бад украдкой посмотрел на прекрасную послушницу. Она ответила таким свирепым взглядом, что он едва не рассмеялся. Нет, Элинором не предназначена для монастыря. Такая страсть должна принадлежать ему, а не какому-то невидимому Богу.

- Барон Хью, - начал король, - ваш племянник поклялся, что вступил в плотскую связь с послушницей Элинором де Монфор. Она же клянется, что чиста. Монастырская лекарка осмотрела девушку и подтверждает ее слова. Очевидно, ваш племянник лгал?

- Да, но признался в этом лишь сегодня утром, сир, - покаянно пробормотал Хью де Варенн. - Когда я потребовал объяснить причину столь нелепой клеветы, он твердил, что любит леди Элинором и не мог придумать другого способа завоевать ее. Он еще молод, сир, и нетерпелив. Умоляю вас простить его.

- - За прощением нужно обращаться не ко мне, а к даме, - спокойно возразил король. - Вы

прощаете его, леди?

- За поклеп или за то, что лгал дяде, чтобы этот поклеп оправдать? - медоточивым голосом осведомилась Эльф. Губы короля дернулись в усмешке.

- Так вы не верите в его любовь, леди?

- Разве любящий мужчина будет вести себя подобным образом? Кроме того, он ведь совсем не знает меня. Не настолько я глупа, чтобы не понять, чем так его привлекла. Вернее, не я, а Эшлин! Этот человек надеется приобрести положение и земли, женившись на мне, но я ему совершенно безразлична, как, впрочем, и он мне! Говорю прямо и открыто: я принадлежу Господу.

- Но ваше поместье, леди, - пояснил король, - находится на границе с Уэльсом и крайне важно для обороны королевства. Владелец Эшлина должен быть человеком, безгранично преданным мне, моему сыну и нашему делу. Ему должны беспрекословно подчиняться все обитатели Эшлина. А чтобы достичь этой цели, он должен получить вашу землю. Я всесторонне обсудил ваше положение с епископом, и мы пришли к единому мнению. Вы не станете монахиней, Элино де Монфор, вам придется выйти замуж.

- Нет! - воскликнула Эльф, с отчаянием глядя на аббатису. За спиной послышались рыдания Матти.

- Вопрос, дитя мое, только в том, кто станет вашим супругом, - вкрадчиво продолжал король, не обращая внимания на ее сопротивление. - Уверены, что не хотите обвенчаться с Сазром де Бадом?

- Никогда, - прошипела Эльф. - Этот человек - прелюбодей, который возлежал с женой моего брата!

Да я не стала бы его женой, будь он последним мужчиной на земле! Умоляю вас, сир, не принуждайте меня идти к алтарю! Я беспрекословно отдам вам Эшлин, если пожелаете, но позвольте мне и дальше жить в монастыре! Сердцем и душой я уже монахиня.

- В таком случае, если вы отказываете де Баду, я сам должен выбрать вам мужа, - твердо заявил король. - Предвидя ваше сопротивление, я уже сделал выбор. Вы станете супругой одного из моих рыцарей, воспитанного при дворе моего дяди Генриха, человека, который верно и честно служил нам много лет. Как и сэр де Бад, он тоже безземельный, и пора вознаградить его за преданность. Он хороший, богобоязненный человек, Элино де Монфор, и будет хорошо к вам относиться. Вы и ваши люди будете с ним в полной безопасности, - заверил Стефан, игнорируя ее мольбы. - Выйдите вперед, сэр Ранульф де Гланвиль, и приветствуйте свою невесту.

Аббатиса встала рядом с Эльф, осторожно стянула с нее апостольник и расплела толстую косу. Девушка обратила на нее испуганный взор.

- Пожалуйста, матушка, сделайте что-нибудь, - прошептала она, но потрясенная аббатиса не ответила. Тогда Эльф вновь обратилась к королю:

- Почему вы так поступаете со мной, сэр? Почему?

- Разве за все эти годы в монастыре вы не приучились к повиновению, Элино де Монфор? - пожурил ее епископ.

- Но, дорогой мой епископ, она все-таки заслужила того, чтобы получить объяснение причин разительных перемен в своей жизни, - возразил король Стефан, протягивая руку Эльф. - Подойди сюда, дитя мое, и послушай.

Когда девушка нерешительно вложила пальчики в ладонь короля, тот притянул ее к себе и тихо сказал:

- Поверь, это решение я принял не сгоряча, а хорошенько все обдумав. Как мне удалось узнать, де Монфоры сражались за моего деда, Вильгельма Завоевателя, как в Нормандии, так и в Англии. Они пришли вместе с ним сюда, чтобы участвовать в победной битве при Гастингсе. Потом твой предок женился на саксонке, наследнице Эшлина. Подозреваю, что именно от нее ты унаследовала свои волосы цвета светлого золота. - Король ободряюще улыбнулся. - Кровь саксонских прадедов течет в венах де Монфоров. Кстати, леди Элинор, у вас есть крепостные? Сколько?

- Семьдесят три и десять вольноотпущенников, - ответила девушка.

- Они когда-нибудь бунтовали против хозяев?

- О нет, сир! В Эшлине живут мирные люди.

- А если понадобится, будут они защищать Эшлин? - допытывался король.

- Конечно! Жители Эшлина всегда были нам верны.

- Всегда нам верны, - повторил король. - Кому, госпожа? Вашей семье, потому что ее члены связаны родством с исконными хозяевами Эшлина. Именно по этой причине вы должны выйти замуж. Не могу позволить, чтобы род де Монфоров прервался. Это возмутит население Эшлина и настроит против нового хозяина. Совсем другое дело, если этот хозяин женится на наследнице Эшлина. На вас, леди Элинор. Ваш муж станет следить за хозяйством и защищать поместье, если потребуется, следуя примеру вашего покойного брата, да упокоит Господь его благородную душу. Вы показались мне умной и сообразительной девушкой, и уверен, поймете всю важность союза де Монфоров и де Гланвилей.

- Да, сир, - едва слышно выдохнула Эльф.

- Но все же вы не согласны с моим повелением, - отметил король. - Говорите без опаски, и я попытаюсь развеять ваши страхи.

Эльф подступила к королю, все еще взволнованно стискивая его руку.

- Сир, меня не готовили быть женой и хозяйкой поместья, - прошептала она. - Даже если бы мне, и захотелось выйти замуж, я не знала бы, что делать. Меня учили читать, писать, говорить по-французски, по-английски и по-латыни. Надеюсь, сестра-лекарка подтвердит, что я стала ей достойной помощницей. Я умею даже петь хоралы, но, увы, ничего не знаю о том, как вести дом, готовить, варить варенье, делать солонину. Никогда не подходи да к музыкальным инструментам, и хуже всего... - тут Элинор залилась краской, - ..совершенно невежественна во всем, что касается мужчин и их желаний. Из меня выйдет ужасная жена, а вот монахиня будет неплохая.

Король, внимательно выслушав тираду девушки, изрек:

- Возможно, это правда, дорогая, но ведь вы сумели познать все необходимое для монахини.

Уверен, что среди домочадцев найдутся такие, кто поможет вам стать хорошей хозяйкой поместья. Что же до остального, по собственному опыту знаю, как наслаждаются мужчины, наставляя своих жен в том, чего они не знают.

- Но, сир, - снова попыталась настоять на своем Эльф.

Тут вмешался епископ.

- Дочь моя, - вам сказано, в чем ваш долг. Прекратите жаловаться и скажите королю, что повинуетесь, - рассерженно отрезал он. Подумать только, в этой упрямой девчонке ни капли почтительности!

Эльф, однако, не собиралась признавать поражение. Ясные глаза мятежно блеснули. Она открыла было рот, но тут же замолчала подвластным взглядом аббатисы и плотно сжала губы.

- Дочь моя, - объявила матушка Юнис, - когда ты пришла к нам, я верила, что ты останешься в монастыре навсегда. Теперь же мне ясно видно, что Господь указывает тебе иной путь и ты должна покориться. Тебе предназначена участь жены, а не монахини. Отныне ты будешь уважать и любить рыцаря, которому предстоит стать твоим мужем. Возможно, в один прекрасный день ты пошлешь к нам одну из своих дочерей и посвятишь ее Богу. Но если будешь продолжать спорить с его величеством и господином епископом, опозоришь всех нас. Подумай, что скажут люди! Что в нашем монастыре плохо наставляют воспитанниц! Нехорошо, дитя мое!

Эльф с глубоким вздохом подняла глаза на короля.

- В глубине души я несчастна, сир, но не смею возражать, - нерешительно пробормотала она.

Король Стефан погладил маленькую белую ручку.

- Иногда нам трудно понять промысел Господень, Элино де Монфор, но все мы должны быть покорны воле его. Не бойся. Я отдаю тебя хорошему человеку. Подойди ко мне, Ранульф де Гланвиль, - окликнул он и, когда тот выступил вперед, вложил пальчики девушки в большую мужскую десницу.

- Как попечитель этой девушки и твой король, я отдаю тебе ее в жены, Ранульф де Гланвиль, со всем добром и владениями. Будешь ли ты обращаться с ней с любовью и уважением и защищать поместье во имя своего короля?

Огромная сильная ладонь сжала руку девушки. Какая теплая и... и надежная!

- Господь мне в этом свидетель, сир, - тихо произнес глубокий знакомый голос.

Эльф резко вскинула голову и впервые за все это время пригляделась к своему будущему мужу.

- Вы! - ахнула она. - Так это вы! Тот рыцарь, что проезжал через Эшлин незадолго до смерти моего брата! Вы еще отвезли завещание Ричарда его величеству и господину епископу!

- Он самый, леди Элино де Монфор, - кивнул Ранульф.

- Завтра утром епископ вас обвенчает, - повелел король. - Госпожа аббатиса, позаботьтесь о наряде невесты.

- С радостью, сир, но, увы, я не взяла с собой денег, - смущенно призналась матушка Юнис.

- Епископ снабдит вас всем необходимым, - пообещал король. Голубые глаза лукаво блеснули. - Не скупитесь. Наш епископ славится своим великодушием. Леди Элинон должна иметь все необходимое.

- Разумеется, - поспешно согласился епископ. - Выбирайте что пожелаете, матушка.

- Сир, - обратилась Элинон к королю, - умоляю вас о милости. Позвольте мне рассказать все, прежде чем уйти отсюда.

Она осторожно отняла руку у Ранульфа.

- Говорите, - кивнул король, мельком отметив, как ловко девушка отстранилась от жениха. Недаром ему казалось, что леди Элинон прекрасно переживет разочарование и внезапный поворот судьбы.

- Это о приданом, выделенном мне братом. Я бы хотела оставить его в монастыре. Добрые сестры заботились обо мне с пяти лет. Кроме того, сестра Уинифред уже немолода и нуждается в помощнице. Немало времени уйдет, чтобы воспитать другую девушку, способную распознавать травы и заботиться о больных. Теперь, когда я стала наследницей Эшлина, моих земель и денег для сэра Ранульфа более чем достаточно.

- Согласен, - сказал король, - но окончательное решение за вами, Ранульф. Что скажете?

- Я тоже согласен, сир. Справедливо, чтобы монастырь получил свою долю. Я уж не говорю о том, что леди Элинон должна была через несколько дней принять постриг. Со своей стороны, каждый год в октябре обязуюсь поставлять в монастырь две бочки пива в благодарность за мою удачу и красавицу невесту.

- Прекрасно сказано! - воскликнул король. - Ну, о чем еще вы желали поговорить, леди?

- О моем крепостном. Об Артуре, - начала она.

- Он напал на меня и едва не убил, - вмешался Саэр де Бад. Он все еще продолжал стоять рядом с дядей, который не произнес ни слова в его защиту с той минуты, как король отдал руку Элинон своему рыцарю.

- Слуга, избивший господина, должен быть казнен без суда и следствия. Этот негодяй сбежал и скрывается в монастыре. Требую правосудия!

- Хотела бы я знать, сорвалось ли когда-либо с твоих уст хоть слово правды! - рассвирепела Элинон. - Артур стащил тебя с меня и не дал погубить мою невинность! Ты упал и раскроил голову о край стола!

- Он ударил меня! - завопил де Бад, забыв о приличиях.

- Этого я не видела, - ничтоже сумняшеся солгала Эльф, глядя прямо ему в глаза. - Артур, - объяснила она королю, - на год старше меня, сир, и в детстве мы часто играли. В тот день он работала саду и часом раньше помог мне разжечь огонь в очаге, ибо я собиралась варить целебные эликсиры. Не будь его, кто знает, что случилось бы! Он услышал мои крики и прибежал на помощь, а потом едва не силой потащил меня в дом. Эконом Седрик и старая нянюшка Аида посоветовали нам укрыться в монастыре. Артуру грозила верная смерть, но матушка Юнис великодушно дала ему убежище. Разве не так, матушка?

Настоятельница, поколебавшись, кивнула:

- Да, сир. Артур из Эшлина действительно просил у меня убежища.

Она поверить не могла, что тихая, послушная Элинон способна так дерзко врать. Все же она не попросила аббатису подтвердить историю целиком и спросила только, действительно ли матушка Юнис дала убежище беглому крепостному. Не ее вина, если присутствующие вообразят, будто и все остальное – чистая правда.

Так и произошло.

- Я дарую прощение крепостному Артуру из Эшлина и разрешаю вернуться домой, – объявил король. – Пусть мой указ запишут и передадут в монастырь. – Он перевел взгляд на де Бада и добавил:

- Вы смелый воин, сэр де Бад, но, очевидно, вам недостает хороших манер. Я отсылаю вас в Блуа, ко двору моего брата. Там вы и останетесь, пока за вами не пришлют. Двор моего брата славится элегантностью и утонченностью, уверен, что вы многому сможете научиться. Отправляйтесь сегодня вечером и захватите письма для брата. Да сопутствует вам удача.

Саэр низко поклонился. Не стоит спорить, если, конечно, он не вознамерился значительно укоротить свое земное существование. Хотя он и любит Айлин, нет смысла идти из-за нее на плаху. В мире существуют сотни других женщин, которых можно затащить в постель.

- Благодарю вас за доброту, сир, – воскликнул он и растворился в большой группе придворных, собираясь найти приятелей, с которыми можно было бы провести время до отъезда. Он даже не позаботился попрощаться с дядюшкой, поскольку тот не слишком старался помочь ему сегодня. Если бы король заключил его под стражу за попытку изнасилования, барон и тогда наверняка бы промолчал.

- А теперь, барон Хью, – снова заговорил король, – потолкуем о вашей дочери. До моих ушей дошло, что Ричард де Монфор умер при весьма странных обстоятельствах. И хотя доказательств нет, все же многие уверены, что ваша дочь виновна, и это косвенно подтверждает ее связь с кузеном. Не отрицайте ничего, барон, многие видели их вдвоем, хотя не спешат с обвинениями. Итак, существует подозрение, что ваш покойный зять был отравлен. Но поскольку самыми близкими людьми Ричарда де Монфора были ваша дочь и ее кузен, а всем известно, что слуги любили своего господина, вполне возможно, что убийца – леди Айлин. Поэтому я запрещаю вам искать ей мужа. Заключите ее в монастырь и держите там до конца дней, барон Хью, она опасная женщина.

- Сир, – запротестовал де Варенн, – откуда известно, что моя дочь способна на такое страшное деяние? Какая причина у нее была для расправы с мужем? Она любила Ричарда.

- Ваша дочь так и не родила ребенка после девяти лет брака. У Ричарда де Монфора трое бастардов от крепостных девиц. Вдруг она узнала про это и обозлилась. Кроме того, леди Айлин любила своего кузена. Она могла решиться отравить мужа, с тем чтобы де Бад потом обесчестил его сестру, истинную наследницу. Тогда девушке пришлось бы выйти замуж за насильника. Ну а со временем леди Айлин захотела бы избавиться от невинной жертвы и выйти за своего кузена.

Эшлин остался бы у них.

- Государь, что за невероятная история! – не выдержал де Варенн. – У вас нет никаких улик

против моей дочери и Саэра де Бада.

- К сожалению, доказательств более чем достаточно, - ледяным тоном заверил король. - Седрик из Эшлина, выйди и свидетельствуй!

Эконом медленно выдвинулся вперед, охваченный благоговейным страхом. Никогда ему еще не приходилось бывать в столь высоком обществе! Однако стремление навсегда избавить госпожу от Саэра де Бада и его родственников пересилило.

- Я здесь, повелитель, - произнес старик, кланяясь королю.

- Ну что, Хью де Варенн, послушаем речь эконома или вы прекратите ныть и жаловаться и сделаете, как я велел? - осведомился король.

- Я повинуюсь, сир, - пробормотал барон, проклиная про себя дочь. Ничего, он найдет самый отдаленный монастырь с самыми жесткими правилами и позаботится о том, чтобы упрятать там Айлин навеки! Подумать только, его семья едва не погибла, и все из-за этой похотливой преступной суки!

- Идите и выполняйте мои распоряжения, - велел монарх. Хью де Варенн поклонился и, пятясь, исчез.

- А теперь, - сказал король эконому, - готов ты поклясться от имени всех обитателей Эшлина, что будешь верен лорду Ранульффу? Примешь его как своего нового хозяина?

- С радостью, сир, пока он будет почитать и уважать нашу госпожу Элинон, - прямо ответил эконом.

- Не беспокойся, старик, я позабочусь о ней, - пообещал де Гланвиль.

- В таком случае мы готовы преданно служить вам, господин, - ответил с поклоном Седрик.

- Значит, все улажено, - облегченно вздохнул король. - Венчание состоится завтра, до утренней службы, Выйдя на улицу. Эльф обратилась к эконому:

- Как ты тут оказался, Седрик? Я не давала тебе разрешения покинуть Эшлин.

- Пришлось приехать, госпожа. Покорно прошу прощения, но старая Аида не давала мне покоя, день и ночь тревожилась о том, что рыцарь де Бад каким-то образом вынудит вас выйти за него. Мы не стали бы служить такому человеку, даже из любви к вам.

- Но как ты добился аудиенции короля? - удивилась Эльф.

- Сказал службе епископа, что у меня есть важные сведения относительно того дела, что будет сегодня слушаться. Служка повел меня к управителю, который все объяснил его величеству. Я рассказал ему все, что слышал и видел в доме лорда Ричарда за последние месяцы. Занятая лишь своими гнусными желаниями, леди Айлин не замечала слуг. К несчастью, мы, будучи всего лишь крепостными, не могли остановить ее и, если бы осмелились вслух прошептать о наших подозрениях, были бы жестоко наказаны. Аида считает, что сладости, которыми леди Айлин кормила господина, были отравлены. Но леди Айлин, не стесняясь, говорила о своем желании избавиться от мужа. Вот я и подумал, что король должен знать обо всем, прежде чем решить вашу участь. Я рад, госпожа, что вы возвращаетесь в родной дом.

- Ты останешься сегодня со мной, эконо́м, - велел Ранульф. - Твоей хозяйке пора готовиться к венчанию. - Он повернулся к Эльф и сжал ее руку:
- Госпожа, не нужно меня бояться. Вы - дама нежного воспитания, и я обещаю во всем исполнять ваши желания, ибо хочу, чтобы наш союз был счастливым.
- Вы такой огромный, - застенчиво прошептала Эльф.
- А вы такая маленькая, - улыбнулся он.
- Боюсь, из меня не выйдет хорошей жены.
- А мне показалось, что лучшей хозяйки свет не видывал. Пока ваша невестка шепталась с любовником, вы успели позаботиться о моем ужине и постели. Думаю, более подходящей супруги мне не найти.
- Но я многого не знаю! Проще простого приказать принести еду. Но что я скажу, если кухарка спросит, какие блюда готовить?
- Седрик поможет вам. Верно, эконо́м?
- Разумеется, господин, и повар тоже, да и все будут счастливы показать госпоже, что нужно делать.
- Итак, леди Элино́р, - заключил жених, целуя ее пальчики, чем вызвал краску на бледных щечках, - не успеете оглянуться, как станете идеальной хозяйкой.

Они оказались у двери странноприимного дома.

- Теперь мы вас оставим, господин, - объявила аббатиса. - Нужно немедленно отправиться на рынок и посмотреть, что можно приобрести для невесты.
- Леди Элино́р будет прекрасна в любом наряде, - заверил Ранульф и, залившись румянцем, добавил:
- К сожалению, я не мастер говорить красивые слова.

Он поклонился женщинам и, взяв с собой Седрика, удалился.

- Для человека, редко бывающего при дворе, этот рыцарь весьма искусно рассыпает комплименты, - усмехнулась настоятельница. - Он мне нравится.

ЧАСТЬ II. НЕВЕСТА. Англия, 1152 - 1153 годы

Глава 6

- Вы оказали мне большую честь своим приходом, матушка, - обратился портной к настоятельнице, провожая монахинь главку. - Чем могу служить? Я только что получил прекрасную черную шерсть из Франции.
- У вас есть наряд для невесты, мастер Альберт? - спросила аббатиса. - Моя послушница недавно унаследовала земли брата. Король и епископ повелели ей выйти замуж за одного из рыцарей его величества, и, как вы понимаете, у дамы нет ничего, кроме одеяния послушницы.

Нельзя же выдать ее замуж в этом платье!

- Что же делать? - пробормотал портной, нахмурившись. - Придумал! Моя дочь венчается через два месяца. Сейчас позову жену, и мы вместе поищем, не подойдет ли что из ее гардероба вашей молодой леди! - Подойдя к подножию лестницы, он громко воскликнул:

- Марта, спустись, мне нужна твоя помощь.

Дородная супруга портного, узнав о срочном заказе, сочувственно кивнула:

- Ну конечно, нужно что-то сделать. Ни одна девушка не должна в день свадьбы выглядеть серенькой голубкой.

- Епископ дал мне денег, чтобы расплатиться с вами, - обнадежила их аббатиса.

Мистрис Марта улыбнулась. Подумать только, не нужно будет целый год выпрашивать деньги у должника! Превосходно! Она еще больше повеселела, - Подойди, дитя мое, дай на тебя посмотреть, - велела она Элинор. - Что же, вы ниже ростом нашей Сесили, но мы подошьем подол. Туника будет вам впору. Кстати, можно подобрать яркие юбки и туники к ее нынешнему платью. Желтый цвет идет к серому и оттенит ее красивые волосы. А к серой тунике надевать розовые юбки в голубую полоску. Вот уже две смены есть. Теперь насчет свадебного платья. Есть темно-зеленое блио с лифом, расшитым золотом, и зеленые юбки. Вам понравится, дорогая, хотя моя дочь возненавидела его с первого взгляда, так что не пожалеет о нем. Не пойму, что с ней такое. По мне, так прекраснее платья не сыскать, но она считает, что этот наряд слишком роскошен для дочери портного, которая выходит за члена гильдии столяров, хотя я уверена, что Питер в один прекрасный день станет мастером, - гордо объявила она. - Но что спорить с невестой, которая голову от волнения теряет? Пойдем наверх, дитя мое, и посмотрим, как можно подшить юбки.

- Иди с Элинор, сестра Коламба, - велела аббатиса. - Мы с сестрой Унифред останемся здесь.

Девушки последовали за Мартой в большую светлую комнату. Женщина открыла сундук и вытащила желтую тунику и пояс потемнее, затканый медными нитями. Нарядив Эльф, она отступила и удовлетворенно кивнула:

- Наша Сесиль выше и чуточку шире в плечах, но вы обе худышки.

Эльф осторожно коснулась мягкого шелка. Со дня приезда в монастырь она не носила ничего, кроме полотна и шерсти.

- Как я выгляжу? - застенчиво спросила она сестру Коламбу.

- Превосходно. О, жаль, что ты себя не видишь. Сейчас твои волосы кажутся чистым золотом.

- Немного уберу в плечах, и все будет в порядке, - улыбнулась Марта. - Ваша подруга права. Желтый вам к лицу. А теперь, дитя мое, снимайте все. Попробуем надеть розовые юбки и посмотрим, сколько нужно подшить.

Эльф молча повиновалась. Марта опустила на колени и заколола юбку в талии, а потом потребовала, чтобы Эльф надела свою серую тунику, и достала другой пояс, из розового шелка с серебром. Эльф посмотрела на Матти, и та с улыбкой кивнула.

Настала очередь подвенечного наряда. Мистрис Марта вынула блио из сундука.

- Под него надевается камиза с вышитым вырезом. Сейчас померим, - сообщила она и помогла Эльф продеть руки в широкие расшитые рукава.

От талии начиналась юбка в складку. В низком фигурном вырезе виднелась вышивка камизы. Мистрис Марта туго зашнуровала блио сзади и с сожалением объявила, что его нужно ушить. Туники свободного покроя придерживались поясами, но облегающий лиф блио оказался чересчур велик Эльф.

- Это можно сделать, - пробормотала Марта. - Пара швов - и все будет готово. А как вам нравится цвет, добрая сестра?

- Ты прелестна. Эльф, - прошептала молодая монахиня. - Темно-зеленое с золотом оттеняет твою кожу и волосы. Жаль, что Иза тебя не видит! Вот уж позавидовала бы!

Эльф, не сдержавшись, хихикнула.

- Как не стыдно, - упрекнула она подругу и осторожно пощупала дорогую ткань.

- Цвет мне нравится, но шнуровка уж слишком тугая, Совершенно неприлично обтягивает тело.

- Все знатные леди носят блио, госпожа, - заверила мистрис Марта. - Ведь вас будет венчать сам епископ! Не хотите же вы показаться уродливой неряхой в день свадьбы! Все поймут, какую честь вы оказали жениху, одевшись по моде!

- Мать Изы тоже прислала ей блио, - вспомнила подруга, - но твое куда лучше!

Мистрис Марта снова встала на колени и заколола подол юбки и талию.

- Не сомневайтесь, дорогая, завтра вы будете прелестно выглядеть, - пообещала она. - А теперь одевайтесь. Сейчас мы спустимся вниз, к госпоже настоятельнице. Придется всю ночь возиться с вашими вещами.

- Мы могли бы помочь, - предложила Эльф.

- Верно, - поддакнула сестра Коламба. - Матушка, несомненно, согласится. Все мы прекрасно управляемся с иголкой. Не стоит злоупотреблять вашей добротой, мистрис Марта.

Они вернулись в лавку, где жена портного все объяснила аббатисе, добавив:

- Кроме того, желтую тунику можно носить с зеленой юбкой, что позволит даме иметь четвертый наряд.

- Превосходно, - обрадовалась аббатиса. - У леди Элинор будет вполне приличный гардероб и без излишних трат. Элинор, я купила для тебя отрезки тканей, дитя мое. Вернувшись домой, сможешь сама шить себе одежду. И я взяла на себя смелость приобрести несколько головных вуалей, поскольку апостольник ты отныне носить не будешь.

- Мне еще необходимо немного полотна, матушка, для нижнего белья. У меня всего одна камиза, если припоминаете. Нужна еще хотя бы пара.

- Разумеется, дочь моя, - ответила матушка Юнис и, повернувшись к портному, осведомилась:

- Сколько мы будем должны вам, если учесть, что леди и сестра Коламба останутся и помогут

вашей жене перешить платье? Мастер Альберт назвал сумму, и его жена утвердительно кивнула. Аббатиса улыбнулась.

- Думаю, вы слишком скромны, - заметила она и, отсчитав требуемое, добавила сверх того две серебряные марки. - Одна для вас, мастер Альберт, а вторая - для вашей жены за ее доброту к леди Элинор.

Портной низко поклонился, поблагодарил, и настоятельница вместе с сестрой Унифред вышла из лавки, оставив молодых женщин. Мистрис Марта с довольной улыбкой спрятала в карман деньги и сделала знак девушкам следовать за ней. Все трое уселись наверху и приступили к работе. Эльф не хотелось разговаривать. Она молча шила, не отводя глаз от рукоделия, зато сестра Коламба трещала без умолку и успела выложить Марте почти все о себе и подруге. Женщина изумленно ахала, слушая занимательную историю о послушнице, так и не ставшей монахиней.

- Не хочу показаться грубой, - прошептала женщина, но знает ли юная леди о том, что происходит в супружеской постели? Надеюсь, я вас не обидела?

- Вы сами мать, - ответила сестра Коламба, - и может, попытаетесь просветить Эльф? Та поспешно подняла голову:

- В чем дело?

- Мистрис Марта, поняв твое невежество во всем, что касается дел плоти, спрашивает, не стоит ли поговорить с тобой, как сделала бы твоя мать, будь она жива. Думаю, это хорошая мысль. Эльф. Ты никогда не ходила с нами к амбару, и все бы ничего, но завтра выйдешь замуж, а, как говорит наша хозяйка, мужья обычно требуют кое-каких одолжений от своих жен. Ты просто обязана знать, что от тебя потребуется.

Эльф залилась краской.

- Понимаю... но уж очень боюсь.

- Как все непорочные девственницы, - подхватила мистрис Марта. - Но, дитя мое, тут нечего страшиться. Тело женщины прекрасно, тело мужчины не то что уродливо, а вполне обыкновенно. И если природа дала женщинам груди и попку, которые самой природой предназначены для страстных ласк, у мужчины есть всего одно заманчивое местечко. Это его мужское достоинство, предмет особой гордости. Мальчики сравнивают его размеры, взрослые мужчины хвастаются любовными завоеваниями, что весьма глупо. Особенно если учесть, что по большей части это просто обвислый вялый отросток.

Добрая женщина постаралась объяснить Эльф все, как собственной дочери Сесили. Наконец она поинтересовалась:

- Хотите еще о чем-то меня спросить, леди? Элинор покачала головой.

- Остальное можете выяснить у своего мужа. Кстати, мужчины тоже любят, когда их ласкают. Не стесняйся прикоснуться к мужу лишний раз. И конечно, вам известно, как воспрепятствовать зачатию?

- Но это грех!

- Не всегда, - покачала головой Марта. - По крайней мере я так не считаю. Если женщина

рожает детей каждый год, ей не мешает отдохнуть. А те случаи, когда рождение младенца грозит гибелью матери? Такую опасность нужно предвидеть. О, я знаю, церковники считают, что муж и жена в подобных обстоятельствах должны прекратить супружеские отношения, но чаще всего им совсем не хочется это делать, в противном случае естественная похоть мужа направит его к другим женщинам, а какой жене это понравится? Наша благословенная церковь либо не понимает подобных вещей, либо слишком многого от нас требует. Уж лучше принимать каждый день по ложке семян дикой моркови и не знать горя. Таким способом женщина может удовлетворять мужа в постели и удерживать от смертного греха прелюбодеяния.

- Понятно, - кивнула Эльф. Хотя это противоречило всему, чему ее учили, в словах женщины был определенный резон. - Спасибо, мистрис Марта.

Было уже совсем темно, когда женщины закончили работу. Из епископского замка прибыли два стражника, чтобы проводить девушек в странноприимный дом. Мастер Альберт вез маленькую тележку, на которой стоял деревянный сундучок, прибывший от мебельщика, чья мастерская располагалась неподалеку от лавки портного. Мистрис Марта собственноручно уложила вещи Эльф и не позволила девушкам уйти, пока не накормила горячим ужином, состоявшим из тушеного кролика, свежего хлеба и сидра.

Процессия покинула лавку. Впереди шли два ученика мастера Альберта с факелами, за ними портной с тележкой, женщины и вооруженные воины. Они уже почти добрались до места ночлега, когда дверь ближайшего кабака распахнулась и на улицу вывалилось с полдюжины горланящих мужчин. Судя по неразборчивым выкрикам и красным физиономиям, они уже успели накачаться дешевым вином.

- А! - воскликнул один из гуляк, загородив Эльф дорогу. - Это и есть леди Элинор де Монфор, моя несостоявшаяся невеста, которая предпочла мне замшелого старикашку!

Оплывшее от пьянства лицо Саэра де Бада маячило перед ней. Рыцарь гнусно ухмылялся, обдавая ее смрадным дыханием.

- Пропусти меня! - крикнула Эльф. Во всем виноват этот негодяй! Если бы не его притязания, король не узнал бы о существовании Эшлина, и ее мирная жизнь текла бы как раньше.

Рассвирепев, она с силой ударила его по ноге башмаком на толстой деревянной подошве, и тот с воплем отскочил.

- Сука! - прорычал он, но Эльф уже Протиснулась мимо, а воины быстро встали перед де Бадом.

Привратник странноприимного дома приветствовал их, позволил мастеру Альберту внести в ворота сундучок и передать слуге. Девушки поблагодарили портного и сердечно с ним распрощались. В спальне они быстро отыскали свои тюфячки и улеглись. Утомленная событиями этого необыкновенного дня. Эльф быстро уснула, она даже не слышала, как монахини поднялись после полуночи и направились в церковь на ночные службы. Они разбудили ее рано и, пока она завтракала горячей овсянкой и хлебом с медом, попросили служанку принести лохань и горячей воды для купания.

Настало время одеваться к венчанию. Поскольку, кроме них, в доме не было других гостей, никто не нарушил уединения женщин. Аббатиса восхитилась прекрасным блио из шелковой парчи, расшитым золотом. Сначала Эльф надела чистую камизу, а поверх нее вторую, более элегантную, называемую шерт, с вырезом, расшитым золотой лентой, и длинными рукавами, выкрашенными в тон остальному наряду. Аббатиса сама туго зашнуровала блио, пока сестра

Унифред прикрепляла широкие складчатые зеленые рукава к парчовым, доходившим до пояса. Сестра Коламба застегнула длинную юбку и приладила зеленый с золотом кушак с застежкой из полированной меди. Невеста уже успела натянуть чулки и подхватить их подвязками у колена. За ними последовали кожаные башмаки, тщательно начищенные сестрой Коламбой. Настоятельница достала маленький гребень и принялась расчесывать длинные волосы Эльф, доходившие едва не до пят. В доказательство чистоты невесты волосы оставили распущенными. Прозрачная золотистая вуаль, накинутая на голову, удерживалась зеленой лентой.

- Ну вот, - улыбнулась аббатиса, - ты и готова, дочь моя.

- О, Эльф, как ты прекрасна! - воскликнула подруга.

- Мне как-то не по себе, - призналась девушка. - Ведь я никогда не носила ничего, кроме одеяния послушницы. Такой богатый наряд! Боюсь, я в нем похожа на разряженное чучело.

- Ничего подобного! - воскликнула настоятельница. - Это платье для особого случая, свадьбы или праздника, и очень тебе идет. Но нам пора. Нужно успеть в часовню епископа до утренней мессы.

Невесту в сопровождении монахинь отвели в часовню, где обычно молился епископ, совсем небольшую, с простым дубовым алтарем. На тонком белом полотне, покрывавшем его, стояли чудесный золотой крест и такие же подсвечники, где горели высокие свечи из чистого воска. Окон не было, по стенам висели картины на темы Святого Писания. Епископ в тонкой пурпурной сутане и жених уже успели прибыть и ждали невесту.

Впервые за все это время Эльф внимательно присмотрелась к человеку, женой которого станет через несколько минут. Он оказался на две головы выше ее. Каштановые волосы вопреки моде коротко острижены. В отличие от большинства знатных людей Ранульф был чисто выбрит. Овальное лицо с волевым подбородком показалось Эльф довольно приятным. Нос правильной формы, зеленовато-карие глаза светятся умом и добротой, брови густые и темные. Эльф невольно заметила, что ресницы у него длинные и мохнатые. Кажется, он не слишком стар.

Ранульф де Гланвиль чувствовал на себе пристальный взгляд невесты. Он был одет в свою лучшую котту, красного шелка с вышивкой на рукавах и по вырезу. Между подолом его котты и сапогами из мягкой кожи виднелись темно-синие шоссы. Наряд дополнял вышитый синий с золотом пояс. Как повелевал обычай, идя в церковь, Ранульф не взял с собой меча и обнажил голову.

Епископ оглядел пару и решил, что прекраснее невесты не видел. Ее лицо, обрамленное простым апостольником, было неотразимым. Такая способна соблазнить человека куда благороднее Саэра де Бада! Да, эта девушка не предназначена для монастыря! Верный рыцарь короля, Ранульф де Гланвиль су-мест удержать и ее, и земли.

И святой отец с чистой совестью начал церемонию венчания.

Эльф почти не слышала сложные латинские фразы. Ее судьба решена. Но несмотря на многолетнюю привычку к покорности, сердце продолжало бунтовать. Она едва не подпрыгнула, когда Ранульф сжал ее маленькую ручку, и искоса взглянула на него, но тот смотрел только на епископа, продолжая, однако, стискивать ее пальцы. Ужасная мысль пришла ей в голову. Неужели он знает, о чем она думает? Нет! Не может быть! Или... может?!

Аббатиса незаметно подтолкнула ее, и Эльф произнесла супружеские обеты перед Господом

Богом, епископом и свидетелями. К изумлению невесты, жених надел ей на палец изящное золотое кольцо, усыпанное рубинами, и оно идеально подошло!

Епископ провозгласил их мужем и женой. Новобрачные отошли от алтаря, и Эльф только сейчас заметила в часовне короля Стефана. Он выступил вперед, и Эльф встала на колени перед его величеством, вложив руки в его ладони, чтобы принести клятву верности, ибо не сделала этого ранее. Король поднял новобрачную и с улыбкой воспользовался правом монарха поцеловать ее в покрасневшие щеки.

- Я принес вам подарок, Элинор, - объявил он, вручая ей золотую брошь с большим зеленым камнем в центре. - Это принадлежало моей покойной жене, королеве Матильде, как и вы, наследнице фамильных земель. Будь она сейчас с нами - прими Господь в лоно свое ее чистую душу, - сама отдала бы вам брошь, ибо моя Тильда больше всего на свете любила одаривать ближних. Носите в память о ней.

Он прикрепил брошь к платью Эльф, а она поцеловала его руку.

- Это для меня огромная честь, сир. Моя семья не из самых знатных, и все же вы обошлись со мной словно со своей близкой родственницей. Я буду каждый день поминать и вас, и королеву, да упокоит Господь ее душу, в своих молитвах, - искренне поблагодарила девушка.

Король Стефан кивнул.

- Если мы не поторопимся, епископ, наверняка опоздаем к мессе, - предупредил он и отошел.

- Ты поистине учтива, Элинор, - похвалил Ранульф.

- Меня учили хорошим манерам, господин мой, - чуть резковато ответила она.

- Я в этом не сомневался.

Он повел ее к выходу, но тут Эльф увидела в глубине часовни своего эконома.

- Ты тоже присутствовал на церемонии? - осведомилась она.

- Еще бы, госпожа! - с широкой улыбкой воскликнул он. - Старая Аида не простит, если я не опишу все в мельчайших подробностях. - И, поклонившись новому хозяину, Седрик добавил:

- Все готово к нашему отъезду, господин.

- Прекрасно, - кивнул Ранульф. - Теперь остается только прослушать мессу. Элинор, насколько я понимаю, ты, как и я, не желаешь путешествовать в свадебном наряде. После службы мы переоденемся и немедленно отправимся в Эшлин. Заодно проводим добрых сестер и их эскорт до монастыря.

- У тебя нет оруженосца? - удивилась она. Ранульф покачал головой:

- Мне такая роскошь не по карману. Хоть я происхожу из славного древнего рода, за душой у меня только лошадь, доспехи, оружие и кое-какая одежда да немного денег, которые я ухитрился отложить за все эти годы. Наша женитьба для меня - благословение Божие. Мне досталась добродетельная жена, я владелец поместья и теперь могу иметь законных детей и дом, в котором буду спокойно стариться.

- Сколько тебе лет? - пролепетала она, вспомнив насмешки Саэра де Бада.

- Тридцать. Еще не слишком стар, чтобы иметь детей. А тебе?

- Скоро пятнадцать, господин.

Кровь Христова! Он действительно старик!

Вслед за епископом и королем они вошли в церковь.

Дождавшись окончания службы, они распрощались с королем, и Ранульф проводил жену в странноприимный дом, где она переделалась в старую серую юбку и желтую тунику, сложив свадебный наряд в сундучок. Слуги епископа отнесли поклажу в тележку. Там уже сидела сестра Уинифред, крепко сжимавшая поводья любимого мула сестры Джозефы.

Небольшой отряд отправился в путь, быстро оставив позади Вустер. Было уже первое декабря, и день выдался холодным и ясным. Ранульф подгонял коня. Они с Седриком скакали впереди. За ними ехали монахини и Эльф, сопровождаемые воинами. Даже мул, почуяв, что скоро будет в родной конюшне, покорно трусил по дороге, к великому изумлению женщин. Вместо четырех путешествия заняло только трое суток, да еще полдня оставалось новобрачным, чтобы добраться до Эшлина.

В первую ночь они остановились в странноприимном доме аббатства, где для женщин и мужчин предназначались отдельные спальни. То же самое произошло и на следующую. И когда впереди наконец появился монастырь. Эльф показалось невозможным расстаться с монахинями, ставшими ее семьей.

- Прошу вас, приезжайте погостить в любое время, мы всегда будем рады вам, - пригласила настоятельница, тепло обнимая Элинора. - С Богом, дочь моя.

- Нелегко найти такую помощницу, как ты, - вздохнула сестра Уинифред, - но Господь, очевидно, рассудил по-своему. Жаль только, что не дал нам знать раньше.

Она тоже обняла Эльфа и попросила навещать ее.

Сестра Коламба заплакала.

- О, Эльф, я думала, мы навсегда останемся вместе. Мне будет так недоставать тебя!

Эльф обхватила рукой ее плечи.

- Не нужно, Матти. Обещаю, что мы будем часто видеться.

- Пойдемте, сестры, - велела настоятельница. - Пора поблагодарить Господа за то, что сохранил нас в пути. А вы, господин, верните, когда сможете, кобылку, на которой ехала Элинора.

- Возьмите ее сейчас, - предложил Ранульф и, подхватив жену, посадил перед собой. - Дорога близкая, и моя госпожа поедет со мной.

- С Богом, сэр Ранульф, - напутствовала аббатиса и благословила на прощание новобрачных. Процессия потянулась к воротам монастыря.

- Мы могли бы вернуть кобылу завтра, - немного раздраженно заметила Эльф.

- Неужели не чувствуешь? В воздухе похолодало. Вот-вот метель начнется. Зима наступила. Но

если тебе неудобно ехать со мной, Седрик пойдет пешком, а ты возьмешь его лошадь.

- Как я могу просить пожилого человека идти пешком до самого Эшлина, да еще по такому морозу? - фыркнула Эльф. - Подумать страшно.

- Значит, ты согласна ехать со мной?

- Похоже, у меня нет другого выхода, - проворчала она.

- Отчего же? Ты могла бы идти пешком, - поддразнил Ранульф и едва не рассмеялся при виде возмущенного лица жены. - Похоже, дорогая, твоя монастырская скромность быстро выветривается и ты становишься обыкновенной женщиной. И к тому же вспыльчивой, как все рыжие!

Эльф начала молиться про себя Деве Марии. Муж прав, она дала волю гневу, а это смертный грех. Придется возносить молитвы всю дорогу до Эшлина. Она больше не послушница, но должна соблюдать правила приличия. Ее сварливости нет извинения, но неужели все мужчины так назойливы и ведут себя так оскорбительно-надменно?

Эльф неожиданно остро почувствовала близость его тела. Ранульф был одет в тот же теплый плащ, что и во время первого посещения Эшлина. Видно, с тех пор его никто не чистил. Грубая ткань терла ей щеку. Муж обнимал ее одной рукой, пробуждая какие-то непонятные ощущения.

Эльф повернула голову и украдкой глянула на Ранульфа. В уголках его глаз теснились смешливые крохотные морщинки. Красивый мужчина ее муж! И пахнет от него приятно, чем-то вроде душистых трав.

На его темные густые ресницы упала снежинка, и Эльф поняла, что муж был прав. Вот-вот начнется снежная буря.

- Я действительно вспыльчива, - призналась она. - Прости. Далеко еще до Эшлина?

- Мы на полпути, - ответил за Ранульфа Седрик. - Можно, я поеду вперед и предупрежу о вашем прибытии? Повар успеет приготовить праздничный обед.

- Поезжай, - велел Ранульф. - Дорогу еще не замело. И вели приготовить горячую ванну для госпожи. Она замерзла. Седрик ускакал.

- Откуда ты узнал, что мне холодно? - удивилась Эльф. - Я не жаловалась.

- Нет, но я чувствую, как ты дрожишь, Элинора.

Еще одна сторона его характера. Он заботлив. Интересно. Брат тоже любил ее, но как только отвез в монастырь, и думать о ней забыл. Отец Ансельм, пусть и хороший священник, был, однако, настолько похотлив, что не пропускал ни одной молочницы или служанки, если верить Матти и Изабо. Ее крепостные, Седрик, Артур и его отец Джон были готовы на все ради нее и не раз это доказывали, но при этом принадлежали ей как хозяйке Эшлина. Король и епископ, люди могущественные, распорядились ее жизнью, не спросив. Таково их право, ничего не поделать.

И это все, что Эльф знала о мужчинах, пока в ее судьбе не появился Ранульф де Гранвиль. Ее муж. Ее господин.

Она вспомнила, как летом он останавливался в Эшлине. Спокойный, невозмутимый, благодарный за гостеприимство, не то что другие, которые ели за ее столом, спали на мягких перинах и уезжали, даже не сказав «спасибо». В день свадьбы он сразу понял, что ей нужно переодеться, и терпеливо подождал, пока она уложит вещи. И в пути он ни разу не повысил на нее голоса.

Она слышала разговоры девушек в монастыре. Они непрестанно обсуждали мужчин и все утверждали, что те обладают над женщинами неограниченной властью. Их следует бояться и почитать. Одна девица даже заявила, что предпочла бы быть скорее свободной женщиной, которая могла бы поступить в ученицы и освоить какое-нибудь ремесло, чем дочерью барона. Недаром в гильдиях прядильщиц, ткачих и особенно пивоваров преобладали женщины. По крайней мере, прослужив у мастерицы семь лет, такая ученица могла надеяться и сама стать мастерицей. Но остальные подняли ее на смех, уверяя, что во главе женских гильдий тоже стоят мужчины. От их власти никуда не убежать. Даже настоятельница предоставляла решать самые важные дела епископу. Мужчины правили. Женщины подчинялись. Она наследница Эшлина, но теперь самый главный тут – ее муж. Неужели она потеряла всякое влияние на дела поместья? Значит, ее цена равняется стоимости земли? Но как ей узнать это? Кто ей скажет? Кровь Христова!

Она так остро ощущает свою никчемность как жены и хозяйки! Разве король учитывал это, принимая решение? Разумеется, нет.

Девушка с глубоким вздохом инстинктивно прижалась к теплому телу мужа. Он отогнул полу плаща и покрепче укутал ее, чем безмерно удивил.

Кто этот человек, ставший ее мужем?

Всю оставшуюся жизнь ей предстоит это узнавать.

Глава 7

Уже стемнело, и снег падал все гуще. Они наверняка бы заблудились, но предусмотрительный Седрик выслал навстречу людей с факелами. Прошлым летом Ранульф не обратил внимания на внешний облик дома, теперь же отметил каменную ограду вокруг всего поместья. Слишком низкая, нужно непременно надстроить ее на случай нападения валлийцев.

Когда они остановились во дворе, Ранульф соскользнул с седла и, подхватив жену на руки, направился к дому.

- Седрик сказал, – шепнул он, – что есть такой старый обычай – переносить невесту через порог.

- Неужели? – удивилась Эльф. Откуда ей знать такие вещи?

- Где хозяйская спальня? – спросил он.

- Следуйте за мной, – ответил Седрик, – и добро пожаловать домой.

- Поставь меня, – тихо попросила Эльф. Спальня? Зачем ему спальня? Собирается немедленно исполнить супружеский долг? Ведь до сих пор у него еще не было возможности сделать это.

- Ты замерзла и устала, – спокойно отозвался он. – У тебя есть служанка, Элинора?

Господи! Как же приятно держать ее в объятиях! Легче перышка и так прелестна. С первой встречи она влекла его, но даже в самых безумных мечтах он не представлял, что получит ее в жены. Он знал, что король предназначал ее Жану де Бургонну, одному из своих верных рыцарей, но Джеффри де Боун заметил, что Жан не из тех, кому нужна жена. Жан от души расхохотался и согласился.

- Почти монахиня? - фыркнул он. - Господи, спаси меня от таких дам. Мне подавай веселую девчонку, которая знает, как угодить мужчине! Мне нравятся женщины задорные, с огоньком, а покорных овечек не терплю. Да уберегут меня святые от сморщенных чопорных девственниц!

Король Стефан взглянул на Ранульфа:

- А ты, де Гланвиль? Тоже так считаешь?

- Нет, повелитель, я буду счастлив иметь такую порядочную, хорошо воспитанную жену, как Элинор из Эшлина. Я достиг возраста, когда старые раны начинают ныть перед дождем. Мечтаю об уютном доме и ласковой женушке.

- У нее наверняка длинное лицо и лошадиные зубы, - поддел де Бургонн. - Все эти будущие монашки уродины.

Ранульф ничего не ответил. Легкая улыбка коснулась губ короля Стефана, ибо он знал, что рыцарь только недавно побывал в Эшлине. Девушка, вне всякого сомнения, красива. Поразмыслив, он понял, что с де Гланвилем она будет счастливее, чем с бесшабашным сорвиголовой де Бургонном.

- Так и быть, Ранульф де Гланвиль, ты получишь в жены Элинор де Монфор со всеми ее владениями и собственностью. Но тебе придется дать мне клятву верности в качестве нового владельца Эшлина. Я рад, что такой человек, как ты, станет защищать границы Англии.

Чей-то громкой голос вернул его к действительности.

- Господи помилуй! Дитя мое! Она ранена? - допытывалась старуха, метнувшись навстречу Ранульфу.

- Просто замерзла и измучена, - пояснил Ранульф.

- Это Аида, господин, - представил Седрик, - старая нянька леди Элинор.

- Отпусти меня, господин. Я вполне способна стоять на ногах, - заверила Эльф, тронутая его сочувствием. Аида стащила с рук Эльф перчатки.

- Пальцы прямо как лед, - проворчала она, пронзив нового хозяина негодующим взглядом. - Неужели не могли согреть ее?

И, не дожидаясь ответа, сняла с Элинор плащ и подтолкнула к очагу.

- Пойдем, дитя мое, я все сделаю. Седрик, что стоишь как пень? Принеси госпоже подогретого вина с пряностями. Нужно разгорячить ее кровь.

- Я оставлю тебя, госпожа моя, - объявил новый хозяин Эшлина и, поклонившись, вышел вместе с экономом.

- Старуха слишком трясется над леди Элинор, - проворчал Седрик. - Считает ее ребенком

лишь потому, что нянчила ее, когда леди Элинор было всего пять лет. Теперь Аиде снова есть о ком хлопотать.

- Есть ли среди крепостных девушка, которая могла бы стать служанкой моей супруги? Сердце у Айды доброе, но, боюсь, эта работа будет ей не по силам. Она не из тех, кто попросит помощи, - осведомился Ранульф.

- Вы совершенно правы, господин, - кивнул Седрик. - Я подумаю, кто лучше всех сможет ужиться с Айдой. Я скажу ей, что теперь, когда леди Элинор выросла и вышла замуж, она должна иметь двух служанок, и назначу Аиду старшей. Это польстит ее тщеславию.

- Зал содержится в порядке, - отметил хозяин, оглядывая вымытые каменные полы, пылающий в очаге огонь, натертые до блеска подсвечники.

- Челядь знает свои обязанности, господин, но все-таки лучше, когда почувствует хозяйскую руку, - ответил Седрик.

Ранульф подвинул скамью к очагу и, взяв у эконома чашу горячего вина, обхватил ее ладонями. Как тепло!

Он медленно потягивал обжигающую жидкость, наслаждаясь вкусом. За окном бушевал буран. Когда стихия успокоится, можно будет объехать новые владения. Он уже заметил темнеющие силуэты хозяйственных построек. Амбары, церковь, хижины крепостных. Скот, конечно, успели вовремя загнать в коровники и овчарни. Не один он заранее почувствовал бурю. Крепостные, всю жизнь жившие в этой местности, наверняка умеют предсказывать погоду. Но все же...

- Седрик! - позвал он и стал задавать вопросы. Эконом ободряюще улыбнулся:

- Скот согнали с пастбищ еще вчера, господин. Все хорошо.

Ранульф кивнул и снова принялся за вино, любуясь пляшущими огоньками, впервые за несколько дней по-настоящему согревшись.

Позднее Седрик снова подошел к нему:

- Ужин подан, господин. Госпожа передала, что устала, и Аида принесла ей поесть в спальню.

Ранульф уселся за стол. В зале никого не было, кроме Фулка, начальника стражи, и его людей. Фулк выступил вперед, поклонился, представился новому хозяину и обещал завтра же утром рассказать об укреплениях поместья.

- Ты крепостной или вольноотпущенник? - поинтересовался Ранульф.

- Вольноотпущенник, господин, хотя был рожден крепостным. Но лорд Роберт освободил меня, поняв, что я прирожденный воин. И сказал, что я буду сражаться куда яростнее, если стану свободным. Это было лет тридцать назад.

- Лорд Роберт оказался прав, Фулк, поскольку мне сказали, что валлийцы никогда не тревожили эти места.

- У меня с соседями валлийцами договор, господин. Я и мои воины не балуемся с их дочерьми, не награждаем их младенцами, а взамен они не трогают Эшлин. Боятся, что если я убью их, семьи останутся беспомощными на поругание и милость победителя, - ухмыльнулся Фулк.

Ранульф одобрительно хмыкнул:

- Садись, Фулк из Эшлина, и не вбивай в голову этих молодцов крамольные мысли, у них и своих достаточно.

Парни рассмеялись и подняли чаши в честь нового хозяина Эшлина, желая ему долгой жизни и много сыновей.

Молодые служанки в зале гадали, окажется ли Ранульф де Гланвиль хорошим хозяином или будет насиловать их, подобно Саэру де Баду. Слуги в основном были саксонцами и не слишком любили норманнов, но де Монфоры правили ими справедливо. Оставалось надеяться, что и де Гланвили будут к ним милостивы.

После ужина Ранульф присоединился к Фулку и его людям, гревшимся у очага. Они долго пили и вели обычные мужские разговоры, как всегда в отсутствие женщин. Новый хозяин объявил, что собирается надстроить каменную ограду вокруг поместья и удвоить число воинов, обороняющих Эшлин. Только в таком случае они смогут отразить ожидаемое весной нападение и сохранить спокойствие на границе.

Мужчины довольно закивали.

- Мы и сами сделали бы это давным-давно, но бедный господин Ричард ни о чем не думал и никого не видел, кроме своей жены. Он безумно любил ее, а она иссушила его, выпила до дна. Потом он заболел, и ему стало не до Эшлина. К счастью, поместье выглядит довольно бедным, так что если и случались набеги, воры похищали в основном скот, да и то довольствовались несколькими овцами или парой коров. Мы не преследовали их, поскольку они быстро оставляли нас в покое.

- Но больше мы не позволим у нас красть, Фулк! - воскликнул Ранульф. - И если попытаются атаковать поместье, сумеем достойно ответить.

Время близилось к полуночи. Стражники завернулись в одеяла и улеглись на тюфяки. Ранульф поднялся и направился в хозяйские покои. Огонь в очаге почти угас. Аида громко храпела на своем тюфяке у очага. Ранульф прошел мимо нее и, очутившись в маленькой спальне, закрыл за собой дверь и огляделся. Нужно добавить дров. Пламя вот-вот угаснет.

Он заметил, что кровать под балдахином занимала почти все пространство. В углу стояли маленький столик, на котором красовалась миска с водой, и треногий табурет. Ранульф умылся, вытерся небольшим отрезом полотна и, сев на стул, стянул сапоги. За ними последовали котта, две нижние туники и шоссы. Аккуратно сложив одежду, Ранульф потянулся, подошел к кровати и откинул занавеску. Эльф, очевидно, спала. Ранульф удовлетворенно кивнул и, обойдя кровать, улегся с другой стороны.

Эльф слышала, как муж вошел в комнату. Но поверить не могла, что он отважится лечь с ней в одну постель! Нет, он, конечно, переночует на кровати для служанки! Она хотела сама так сделать, но постеснялась Айды и, кроме того, так устала, что на ходу клевала носом.

Девушка ловила каждый шорох и едва не взвизгнула, когда Ранульф подошел совсем близко, но он сразу опустил занавеску. Она было вздохнула от облегчения, но тут перина просела под его огромным телом.

- Ч-что ты д-делаешь? - всполошилась она.

- Ложусь спать, - резонно заметил он.

- Тогда я лягу на маленькой кровати, - решила она, садясь.

Но он схватил ее за руку.

- Ничего подобного, Элинон. Мы оба здесь поместимся. Кроме того, по ночам слишком холодно, и мы сможем согреть друг друга.

- Но это невозможно! - охнула она.

- Почему? - удивился Ранульф. - Не забывай, мы муж и жена, Элинон.

- Но... но... - бормотала она.

- Повернись ко мне, - велел он и, когда она не послушалась, притянул ее к себе. Они оказались лицом к лицу, и Элинон вспыхнула до корней волос, чувствуя, как сердце выбивает бешеный ритм.

- А теперь слушай хорошенько, моя юная супруга. Ты больше не монахиня. И пусть из всех девственниц на свете ты самая чистая и невинная, отныне подчиняешься мне. Я позволю тебе остаться таковой еще немного, поскольку понимаю, что ты ничего не знаешь о мужчинах, если не считать сплетен и слухов. Я не какое-то похотливое животное, исходящее сладострастием, и не собираюсь брать тебя силой! Какого же ты низкого мнения обо мне, если воображаешь, будто я способен тебя принудить!

- Я не знаю, чему верить, и ничего не ведаю о тебе, господин мой, - выдавила Эльф, - и поэтому немного боюсь. Взгляд Ранульфа смягчился.

- Не стоит меня страшиться, Элинон. Я недаром горжусь своим самообладанием. И не привык развлекаться со служанками, чтобы погасить пылающее день и ночь желание. Придет миг, когда мы соединимся в порыве страсти, как ради наслаждения, так и для того, чтобы зачать наследников. Такова моя судьба - служить королю, обороняя Эшлин и рачительно управляя хозяйством. Твоя же обязанность - стать хорошей хозяйкой и доброй матерью. Монахиней тебе больше не быть.

- Сколько времени ты мне даешь? - прошептала она.

- Мы сами узнаем, когда настанет подходящий момент, - заверил он. - А теперь спи, женушка. Дай тебе Боже хорошего отдыха.

- И тебе тоже, господин, - пожелала Эльф, снова поворачиваясь на бок. Сердце по-прежнему отчаянно трепыхалось. Как странно лежать рядом с кем-то, особенно с мужчиной! Она смутно припомнила, как спала с матерью. В этой же постели? В монастыре у нее был свой узкий топчан.

Девушка бессознательно отодвинулась подальше к краю, но тут он случайно задел ее ногой. Она подпрыгнула.

- З - зачем?

Он протянул руку, обнял ее и привлек к себе. Тепло его тела тревожило и будоражило какие-то странные чувства.

- Ты никогда не узнаешь меня как следует, Элинор, если будешь все время убегать, - заметил он, и она могла поклясться, что расслышала в его голосе смешливые нотки. - Доброй ночи, малышка.

Сначала она лежала, словно оцепенев, но потом согрелась и немного расслабилась. Он уже спал: мерное дыхание шевелило волоски у нее на лбу. Эльф подумала об Изе и Матти и их вольных шуточках. Подумала о мистрис Марте, се добрых напутствиях и советах, как обращаться с мужем. И хотя она многое узнала, все же помыслить не могла, чтобы применить ее слова на деле. Однако нужно сказать, что этот мужчина, обнимавший ее сейчас, совсем не соответствовал ее представлениям о том, чего следовало ожидать. Он мог бы взять силой то, чего желал, исполнить супружеский долг, но предпочел подождать. Дал ей время привыкнуть к огромной перемене в жизни. Возможно, брак вовсе не такое уж плохое дело.

Проснувшись утром, она увидела, что Ранульф ушел. В окно лился серый утренний свет. Значит, уже поздно. На столе стояла миска с чистой водой. Девушка обтерлась, натянула одежду и домашние туфли и направилась в зал. Ранульф уже завтракал.

- Тебе следовало разбудить меня, - мягко попеняла она и, перекрестившись, села за стол. Служанка принесла ей овсянку, и девушка принялась за еду.

- Я посчитал, что тебе нужно дать поспать подольше, Элинор, и Аида со мной согласилась, - пояснил он. - Мы ехали почти без остановок, и ты не привыкла к таким длинным путешествиям, малышка. - Он взял ее ладонь и легонько погладил. - Ты хорошо спала?

- Да, - кивнула она, краснея.

Муж поднял к губам ее руку и расцеловал каждый пальчик.

- Я рад, - шепнул он.

Эльф задохнулась, не в силах ответить, и, несмотря ни на что, продолжала упрямо жевать овсянку. Наконец она смогла свободно дышать. Господи, ей так неловко, просто непонятно, что делать, ведь он так вежлив и добр с ней!

- Выпей сидра, - посоветовал Ранульф, сунув ей в руку чашу.

Она со всхлипом втянула воздух и залпом проглотила сидр. Пенистая жидкость попала не в то горло, и Эльф закашлялась. Ранульф похлопал ее по спине. Он отчаянно хотел заключить ее в объятия и пообещать, что все будет хорошо. В ней так очаровательно сочетаются взрослая женщина и застенчивая девочка! И как смело она защищалась перед королем! Да, она сильна духом, его Элинор, но в силу своего воспитания до сих пор старалась усмирять свои порывы. Даже теперь она пыталась держать себя в руках, хотя ему этого совершенно не требовалось.

Эльф наконец немного пришла в себя и уставилась на него слезящимися глазами:

- Не пойму, как это вышло.

- Просто ты забыла, как надо дышать, когда я поцеловал твои пальцы, - без обиняков пояснил Ранульф. - Ты слишком льстишь мне, Элинор. Должен признать, что, хотя завоевал репутацию хорошего воина и верного рыцаря, дамским угодником меня не назовешь. Ты вскружишь мне голову, если будешь вести себя подобным образом каждый раз, когда я ласкаю тебя, малышка.

Он весело усмехнулся.

- Я не привыкла к нежностям, господин, - пролепетала Эльф. - Ты действительно поразил меня, но это приятный сюрприз.

Его глаза совсем как лесные озера осенью. Неужели возможно утонуть в них? - дивилась она.

- Ты не потеряешь сознание, если я снова коснусь тебя?

- Нет, господин.

- Нет, Ранульф, - поправил он, погладив ее по щеке. - Мне доставит удовольствие слышать свое имя из твоих уст.

- Ранульф, - едва слышно прошептала она. - Господин мой Ранульф.

Голова его пошла кругом. Какой ласковый у нее голосок!

- Теперь, малышка, кажется, у меня дух захватило, - признался он.

Романтическую сцену прервал осторожный кашель.

- Доброе утро, господин и госпожа, - приветствовал Седрик. - Если вы уже позавтракали, прошу вашего позволения поговорить о делах поместья, которые я хотел бы уладить сегодня.

Ранульф положил свою тяжелую руку поверх ладошки Эльф.

- Говори, Седрик, - разрешил он. - Мы слушаем тебя.

- Нам необходим управитель, господин. У нас его не было со смерти прежнего. Лорд Ричард был так увлечен своей женой, да простит меня госпожа, что не имел времени назначить нового. Джон, сын Айды и племянник старого управителя, выполнял его обязанности, хотя никто не дал ему эту должность. Он хороший человек, господин, и готов честно трудиться. Я бы рекомендовал его вам.

- А может ли он читать и писать? - осведомился Ранульф.

- Лорд Роберт следил, чтобы те, кто ищет знаний, получали требуемое, - отозвался Седрик. - Джон, как и я, обучался у старого отца Мартина, который уже давно на небесах.

- Джон в зале? - спросил Ранульф.

- Я здесь, господин, - откликнулся Джон, выступая вперед.

- Назначаю тебя управителем Эшлина. Принеси свои записи госпоже, чтобы она могла их проверить, - велел Ранульф.

- Спасибо, господин, - с поклоном ответил Джон и отошел.

- Ну, что дальше? - продолжал Ранульф.

- Мельник и его жена бездетны и не имеют никакой надежды на наследников, поскольку оба состарились. Просят у вашей милости разрешения взять ученика из крепостных.

Эльф поспешно дернула мужа за рукав.

- Назначь Артура, - попросила она. - Он это заслужил и, кроме того, будет усердно трудиться.
- Госпожа предлагает Артура. Он тоже здесь? - справился Ранульф.
- Да, господин, - ответил Артур, выступая вперед. Пока Эльф была в Вустере, парень удрал из монастыря и вернулся домой, зная, что де Бад тоже поехал на суд короля и, следовательно, сам он в безопасности.
- Хочешь стать учеником мельника, Артур? Господи, его спрашивают, чего он хочет! Артур потрясение огляделся. Его новый господин совсем не такой, как прежние!
- Да, господин, мне это по душе. Хорошее ремесло, и, может быть, в один прекрасный день я накоплю денег купить себе свободу, - обрадовался он.
- Ты получил ее в тот день, когда я стал господином Эшлина, Артур, - провозгласил Ранульф. - Ты спас мою жену от похотливых притязаний Саэра де Бада, не думая о собственной жизни, и тем доказал, что достоин самой высокой награды. Я составлю вольную.
- Господин! - Артур упал на колени и поцеловал руку Ранульфа.. - Я никогда не сумею достойно отблагодарить вас! - воскликнул он.
- Ах, мой дорогой друг, семь лет ученичества покажутся тебе адом по сравнению с жизнью крепостного, - возразил Ранульф. - Но когда этот срок окончится, если ты проявишь усердие...
- Он пожал плечами. - Мельник не вечен. Надеюсь, ты станешь достойным его преемником.
- Спасибо, господин! - повторил Артур, поднимаясь и отходя к остальным слугам. Всего за несколько минут вся его жизнь разительно изменилась. Редко бывало, чтобы крепостной так возвысился!
- Есть еще какие-то дела, Седрик? - поинтересовался Ранульф.
- Нет, господин, это все, - низко поклонился эконоом.
- Нам нужен камень, чтобы надстроить ограду. Где его можно отыскать?
- На наших землях есть каменоломня, господин. Можно добыть, сколько потребуется. Приказать управителю послать работников?
- Да, только когда снег прекратится. Да и мне нужно осмотреть поместье.
- Как прикажете, господин.
- А ты, малышка, просмотри сегодня записи управителя, - обратился Ранульф к жене. - Хорошая хозяйка знает все о своих владениях. И если мне придется отправиться на войну, ты здесь будешь главной, так что тебе полезно узнать все тонкости управления, а не только те, что обычно касаются женщины.
- А ты знаешь грамоту? - полюбопытствовала Эльф.
- Я вырос при дворе короля Генриха, самого образованного из всех мне известных людей. Подобно твоему отцу, он позволял учиться каждому, кто этого хотел. Большинство моих приятелей считали умение читать и писать пустой тратой времени. Какая нужда простому рыцарю обременять себя подобными знаниями? Но я понимал, что судьба иногда готовит нам самые неожиданные сюрпризы, поэтому проводил долгие часы с одним из дворцовых

капелланов. Хотя почерк у меня не слишком красив, все же я пишу разборчиво. Ты удивлена? И меньше уважала бы меня, будь я неграмотным?

- Нет, господин мой Ранульф, я бы сама тебя научила, - заверила она, к его величайшему изумлению. - И конечно, не стала бы хуже к тебе относиться, У многих мужчин просто времени не хватает, но мать-настоятельница всегда твердила, какая это жалость, ибо плохо образованный хозяин так и напрашивается на то, чтобы слуги его обокрали. Мы просмотрим записи Джона вместе, чтобы он увидел, что и ты можешь читать и писать. Он расскажет об этом другим и тем самым раз и навсегда воспрепятствует всяческим попыткам тебя одурачить. Кстати, господин мой Ранульф, толи ты собираешься привозить камень, может, велишь наломать немного и для церкви? Она почти разрушена, и, пока мы ее не починим, я не могу просить у епископа другого священника.

- Знаешь ли, как ты прелестна, моя Элинор? Элинор вспыхнула.

- Господин! - упрекнула она. - Как насчет моего камня?

- У тебя самые сладкие губки в мире. Будь у меня луна и звезды, все отдал бы за поцелуй, - пробормотал он.

- Но у тебя нет ни того, ни другого, а мне нужен камень!

Он просто невыносим! Но почему же так колотится сердце? Ранульф тихо рассмеялся:

- Ты его получишь, малышка.

Но тут подошел Фулк, и Ранульф погрузился в обсуждение очередных мер обороны поместья. Эльф поднялась и вернулась в хозяйские покои, где уже ждала Аида вместе с молодой девушкой.

- Ее зовут Вилла. Этот Седрик, - проворчала она, - считает, будто госпоже поместья подобает иметь двух служанок. Можно подумать, я сама не могу ходить за тобой, дитя мое.

- Наверное, Седрик больше заботился о тебе, чем обо мне, - утешила няньку Эльф. - Ты уже немолода, дорогая Аида, и тебе не мешает иметь сильную помощницу.

Эльф улыбнулась Вилле, прехорошенькой девушке с длинными светлыми косами и яркими голубыми глазами.

- Что же, думаю, девчонка мне пригодится, - признала Аида. - Мы распаковали сундук, госпожа. Какие чудесные ткани ты привезла! Есть даже тонкое полотно для камиз!

- Король и епископ были щедры и великодушны ко мне, - пояснила Эльф. - Теперь, когда я больше не монахиня, мне нужна новая одежда.

- Госпожа, - вмешалась Вилла, - что это за прекрасный зеленый с золотом наряд? Я никогда не видела такого.

- Это называется блио, и все знатные леди его носят. Но у меня не хватает мужества сшить еще одно такое. Поэтому ограничимся простыми туниками и юбками, - решила Эльф. - Думаю, одного блио более чем достаточно.

Женщины проработали весь день, кроя и сшивая материю. Пришел повар и перечислил блюда,

которые собирался приготовить к обеду. Перво-наперво – тушеную оленину, ибо мужчины любят как следует поесть к холодный день. Кроме того, у него есть несколько жирных уток, которых можно приготовить в сладком фруктовом соусе. Будет еще и мортрю, мясо с яйцами и хлебными крошками, колкэннон – овощное рагу из капусты, репы и моркови и, наконец, вкусный пудинг из пшеничных зерен и молока с медом.

- Этого довольно? – забеспокоилась Эльф.

- Да, госпожа, и еще я велю подать сыр, хлеб и масло, – заверил повар, и она одобрительно кивнула.

Вошедший Седрик предложил удвоить число служанок:

- Теперь, когда вы дома, госпожа, нужно, чтобы хозяйство велось как следует и дом содержался в порядке.

- Ты уже знаешь, кого назначить? – спросила она.

- Да, госпожа.

- Что же, будь по-твоему, – разрешила Эльф. День близился к вечеру, и снег наконец унялся. Эльф попросила нагреть воды, намереваясь принять ванну. Прошлым вечером она слишком устала, чтобы мыться.

- Господину тоже нужно бы искупаться, – заметила Аида. – Ему подобает войти в воду первым, а ты должна вымыть его.

- Я?! – с ужасом воскликнула Эльф.

- Конечно, леди, такова обязанность жены. Кому еще это сделать? – возмутилась Аида.

- Но я никогда не мыла мужчину, – нервно запротестовала Эльф. – Почему бы ему не вымыться самому?

- Госпожа! – ахнула Аида.

- Я в жизни не видела голого мужчину, – откровенно объяснила Эльф.

Вилла хихикнула, и Аида опалила ее свирепым взглядом.

- Если хоть слово, единственное слово, выйдет за пределы этой спальни, я собственноручно отрежу твой болтливый язык, девчонка! Тебе ясно?

Вилла, побледнев, кивнула.

- Вот и прекрасно! – воскликнула Аида.

- А я понятия не имела, что жена должна купать мужа, – пролепетала Эльф.

- А иногда и гостей, – добавила Аида. Теперь побелела Эльф.

- Вилла, – приказала Аида, – немедленно иди к Седрику и передай, что госпожа велела вытащить из кладовки чан и наполнить его горячей водой. Потом принеси из бельевой полотенно и мыло.

После ухода девушки Аида обратилась к хозяйке:

- Знаю, что ты никогда не была наедине с голым мужчиной, но теперь ты замужняя женщина. Поверь, детка, в этом нет ничего ужасного. Я помогу тебе, подскажу, что ты должна делать. Господин останется доволен. Теперь нужно сказать Седрику, чтобы подавали ужин. Вода нагреется как раз к тому времени, как вы встанете из-за стола. Мы поставим чан прямо здесь, у очага, а потом все вынесем.

Эльф последовала совету Айды. Столы в зале накрыли. Мужчины ели с завидным аппетитом.

Она сама попробовала тушеной оленины, подбирая винный соус хлебом, и, встав из-за стола, сказала мужу о ванне. Лицо Ранульфа осветилось улыбкой.

- Чудесно! Я весь пропах конским потом еще с дороги. В отличие от многих я люблю чистоту. - И, блеснув глазами, прошептал:

- Ты вымоешь меня, жена?

Эльф кивнула:

- Правда, я не умею, но Аида обещала подсказать, что делать. До сих пор я ничего подобного не делала. Этому в монастыре не обучают.

Эльф, несмотря на то что нервничала, все же пыталась сохранять присутствие духа.

- Надеюсь, я окажусь способной ученицей, - пошутила она.

Вместо ответа он снова взял ее за руку и принялся игриво покусывать пальцы.

- Я тоже, малышка.

- Чем тебя так привлекают мои пальцы? - удивилась она, но на этот раз не отстранилась.

- Ты восхитительна, Элинон. Я понял это с самого первого взгляда.

- Но тогда я была в одеянии послушницы, - возразила она.

- Однако это не мешало мужчинам думать, что ты самая прелестная малышка на свете, - откровенно признался он. - Я еще подумал, как несправедливо, что ты должна до конца дней своих остаться девственной.

- Я считала, что такова моя участь, - столь же честно призналась Эльф.

Ранульф склонил к ней голову и тихо пообещал:

- Настанет ночь, Элинон, когда я возьму тебя, и только тогда ты поймешь, как я был прав. Ты предназначена не для монастыря, а для моей постели и моего сердца.

Он поцеловал ее ладонь. Эльф поспешно вскочила, боясь, что кто-то заметит, как горят ее щеки.

- Пойдем, Ранульф, позволь мне вымыть тебя. И, доверчиво сжав его ладонь, повела в хозяйские покои, где перед очагом стоял огромный чан. Аида уже ждала их, повязав передник вокруг располневшей талии.

- Садитесь, господин, я сниму ваши сапоги. Госпожа, конечно, уже успела сказать, что я помогу наставить ее в искусстве мытья, поскольку в монастыре ничем подобным не занимались.

Она ловко стащила с него сапоги и шоссы. Ранульф встал, и Аида сняла котту, обе туники и подштанники, так что он остался в доходившей до колен камизе с разрезами по бокам и вопросительно взглянул на старушку. Та понимающе кивнула и, вручив Вилле охапку одежды, приказала:

- Ну-ка, девчонка, присмотри, чтобы сапоги начистили, котту вытряхнули, а шоссы и подштанники выстирали и высушили к утру. Ты слишком молода для такого зрелища, - лукаво прокудахтала она, - так что беги отсюда. Госпожа, сними с мужа камизу и возьми щетку.

Она выхватила у хозяина камизу и вручила Эльф, а Ранульф тем временем забрался в чан так быстро, что жена не успела узреть почти ничего нескромного.

- Черт побери! - внезапно завопил Ранульф. - Да ты что, старуха, решила сварить меня заживо?!

- Госпожа должна купаться после вас, - пояснила Аида, - и если сделать воду похолоднее, к тому времени она окончательно остынет. Кроме того, у мужчин шкура толще, чем у женщин. Ну же, госпожа, намыльте щетку. Мыло в этом кувшине.

Ранульф встал, и женщины принялись скрести его щетками. Эльф деликатно отвела глаза, когда он взобрался на табурет, стоявший в чане, чтобы она могла вымыть его ноги. Ранульф улыбнулся Аиде. Настанет время, когда жена не будет его стесняться, и, кроме того, чан достаточно велик для двоих. Он мечтал о том дне, когда они будут мыться вместе, и при мысли об этом ощутил непреодолимое желание. Плоть его восстала, и старуха, заметив это, заговорщически подмигнула. В глазах ее заплясали веселые искорки. Стиснув зубы, Ранульф пытался припомнить подробности последнего турнира, устроенного королем, который, несмотря на возражения церковников, привез эту забаву в Англию. Мгновенно заныли старые раны, но цель была достигнута: похоть покорно утихомирилась.

- Госпожа, - потребовала Аида, - промой мужу волосы, только сначала вычеши гнид.

- У меня нет вшей, - возмутился Ранульф. - Я содержу себя в чистоте, старуха.

Аида взъерошила узловатыми пальцами его волосы и, ничего не найдя, была вынуждена признать:

- Он не лжет, госпожа.

Эльф хихикнула.

Глядя на нее, Ранульф тоже рассмеялся:

- Король мог бы не посылать меня в Эшлин. У тебя уже есть свой дракон-защитник.

- Если бы он не послал вас, - нашлась Аида, - эта прелестная девушка посвятила бы себя Богу. Нам всем повезло, но особенно вам, господин.

Эльф, улыбаясь, намылила его волосы и хорошенько промыла; именно это она часто делала по поручению сестры Катберт, помогая младшим воспитанницам.

- Ну вот, - вымолвила она, толкая его с головой под воду, - все в порядке.

- Теперь возьми полотно и заверни его, госпожа, - наставляла Аида, когда Ранульф поднялся из воды. - Посади мужа у огня и хорошенько оботри, пока я достану чистую камизу. Потом, господин, немедленно в постель, пока не простудились.

Эльф, застенчиво краснея, встала на колени и вытерла мужу ноги, поднялась и взяла другой отрез полотна. Какой он огромный! И тело изборождено шрамами.

- Самое главное предоставь мне, - пробормотал Ранульф, и Эльф благодарно улыбнулась мужу. Тот направился к спальне, куда Аида принесла камизу. Минуту спустя старуха снова появилась на пороге.

- Ты прекрасно справилась, дочь моя, - ободрила она, - а теперь позволь тебе помочь.

Эльф медленно разоблачилась, отдала Аиде одежду и осталась было в камизе, но, осмелев, стащила и ее, заколола косу на затылке и ступила в чан. Еще не успевшая остыть вода доходила ей до шеи, и девушка вздохнула от удовольствия. Но Аида так и не дала ей понежиться, велела встать на табурет и вручила намыленную тряпочку.

- А волосы? - вспомнила она.

- Я вымыла их перед свадьбой, так что можно подождать несколько дней, Аида. Кроме того, уже поздно, и не могу же я лечь в постель с мокрой головой!

Старушка рассмеялась:

- Будь я женой этого великана с добрыми глазами, тоже немедля помчалась бы в постель! Ха!

- Принеси чистую камизу, - попросила Эльф, чувствуя, как кровь бросилась в лицо при этой непристойной реплике.

- Что? Ты станешь спать в камизе рядом с таким чудесным мужем? - Аида вздохнула. - Что же, потребуется время, чтобы выбить из тебя чрезмерную скромность.

Она пошаркала в спальню, чтобы принести требуемое, а когда вернулась, Эльф уже стояла у очага, тщательно растираясь: после теплой ванны воздух в комнате казался ледяным. Одевшись, девушка пожелала няне спокойной ночи.

- Пусть Вилла спит с тобой, - добавила она и, направившись в спальню, закрыла за собой дверь.

Сев на табурет у огня, она расплела толстую косу и взяла щетку из кабаньей щетины. Но тут муж сжал ее руку.

- Позволь мне, - прошептал он.

- Я думала, ты спишь, - тихо сказала она.

- Грел постель в ожидании тебя, - пояснил он, принимаясь водить щеткой по ее длинным волосам, пока волосы не заблестели, как дорогой византийский шелк.

Девушка успокоилась, расслабилась и едва не задремала, но тут он тихо заметил:

- Твои волосы так прекрасны. Ты настоящая красавица, малышка!

Слегка повернувшись, Эльф попыталась взять у него щетку. Их губы были близко, так близко, что Эльф едва не лишилась сознания. Глаза их встретились, и ей показалось, что она вот-вот растает под его огненным взором. Немного придя в себя, она отобрала у него щетку с ручкой грушевого дерева и опустила голову.

- Мне нужно заплести косу.

- Конечно, - кивнул он, вставая. За дверью слышались голоса слуг, выносивших чан.

- Я подумал, - начал Ранульф, - что, если мы пробьем сток в полу и отверстие в чане, которое можно будет заткнуть затычкой? Тогда чан будет легко осушить и выкатить в кладовую.

- Чудесная идея! - воскликнула Эльф, приведя волосы в порядок. - Ты так умен, Ранульф!

Она встала у постели на колени, и, к радости девушки, муж последовал ее примеру. Они помолились и легли. Он сразу же взял ее руку, но сегодня Эльф уже не боялась его. Кажется, настоятельница была права, сказав, что планы Господни относительно Элинора де Монфор изменились. Очевидно, Он послал ей хорошего человека, и она должна сделать все, чтобы стать ему достойной женой.

- Ты все знаешь обо мне, Ранульф, а я о тебе - ничего, - посетовала она. - Расскажешь о себе?

- Тут и рассказывать почти нечего. Мой отец, Симон де Гланвиль, владел землями в Нормандии. Он погиб в Святой Земле, и мать отослала меня на воспитание к королю Генриху, а потом снова вышла замуж. Отчим прибрал к рукам мои владения. Когда я достаточно повзрослел, чтобы понять, как меня ограбили, сразу же направился в Нормандию, намереваясь получить свое наследство. В то время мне было шестнадцать. Но отчим заявил, что брак между отцом и матерью не был законным и, поскольку у Гланвилей не было других наследников, земли перешли к ней, а от нее - к нему. Тогда у меня не было ни богатства, ни влияния, чтобы опровергнуть ложь.

- Но что сказала твоя мать? - допытывалась Эльф. - Ведь этим он обесчестил и ее, и ее родных!

- Мать была единственным ребенком престарелых родителей, к тому времени скончавшихся. Ее некому было защитить, и она умоляла меня молчать, утверждая, что муж поклялся сохранить в тайне ее позор и незаконность моего рождения, если я смирюсь со случившимся. Но, даю слово, во всех его утверждениях не было ни капли правды. Бабка со стороны матери была еще жива, когда меня в семь лет отсылали ко двору короля Генриха. Материнский род был хотя и бедным, но древним, и для отца было огромной честью получить жену из такой семьи. «Он взял ее без приданого, только ради славного имени», - с гордостью твердила бабка. Вряд ли она стала бы так радоваться, будь моя мать всего лишь наложницей, а я - бастардом. Отец всегда представлял меня крестьянам как их маленького господина, а они приветствовали меня поклонами. Тогда мне было только пять лет, но я все прекрасно помню. Вскоре отец отправился в Святую Землю.

В шестнадцать король посвятил меня в рыцари, но я ничего не мог предпринять против мужа матери. Если бы я позволил ему очернить мое доброе имя, у меня не осталось бы ничего. Отбрали бы последние крохи. Я пообещал матери оставить ее в покое, прибавив, что буду молиться за отчима. Поблагодарил его за великодушие и благородную защиту материнской и моей репутации. Он обозлился и долго расписывал, как обожает жену, давшую ему наследников и заслужившую его хорошее отношение. Отчим даже имел наглость напыщенно заявить, что, поскольку меня растили При дворе короля Генриха, он с гордостью назовет меня своим пасынком перед посторонними. Я с трудом сдержался, чтобы не прикончить его на

месте.

Пришлось уехать из Нормандии. Я вернулся в Англию и поступил на службу королю. Только ему я рассказал правду о своей неудаче. Он похвалил меня за мудрость не по годам и посоветовал остаться навсегда в Англии. После его смерти, когда началась распря между королем Стефаном и претенденткой на престол Матильдой, я поступил так, как сделал бы любой рыцарь на моем месте, – выбрал одну из сторон и остался ей верным, в отличие от многих знатных и влиятельных людей. Они переходят от одного господина к другому так же часто, как меняет направление ветер, но рыцарь вроде меня не может позволить себе такого, разве что положение становится слишком отчаянным.

– Думаю, что ты умен и предусмотрителен, Ранульф, – заметила Эльф. – Ты правильно поступил, защитив мать от мужа, способного обокрасть ее дитя, а потом пригрозить всяческими пакостями, чтобы сохранить награбленное. Должно быть, он очень плохой человек и великий грешник, ведь твоя мать приходится еще и матерью его детям, и ее стыд падет и на них.

– Алчность, моя невинная женушка, не знает стыда, – пояснил Ранульф, – и жена твоего брата является веским тому доказательством. Вспомни, что говорят о ней наши люди. Фулк утверждает, что до приезда кузена она часто флиртовала с охранниками. Король был прав, когда повелел запереть ее в монастыре, где она никому не сможет причинить зла.

– Не поверю, чтобы Айлин покорно отправилась в добровольное заключение на всю оставшуюся жизнь, – возразила Эльф. – Но не стоит говорить о ней, Ранульф. Мне больно вспоминать, что она стала причиной смерти моего бедного брата. Он был добрым и хорошим человеком.

– Доверчивые мужчины часто становятся добычей злобных ведьм, – ответил Ранульф. – Есть вещи, которых ты просто не могла знать, но извлеченные уроки следует запомнить. И если король снова призовет меня на службу, я без всяких возражений отправлюсь на войну, а тебе придется править Эшлином. Поэтому ты должна сознавать, что в этом мире немало подлости и пороков, и стараться оградить от всего этого себя и своих близких. Запомни, часто преступник скрывается за красивой внешностью.

Он повернулся к ней, и Эльф снова задохнулась. Какое сильное, мужественное лицо... и она почти влюбилась в его глаза...

– Ты станешь моим наставником в мирских делах, господин мой Ранульф, – прошептала она, – верно?

– Да, малышка, – кивнул он и притронулся губами к ее лбу, прежде чем лечь на спину. – Спокойной ночи, Элинора, – пожелал он и замолк.

Несмотря на то что прикосновение его уст было почти невесомым, поцелуй горел на коже огненным клеймом. Кажется, она немного разочарована тем, что он не поцеловал ее в губы. Она инстинктивно чувствовала, что поцелуи мужа будут сладостны, а не отвратительны, как приставания Саэра де Бада. Неужели Эльф действительно готова стать женой в полном смысле этого слова? Она совсем не была в этом уверена.

Уже засыпая, Эльф решила, что будет молиться о том, чтобы стать хорошей женой Ранульфу.

Глава 8

Погода оставалась холодной, но относительно сухой. Из каменоломни привезли камень для ограды.

– Ранульф сам руководил работами и учил молодых людей воинскому искусству. Эльф все дни прилежно старалась стать настоящей хозяйкой поместья. К ее удивлению, оказалось, что она уже многое знала. В монастыре ей показали, как убирать жилище, и теперь она со знанием дела наблюдала за служанками. Там же ее научили варить разные сорта мыла. Летом повар покажет, как делать запасы на зиму, засахаренные фрукты, солонину и вяленую рыбу. Даже сейчас она проводила на кухне целые часы, хотя в Эшлине был прекрасный повар. Все же не мешает знать, что он делает, хотя бы для того, чтобы самой заказывать припасы, которые нельзя получить из их садов и полей.

Раз в неделю Эльф приносили записи эконома и управителя. Она тщательно просматривала списки и не стеснялась спрашивать, если чего-то не понимала.

Так прошел январь, за ним февраль. Март почти кончился, когда в один прекрасный день Эльф вышла во двор и неожиданно поняла, что счастлива. Ей нравилось жить в Эшлине. А ее муж хороший человек и справедливый господин, но... но... до сих пор так и не вступил в супружеские права, а ведь это только от него зависит! Неужели Ранульф находит ее столь непривлекательной? Но ведь сам поддразнивает ее и все твердит, что монахини из нее не вышло. Тогда в чем же дело?

Она брела сама не зная куда, пока не очутилась у церкви. Верный своему слову, Ранульф привез камень для починки, но сейчас самым главным было нарастить ограду. Эльф ступила внутрь. Крышу нужно перекрывать. Это можно сделать летом. Собственно говоря, она мечтала о крепкой черепице, хотя пока на это нет денег. Но в один прекрасный день она вставит в окна стекло! Конечно, никаких дорогих витражей, как в епископском соборе, просто стекло.

Эльф медленно направилась по проходу. Каменный алтарь совсем голый. Интересно, куда девались подсвечники и распятие, да и были ли они? Церковь была разорена еще до ее рождения, хотя священник продолжал служить до самой смерти.

Эльф тяжело вздохнула. Здесь предстоит немало работы, прежде чем появится новый пастырь, но она сумеет этого добиться.

Она пошла обратно и немного постояла на пороге, обозревая дом. Какое все-таки красивое место ее родина! Тут она заметила небольшую семейку ярко-желтых нарциссов у самых ступенек крыльца и улыбнулась. словно сам Господь заговорил с ней, сказав, что там, где сохранилась жизнь, всегда есть надежда на лучшее.

Эльф так задумалась, что испуганно вздрогнула при звуках голоса мужа.

– Мы сделаем все необходимое, – заверил он, словно прочитав ее мысли, обнял жену и слегка прижал к себе.

– Я знаю, что ограда важнее, – кивнула она. – Посмотри, господин, весна идет! Родилось уже немало ягнят, и пока волки в лесах не появлялись. Нам повезло.

Она показала надветы и улыбнулась. Ее губы будто притягивали Ранульфа, и он на мгновение закрыл глаза, а когда открыл, пухлый ротик оказался в опасной близости. Не в силах усмирить страсть, зажегшую кровь, Ранульф опалил Эльф яростным и одновременно нежным поцелуем, но тут же отпрянул.

- Элино́р, прости меня!

- Как ты часто напоминал, Ранульф, я больше не монахиня, - прошептала она, плаваясь под его взглядом, подняла голову и привстала на носочки. Более ясного намека и ожидать было невозможно.

- Элино́р! - Он с отчаянной силой схватил ее в объятия, нашел сладостные уста.

Голова Эльф кружилась. Сердце выскакивало из груди. В животе словно пульсировал тугой ком. Она обвила руками его шею и впервые прижалась всем телом к тому, кто подхватил ее на руки. Его губы посылали ей сотни красноречивых сигналов. Она впервые ощутила, как старательно он пытался сдерживать владевшие им желания, поняла, что он не хочет ее пугать, но на этот раз вовсе не боялась. Чувства, до сих пор скрытые в глубинах души, сейчас вдруг вырвались наружу и росли с каждым его прикосновением, грозя затопить ее, а вместе с ними - и неожиданное, непонятное, но властное желание.

Наконец Ранульф отстранился и поставил ее на каменные ступеньки.

- Крепостные начнут сплетничать, - тихо пояснил он, на самом же деле просто опасаясь, что если не отпустит ее, то направится прямо в дом, в спальню, бросит жену на постель и без лишних слов овладеет прелестной добычей. Он в жизни не думал, что эта невинная девочка способна так возбудить его. Ранульфа постоянно терзал свирепый голод, утолить который могло лишь ее прекрасное тело. Но готова ли она? Больше всего он боялся, что причинит Эльф боль и она его возненавидит за это. Он любил ее! Любил едва ли не с первого взгляда, хотя понял это лишь сейчас. Любил!

- Они так или иначе станут сплетничать, - лукаво пропела Эльф. - Я обнаружила, Ранульф, что люблю целоваться. А ты? Или за столько лет тебе это надоело?

- С тобой - никогда, малышка, - заверил он.

- Я рада, потому что хотела бы целоваться еще и еще. Может, сегодня, Ранульф, в постели?

Ранульф на мгновение закрыл глаза, но тут же вновь взглянул на жену.

- Элино́р, говорят, что женщины слабы, но я в это не верю. Это мужчины бессильны, поскольку не могут управлять своими страстями. Пока мы всего только лежали вдвоем, держась за руки, в ожидании сна, я умел держать себя в руках. Но клянусь, если сегодня тебе захочется затеять игры с поцелуями, мне не выдержать. Ты милая девочка, воплощенная невинность и думаешь, что поцелуи - всего лишь веселая забава. Но я мужчина! И потребую большего, - измученным голосом признался Ранульф, судорожно стискивая кулаки.

- Прикоснуться ко мне, - едва слышно выдохнула она, глядя его лицо тонкими пальчиками.

- Да! - воскликнул он и, поймав ее руку, поцеловал сначала ладонь, потом запястье и положил себе на грудь.

- Нам давно пора стать истинными мужем и женой, Ранульф. Ты хотел бы этого? - бесхитростно допрашивала она и, ощутив, как рванулось под пальцами его сердце, без слов поняла ответ.

- Да, - вымолвил он, - но я хотел, чтобы ты первая это сказала, малышка. Не желаю, чтобы мы возненавидели друг друга.

- Отпусти мою руку, господин, - тихо попросила она. Ранульф, улыбнувшись, подчинился, но сначала снова поцеловал ее ладонь.

- Ты уверена?

- Говорят, что в первый раз очень больно, но даже если выждать еще полгода, боль никуда, не денется.

- Я постараюсь быть как можно более осторожным, - пообещал он.

- Знаю, - шепнула она и исчезла, оставив его стогать от нетерпения.

Этим вечером на столе стоял небольшой серебряный кувшинчик с двумя нарциссами, тайный сигнал между супругами, напоминание о грядущей ночи. Элинор улынулась мужу, и он нашел ее улыбку неотразимо соблазнительной. Такой он раньше жену не видел. Ранульф ощутил, как натянулась материя на шоссах, и понял, что вновь охвачен огнем похоти. Кровь Христова, как он хотел ее! Какими сладкими были ее губы сегодня! Она свежа, невинна и неотразимо привлекательна!

«Что я наделала?»- спрашивала себя Элинор. Какое безумие овладело ею, когда он ее поцеловал? Она сама предложила себя ему! Неужели действительно готова скрепить их союз? И будет ли готова когда-нибудь? Только по прихоти судьбы она стала наследницей и женой во всех смыслах, кроме одного. А завтра? Завтра будет настоящей женщиной.

Она украдкой взглянула на человека, с кем отныне связана навеки. Хотя он в два раза старше, совсем не кажется стариком. Такой, как он, наверняка способен стать отцом не одного ребенка.

О чем она думает? - дивился Ранульф, чувствуя, что его изучают. И полюбит ли его когда-нибудь? Может, сказать ей о своей любви? Нет, слишком рано. Что, если Элинор ему не поверит? В конце концов, они женаты всего четыре месяца, а кроме того, для брака столь пылкое чувство не обязательно. Ей следует уважать мужа, а как это возможно, если он признается в такой слабости, как любовь? Ранульф был добр и терпелив с супругой, а за это она отблагодарила его, не заставив ждать слишком долго. Это доказывает, что она почитает мужа. Лучше не портить уже сложившихся отношений.

Он взял ножку кролика и принялся жевать.

Эльф лихорадочно старалась вспомнить все, что говорила жена портного. Ранульф станет целовать ее и ласкать груди и другие части тела. Какие именно? Ему, похоже, нравится целовать ее руки. Но что еще ждет ее? Что же, она скоро узнает. А прикосновения, по словам мистрис Марты, возбудят его мужское достоинство, а потом...

Нет, поверить невозможно, что сегодня утром она была столь дерзкой и откровенной! Что это на нее нашло?

Ранульф наклонил голову и прошептал ей на ухо:

- Если ты передумала, Элинор, я пойму.

- Нет!

Господи Боже! Она только что отказалась от последней возможности отступить! Почему?!

В эту ночь бродячий менестрель, попросивший убежища под их кровом, взял лютню и заиграл жалобную мелодию. Пламя очага весело играло на каменных стенах. Огоньки свечей колебались и мигали. Все зачарованно слушали балладу о неразделенной любви и роковой страсти. Когда песня закончилась и слушатели принялись дружно хвалить певца, Эльф поднялась и выскользнула из зала.

У очага уже стоял чан с водой, и она наскоро вымылась, боясь, что не успеет выйти до появления Ранульфа.

- Оставьте чан здесь для господина, - велела она Вилле. - Иди в зал и спроси его.

- Господин передал, что сегодня искупается сам, госпожа. Он сказал, что скоро придет.

Эльф направилась в спальню, где старая Аида взбивала подушки.

- Иди ложись, Аида, - попросила она. - Солнце давно село, а ты уже далеко не так молода.

- Я положила под перину кинжал, чтобы обрезать боль, - заявила Аида.

- Что? - удивилась девушка.

- Леди, я не настолько выжила из ума, чтобы не знать, что творится. Ты все еще девственна, но сего дня решила исправить столь печальную ошибку. Нож перережет боль, когда муж войдет в тебя в первый раз. Это всем известно.

- Правда? - Эльф покраснела.

- Откуда тебе знать, дочь моя? Ты была совсем ребенком, когда отправилась в монастырь. Надеюсь, ты не боишься? Ничего здесь нет такого.

- Не боюсь, - спокойно откликнулась Эльф, понимая, что струсит, если старая нянька немедленно не покинет спальню. Ей совсем не хотелось обсуждать с Аидой подобны? вопросы.

- Вот и хорошо, - кивнула старушка. - Тогда я тебя оставлю. Мы с Виллой проведем эту ночь да и все последующие в зале. Нужно же дать вам покой, а эта дверь слишком тонка.

Она поковыляла прочь. Эльф ошеломленно смотрела ей вслед.

Неужели все в Эшлине знают, как обстоят дела на самом деле?

Эльф принялась машинально расчесывать волосы. Кажется, здесь ничего нельзя утаить. Но ведь в столь тесной общине просто не может быть секретов!

Она медленно переплела косу и забралась в постель. Где Ранульф?

Но она тут же сообразила, что Ранульфу вряд ли известно, что все в Эшлине знают об их истинных отношениях, и, вероятно, он, по обычаю, беседует с Фулком и его людьми.

Эльф с улыбкой потянулась. В комнате царил полумрак, и ночь была не слишком холодная.

Глаза Эльф закрылись. Глядя на нее, Ранульф думал, что в жизни не встречал женщины прекраснее. Темные полукружия ресниц мирно покоились на щеках. Чувственные губы плотно сжаты.

Стараясь не шуметь, он вымылся и вошел в спальню. Немного подождяв, приподнял одеяло и лег. Разбудить ее или пусть все идет своим чередом?

Но не в силах сдержаться, он нагнулся над ней и припал к губам Поцелуем.

Серо-голубые глаза открылись и взглянули в его, зеленовато-карие.

- Не стоило так долго сидеть в зале, господин. Похоже, весь дом знает, что мы не настоящие муж и жена, - призналась она. - Разве не заметил, что Аида и Вилла улеглись сегодня в зале? Аида считает, что за дверью все слышно.

Ранульф тихо рассмеялся:

- Значит, мы притча во языцех во всем поместье, малышка. Как же это случилось?

Подложив за спину подушки, он сел и притянул ее к себе на колени. Сердце Эльф так и подпрыгнуло, но она постаралась взять себя в руки.

- Аида положила под перину нож, чтобы обрезать боль, когда ты лишишь меня невинности, - сообщила она.

- Меня поражает, что женщины, которые терпят эту боль, верят в подобные сказки, - хмыкнул он. - Кровь Христова, девочка, ты не боишься? Я не позволю тебе страшиться моих ласк!

- Почему все хотят знать, боюсь ли я? - раздраженно нахмурилась девушка, и Ранульф с трудом сдержал смех. - Я знаю, что первый раз придется трудно, но, по чести говоря, слишком сгораю от любопытства узнать, что будет дальше, чтобы волноваться о какой-то боли. Нет, Ранульф, я ничуть не напугана.

- Ты восхитительна, - вздохнул он. - Теперь я знаю, почему ни одна женщина не привлекла меня настолько, чтобы предложить ей руку и сердце. Очевидно, сам Господь дал мне тебя в жены, Элинор.

К его восторгу и удивлению, она быстро поцеловала его в губы.

- Пытаешься улестить меня, господин мой Ранульф? Мне очень это нравится.

Она прижалась к его груди.

«Милый Боже, помоги мне сделать это помедленнее», - молча молился он, глядя ее по голове.

- У тебя поразительный цвет волос. Не огненно-рыжий, а золотистый. Ты никогда не обрезала их, Элинор? - Он взвесил на руке ее косу, развязал ленту и принялся расплетать. - Хочу видеть тебя обнаженной, укрытой лишь твоими волосами, малышка, - обронил он, поднося к губам тяжелую прядь. - М-м-м, ты пахнешь лавандой. Обнаженной? Он хочет видеть ее обнаженной?

Этого она не предполагала.

- Разве такое прилично? Не знала, что мужья могут смотреть на голых жен, Ранульф.

- Разумеется, - заверил он. - Разве мы не приходим в этот мир без всякой одежды, Элинор? Нас учат стыдиться своих тел, но почему?! Ведь их дал нам Господь.

- Правда, - пискнула Элинор. Ранульф приподнял ее подбородок.

- Ты прекрасна, малышка, и я хочу видеть тебя такой, как создал тебя Бог. Я рад, что ты так целомудренна, но с мужем скромность ни к чему.

Щеки девушки запылали, но она не отвела взгляда.

- Я почти ничего не знаю, Ранульф, и во всем полагаюсь на тебя.

Он нежно обнял ее и свободной рукой принялся развязывать ленты камизы. По мере того как обнажалась грудь, глаза Эльф раскрывались все шире. Кажется, она снова забыла, как дышать. Длинные пальцы не спеша откинули края ткани, и камиза соскользнула с плеч, застряв на бедрах.

Ранульф впился взглядом в круглые маленькие груди, не больше яблочек. А талия! Он мог бы обхватить ее ладонями!

- Mon Dieu! - хрипло выдал он. - Ты безупречна, малышка.

Не отрывая от него взгляда, Эльф распутала завязки на его камизе, распахнула и, следуя примеру мужа, стянула до пояса. И принялась так же пристально изучать его. Она уже видела Ранульфа в чане, но на этот раз все было по-другому. Ее маленькие ручки пробежались по его широкой груди, широченным плечам, ощупали недлинный, но широкий шрам на предплечье.

- Укол копья во время турнира, - пояснил он, целуя ее Ладонь.

- Ты победил? - спросила она, отнимая руку. Ранульф кивнул. - А этот? - Подушечка пальца дотронулась до извилистого рубца на плече. - Откуда эта рана, господин?

- Получена в битве между войсками короля и претендентки на трон.

- Ты должен больше тренироваться, - посоветовала девушка. - Обе раны с одной стороны, значит, ты слишком неосторожно открываешься. Если не поостережешься, когда-нибудь потеряешь жизнь из-за своей беспечности.

- Откуда моей маленькой монахине знать такие вещи? - выпалил он, пораженный ее пронизательностью.

- Разве это не очевидно, господин? - нашлась она.

- У тебя острые глаза, - тихо вымолвил он. Чресла его горели сладострастным желанием.

- Ты слишком непристойно уставился на меня, Ранульф. По-моему, тебе следует меня поцеловать, - объявила Эльф, поняв, как сильно он хочет ее.

Ранульф схватил ее в объятия и впился губами в розовые уста.

Он опасен!

И тут Эльф охнула, не ожидая, что ее грудь окажется в сильной мужской ладони. Шершавый кончик пальца потирал сосок, пока он не затвердел.

- Ранульф! - взвизгнула она, вздрогнув.

- Элиноор!

- Господи...

Но мистрис Марта утверждала, что мужчины любят касаться женских грудей. Однако не сказала, что при этом женщину бросает то в жар, то в холод, а сердце трепещет, как пойманная птичка. Марта промолчала!

- Ты не только красива, но еще и изысканна, малышка, - гортанно вымолвил Ранульф, сгорая от ощущений, неведомых Эльф. Его ладонь накрыла другую грудь.

Эльф зачарованно наблюдала, как он перекачивает нежную горошинку между большим и указательным пальцами, пока не достиг цели, превратив сосок в крохотный камешек. Потом принялся мять нежную плоть, столь чувствительную, что она застонала:

- Остановись! Иначе я умру! Обязательно умру! Но в ответ он снова поцеловал ее, играя на ее губах, как на сладкозвучной лютне, чуть касаясь, задевая, покусывая. Эльф вздохнула от наслаждения, и он, тихо рассмеявшись, подхватил ее за талию, поднял и зарылся лицом в соблазнительную ложбинку между грудями.

Эльф поспешила опереться ладонями на его плечи. В его руках она казалась себе перышком. Он снова прижался к ней лицом и медленно провел языком по белоснежной коже, лизнул оба соска. Девушка вскрикнула от неожиданности. Волны ни с чем не сравнимого возбуждения прокатывались по спине. Но Ранульф только начал игру обольщения. Его губы сомкнулись на соске, потянули и стали посасывать.

- О-о-о-о!

Эльф, вздрагивая, блаженно прикрыла глаза, пока Ранульф ласкал ее второй сосок. Он медленно опустил ее на колени и принялся укачивать, как ребенка.

- Ты не боишься, - протянул он скорее утвердительно, чем вопрошая.

- Нет. Это чудесно. Мне и в голову не приходило...

- Еще бы, моя невинная малышка. Монахиням не полагается знать о плотской любви.

- Матти и Иза бегали к амбару подсматривать за священником и молочницей, - пояснила Эльф.

- Уверен, что тебя с ними не было.

- Конечно, - ответила Эльф и, слегка подавшись вперед, лизнула его грудь. Ранульф затаил дыхание, но не сказал ничего, что выдало бы его неудовольствие. Наоборот, отнял руки, чтобы предоставить ей большую свободу. Кожа его оказалась немного соленой на вкус, а запах... она никак не могла определить. Мыло и мускус... да, что-то пряное, безмерно ее возбуждающее.

Ранульф выжидал. Ее голова опустилась ниже, потом еще ниже, текучая шелковистая прохлада пощекотала живот, и напряжение еще больше возросло. Эльф буквально вплавилась в него, прижимаясь теплой плотью. Обхватив друг друга руками, они замерли в бесконечном поцелуе. Наконец Эльф отстранилась и глубоко вздохнула.

Пора.

Он медленно стянул с нее камизу, отбросил и принялся осыпать поцелуями ее лицо, веки, точеную шею. Одна рука сжала ее плечо. Другая скользила по ее телу, лаская изящные изгибы

и выпуклости. Она извивалась, словно охваченная пламенем. Кожа, мягкая, как самый тонкий шелк, а сама она чуть подрагивает под его ладонью. Настоящее совершенство: тонкая талия, упругие груди, округлые бедра и стройные ноги.

Никогда еще Ранульф не ведал подобного желания.

Он на секунду отстранился, чтобы снять свою камизу, и снова стал ласкать жену. Проведя пальцем по сомкнутым створкам ее женственности, он заметил, как ее бедра инстинктивно сжались.

Ее никто так не касался... даже де Бад! Она в жизни не представляла, что такое может быть! И лишь теперь поняла, что это такое – остаться обнаженной наедине с мужчиной.

Эльф немного испугалась, хотя сознавала, что ей ничто не угрожает.

Палец скользнул внутрь. Эльф застыла, но Ранульф, бормоча нежные слова, немедленно остановился и стал ее целовать. Палец продвинулся глубже. Еще глубже. Эльф старалась не закричать.

Ранульф подумал, что необходимо подготовить ее к вторжению его плоти.

Его палец осторожно надавил на маленький драгоценный бутон ее желания, принялся играть с ним, дразня, гладя, теребя. Его губы не оставляли в покое ее лицо, лоб, щеки. Неустанный палец продолжал ласкать крохотный узелок плоти, постепенно начинавший набухать и пульсировать.

Что происходит?

Эльф была вне себя от недоумения. Потаенное местечко между ног, казалось, вот-вот взорвется.

- Ранульф! – ахнула она и тут же почувствовала, как палец снова проникает в нее. Она невольно выгнулась. Больно пока не было, просто странное чувство заполненности.

Ранульф обрадованно подумал, что она быстро отозвалась на ласки и сейчас истекает любовным соком, так что палец легко скользит по гладкой плоти. Она поморщилась, когда он коснулся барьера девственности, слишком глубоко, расположенного, но не сопротивлялась, не просила остановиться.

- Ты готова стать женщиной, Элинор? – спросил он, глядя в ее серебристые глаза.

- Да, – вырвалось у нее.

Облегчение! Она жаждет освободиться от этого жгучего, всеподавляющего ощущения, грозящего убить ее, и знает, что лишь Ранульф способен помочь.

- Ты так мала по сравнению со мной, – объяснил он, – что я могу легко тебя раздавить. В первый раз мы должны быть чрезвычайно осторожны.

Он поднял ее с колен и положил на постель, а сам присел перед ней на корточки.

Глаза Эльф широко раскрылись от удивления и ужаса, когда она впервые увидела мужское достоинство супруга. Это не копые мальчишки, а могучее оружие мужчины.

- Ты не можешь втиснуть это в меня! - ахнула она. - Просто разорвешь!

- Нет, малышка, вот увидишь, все будет хорошо. А теперь откройся мне, Элинора, и поверь, я не сделаю ничего дурного.

Эльф нерешительно развела бедра. Взяв жену за щиколотки, Ранульф стал поднимать ее, пока его мужская плоть не коснулась сомкнутых лепестков лона, и принялся тереться, пока створки не стали медленно раскрываться. Навершие копья скользнуло между влажными нижними губками. Он привлек Эльф еще ближе, и она почувствовала, как он начал входить в ее тугие ножны. Эльф вздрогнула. Но не от страха. Скорее от предвкушения того, что сейчас произойдет.

Он почувствовал, как головка напряженного отростка постепенно входит в нее, неуклонно продвигаясь вперед. Он с трудом сдерживался, чтобы поскорее не окунуться в наслаждение.

- Когда я погружусь чуть глубже, малышка, - сдавленным голосом наставлял он, - сцепи ноги у меня на спине.

К его величайшему восторгу, она немедленно послушалась. Господи, какая она тугая, горячая и влажная внутри!

Он застонал от почти исступленного удовольствия. Как кружится голова... от аромата ее тела!

Эльф тихо вскрикнула, когда огромный отросток врезался в нее. Теперь она поняла, почему он сидит в такой позе. Боится, что сомнет ее изящное тело. Он все сильнее возбуждал ее, и она вдруг осознала, что наслаждается каждым мгновением его ласк.

Неожиданно он остановился. Губы прижались к ее устам. И не успела она опомниться, как Ранульф вонзился в нее еще глубже, похитив ее девственность одним выпадом. Он успел поймать ртом ее вопль, но по щекам заскользили жемчужные слезы: очевидно, боль была достаточно велика.

Ранульф поднял голову и прошептал:

- Прости меня, малышка.

Он слизнул прозрачные капли и, немного выждав, стал двигаться. Эльф забыла о боли. Быстрее... быстрее... глубже...

Боль прошла, словно и не существовала. Наслаждение, исступленное, жаркое наслаждение наполнило все ее существо. Эльф выгибалась все сильнее, стараясь целиком принять его в себя, издавая тихие крики.

- Ранульф! Ранульф! О-о-о, Пресвятая Матерь, я не подозревала! Это чудесно, чудесно! О-о-о-о!

Ее тело напряглось, затрепетало и будто взорвалось в вихре изысканных ощущений.

- Нет! Я хочу еще! Еще! - закричала она и лишилась чувств, погрузившись в теплую тьму.

Он застонал, извергаясь в нее. Прошло несколько минут, прежде чем он нехотя отстранился и лег на бок.

Сколько женщин было у него в жизни? Достаточно, чтобы понять: то, что происходит между ним и этой девочкой-женщиной, поистине бесценно и необыкновенно. Как он любит ее! А она,

его сладчайшая Элинор, не знает об этом. Это ее первый опыт любви. Что, если ее страсть быстро угаснет? Тогда они превратятся в одну из бесчисленного множества супружеских пар, которых не соединяет ничто, кроме детей и в лучшем случае взаимного уважения. Он не вынесет, если она его отвергнет. Уж лучше ей никогда не узнать, что он подарил ей сердце. Он не хочет услышать, что она любит его из жалости или долга. Только когда она признается в своих чувствах к нему, он ответит тем же.

Ранульф поднялся, заключил в объятия все еще лежавшую без сознания Элинор, погладил по голове и поцеловал в лоб, мельком заметив пятна крови на бедрах и простыне. Она чуть пошевелилась и открыла глаза.

- Тебе уже лучше, малышка? - встревоженно спросил он. Эльф кивнула, нежно коснувшись его лица. Неужели то, что она испытывает, любовь? Или просто сладострастие? Откуда ей знать? Не может же она спросить Ранульфа. Его наверняка смутят ее наивность и глупость. Кроме того, он, конечно, не любит ее, и любые признания лишь смутят его. Они прекрасно ладят, нравятся друг другу, и, если она начнет говорить о любви, Ранульф постарается охладить ее пыл. Лучше промолчать. Он старше и мудрее. Закаленные в битвах рыцари, такие как Ранульф де Гланвиль, не подвержены любовной лихорадке. Нет, она будет молчать и сохранит его уважение и дружбу.

- Ты была очень храброй, - восхищенно прошептал он.

- А ты - добрым. Когда мы сможем сделать это снова, господин? Должна признаться, что наслаждалась почти каждой минутой.

Ранульф улыбнулся, удивленный, но довольный.

- Ах, малышка, мне нужно время, чтобы прийти в себя после такой страсти, но, возможно, еще до рассвета мы сможем снова слиться в одно целое, если захочешь.

- А ты? Ты захочешь? - допытывалась она.

- Да, госпожа моя. Ты прелестна и несравненна. Король сам не знает, какую милость оказал мне, - искренне ответил Ранульф.

- Давай ничего ему не скажем, - игриво предложила Эльф и устремила задумчивый взор на его чресла. - Все, как говорила мистрис Марта. Каждое ее слово оказалось правдивым.

- Кто такая Марта?

- Жена вустерского портного. Пока мы перешивали платья, которые купил для меня епископ, она рассказала о том, что происходит в брачную ночь между мужем и женой и о тайнах мужского тела. Иначе я вообще бы ничего не знала.

- Я счастлив, что у тебя такая опытная наставница, малышка, - рассмеялся Ранульф.

- Но мать-настоятельница ничего мне не сказала, а я не могла полагаться на моих подруг и их сплетни.

Ранульф снова расхохотался и легонько чмокнул жену в губы. Она так восхитительно практична.

- Давай немного отдохнем, малышка, - предложил он, укрывая одеялом ее и себя.

Когда Эльф пробудилась, огонь в очаге почти догорел, а сквозь щели в ставнях пробивался серый утренний свет. Глядя на спящего мужа, она ощутила внезапное желание давать и получать наслаждение.

Эльф откинула одеяло, исподтишка изучая его. Потом провела рукой по его плоскому животу. Осмелев, наклонилась и принялась лизать его. Ранульф тихо застонал и пошевелился. Эльф приподняла голову, уловив едва заметное движение. Его мужская плоть пробуждалась к жизни. Эльф дерзко протянула руку, коснулась толстого отростка и, когда он стал на глазах удлиняться, провела пальцами от головки до корня.

- Бесстыдница, - пробормотал Ранульф и, даже не открывая глаз, приподнял ее и стал медленно насаживать на себя, пока меч полностью не вошел в ножны.

- О да! - выдохнула Эльф. - О да, мой Ранульф! Она крепко сжала его плоть потаенными внутренними мышцами.

- А теперь скачи на мне верхом, малышка, - выдавил он. Краснея за собственную беззастенчивость, Эльф стала двигаться, сначала неспешно, потом все быстрее. Он притянул ее к себе, так что ее груди расплющились о его торс. Его рот нашел ее губы, и он принялся жадно целовать ее. Они схватились в любовном поединке, пока обоих не поглотило наслаждение, такое мучительное, что она бессильно обмякла на нем.

- Ах, Ранульф, это восхитительно! Сердце его, казалось, сейчас разорвется от восторга. Он громко засмеялся:

- Нет, Элино, это ты необыкновенная. Я обожаю тебя, малышка! На свете нет другой такой женщины, ты самая лучшая в мире, моя милая женушка!

Он крепко обнял ее. Оба вспотели от усилий. Как это изумительно - лежать на нем и чувствовать, как в ней пульсирует его жизненная сила. И он сказал, что обожает ее. Она сумела дать ему блаженство. А он подарил ей экстаз. Теперь, когда она узнала, как на самом деле бывает между супругами, поняла всю меру жертвы, которую должна была принести, став монахиней. Но без Ранульфа она осталась бы слепой на всю жизнь, ничего не понимая в изумительной, пламенной страсти, которую могут делить муж и жена.

Она вдруг заплакала. Ранульф немедленно встревожился и, прижав ее к груди, тихо заговорил:

- Малышка, не плачь. Что с тобой? Я не сделал тебе больно? Говори же, Элино, ты разбиваешь мне сердце!

- Я... я... я так счастлива! - всхлипнула она.

- Тогда почему ты плачешь?

- Потому что счастлива! Все хорошо, Ранульф! Она припала к нему, и он погладил ее по щеке. Странно, почему она рыдает? Кажется, ей совсем не больно. Может, именно это имели в виду мужчины, утверждая, что им никогда не понять женщин?

Поцеловав жену в макушку, он подумал, что, должно быть, так и есть.

Глава 9

Каменная ограда поднялась на двенадцать футов. Внутри, на четыре фута ниже верхушки,

проходил помост в три фута шириной на надежных каменных опорах, где могли стоять часовые, обозревая окрестности. По углам находились лестницы, позволяющие в два счета очутиться на помосте. Ворота тоже заменили: новые дубовые двери, окованные железом, висели на крепких петлях. Мелкий ров, окружающий стены, вычистили, углубили, окопали земляным валом, и вместо насыпного перехода к поместью теперь вел подъемный мост.

- Теперь мы способны выдержать осаду, - заметил Фулк.

- Нет, - покачал головой Ранульф. - Ограда охватывает слишком большое пространство. Ее можно проломить. Не сразу и не так легко, но достаточно большое войско способно ворваться в поместье. Я, разумеется, не имею в виду валлийскую шваль. Нам нужен замок, чтобы сделать Эшлин неприступным, но у нас нет ни влияния, ни богатства, ни разрешения короля на постройку. Но сначала церковь, чтобы госпожа не обвинила меня в том, что я не держу слова.

- Пора бы пахать поля, - тихо напомнил Фулк.

- Крепостные могут работать на нас три дня в неделю. Те же, кто захочет потрудиться на постройке церкви четвертый день, получают плату, когда церковь будет готова, - объявил хозяин Эшлина.

Управитель Джон, шагавший рядом, довольно кивнул:

- Я передам им ваши слова, господин.

- Я ожидаю по одному сильному работнику из каждого дома, - строго добавил Ранульф. - И скажи, что ни одного разрешения на брак не будет дано до завершения ремонта. Госпожа желает, чтобы в Эшлине снова жил священник, а этого нельзя сделать, пока церковь в таком плохом состоянии.

Поля были вспаханы, озимые собраны. Матки принесли немалое количество ягнят, так что на летней ярмарке в Херефорде можно будет выгодно продать шерсть. На свет появились три теленка. Эльф посадила в огороде рядом с лекарней новые травы, с тем чтобы запастись снадобьями в достаточном количестве и помогать всем больным.

Она была счастлива. Так счастлива, как никогда в жизни. Эльф боялась, что станет терзаться угрызениями совести, но вовремя поняла, что никакой вины тут нет. Ей нравилась новая жизнь, она любила мужа, хотя ему об этом знать не следует. И теперь ее единственной мечтой было получить плод своей любви - младенца, наследника Эшлина.

- Ты слишком торопишься, - увещевала ее Аида. - Дети появляются, когда время придет, и ни минутой раньше. Положись на Господа.

- У тебя есть бастарды, Ранульф? - спросила она как-то ночью, когда они лежали в постели, и легонько провела пальчиком по его животу. Он было прикрыл глаза от удовольствия и предвкушения новых наслаждений, но, поняв истинный смысл ее вопроса, едва не подпрыгнул.

- Что?!

- У тебя есть незаконные дети, Ранульф? - повторила она. Проказливые пальчики нырнули в густую поросль волос внизу живота.

- К чему тебе знать? - удивился он, перехватывая ее руку и осторожно подминая Эльф под себя, чтобы лучше видеть ее лицо.

- Я хочу ребенка и никак не могу зачать, - призналась она, - поэтому и спросила, есть ли у тебя дети. А что, если я, подобно Айлин тоже бесплодна? Какая трагедия для Эшлина!

- Насколько я знаю, ни одна из женщин не обвиняла меня в том, что я наградил ее младенцем, - заявил он, стараясь сдержать смех. Ну что за хитрая маленькая лисичка! - Однако я всегда старался, чтобы похоть не перевесила здравый смысл и не затмила разум. Те женщины, с которыми я спал, умели воспрепятствовать зачатию, ибо дети были для них ненужным бременем и они никогда не смогли бы точно сказать, кто отец.

- Ты имеешь в виду шлюх? - уточнила Эльф.

- Что может знать о шлюхах монастырская воспитанница? - поразился он.

- Девушкам в монастыре известно многое, Ранульф. Кроме того, далеко не все из нас предназначались церкви. В молодости всех привлекает запретное, особенно когда заперт в четырех стенах. - И, маняще улыбнувшись, прошептала:

- Хочешь вставить стрелу в мой колчан?

- Да, малышка, и очень. - И, хитро блеснув глазами, Ранульф спросил:

- Тебя все еще манит запретное? Одна пленительная и искусная в своем ремесле потаскушка научила меня ужасно порочной вещи, позволяющей получить удовольствие и мужчине, и женщине. Наберешься смелости попробовать? Или предпочтешь пробавляться пустыми разговорами?

- Ужасно порочной? - переспросила Эльф. Глаза ее загорелись.

- Кто как считает. Многие находят это вполне естественным.

Черт побери, его маленькая монашка быстро становится настоящей обольстительницей. Взгляды их на миг скрестились. Взявшись за тонкие щиколотки, Ранульф стал поднимать ноги жены, пока они не легли ему на плечи. Эльф зачарованно наблюдала, как он наклоняет голову к потайному местечку, и слегка вздрогнула, когда он, поцеловав сомкнутые створки, осторожно раздвинул их пальцами и дотронулся языком до чувствительного бугорка. Эльф залилась краской: такого она не ожидала! Может, стоит запретить ему? Отстраниться? Но она словно во сне продолжала наблюдать за ним. Вскоре Эльф пронзительно закричала, но его язык продолжал неустанно дразнить напряженную плоть. Восхитительные ощущения накатывались волнами, поглощая ее. Нет, больше ей не выдержать.

И она с протяжным стоном отдалась на волю слепящему наслаждению, усиливающемуся с каждым новым касанием дерзкого языка. Тело ее напряглось в последний раз, перед тем как обмякнуть.

Ранульф почти обезумел от бешеного желания и, чуть опустив ее ноги, ворвался в податливую плоть, как завоеватель в покоренный замок. Но тут Эльф так блаженно вздохнула, что он невольно засмеялся.

- Бесстыдница, - простонал он, продолжая пронзать ее извивающееся тело. - Ты совершенная бесстыдница, малышка.

Господи, он просто не может ею насытиться! Внутри она подобна жидкому пламени и, несмотря на то что потеряла невинность, невероятно тугая.

Ранульф вошел в жену так глубоко, как мог, и снова вскинул ее ноги себе на плечи, словно стремясь проткнуть ее насквозь.

Эльф из последних сил льнула к нему, утопая в водовороте эмоций, вцепившись ногтями в его спину в отчаянном стремлении достичь того экстаза, который неизменно доставляло ей соитие их тел.

- Я жадная себялюбива, - выдохнула она, - и думаю лишь о собственном удовольствии. Но я хочу дать наслаждение и тебе.

- И даешь! - прохрипел он сквозь стиснутые зубы, захлебываясь от счастья, - клянусь кровью Христовой, ничего подобного я еще не испытывал.

Они одновременно достигли райской долины и сжали друг друга в объятиях.

- Из тебя вышла бы ужасная монахиня, - вымолвил он наконец, когда стук сердца стал немного ровнее.

- Нет, - запротестовала она, - останься я в неведении о том, каким сладостным может быть слияние мужчины и женщины, стала бы прекрасной монахиней.

Оба продолжали привычную шутовскую перепалку, пока не заснули.

Ранульф объявил праздником первое мая, пятнадцатый день рождения жены. На лугу воздвигли майское дерево, и господин с госпожой весело плясали вокруг него вместе с крепостными. Тут же проходили состязания в беге и стрельбе из лука, победители которых получили молодого петушка и двух курочек. Столы ломились от вкусных яств. Из погребов выкатили бочонки с элем и сидром. Церковь отремонтировали, крышу перекрыли, и Ранульф дал разрешение играть свадьбы, как только прибудет священник. Две невесты уже были едва ли не на сносях, что доказывало их плодовитость.

- К нам кто-то едет! - воскликнула какая-то девушка, показывая на приближавшегося всадника. Все разом возбужденно загомонили, ибо гости в этом отдаленном уголке Англии были весьма редки.

Ранульф заметил, как солнечный луч отражается от рукояти меча незнакомца. Рыцарь? Один или оторвался от целого отряда? Нет, вряд ли он послан на разведку затаившимся в засаде врагом. Кроме того, он ехал не скрываясь и не спеша, очевидно, конец его пути был близок.

Все же Ранульф встал и велел слуге скорее принести меч. Тот метнулся в дом и мигом исполнил поручение. Ранульф поспешно пристегнул оружие к поясу и вышел вперед, давая знать прибывшему, кто здесь хозяин. Эльф тут же последовала примеру мужа. Тот с легкой улыбкой посмотрел на нее.

Всадник остановил боевого коня и негромко, но вежливо осведомился:

- Ты господин этого поместья?

- Да. Мое имя Ранульф де Гланвиль. Чем могу служить, сэръ рыцарь?

Рыцарь спешил и протянул руку Ранульфу. Мужчины обменялись рукопожатием.

- Я Гаррик Талиферро, посланец герцога Генриха. Мне поручено поговорить с вами.

- Герцог Генрих? - недоуменно переспросил Ранульф.

- Повелитель Нормандии, Анжу, Мена, Турена и Аквитании, - пояснил Гаррик.

- Старший сын госпожи Матильды? Но я подданный короля Стефана и останусь ему верным до тех пор, пока он носит корону, - резко заметил Ранульф.

- Сэр Гаррик, - вмешалась Эльф, - вы, должно быть, хотите пить после долгой дороги. Позвольте принести вам вина. Рольф, возьми лошадь рыцаря, отведи в стойло, напои и накорми.

- Это моя жена, леди Элинор, - представил Ранульф, - и она права. Я совершенно забыл о хороших манерах. Пойдемте, сэр, Сегодня мы празднуем наступление мая и день рождения моей супруги. Окажите нам честь присоединиться к нам, а потом потолкуем.

Сэра Гаррика усадили за главный стол, сам Седрик принес ему чашу с вином. Гость ел жадно, опустошив блюдо дважды, а чашу трижды, прежде чем отодвинулся от стола с довольной улыбкой.

- Ваше великодушие сравнимо только с вашим гостеприимством, - заметил он. - Благодарю за сытный обед.

- Надеюсь, вы проведете ночь под нашим кровом? - спросила Эльф.

- С радостью, госпожа.

- Так что за дело у герцога Генриха ко мне? - осведомился Ранульф. - Я уже упоминал, что давал обет верности королю Стефану.

- Герцог знает это, господин мой, поэтому я был послан к вам и многим вашим собратьям. Поверьте, я здесь вовсе не для того, чтобы подстрекать вас к измене. Именно ваша исключительная преданность и привлекает моего повелителя герцога Генриха. Похоже, вы в вашей глуши ничего не слышали о последних событиях.

- Я был обвенчан в прошлом декабре самим епископом в присутствии его величества Мы сразу же уехали в Эшлин, и вы первый, кто нас с тех пор посетил. Что случилось? Король здоров?

- В полном благополучии, и по всей стране царит мир. В январе герцог Генрих прибыл в Англию.

- Он путешествовал зимой? - поразился Ранульф. Переезд по каналу, разделяющему Англию и Францию, даже в хорошую погоду считался опасным, что же говорить о зиме, когда на море бушевали штормы?

Ранульф подумал, что герцог либо очень храбр, либо дуракам везет.

- Король Стефан желает при жизни короновать своего старшего сына Эсташа, - начал сэр Гаррик, - хотя так водится в обычае у французских королей. Но архиепископ Кентерберийский по требованию и приказу папы Адриана отказался. Говоря по правде, принц Эсташ своим дурным характером ничем не уступает Матильде.

- Верно, - согласился Ранульф, - я тоже слышал, что он совсем не похож на своих добрых родителей.

- Церковь пытается положить конец распрям, раздирающим и терзающим Англию вот уже много лет. Папа предложил, чтобы король Стефан правил до конца дней своих, а после его смерти корона должна перейти к герцогу Генриху, старшему сыну Матильды.

Рыцарь, помедлив, отпил глоток вина.

- Король, - продолжал он, - противится этому решению, но думаю, что в конце концов смирится. Эсташ не годится для того, чтобы править страной, а его младший брат Уильям заверил герцога, что довольствуется титулом графа Булонского и не претендует на трон.

- Зато герцог претендует, - тихо заметил Ранульф.

- По праву рождения, - возразил рыцарь. - Мой господин желает знать, станете ли вы поддерживать его или принца Эсташа, когда скончается король Стефан. Ваше поместье хоть и небольшое, находится в важной стратегической точке, на границе с Уэльсом. Кстати, эта ограда у вас новая?

- Нет, - покачал головой Ранульф. - Мы надстроили стены. Пойдемте, лорд Гаррик, я все вам покажу.

Мужчины встали и направились к укреплениям. Тем временем Эльф, подзвав Аиду и Виллу, велела приготовить мягкую постель для гостя. Женщины поспешили в дом.

Ночью, лежа в постели, Эльф спросила мужа:

- Что будешь делать, Ранульф? Поддержишь Эсташа или герцога?

- Герцога, - не колеблясь, ответил муж.

- Почему?

- По многим причинам, малышка. Эсташ, которого я хорошо знаю, - человек нечестный, подлый, лишенный всех добрых качеств своего благородного отца. Я начал службу в семь лет, при дворе короля Генриха. Он умер, когда мне было почти тринадцать. Я стал пажом Стефана, герцога Блуа, и вместе с ним уехал в Англию. Он был любимым племянником короля, и я никогда не предаю его, хотя, по правде говоря, малышка, он не лучший из монархов. Правда, Стефан добр, храбро сражается, но качеств, необходимых для истинного правителя, у него недостает. Его не свергли исключительно благодаря тому, что претендентка на английский престол Матильда чванлива, чрезмерно горда и злобна. Кроме того, могущественным лордам и баронам выгодно ввергнуть страну в хаос, и слабости монарха им только на руку. Взойдя на трон, он назначил меня своим оруженосцем, а потом, когда мне исполнилось шестнадцать, посвятил в рыцари. Он всегда был великодушен и щедр по отношению ко мне, и будь я чуть хвастливее и наглее, нажил бы множество недоброжелателей среди людей знатных. Поэтому я никогда не перейду на сторону его врагов. Ты понимаешь меня, Эльф? Жена кивнула.

- Я знал его супругу, - продолжал Ранульф, - наследницу Эсташа, графа Булонского и его жены, Марии Шотландской, младшей дочери короля Малколма. Ее звали Матильда. Они с мужем горячо любили друг друга. От этого союза родились три сына. Болдуин умер в девять лет. Остались Эсташ и Уильям. Кроме того, у них были две дочери. Старшая скончалась в младенчестве, вторая, Мэри, не замужем. Граф Уильям и его сестра - люди сердечные, милые и вежливые. Эсташ вспыльчив, спесив, сварлив, и даже его собственная жена, Констанция Тулузская, терпеть его не может. И детей у них нет. Она сестра короля Франции, и он надеялся через нее получить Нормандию. Разумеется, ничего не вышло, ибо Франция не пожелала из-за

этого вступать в войну с Анжуйской династией, захватившей Нормандию, пока Стефан и Матильда боролись за Англию. Он тяжело вздохнул, и Эльф поспешила заверить:

- Я все поняла, Ранульф. Если не считать высказываний насчет Эсташа.

- Его коварство тревожит меня, Эльф. Он слишком вспыльчив. Откровенно говоря, малышка, я ему не доверяю. И хотя отца люблю, поддерживать сына не собираюсь.

- Но что ты знаешь о герцоге Генрихе?

- Как ни удивительно, довольно много, ибо он все эти годы считался главным противником Стефана, еще с той поры, как его мать отказалась от борьбы за престол. Он женат на Алиенор Аквитанской, чей брак с королем Людовиком VII был признан незаконным из-за их близкого родства. Она на десять лет старше Генриха, но он безумно в нее влюблен. Его двор постоянно в походе. Сам он, похоже, почти не нуждается в сне. Говорят, что он может весь день провести в седле и полночи за пирушкой. Его секретари постоянно жалуются на переутомление. Он не дает покоя своему окружению. При этом герцог образован и начитан, совсем как его дед, Генрих I. Любит охоту, пиры. И женщин. Ему всего двадцать лет, но Алиенор Аквитанская родила ему сына через три месяца после свадьбы. Многие уверены, что она именно этим заманила его в сети брака.

Герцог - хороший воин, и хотя, по слухам, обладает свирепым характером - говорят, один из его предков женился на дочери самого сатаны, - все же справедлив и старается рассудить спор по чести. Если не считать его ненасытной страсти к прекрасному полу, которая не унимается, невзирая даже на любовь к жене, я не нахожу в нем особых недостатков. Он обладает качествами настоящего монарха, поэтому я буду на его стороне. Англии нужна сильная рука.

- Может, король согласится на требования церкви, - с надеждой предположила Эльф. Но Ранульф покачал головой:

- Сомневаюсь. Король Стефан упрям и, подобно Матильде, питает самые честолюбивые планы в отношении своего сына. Но когда придет время и мой добрый господин скончается, он не узнает, что я не принесу клятву верности его слабому, ничтожному отпрыску.

Утром Ранульф де Гланвиль вместе с гостем отправились на ближайший луг, где мирно паслись овцы. Эльф проводила их взглядом, жалея, что не может участвовать в беседе, хотя уже знала намерения мужа.

- Можете передать своему господину, герцогу Генриху, - начал Ранульф, - что я поддержу его притязания на английский трон по смерти короля Стефана, но никак не раньше. Я не могу позволить себе нажить врагов в лице принца Эсташа и его друзей. Они вполне способны в отместку натравить на меня валлийцев. В этом году стадо Эшлина увеличилось вдвое, поля зеленеют всходами, и я хочу спокойно собрать урожай и отвезти шерсть на летнюю ярмарку в Херефорде. Если мое поместье атакует войско принца Эсташа, вознамерившегося отплатить за нанесенную обиду, мне нечем будет кормить зимой моих людей, а герцог Генрих вряд ли возьмет на себя эту обязанность.

- Ваши стены выглядят достаточно толстыми, - слегка улыбнулся сэр Гаррик.

- Но они окружают только поместье. Мои поля и луга беззащитны перед нападением врагов, особенно теперь, когда пшеница еще не созрела. Валлийцы до сих пор оставляли Эшлин в покое, считая, что столь бедное владение не стоит затрат времени и усилий. Я бы предпочел, чтобы они и дальше оставались при этом мнении. Было бы настоящим крахом, если бы кто-то

предложил им золото за грабеж и разрушение Эшлина. Ваш герцог с его обширными землями и замками уже живет как король. По ту сторону канала располагаются только огромные поместья. Здесь же, в Англии, богатых баронов не так уж много, зато полно маленьких имений вроде моего, владельцы которых, подобно мне, работают на полях бок о бок со своими людьми. Если мы сможем получить достаточно пшеницы, овса и ячменя, овощей с огорода и фруктов, а также скота и птицы, чтобы протянуть зиму, можем считать себя счастливыми. Ваш герцог должен сознавать, что так живут здесь почти все мелкопоместные дворяне. Но поймет ли он? Герцог окружен теми, кто бесстыдно льстит в надежде угодить ему и говорит то, что он хочет слышать. У них богатство и власть, но они добиваются большего. Я же простой рыцарь и всем доволен. Обещаю, сэр Гаррик, что герцог Генрих получит мою преданность, когда станет королем. Я еще никогда не нарушал слова.

- Ваша репутация общеизвестна, Ранульф де Гланвиль. Я передам герцогу ваши слова, несомненно, самые честные из всех, что я слышал за последние несколько месяцев. Здешние лорды изменчивы, как весенняя погода. Немногие так чистосердечны, как вы. Ни вы, ни ваша жена, ни ваши люди не пострадают. Живите спокойно. Но когда король Стефан скончается, вы должны явиться в Вестминстер и принести новому королю, Генриху Анжуйскому, клятву верности.

- Согласен, - кивнул Ранульф, и оба хлопнули друг друга по плечу, скрепив договор между господином Эшлина и посланцем герцога Генриха.

Несколько дней спустя, спросив дорогу к поместью барона Хью де Варенна и захватив съестные припасы, сэр Гаррик отправился в путь.

- А что будет с сыном короля? - поинтересовалась Эльф. - Он, разумеется, не подумает добровольно уступить трон.

- Конечно. Начнет новую войну, но он не такой хороший воин, как отец. Герцог легко разобьет его. Только тогда Англия получит монарха, который принесет народу мир и благоденствие. Генрих Анжуйский станет править железной рукой, малышка, и не даст баронам вольничать.

Вскоре после Дня святого Михаила обитатели Эшлина узнали, что принц Эсташ внезапно и неожиданно умер. Новость привез Хью де Варенн, не поленившийся для этого приехать из своих владений. Завзятый сплетник, он услышал о смерти Эсташа от бродячего торговца и поспешил уведомить бывших родственников дочери. Король, уже готовый к битве с герцогом, вне себя от горя, согласился на условия церкви. Следующим королем Англии должен был стать герцог Анжуйский.

- А как Айлин? - медоточиво осведомилась Эльф.

- Сучка сбежала, - мрачно буркнул барон Хью. - Нам пришлось долго искать для нее подходящий монастырь, и наконец нашли один, где согласились взять ее за огромные деньги. Что поделать, приказ короля. Мы твердили ей, что это ненадолго и после смерти его величества новый монарх отпустит ее, но вы же знаете, какова Айлин. Накануне того дня, когда мы должны были отбыть в Йорк, она исчезла.

- Бедняжка, - фальшиво посочувствовала Эльф. Но барон, не обращая внимания на реплику, повернулся к Ранульфу:

- Сэр Гаррик сказал, что сначала заезжал к тебе. Ты, разумеется, пообещал поддержку герцогу.

- Я всегда на стороне английского короля, - ответил Ранульф.

- Но какого именно? - не отставал Хью.

- Законного помазанника Божия, сэр. Разочарованный увертками хозяина, барон Хью вновь обратился к Эльф.

- Ты еще не ждешь ребенка? - нагло поинтересовался он.

- Я слишком молода. Мои дети появятся, когда захочет Господь, и ни минутой раньше.

- По-прежнему благочестива, я вижу, - мерзко ухмыльнулся барон.

- Передайте привет своей милой жене, - попросила Эльф.

Видя, что задерживаться дольше невозможно, и не сумев ничего выудить из хозяев, Хью де Варенн откланялся.

- До чего же гнусный человечиска! - рассерженно бросила Эльф, как только гость скрылся из виду.

Ранульф успокаивающе погладил жену по плечу:

- Ты права, малышка. Дети появятся в свой срок. Мы женаты меньше года и, поверь, усердно стараемся выполнить заветы Господни, не так ли?

Эльф невесело усмехнулась, глядя на мужа полными слез глазами:

- Пока я была в монастыре, никогда не думала о детях, но теперь я стала твоей женой, а долг супруги - зачать и родить мужу наследников. Наше наслаждение друг другом так велико, что иногда меня терзают угрызения совести, когда вижу, как все усилия не приносят плодов. Что, если я, подобно Айлин, не смогу дать мужу ребенка?

- Ты ничуть не похожа на эту злобную ведьму, Элинон, - утешил он.

- Ты хочешь сына, Ранульф?

- Каждый мужчина хочет сына... и дочь, похожую на ее прелестную маму, малышка, - искренне признался Ранульф. - Но если Господь не благословит нас, я готов провести остаток жизни только с тобой.

Эльф громко зарыдала.

- Жить с тобой в тысячу раз лучше, чем быть монахиней! - всхлипнула она и убежала.

Ранульф озадаченно смотрел вслед жене, не понимая, чем так расстроил ее, но, не в силах решить загадку, направился в поле, помочь с молотьюбой.

Урожай выдался обильным. Амбары были заполнены до самых крыш. Женщины собрали все яблоки и груши. Хижины крепостных починили и покрыли камышом. Артур и его хозяин-мельник трудились день и ночь. Настало время забоя скота и засолки мяса. У стен построек высились поленницы дров. Ранульф объявил, что крепостные дважды в месяц, в определенные дни, могут ставить силки на кроликов и ловить рыбу. Мужчины собирались охотиться на оленей, и все предвкушали праздничный пир на Рождество.

Раз в месяц хозяева улаживали споры, тяжбы и выносили приговоры. Эшлин процветал, как никогда ранее. Удалось даже отложить немного денег с продажи шерсти на ярмарке. Ранульф устроил тайник в стене хозяйской спальни, куда и спрятал серебро.

Эльф проводила много времени в аптекарне, готовя мази, отвары и настои, для которых сушила кору, листья, цветы и корни целебных растений. Правда, последнее время она сама не слишком хорошо себя чувствовала. Ее постоянно тошнило, и только мятный чай, сдобренный медом, приносил некоторое облегчение. Мед у нее был, поскольку она поставила шесть ульев рядом с аптекарней, считая, что лучшее средство для лечения простуды вряд ли найдешь.

Но как-то в октябре, когда Эльф сидела в зале за вышиванием, Аида резко спросила:

- И когда ты собираешься сказать хозяину о ребенке? Эльф, забыв о работе, ошеломленно пробормотала:

- О чем сказать, Аида?

- Госпожа! - раздраженно воскликнула старая няня. - Ты носишь младенца!

- Ношу младенца?! Аида, откуда ты знаешь? Иголка упала на ткань.

- У тебя вот уже два месяца не показывались крови. Неужели забыла? Конечно, ты беременна, дитя мое! Если не ошибаюсь, жди младенца в июне, - восторженно хихикнула старуха.

- Ты уверена? Нам в монастыре о таких вещах не говорили. Девушек, которые должны были выйти замуж, перед венчанием наставляли матери. Ой!

Эльф сунула палец в рот и принялась сосать. Разумеется, невинность не такое уж плохое качество, но имеет огромные и явные недостатки. «Сколько же еще я находилась бы в неведении, если бы не Аида?!»- подумала она.

- Так когда же скажешь господину? - продолжала интересоваться Аида.

- Давай подождем немного, пока не убедимся окончательно. Только ты держи язык за зубами, - задумчиво велела Эльф. - Никаких намеков, многозначительных взглядов, улыбочек. Мне нужно поговорить с кем-то знающим.

- Орва, жена Джона! Кто может быть лучше! У нее самой много детей и внуков. Она местная повитуха, принимает всех младенцев, рожденных в Эшлине. И твоего примет.

Назавтра Эльф набрала корзину яблок и груш и отправилась в дом управителя, который был больше и лучше всех других в деревне. Орва, сидевшая с шитьем у двери, поднялась и поклонилась.

- Добрый день, Орва! - воскликнула Эльф. - Я принесла тебе фруктов. Хочу поговорить с тобой с глазу на глаз, - Заходите, госпожа, - пригласила жена управителя и поставила для нее табурет у очага. - Чем могу помочь, госпожа?

- Проведя почти всю жизнь в монастыре, я очень мало знакома с вещами, известными всем обычным женщинам, - начала Эльф.

- Вы думаете, что носите ребенка, - спокойно ответила Орва.

- Я ничего не подозревала, - призналась Эльф, - это. Аида мне подсказала. Должна сказать,

что чувствую себя ужасно глупо.

- Нет, госпожа, не стоит. Всему виной ваше воспитание, ведь вы собирались посвятить себя Господу! Кроме того, молодые женщины, особенно в первый раз, часто не ведают, что беременны, - увещевала Орва. - А теперь скажите, госпожа, когда в последний раз у вас были крови?

- Через две недели после первого августа, - вспомнила Эльф. - С тех пор ничего.

- А такое раньше бывало? Эльф покачала головой.

- Не замечали вы, что груди стали больше? Не страдаете ли от тошноты? Или не выносите определенных запахов?

- Да! Я заметила, что мои груди увеличились, когда надела блио на День святого Михаила. А теперь почти есть не могу. Только все время пью мятный чай. А соски! - Тут Эльф покраснела. - Они стали таким чувствительными, что притронуться невозможно!

Орва понимающе улыбнулась:

- Вы беременны, госпожа. Судя по всему, дитя появится на свет в конце мая или на первой неделе июня. Неприятные ощущения скоро пройдут, но груди будут расти, ведь вам придется кормить ребенка. И живот набухнет.

- Что мне делать?

- Есть простую пищу, - посоветовала Орва. - Избегайте соусов и соленого. И не пейте вина. Лучше уж пиво, чтобы молока было побольше, но только если оно вам по вкусу. Я каждое утро буду приходить к вам, чтобы проверить, все ли в порядке, и если вам есть о чем спросить, не бойтесь показаться глупой. Мудрость приходит с годами и детьми, но даже тогда нет-нет да обнаружишь, как много еще нужно узнать.

- Ты pomoжешь мне, когда придет время?

- Госпожа, это моя обязанность здесь, в Эшлине, просто вы об этом не знали. Я приняла всех детей за последние двадцать лет, а до меня этим занималась мать. Я и вас приняла, госпожа.

- Правда?! - воскликнула Эльф, широко раскрыв глаза. Как хорошо, что женщина, приведшая ее в этот мир, поможет явиться на свет и ее ребенку!

- Так оно и было, - подтвердила Орва. - Вы похожи на мать, но только куда красивее. Она легко рожала, и хотя выглядела хрупкой, но была сильной.

- Однако произвела всего двоих, с разницей в десять лет, - возразила Эльф.

- Нет, госпожа, - поправила Орва. - Не двоих, а шестерых, и вы младшая. Первым был Роберт, названный в честь вашего отца. Правда, через год он умер от простуды. За ним - лорд Ричард и двое парнишек, мертворожденные. Ваш отец часто уезжал на войну, а матушка каждый раз смертельно пугалась и тревожилась. Она была не из тех, кто стойко переносит отсутствие мужа. Ваша сестра Адела родилась двумя годами раньше вас и уже начинала ходить, когда в наши места нагрянула пятнистая болезнь, оспа, и сразила малышку. Ваша мать была безутешна, но к осени того же года забеременела снова. И этим ребенком были вы!

- Я никогда не знала о братьях и сестрах, - растерялась Эльф. - Как грустно, что она их потеряла.
- Такова воля Господня, - пожала плечами Орва. - Она плакала и страдала, как все мы, когда лишаемся детей. Но в жизни все бывает.
- Подумать страшно, что и меня может постигнуть та же участь.
- Не стоит пугаться, госпожа, - посоветовала Орва. - Вашей матери не повезло, только и всего. Взгляните на меня! Я родила пятерых, и все живы и здоровы, слава Богу! Старайтесь делать так, как я говорю, и следующим летом у вас родится сильный малыш.
- Стоит рассказать мужу или подождать, чтобы убедиться наверняка?
- Как пожелаете, госпожа. Иногда молодые женщины стараются подольше утаить чудесную новость, чтобы самим ей насладиться.
- И еще одно, - пробормотала Эльф, побагровев от смущения. - Можно ли до родов спать с мужем или лучше не стоит?
- Он настоящий великан, наш господин, а вы маленькая и изящная, но если ваш муж будет осторожен и вы не почувствуете неудобств, не вижу причин, почему вы должны жить в целомудрии столько времени. Попросите господина прийти ко мне, и я научу его, как обращаться с женой, когда живот станет слишком ее тяготить, - пообещала Орва.

Эльф, поднявшись, улыбнулась женщине:

- Спасибо, Орва. Теперь я больше не боюсь.
- И правильно, госпожа. Беременность - самое чудесное и естественное состояние женщины. Вы здоровы и сильны, так что все обойдется. Кстати, не хочу показаться непочтительной, но поменьше слушайте мою свекровь. Старая Аида любит вас, но она знает далеко не все.
- Она сразу скисла, буквально бурлит мрачными предсказаниями, хоть и старается не высказывать их вслух.
- Вы довольны Виллой? - поинтересовалась Орва. - Она моя дочь, знаете ли. Всего на год младше Артура.
- Она хорошая девушка и верно мне служит.
- Очень рада, госпожа, - кивнула Орва, провожая Эльф, но, распахнув дверь, громко охнула:
- О Господи!

У хижины собралась целая толпа женщин, бросавших на них обеспокоенные взгляды.

- Не стоило приглашать вас в дом, госпожа. Нужно было уйти подальше! Эти сплетницы пронюхали, зачем вы пришли ко мне. Уже к вечеру поместье будет бурлить слухами, и теперь их ничем не остановишь. Думаю, если хотите рассказать своему мужу о счастье, ожидающем его, лучше сделать это сегодня. Не сердитесь, госпожа, эти женщины желают вам добра. Они будут в восторге оттого, что в Эшлине появится наследник, что линия Хэролда Стронгбоу, его дочери Ровены и де Монфоров не прервется.

Эльф оглядела встревоженные лица. Добрые и знакомые.

- В июне, - весело объявила она, - но во имя сладчайшей Девы Марии помолчите, пока у меня не будет возможности открыться мужу.

- Но когда это будет? - дерзко спросила жена мельника.

- Похоже, скоро, - ответила за Эльф Орва, - ибо господин уже бежит сюда. Кто-то успел доложить ему, что вы тут.

- Малышка, ты здорова? - задыхаясь, выкрикнул Ранульф.

- Совершенно, - заверила Эльф.

- Но мне передали, что ты навестила жену Джона, - встревоженно сказал он.

- Кого еще я должна навещать, кроме повитухи, когда ожидаю наше дитя? - нежно улыбнулась Эльф и, притворяясь рассерженной, строго добавила:

- Кстати, кто проболтался, что я здесь?

- У тебя будет ребенок? Наш ребенок! - воскликнул он, широко улыбаясь, и тут же подхватил ее на руки. - Ты не должна излишне напрягаться!

Женщины разразились громким хохотом.

- Опустите меня, Ранульф, - сквозь смех попросила Эльф. - Не я первая, не я последняя. Кроме того, я не больна и не ранена. Немедленно опустите меня на землю!

Ранульф неохотно подчинился.

- Но разве тебе не нужно побольше отдыхать, Элинора?

- Обязательно, когда она устанет, - заверила Орва. - Но в остальном должна вести такую же жизнь, как прежде. По крайней мере пока. И поскольку вы тут, господин, не зайдете ли в дом? Я должна поговорить с вами с глазу на глаз.

Эльф усмехнулась, а остальные вновь разразились смехом, ибо всем их мужьям рано или поздно приходилось выслушивать наставления Орвы.

Почувствовав себя куда лучше и весело напевая, Эльф вернулась домой. Она не бесплодна! Не то что вдова брата!

При мысли об Айлин де Варенн по спине девушки прошел озноб, но она постаралась обо всем забыть. Ничто не испортит ее счастья. У нее родится ребенок!

Глава 10

Клауд, торговец шлюхами и содержатель борделя, занес руку и в третий раз ударил женщину по лицу.

- Сделаешь, как сказано, английская сука! - прорычал он. Айлин с трудом поднялась на ноги и обоими кулаками так огрела мучителя, что хромым пошатнулся.

- Я тебе не дешевая потаскуха! - взвизгнула она.

- Может, и не дешевая, - прошипел Клауд, схватив ее за длинную светлую косу, - но все же потаскуха! Я честно купил тебя и должен вернуть истраченное!

- Я дочь барона Хью де Варенна! Вдова хозяина Эшлина! - окончательно взбесилась Айлин. - Я всего лишь искала защиты у того бродячего торговца, и он предложил мне путешествовать вместе! У него не было прав продавать меня!

- Мне на это плевать! Я должен получить прибыль, а остальное меня не интересует! Прежде чем состаришься и поблекнешь, денежки будут у меня в кармане! Лучше делай, как сказано, или я велю привязать тебя к кровати и стану впускать к тебе всех, кому придет в голову заплатить! Знаешь, что это означает, сука? Любой крестьянин и бродяга будет трудиться над твоим белым телом, пока не вспашут такую широкую борозду, что через нее сумеет промаршировать целое войско! А теперь на спину, сука! Лорд Мэрии Ап-Оуэн и его люди явились сюда, чтобы поразвлечься!

- Никогда! - завопила Айлин.

Клауд снова поднял руку, но чей-то голос остановил его:

- Нет, Клауд, совсем ни к чему колотить ее до полусмерти! Только испортишь нашу забаву. Нам нравятся строптивые женщины! Оставь нас, и мы вволю насладимся этой девкой!

Говорящий оказался высоким темноволосым мужчиной, безупречно красивое лицо которого портил шрам, сбегавший от угла левого глаза до подбородка.

Незнакомец растянул губы в улыбке, и Айлин затрепетала, поняв, что перед ней человек бесконечно порочный и коварный.

- Я из знатного рода! - вызывающе бросила она.

- Сколько времени вы с ней проведете? - спросил содержатель борделя.

Мэрии Ап-Оуэн швырнул ему тяжелую серебряную монету.

- Всю ночь, - сообщил он, - и не спорь со мной, ибо, бьюсь об заклад, я только сейчас дал вдвое больше того, чем ты за нее заплатил. Ты уже получил прибыль, Клауд.

- Собираетесь убить ее? - не выдержал Клауд. Мэрии Ап-Оуэн от души расхохотался:

- Только нашей добротой, Клауд. Только ласками. Теперь проваливай да пошли сюда вина.

- Разумеется, господин. Немедленно! - заверил Клауд и поковылял к выходу.

Мэрии Ап-Оуэн неторопливо оглядел Айлин:

- Говоришь, дочь барона? Побочная, конечно. Отродье крепостной?

- Ничего подобного! Я рождена в законном браке!

- Снимай камизу! - велел он.

- Ни за что!

Он молниеносно выбросил вперед руку и, вцепившись в вырез камизы, располосовал ее до подола.

- Эта моя единственная камиза! - взывала Айлин.

- Если ты хотела, чтобы она осталась целой, нужно было слушаться, - спокойно возразил он. - Ее еще можно будет починить, только сейчас же разденься, иначе я и мои люди оставят от твоей камизы лишь жалкие клочья.

Голубые глаза Айлин потрясение распахнулись. Она отчего-то поняла, что он немедленно исполнит угрозу, и поэтому без дальнейших споров осторожно стащила камизу и отнесла в угол. Теперь она осталась совершенно обнаженной, ибо перед этим у нее отобрали всю остальную одежду.

- У нее сдобные большие титьки, господин, - восхищенно заметил один из его спутников.

- Уж это точно, - согласился Мэрин Ап-Оуэн, безжалостно стиснув грудь Айлин. - Но я невежлив, госпожа. Даже не представился. Я Мэрин Ап-Оуэн, господин всей округи. А это трое моих лучших людей. Бэдан, что по-английски значит «кабан», Гуир, то есть «чистый», и он действительно чистый дьявол, - верно, Гуир? И наконец, последний, но далеко не худший, как ты скоро обнаружишь, - Сайарл, «отважный». Все они сумели мне угодить, и я взял их поразвлечься с тобой, моя красивая сучка.

- Меня зовут Айлин де Варенн, - бесстрастно объяснила она. Голубые глаза впились в темно-синие. Сначала Айлин испугалась, но что-то подсказало ей, что они наслаждаются ее страхом. Нет, она не согнетса! В конце концов, от нее не требуется ничего необычного, и, кроме того, она давно не девственница. Четверо мужчин за ночь. Она в жизни не представляла, что способна на такое, но почему бы нет?

- Если сдавишь мою грудь еще сильнее, боюсь, сосок отвалится. Отпусти меня, иначе наставишь синяков, - холодно бросила Айлин.

- Вот как? - хмыкнул мужчина, с интересом оглядывая ее. - Да ты бесстрашна! Это хорошо! В этом случае мы повеселимся по-настоящему!

В этот момент занавеска алькова приподнялась, и тощая, чем-то напуганная девчонка притащила мех с вином, который и повесила на вбитый в стену крюк. И тут же улизнула.

- У меня никогда не было больше одного мужчины, - дерзко заявила Айлин.

- За один раз, хочешь сказать, - поправил Мэрин Ап-Оуэн. Кажется, она не лжет, утверждая, что рождена в знатной семье, но это не мешает ей быть прирожденной шлюхой. Вид у нее такой, словно готова раздвинуть ноги перед первым встречным.

Разжав руку, Мэрин Ап-Оуэн снял мех и освежил кислым зельем пересохшее горло.

- Кто хочет ее первым? - осведомился он, пустив мех по кругу. - Решим так или бросим жребий? - Он силой втащил Айлин в круг. - Ну же, сучонка, покажи моим людям все, что умеешь! Давайте, парни, она ваша.

Айлин, охваченная паникой, затравленно озиралась. По ее телу шарили грубые руки. Кто-то оттянул за волосы ее голову и бесцеремонно вторгся языком в ее рот. Чьи-то пальцы нырнули в глубину ее лона. Забыв обо всем, Айлин вздохнула от наслаждения и принялась извиваться,

надавливая всем телом на дерзкую руку. Если она сумеет держать их в узде и не допустит, чтобы они ее покалечили, можно неплохо провести время. Широкие ладони накрыли ее груди, и Айлин, прижавшись округлым задом к паху смельчака, простонала:

- О-о-о, вот это «петушок». Настоящий великан. Хочешь запустить его в меня?

- Еще бы, - проворчал валлиец. - Давайте, парни, кинем кости, пока я не взорвался. Сука, видать, в течке!

На грязном полу появились кости и чашечка, и мужчины, встав на колени, принялись за игру. Айлин, улыбаясь, взглянула на Мэрина Ап-Оуэна. Тот едва заметно кивнул. На губах играла легкая улыбка. Айлин улыбнулась в ответ, маняще проводя розовым язычком по губам. Мэри Ап-Оуэн рассмеялся.

- Я выиграл! - раздался вопль, и Сайарл вскочил на ноги, но его немедленно оттащили.

- Сначала узнаем, кто будет вторым и третьим, - заявил Бэдан. - Я просто изнемог от похоти.

Кости снова загремели по дну чашечки. Наконец решение было принято. Первым станет Сайарл, вторым - Бэдан и третьим - Гуир.

Мужчины встали и принялись раздеваться. Айлин легла на тюфяк и широко развела бедра.

- Ну же, давай, храбрец, посмотрим, чего ты стоишь.

- Это ты скоро узнаешь, - пробурчал Сайарл, падая на колени между ее расставленными ногами и вытаскивая из шоссов свое оружие.

- Неплохо, - оценила Айлин скучающим тоном, - но самое главное, каков ты в деле. Теперь наполни меня и заставь вопить от восторга! - грубо велела она.

Сайарл упал на Айлин, вонзаясь в нее до основания снова и снова. Остальные трое наблюдали. Мэрин Ап-Оуэн бесстрастно, Гуир и Бэдан с возрастающим возбуждением. Господин поймал взгляды слуг.

- Она может принять двоих, - сказал он. - Ты второй, Бэдан? Вперед!

Бэдан не нуждался в дальнейшем поощрении. Опустившись у самой головы Айлин, он потер своим оружием ее губы. Та, окинув его затуманенным взором, открыла рот, приняла его и начала сосать, одновременно встречая каждый толчок Сайарла. Мужчины потели и стонали, охваченные безумным сладострастием, и почти одновременно излились в нее. Их место занял Гуир. Щупленький, невысокого роста, он, однако, обладал поистине неистощимой мужской силой, и уже через несколько мгновений Айлин выла от удовольствия. Наконец поднялся и он.

- Давно уже я не скакал на столь резвой кобылке, господин. Желаю вам такой же радости.

- Дайте мне вина, вы, свиньи, - пробормотала Айлин, и кто-то протянул ей мех. В конце концов, ночь только начинается, и впереди немало забав.

Айлин жадно глотнула кисло-горький напиток и, к изумлению окружающих, вставила рыльце меха в свое лоно и смыла их семя. Мужчины вытаращили глаза.

- Ну, что пялитесь? - одернула их она. - Я не желаю подцепить от вас болезнь или, не дай Бог, затяжелеть! - Переведя взор на Мэрина Ап-Оуэна, осведомилась:

- Ты готов? Что-то больно медлишь!

Валлиец угрюмо кивнул.

- Нагнись, - скомандовал он. - А вы держите ее.

- Что ты делаешь? - вскрикнула Айлин, пытаясь скрыть нахлынувший ужас. С трудом повернув голову, она увидела в руке Мэрина кожаный кнут.

- Ноги пошире, - скомандовал он.

Айлин мгновенно подчинилась, опасаясь раздражать его. Кто знает, какие пытки он способен придумать для нее?

«Вот это мужчина!» - восхищенно подумала она, уже почти влюбленная в него. Но тут кнут опустился на ее ягодицы, и Айлин взвизгнула. Мэрин Ап-Оуэн презрительно фыркнул.

- Ну же, моя прелестная сучонка, никогда не поверю, что ты способна скиснуть от одного удара. Я всего лишь погладил тебя по упругому округлому крупу. Тебя наверняка и раньше пороли.

- Никогда, - поклялась Айлин. - Никогда!

- Ни отец, ни муж, ни любовники? - недоверчиво бросил он. - Ничего, все когда-нибудь бывает в первый раз. Я не собираюсь наказывать тебя или сломить, просто хочу показать, как получать наслаждение через боль.

Он снова поднял и опустил руку. Айлин стиснула зубы, заглушая крик. Вовсе не так больно, скорее обжигает.

Вскоре ягодицы загорелись огнем, и по телу разлилось тепло, принося с собой неудержимое желание. Айлин, уже во власти похоти, громко застонала. Мэрин Ап-Оуэн удовлетворенно улынулся.

- Отпустите ее. Вставай на четвереньки, Айлин, - приказал он и, когда она повиновалась, опустился на колени за ее спиной. Увлажнил слюной мощное мужское оружие и толкнулся в розовое отверстие между ее ягодицами.

- З - зачем это? - охнула Айлин, когда сильные руки вцепились в ее ляжки.

- Как?! Ни один мужчина здесь не бывал, Айлин? - допытывался он. - Значит, здесь ты девственница!

- Да! - выдавила она, чувствуя, как он медленно входит в нее. - Да, черт бы тебя побрал!

- Превосходно! - воскликнул валлиец и с силой пошел в нее, улыбнувшись, когда она возмущенно завопила. - Ах-х-х... ты восхитительна, - прошептал он, входя в нее все глубже. - Прекрати выть, прелестная сучка, и покорись зову тела. Вот так.

Айлин перестала сопротивляться, и не прошло и нескольких минут, как она стала тереться задом о его чресла.

- Хорошо! Хорошо, моя прелестная сучонка. Тебе понравилось, верно, Айлин? Это грех и запретный плод, и тебе понравилось!

- Да! - всхлипнула она.

Мэрин громко рассмеялся и продолжал вонзаться в нее, пока не удовлетворил свою похоть.

- От меня тебе бастардов не видать, Айлин, - сказал он ей на ухо.

- Ты подонок, - бросила она и, едва он отошел, повалилась лицом вниз на соломенный тюфяк. Внутри все ныло от бесцеремонного вторжения, но черт побери, как это было восхитительно! Однако голод ее все еще не был утолен.

Она повернулась на спину, и Бэдан немедленно рухнул на нее. Айлин обвила ногами его спину, стараясь принять глубже в себя. Он не разочаровал ее.

- Какая удача, - усмехнулся Мэри Ап-Оуэн, наблюдая за парой. - Ненасытная сука! Но впереди еще немало времени.

Когда наконец настало утро, Айлин не была сломлена и готовилась к дальнейшим подвигам, но заснула от усталости в окружении людей Мэрина Ап-Оуэна. Сам он привел себя в некое подобие порядка и, выйдя из комнаты, направился на поиски Клауда. Тот сидел на крыльце, пил вино и ласкал молодую шлюху, устроившуюся у него на коленях. Сунув руку в висевший на поясе кошель, Мэри Ап-Оуэн вытащил две серебряные монеты. Сейчас ему не хотелось спорить и торговаться. Он показал деньги, и Клауд жадно протянул грязную руку. Но Мэри, не выпуская монет, объявил:

- Я беру Айлин с собой.

Он не спрашивал. Он просто сообщал. И, видя, что Клауд молчит, бросил в его ладонь серебро. Пальцы содержателя борделя судорожно сжались.

- Она ваша, господин. Все равно от нее только одни неприятности. Вы лучше умеете укротить суку.

- Вряд ли кто-то способен ее укротить, - возразил Мэрин Ап-Оуэн. - Поэтому я и хочу эту бабу. Она алчная, злобная, подлая, настоящая ядовитая змея и опаснее бешеной собаки. Такую я давно искал. Притащи в ее каморку лохань с горячей водой, верни ее одежду и найди новую камизу. Но сначала передай моим людям, чтобы возвращались в замок.

Клауд немедленно вскочил, уронив при этом девушку на землю.

- Как будет угодно господину.

- Приду в полдень, - сообщил Мэри Ап-Оуэн. - Пусть девка немного поспит, но проследи, чтобы она была готова и ждала меня.

- Как изволите, господин, - раболепно кланяясь, приговаривал Клауд.

Валлиец с сардонической улыбкой отвернулся и отошел.

- В полдень, - бросил он на ходу.

Айлин проснулась от грохота катившейся по полу лохани. Измученная, чувствуя, как саднит все тело, она недовольно застонала, подняла голову и огляделась. Мужчины исчезли. Над ней стояла забитая, насмерть запуганная служанка.

- Который час? - проворчала Айлин.

- Заутреню отслужили часа два назад, - ответила девочка. - Хозяин велел вам вымыться. Лорд Мэрии вернется за вами в полдень. Он купил вас у хозяина. Ваша одежда уже здесь. Я починила камизу. Скорее, госпожа, нельзя заставлять господина ждать!

Айлин сыто улыбнулась. Значит, ублюдок выкупил ее у содержателя борделя! Почему? Чтобы сделать замковой шлюхой? Такая выходка вполне достойна его, ибо Айлин уже успела понять, что Мэрин Ап-Оуэн - человек жестокий. Или хочет ее для себя? Хоть бы это так и было! В прошлую ночь она не уступила ему. И не собирается уступать сейчас. Мелкопоместный валлийский лорд был ее единственным шансом отомстить этой ханже, жалкой овце, святоше Элинор. Если бы не эта подлая монашка, Саэр де Бад сейчас уже стал бы хозяином Эшлина, а она, Айлин, с нетерпением ждала бы минуты, когда обвенчается со своим возлюбленным. Она мечтала о замужестве с кузенком едва ли не с детства. И Элинор де Монфор виновата в том, что этому не быть. Ничего, Айлин использует Мэрина Ап-Оуэна, чтобы покарать негодницу.

Айлин вымылась настолько тщательно, насколько позволяла убогая обстановка, высушила длинные золотистые волосы у жаровни, предназначенной для обогрева комнаты, расчесала и, свернув в большой узел, заколола шпильками на затылке.

- Найди мне душистого масла, - приказала она служанке.

- Такого здесь нет, - удивилась девочка.

- Ваш хозяин понятия не имеет, как управлять настоящим борделем, - раздраженно бросила Айлин.

- Но это лучший бордель в Гвинфре.

- Это единственный бордель в Гвинфре, - презрительно хмыкнула Айлин, натягивая на себя небесно-голубые юбки и такую же тунику с золотом.

- Ах! - восхищенно воскликнула девушка. - Никогда не видела такой красоты, госпожа! Можно потрогать? Айлин кивнула, забавляясь ее наивностью. Девушка, пощупав тонкую ткань, прошептала:

- Вы самая прекрасная дама на свете! Там, у лорда Мэрина, вам понадобится служанка. В замке Гвинфр нет ни одной, клянусь! Я могу шить и укладывать ваши волосы.

Некрасивое лицо озарилось надеждой.

- Ты шлюха? - спросила Айлин.

- Нет! - почти яростно воскликнула она. - Клауд - мой дядя и после смерти матери взял меня к себе, но я никогда не лежала с мужчиной! Клянусь именем Пресвятой Девы!

Айлин задумалась. Девушка ничем не примечательна и вряд ли привлечет внимание мужчин. По-видимому, она достаточно умна, чтобы добиваться лучшей судьбы, хотя не обладает сильным характером, а значит, ею можно легко помыкать. Кроме того, ей знакомы эта местность и здешние жители. Пожалуй, из нее выйдет полезный союзник.

- Ты свободнорожденная или крепостная? - спросила Айлин. Если девушка невольница, придется улестить Мэрина, чтобы купить ее.

- Свободнорожденная, но что хорошего мне это дало? Я буду верно служить вам.

- Как тебя зовут?

- Арвид.

Айлин рассмеялась. Девчонка не так проста!

- Собирай вещи, Арвид, - приказала она девушке.

- Все, что у меня есть, на мне, - сухо пояснила та. Айлин брезгливо оглядела засаленную, покрытую пятнами одежду служанки.

- Ну уж нет! Немедленно приведи дядю! Арвид выбежала и несколько минут спустя вернулась с Клаудом. Содержатель борделя оценивающе оглядел Айлин, плотоядно облизывая губы.

- Похоже, я продешевил, - заметил он.

- А по-моему, Мэрин Ап-Оуэн переплатил, и много, - фыркнула Айлин. - Кстати, я беру Арвид с собой, ибо мне нужна служанка. Добудь ей чистую одежду, «старый скупердяй. От девчонки смердит потом и кухней. Должно быть, она не мылась со Дня святого Михаила, и за все это время ты, несомненно, не дал ей и медяка. Так и быть, денег я с тебя не потребую, только одень ее прилично, и она уедет со мной. Тебе не повредит иметь своего человека в замке Гвинфр.

- Я ее приютил, кормил, держал в своем доме, - занял Клауд.

- Да неужели? Ладно, делай, как тебе введено. Я тоже кое-что сделаю для тебя, Клауд, но первым делом тащи одежду для Арвид, да поскорее.

Клауд поспешил выполнить приказ.

- Снимай эти вонючие лохмотья и лезь в лохань, - бросила Айлин. - Если ты хочешь служить мне, значит, должна содержать себя в чистоте.

Арвид беспрекословно стащила свои неопишуемые обноски и принялась за мытье. Клауд вернулся с чистыми юбками, камизой и туникой голубого цвета. Айлин критически осмотрела их. Бесформенные и уже не новые, зато хоть не грязные.

Клауд положил все на табурет и впился сладострастным взглядом в обнаженную грудь племянницы.

- Пойдем, - позвала Айлин. - А ты, Арвид, не медли, иначе надеру тебе задницу.

Она опустила за собой занавеску и увела Клауда в узкий зал.

- Ты совершенно не умеешь вести дела, тем более справиться с таким заведением, как бордель, - начала Айлин. - Как только я устроюсь в замке и упрочу свое положение в качестве наложницы Мэрина Ап-Оуэна, подскажу тебе, что делать, и, если последуешь моим советам, уже через год станешь богачом.

- Что может знать о таких вещах дочь барона? - прорычал Клауд. - Если ты и в самом деле та, за которую себя выдаешь.

- О, не сомневайся, так и есть, - заверила Айлин. - Но прежде всего я женщина. И разбираюсь в мужчинах. Если по-прежнему желаешь обслуживать крепостных и бедняков, продолжай жить, как жил. Но богачи и благородные господа привыкли к другому. Они любят хорошо одетых женщин и сладостные ароматы. Им по нраву мягкие постели и тонкие вина. Оставь кислое вино и соломенные тюфяки для нищих, научись принимать богачей, и будешь купаться в золоте.

- А какая в этом выгода тебе? - с хитрым видом осведомился Клауд.

- Небольшая доля в прибылях, но сейчас не стоит это обсуждать. Сначала убедись, что я говорю правду. Потом договоримся, во сколько тебе обойдется моя помощь.

Внутренний голос подсказывал, что ей не стоит доверять, однако обещание больших барышей манило Клауда.

- По рукам, леди, - вдруг услышал он собственный голос.

- Я готова, госпожа, - сообщила Арвид, появляясь в зале.

Она умылась, заплела черные волосы в две косички, голубые глаза сияли надеждой. Айлин одобрительно кивнула:

- Превосходно. Теперь подождем возвращения Мэрина Ап-Оуэна.

Не успели они ступить на крыльцо, как увидели господина Гвинфра, мчавшегося по улочке на огромном боевом коне. Остановившись перед домом Клауда, он протянул Айлин руку и втащил в седло.

- Я взяла в служанки эту девушку, Арвид, - объявила ему Айлин. Мэрин взглянул сверху вниз на жалкую худышку.

- Иди к замку, девушка. Скажи эконому, что ты ее служанка, и он отведет, тебя в покои госпожи.

- Хорошо, господин, - с поклоном ответила Арвид. Мэрин Ап-Оуэн повернул коня и помчался к замку.

- Я не ошибся, - пробурчал он. - Ты очень красива.

- Кто я с этих пор? Только твоя шлюха или всего замка? - допытывалась она.

Валлиец громко расхохотался:

- Вижу, ты не любишь ходить вокруг да около, Айлин. Ты моя шлюха. Пока я не решу иначе. Однако иногда я буду подкладывать тебя под важного гостя, которому хочу угодить. Ты, Айлин, подаришь ему ночь экстаза, которую он не скоро забудет, с тем чтобы утром был более покладистым. Поняла?

- Да. Что тут сложного? Но за это я кое-что потребую.

- Что именно? - поднял брови Мэрин.

- Торговец, продавший меня Клауду, не имел никаких на меня прав. Я свободнорожденная. Ты ведь понимаешь это, не так ли?

Он кивнул.

- У тебя в замке не разбогатеешь, Мэрин Ап-Оуэн, но я должна иметь деньги, чтобы получить независимость. Валлиец разинул рот. Такого он не ожидал.

- Продолжай, - велел он, подгоняя коня.

- Гвинфр стоит на дороге, ведущей в Херефорд. Ею пользуются и валлийцы, и англичане. Бордель Клауда - единственный в Гвинфре, да и то плохонький. Клауд понятия не имеет, как вести дела. Только такой развращенный и распутный лорд, как ты, посещает подобные заведения. Но что, если бордель станет достаточно роскошным, чтобы привлечь богачей? Не только крестьян и простых воинов, но лордов и баронов? Я предложила помочь Клауду достичь этой цели. Обещаю, что это не помешает моим обязанностям в замке, господин. Я сделаю все, что ты скажешь. Но при этом и Клауда не стоит забывать.

- А что ты получишь взамен, Айлин? Она восхитительна! Самая злобная и подлая ведьма из всех, кого он знал.

- Сначала ничего, господин. Придется заставить Клауда развязать кошелек и как следует обставить дом, чтобы знатные люди не гнушались туда зайти. Потом - отыскать самых искусных и красивых шлюх. И ты, господин, - прошептала она, прислонившись головой к его груди, - сам проверишь, на что годится каждая, чтобы быть уверенным в их способностях. - Ее язык нырнул ему в ухо и нежно лизнул. - Позже, когда я докажу Клауду, что умею держать слово, заберу себе половину борделя и доходов.

- А потом выживешь ничего не подозревающего Клауда и отберешь вторую половину, - мрачно ухмыльнулся Мэрин.

- Разумеется, господин, - жестко отрезала Айлин. - Не думаешь же ты, что я буду из кожи вон лезть, чтобы обогатить эту шваль.

- Ты само воплощение зла! - восхищенно воскликнул Мэри Ап-Оуэн. - Чистейшее из зол! Мы с тобой идеальная пара, прелестная Айлин! В один прекрасный день я, пожалуй, даже могу жениться на тебе.

- Нет уж, спасибо, - отказалась Айлин. - У меня были отец, муж и пара-тройка любовников. Не желаю больше становиться собственностью мужчины, господин мой! Но обязательно отомщу семье покойного мужа, а потом стану самой богатой хозяйкой борделя в Уэльсе. И буду крайне благодарна за твою помощь!

Мэри Ап-Оуэн только головой покачал. Каждое ее слово было ему по сердцу. Обычно он недолго любил женщин, которых считал коварными и лживыми созданиями. С тех пор как умерла мать, в замке не появлялись женщины. Первую жену, четырнадцатилетнюю девочку, он убил своей гнусной извращенной похотью. Вторая, которой исполнилось семнадцать в день свадьбы, через месяц сбежала в монастырь, а ее семья даже не потребовала обратно приданого. Его лишь известили, что брак расторгнут церковью. Позже он узнал, что жена была беременна и утопила новорожденного мальчика, после чего, к счастью для родных, покончила с собой. Нет, женщинам нельзя доверять. Взять хотя бы эту Айлин! Так же порочна и развратна, как он сам. Зато по-своему честна и не скрывает своих наклонностей, хотя было бы крайней глупостью оставить свой спину незащищенной. Нет, с ней, как ни с кем, стоит держаться настороже.

- Тебе нравится бить женщин? - прямо спросила она.

- Всего лишь до такой степени, чтобы усилить их удовольствие и мое, - признался Мэри.
 - И ты всегда используешь этот кнут?
 - Иногда неплохо взять в руки тонкую ореховую розгу, Она сильнее впивается в тело, но, если орудовать осторожнее, не оставляет рубцов.
 - А может женщина выпороть мужчину, господин?
 - Да. Многие это обожают, но я не из таких. Айлин кивнула.
 - Не мог бы ты показать мне, как это делается? Потом я обучила бы своих шлюх. Это придаст борделю некую исключительность и привлечет клиентов.
 - У тебя хорошая голова на плечах, - похвалил он.
 - Может быть, но, к сожалению, я неграмотна. А в делах это большой недостаток.
 - Я тоже, - тихо признался он, - но придется сесть за книги, если не хочешь, чтобы какой-то писец обманул тебя. Или меня.
 - Ты хочешь свою долю в борделе? - удивилась она.
 - Разумеется, моя прелестная сука. Если помогу тебе и ты сумеешь угодить мне в постели, я должен иметь какую-то награду. По-моему, это справедливо.
- Айлин надулась, но здравый смысл перевесил алчность.
- Так и быть, - согласилась она.
- Все это время они поднимались в гору, и в конце улочки Айлин увидела замок, небольшой, не слишком в хорошем состоянии, если не считать подвесного мостика и подъемной решетки. Въехав во двор, Мэри Ап-Оуэн спешился и снял Айлин с седла.
- Сейчас отведу тебя в твою комнату, - пообещал он. Гвинфр состоял из двух башен, соединенных главным залом. Мэри повел ее по лестнице на самую верхушку башни. Комната оказалась светлой, но скудно обставленной. Зато там был очаг.
 - А где спишь ты? - поинтересовалась Айлин.
 - В покоях прямо под твоими, моя прелестная сука. Айлин понимающе усмехнулась. Придется оставаться верной ему, если только сам он не приведет к ней гостя, ибо для того, чтобы добраться до ее комнаты, нужно сначала пройти мимо его спальни.
 - Если ты пожелаешь, чтобы я развлекла посетителя, куда мне его вести? Сюда?
 - Нет, обычно они ночуют в другой башне. Тебя заранее туда доставят. Впрочем, завтра сама можешь все осмотреть.
 - А когда ты захочешь меня?
 - Поднимусь сюда, разумеется. Мои покои - только для меня одного, Айлин. Никому, кроме меня, туда хода нет.

- А кто же там убирает и меняет белье? - допытывалась Айлин.

- Обо всем уже позаботились. И не твое это дело.

- Но каково мое положение здесь? Я считаюсь твоей любовницей? И если так, что у меня за обязанности? Присматривать за слугами? За поваром? Между нами не должно быть недомолвок.

- У меня есть старик эконоом, который всю жизнь здесь живет. Он заботится обо всем и вполне справляется с делами. Его зовут Гарри. Ты же должна лишь постоянно быть готовой принять меня и утолить мою похоть да еще быть веселой и очаровательной собеседницей, когда мне это будет угодно. Гарри даст тебе все, что попросишь.

- Пообещай мне кое-что, - попросила Айлин. - Пусть мужчины оставят Арвид в покое. С большим животом от нее толку мало, а вот как племянница Клауда она неоценима. И очень нужна мне, господин. Арвид умна и сообразительна.

Дай слово, что ее не тронут.

- Подними юбки, - скомандовал он вместо ответа. Айлин не колеблясь исполнила требуемое и бесстыдно задрала юбки, обнажив тело. Он встал на колени, бесцеремонно открыл пальцами сомкнутые створки лона и принялся ласкать ее языком. Айлин закрыла глаза и глубоко вздохнула от наслаждения. Доведя ее до экстаза, он встал и вытащил из штанов увесистое орудие. Айлин поняла, чего он от нее ожидает, поспешно опустила юбки и, в свою очередь, бросившись на колени, взяла в рот его подрагивающую плоть. И возбуждала губами и языком, пока Мэрии не велел ей остановиться, грубо толкнул на кровать и вонзился в нее. Айлин сцепила ноги у него за спиной и подладилась под ритм движений Мэрина. Он был поистине неутомимым полудиким животным, но, к изумлению Айлин, как и вчера, достиг пика наслаждения одновременно с ней. Мэрин тут же поднялся, одернул на ней юбки и, предложив руку, помог подняться.

- Запрети служанке кокетничать с моими людьми. Пусть не смеет даже глянуть им в глаза, потому что они своего не упустят и всегда готовы взгромоздиться на любую, кто им приглянется. Если она послушает тебя, ей ничто не грозит. Единственный, кому она может безоговорочно доверять, - это Гарри, мой эконоом. Помни это, моя прелестная сука.

- А те трое, что были с тобой прошлой ночью, господин?

- Они никогда не посмеют притронуться к тебе, Айлин, ибо знают, что заплатят за это жизнью. И хотя провели ночь в раю, теперь должны забыть, что этот рай существует. Кстати, кто-нибудь из них сумел угодить тебе?.. Кто из этой троицы лучший?

- Они в подметки тебе не годятся, господин, - ласково сказала Айлин.

- Потому что высек тебя и открыл врата Содома? - насмешливо осведомился Мэрии.

- Да, - призналась она. - Какое несравненное наслаждение! Ты сделаешь это снова?

- Когда захочу. А тебе нужно научиться доставлять мужчине удовольствие всеми возможными способами и во всем покоряться желаниям господина. Впрочем, думаю, что в играх плоти тебе нет равных. Ведь верно?

- Да, - кивнула она.

- Подними юбки, - снова приказал он. Айлин подчинилась. - Нагнись.

Зажав голову Айлин под мышкой, он принялся наносить удар за ударом по ее голым ягодицам. Потом пальцы его утонули в ее переполненном влагой лоне.

- Ты очень послушна, - заметил он, злобно улыбнувшись, и грубо сунул три пальца в крохотную дырочку между ягодицами. Айлин взвизгнула от восторга и призывно вильнула бедрами.

- Ода!

- А я всегда считал, что идеальных женщин не существует, - заметил Мэри, продолжая работать пальцами и пробираясь все глубже в тесный проход, - но теперь вижу, что ошибался. Ты само совершенство, Айлин.

Ее тело судорожно содрогнулось в очередной разрядке. Задышавшись, она прислонилась спиной к нему.

- О-о-о, это было чудесно, господин, но сегодня ночью я хочу ощущать в этом месте твое твердое орудие.

Какой изумительный любовник! Куда лучше кузена! Но все же она не оставит свои замыслы мести. Однако прежде нужно поработить Мэрина Ап-Оуэна своим телом. Сделать из него раба. Возможно, он даже влюбится в нее! Ну а потом остается уговорить его напасть на Эшлин и уничтожить все, чем владеют монашенка и ее чересчур благородный муж. Айлин знала о процветании Эшлина со слов отца.

- Ранульф де Гранвиль принес в Эшлин благоденствие, - ворчал барон Хью. - Если бы ты, как подобает послушной жене, помогала Ричарду, вместо того чтобы валяться с кузеном под каждым деревом, все было бы по-другому. Подумать только, они даже ухитрились выгодно продать шерсть на летней ярмарке! Но нет! Разве жизнь скромной порядочной женщины по тебе?! Даже не дала мужу детей! Возможно, Саэр прав, и ты действительно бесплодна! Никчемная сука! А теперь еще и навлекла позор на семью, да такой, что даже король возмутился и назначил тебе наказание! Что же, я наконец нашел монастырь в Йорке, где тебя примут. Они вошли в мое ужасное положение! Тебе наденут пояс целомудрия, злосчастная дрянь, и остаток жизни ты проведешь в труде и молитвах. Там круглый год носят коричневые шерстяные одеяния, без камиз, чтобы грубые волокна раздражали кожу и умерщвляли плоть. Кормить будут раз в день. Пища простая и сытная. Никакого вина, а мяса и сыра совсем немного. Я с радостью оставлю тебя, дочь моя, и надеюсь никогда больше не увидеть.

- Но ты обещал, что я пробуду в заточении только до смерти короля Стефана, - зарыдала Айлин.

- Я передумал, - объявил барон Хью.

Той же ночью Айлин сбежала из родительского дома. Вероятно, теперь ее считают мертвой, но она жива и всеми силами стремится навлечь беды на своих врагов, даже если для этого придется продать дьяволу свою бессмертную душу.

ЧАСТЬ III. ЖЕНА. Англия, 1154 год

Глава 11

Зима прошла спокойно. Еды для людей и скота было достаточно. Пролетел апрель, и снова настало первое мая. В свой день рождения Эльф, отягощенная младенцем на последнем месяце беременности, ходила вперевалку и легко раздражалась. Никто, даже Ранульф, не смел возразить ей, когда она решила поехать в монастырь.

- Не думаешь, что это опасно? - спросил Ранульф, безуспешно пытаясь остановить ее.

Эльф ответила негодующим взглядом:

- Я всю зиму сидела в доме, как в темнице, господин! Даже поговорить не с кем, кроме Виллы и старой Айды, которая постоянно пугает меня своими глупыми предсказаниями! На всякий случай возьму с собой Орву и Виллу! Я хочу снова встретиться с сестрами!

- В тележку нужно положить подстилки помягче, - настаивал он.

- Все, что угодно, лишь бы успокоить тебя, - отрезала Эльф.

- И без эскорта я тебя не отпущу, малышка.

- Естественно.

- У меня на душе тяжело, - сознался Ранульф.

- Жаль, что мое желание повидаться с сестрами так тебя тревожит, господин, - ехидно ответила Эльф.

Вилла осторожно коснулась руки господина:

- Орва говорит, что женщина в таком состоянии становится капризной. Госпожа не хочет обидеть вас.

- Передай госпоже аббатисе мое почтение, - попросил Ранульф жену. - И конечно, сестрам Унифред и Коламбе.

- Конечно, - коротко обронила Эльф.

Повозку, в которой предстояло ехать Эльф, выложили мягкой шерстью и прикрыли голубым шелком, а сверху натянули балдахин из красно-синего полосатого шелка. На случай бури или дождя можно было опустить боковые занавесы. Балдахин хорошенько провоцили, чтобы не промок. Эльф было просторно и удобно. Орва и Вилла ехали верхом в окружении полудюжины вооруженных людей. Они покинули Эшлин утром и прибыли в монастырь к концу дня. Стражники проводили их в ворота и вернулись домой. Монахиня-привратница взяла лошадь под уздцы и повела к конюшне. Там задний борт откинули, и женщины помогли Эльф спуститься.

- Эльф! - взвизгнула сестра Коламба, бросаясь навстречу с такой скоростью, что темные одеяния развевались по ветру. - О Эльф! Как хорошо снова тебя видеть! - Она отстранила Эльф и, приглядевшись, охнула:

- Пресвятая Дева, помилуй нас! Да ты в дверь не пройдешь! Похоже, он будет таким же великаном, как отец!

- Не представляю, как буду его рожать! - пожаловалась Эльф, но тут же рассмеялась. - Как хорошо вновь вернуться! - счастливо воскликнула она.

- Пойдем, я отведу тебя в странноприимный дом. Кроме тебя, там никого не будет, - завершила сестра Коламба.

- Как всегда, - фыркнула Эльф. - Кстати, это мои служанки Вилла и Орва. Орва - наша повитуха. Я подумала, что лучше взять ее с собой.

- Твое время близится? - прошептала сестра Коламба.

- Да. Мне, наверное, не следовало приезжать, но больше не могла ни минуты вынести заточения в Эшлине. Ранульф просто невыносим, пытается изображать господина и повелителя. Это уж слишком! Кроме того, я хотела повидать тебя и других. Я не приезжала в монастырь с тех пор, как мы вернулись в Вустер. Целых полтора года!

Они добрались до домика, и сестра Коламба проводила подругу в комнату.

- И каково это - быть замужем. Эльф?

- Прекрасно, - сообщила Эльф и обратилась к служанкам:

- Орва, Вилла, разложите вещи. Мы будем ночевать в спальне напротив. А пока я и сестра Коламба прогуляемся в саду. Скоро пробьет колокол, сигнал к ужину. Не пропустите.

И с этими словами Эльф взяла монахиню под руку, и женщины покинули дом.

- Ты стала такой властной! - заметила сестра Коламба.

- Приходится, - рассмеялась Эльф. - Ведь я хозяйка поместья. А теперь расскажу, как мне живется. Мой муж - хороший, добросердечный человек, справедливый хозяин, и наши люди искренне его почитают. Дни мои проходят в разнообразных занятиях, совсем как здесь. Сев, сбор урожая, убой скота, молотба, варка мыла, засолка мяса. Мы многое успели сделать, и главное, починили церковь. Потом я написала епископу, и осенью он прислал священника, отца Ос-вина.

- Значит, ты счастлива, - тихо вымолвила сестра Коламба.

- Очень. Очень, Матти. Когда меня оторвали от привычной жизни, я думала, что все кончено, но оказалось, что мне никогда не было так хорошо.

- Любишь его?

- Да, хотя так и не призналась.

- Но почему, во имя неба?

- Ранульф - закаленный в битвах воин, Матти, и не привык к изъявлениям нежности. Я только сконфужу его своими признаниями, - усмехнулась Эльф. - И что он может сказать мне в ответ? Мы хорошо относимся друг к другу, и я его почитаю. У нас прекрасная семья.

- Но вдруг он скажет в ответ, что тоже любит тебя? - с надеждой прошептала сестра Коламба.

- А если нет? Я лишь расстрою его своей болтовней, и он будет терзаться тем, что, сам того не желая, меня обидел. Нет, лучше пусть все остается как есть.

- А вот я хотела бы, чтобы муж знал о моей любви, - твердо объявила сестра Коламба. - Ведь

говорю же я каждый день Спасителю, как люблю его!

- Но ведь это наш. Господь, Матти! А моя любовь к простому смертному, и супруг наверняка раздражался бы, слушая, как я нашептываю ему в ухо милые пустячки, - хмыкнула Эльф.

- Элиноор!

Женщины поспешно повернулись. К ним приближалась настоятельница с приветственно раскинутыми руками. Эльф порывисто сжала ладонь матери-настоятельницы. Аббатиса, внимательно рассмотрев бывшую подопечную, тепло улыбнулась:

- Все, как я сказала в тот день в Вустере. Господь изменил твою судьбу, Элиноор. Теперь ты растишь в себе новую жизнь, и твое лицо так сияет, что даже не нужно расспрашивать, как идут дела. Впрочем, я никогда не сомневалась в твоём супружеском счастье.

- Боюсь, что меня в отличие от вас одолевали сомнения, - улыбнулась Эльф. - Но мой чудесный муженек скоро их развеял.

- Король, хоть и не слишком мудрый человек, все же добр и заботлив. Я знала, что он отдаст тебя в надежные руки, - уверила настоятельница. - Но, дочь моя, вижу, тебе скоро родить.

- Верно, - отозвалась Эльф, - только я должна была вернуться туда, где был мой дом, прежде чем распрощаться с детством окончательно и самой стать матерью. Монахини рассмеялись.

- Иза поступила точно так же, хотя не стала рисковать и приехала в самом начале беременности.

- Иза уже родила? - удивилась Эльф. - Я не знала.

- В прошлом году, девочку, и опять носит дитя, - пояснила сестра Коламба. Эльф улыбнулась.

Она снова зажила прежней жизнью, посещала мессы и помогала пожилой сестре Унифред. Бывшая наставница обучала новую послушницу обязанностям лекарки и травницы.

- У тебя есть сад трав? - допрашивала она Эльф.

- Конечно, сестра. К счастью, с серьезными болезнями мне пока не довелось столкнуться. Разве что сломанные кости да легкие раны. Но я боюсь нашествия чумы или оспы.

- Ничего, справишься, - утешила сестра Унифред. - Ах, дитя мое, как же я рада тебя видеть!

Эльф пробыла в монастыре чуть больше недели. В утро отъезда она поднялась с постели и уже хотела было умыться, как из нее вдруг хлынула жидкость и на полу образовалась большая лужа. Эльф потрясение уставилась на нее.

- Орва, - едва слышно выдавала она. - Орва!

- Дева Мария, мать Божья, помилуй нас! - охнула вошедшая Орва, увидев оцепеневшую хозяйку. Но здравый смысл взял верх, и повитуха, придя в себя, решительно воскликнула:

- Что же, госпожа, так тому и быть! Ваш ребенок родится сегодня и в монастыре Святого Фрайдсуайда. - И, видя вопрошающий взгляд Эльф, властно подняла руку:

- Нет. Мы не успеем вернуться в Эшлин. Это слишком опасно. Воды уже отошли, а это

означает, что вот-вот начнутся роды. Господин убьет нас, если что-то случится с вами или с ребенком. Это место так же подходит для родов, как Эшлин, а может, и больше. Вилла! Останься с хозяйкой, пока я схожу к настоятельнице.

Орва направилась к выходу и через несколько минут уже входила в здание капитула, где аббатиса, как всегда, занималась текущими делами. Утреннее собрание капитула как раз подходило к концу, когда Орва поспешно подошла к креслу аббатисы и почтительно поклонилась.

- Что тебе, Орва? - спросила та.

- Моя госпожа, матушка, она рожает. Мне понадобится помощь.

- О Господи, - на мгновение растерялась мать Юнис, но тут же лицо ее осветила широкая улыбка, которую до сих пор удостаивались видеть немногие из приближенных. - В нашем монастыре сегодня появится на свет дитя! Сестра Уинифред, сделайте все, что в ваших силах. Остальные молитесь за благополучное разрешение Элинора и здоровье ее младенца. Можете идти.

- Матушка, - нерешительно обратилась к ней сестра Коламба.

Настоятельница кивнула и похлопала по руке молодую монахиню.

- Иди побудь со своей подругой, - добродушно разрешила она. - И время от времени сообщай, как идут дела;

- Хорошо, матушка.

- Я только соберу все, что понадобится, и вернусь, - пообещала старушка Уинифред.

- А я пойду с тобой сейчас, - сообщила подруга Эльф.

- Роды - вещь кровавая, - предупредила Орва - Не упадешь в обморок при виде крови, сестра?

- Не знаю. В жизни не видела ни ран, ни крови, Орва пожала плечами:

- Если боишься сомлеть, лучше держись подальше от роженицы, сестра. Вряд ли у меня будет время возиться с тобой, когда моя госпожа так мучается.

- Долго ли ждать появления младенца?

- Иногда совсем немного. Иногда целую вечность. Мы нуждаемся в твоих молитвах, сестра.

- Пусть молятся остальные, - возразила сестра Коламба, - а я способна на большее. Хочу быть полезной, а не просто стоять рядом, ломая руки и слушая вопли Эльф.

- Слава Пресвятой Деве, - обрадовалась Орва. - Мне необходима любая помощь. Вилла, служанка госпожи, еще молода и, хотя присутствовала при родах ее двух братьев и сестры, все же слишком неопытна.

Женщины вошли в дом для гостей. Оказалось, что Вилла не сидела сложа руки, а натянула на госпожу сухую камизу, уложила в постель и теперь старалась придвинуть трапезный стол поближе к очагу. В монастыре не было родильного стула, и придется уложить роженицу на стол. Сестра Коламба поспешила присоединиться к служанке.

- Жаль, что нет родильного стула, - с отчаянием прошептала Орва, - но придется обойтись тем, что есть под рукой. Где госпожа, девушка?

- Отдыхает, ма.

Орва немедленно отпустила дочери подзатыльник.

- Ты зачем позволила ей лежать? Можно подумать, не знаешь, что нужно делать! , Она ворвалась в спальню, где на кровати скорчилась бледная испуганная Эльф.

- Немедленно вставайте, госпожа, - велела она, поднимая Эльф. - Нельзя разлеживаться, это не ускорит роды. Боли чувствуете?

- Нет, - ответила Эльф.

- Что же, раз воды отошли, вот-вот начнутся схватки, - деловито сообщила Орва. - Нужно ходить, госпожа. Чем скорее появится малыш, тем лучше для вас.

Она укутала Эльф в плащ, повела через зал, а оттуда во двор.

- Прогуляемся вместе, госпожа, пока схватки не придут.

- Ранульф! - охнула Эльф. - Нужно послать за мужем!

- Мужчина в такие минуты ни на что не пригоден, - категорически заявила Орва. - Когда родится ребенок, мы за ним пошлем.

- Но если я умру? - вырвалось у Эльф. Больше всего она боялась оставить малыша сиротой.

- Такое бывает, - признала Орва, - но пока все идет как полагается. Вы маленькая, но очень сильная.

Они ходили... ходили... ходили... до бесконечности. Дамасские розы, усыпавшие кусты, изливали сладостное благоухание. День стоял солнечный, и легкий ветерок доносил аромат цветов. Наконец Орва позволила Эльф отдохнуть. Они присели на небольшую каменную скамью.

- Начались схватки, госпожа?

- Не знаю. Просто очень неприятное чувство внизу живота. Такая тяжесть, словно что-то внутри вот-вот взорвется.

- Вернемся в дом, - предложила Орва. Судя по словам госпожи, роды долго не продлятся.

Эльф вскочила, но тут же с воплем согнулась. Орва обняла ее за талию и почти потащила к дому. Там уже ожидали сестра Коламба и Вилла. По знаку Орвы они помогли уложить Эльф на стол.

- Сестра, встаньте позади подруги. Приподнимите ей голову и плечи так, чтобы она полусидела, - наставляла Орва. - Госпожа, согните ноги в коленях и разведите как можно шире. Я должна вас осмотреть.

Повитуха наклонилась и пристально всмотрелась в пациентку. Все, как она думала. Роды будут легкими и быстрыми. Госпожа невероятно удачлива! Головка ребенка уже виднеется, правда,

чуть-чуть.

- Надень на меня передник, Вилла, - приказала она дочери, - принеси тазик с водой и кувшин вина. Да ты и сама все знаешь. Госпожа, эта тяжесть, которую вы ощущаете, означает, что дитя старается выйти из вашего тела, причем слишком быстро. Ни за что не тужьтесь, как бы отчаянно вам этого ни хотелось. Ждите моего приказа.

Она подождала, пока Вилла завязала на ее талии широкий передник, тщательно вымыла руки, сначала вином, а потом водой с мылом.

- У тебя есть нож, чтобы отрезать пуповину? - спросила она у Виллы. - А свивальник?

- Все есть, ма, - успокоила дочь.

- Я принесла Элинон травы, чтобы заглушить боль, - объявила вошедшая сестра Уинифред.

- Нам не понадобятся травы, сестра, - покачала головой Орва. - Дитя вот-вот родится. Вы останетесь помочь мне?

Эльф застонала. Сестра Уинифред намочила тряпку в ведре с прохладной водой и вытерла покрытый потом лоб Эльф.

- Ничего, дитя мое, ты всего лишь переносишь те же страдания, что и наша Пресвятая Дева, а разве это не истинное счастье?

В комнату влетела сестра Джозефа, распространяя вокруг слабый запах конюшни. В руке она держала небольшую кормушку.

- Я принесла самые маленькие ясли, которые только могла найти. Как следует выскребла их, выложила чистой соломой и сушеным клевером, а потом покрыла чистым полотном. Колыбельки у нас нет, так что придется малышу в них спать. Если ясли годились для младенца Христа, подойдет и этому ребенку, - благочестиво пропела она и перекрестилась.

- Ну как она? - Прекрасно, - заверила Орва.

- Никогда-никогда не стану больше рожать! - взывала Эльф. - Почему мне никто не сказал, как это больно? О - о-ой!

- Тише, госпожа, вам еще не так плохо, - пожурила Орва.

- Мне нужно потужиться! - выкрикнула Эльф.

- Подождите, - велела Орва. - Сейчас! Тужьтесь, госпожа, что есть сил! Держи ее, сестра Коламба!

Эльф с воплем стала тужиться, пытаясь избавиться от бремени, угрожавшего разорвать ее.

- Ну же, Элинон де Монфор, ты все можешь сделать! - ободряла напрягавшуюся женщину сестра Джозефа. Сестра Уинифред сунула в рот роженицы листик.

- Жуй, дорогая, - велела она, - это придаст тебе сил.

- Ой, - снова заплакала Элинон. - Матти, милая, радуйся, что ты монахиня, - всхлипнула она, чувствуя, как тяжесть сползает все ниже. Давление стало непереносимым. Она застонала.

- Ждать! - строго скомандовала Орва. - Сейчас! Тужьтесь!

Прекрасное лицо Эльф искажилось болью.

- Головка! Головка вышла! - взволнованно объявила Орва. - Еще чуть-чуть, и ребенок родится, госпожа! Будьте храброй! И когда начнутся потуги, тужьтесь!

Эльф кричала почти непрерывно, закрыв глаза и сжав кулаки. Орва, не обращая внимания, хлопотала возле роженицы. Плечики младенца уже выскользнули из тела матери. Повитуха осторожно протерла крошечное личико. Голубые глазки зажмурились, ротик приоткрылся.

Эльф пыталась выполнить распоряжение повитухи. Но не могла. Она так устала! Как никогда в жизни.

- Только один раз, госпожа.

- Не получается, - выдохнула Эльф.

- Нужно. Он уже почти родился. Всего разик, госпожа. Эльф все-таки натужилась, и на нее снизошло благословенное облегчение. Сразу же раздался требовательный вопль ребенка.

- Мальчик! - проворковала Орва. - Слава Отцу, Сыну и Святому Духу, у хозяина Эшлина появился наследник.

- Аминь. Аминь, - хором вторили монахини, восторженно улыбаясь. Этот ребенок, несомненно особенный, если родился в монастыре.

- Мальчику повезло появиться на свет в этот день! - объявила сестра Джозефа. - Тридцатое мая. День святого Хьюберта, покровителя охотников. Элино де Монфор, твой сын должен быть назван в его честь. Ну, что скажешь?

- Симон, - ответила Эльф. - Мы с Ранульфом решили дать ему имя Симон, в честь деда. Но окрестим мы его Симон Хьюберт. Отец Ансельм здесь? Симона нужно немедленно окрестить. Пошлите за моим мужем! Ранульф должен знать, что теперь у него есть сын. Ах! Орва! Опять боли! Что это?

- Послед выходит, госпожа. Вилла, подай тазик! Теперь все хлопотали вокруг роженицы. Сестра Уинифред перерезала пуповину и ловко перевязала. Потом вместе с сестрой Джозефой осторожно обтерла малыша сначала вином, затем теплой водой и, наконец, оливковым маслом. Вручила мальчика сестре Коламбе, и та ловко запеленала его в мягкий свивальник. Вилла встала на ее место и поддерживала роженицу, пока выходил послед. Орва поймала его в тазик и отставила, чтобы позже зарыть под дубом. Эльф вымыли, переодели в чистую камизу и отнесли в постель. Сестра Уинифред поставила перед ней чашу крепкого вина с сырым яйцом и отваром сонных трав.

- Я хочу посмотреть на Симона, - попросила Эльф. - Все видели моего сына, кроме меня. За Ранульфом послали? Она с благодарностью пригубила вино.

- Вилла отправится домой, - решила Орва, кладя младенца на грудь матери. Громко орущий младенец немедленно замолчал, почувствовав родное тепло. - Еще совсем рано. Она доберется до Эшлина засветло.

- Не опасно пускаться в путь одной? - встревожилась Эльф, но тут же забыла обо всем,

улыбнувшись сыну. – Он прекрасен, – прошептала она.

– Кажется, я слышала детский крик? – спросила настоятельница, входя в зал.

– Эльф родила сына, матушка, – взволнованно сообщила Коламба.

– Его нужно окрестить, – сонно потребовала Эльф. От вар начал действовать.

Аббатиса осмотрела Симона Хьюберта де Гланвиля.

– Похоже, здоровый малыш. Думаю, лучше это сделать завтра, Элинор. И отец ребенка будет здесь. Кого выберешь в крестные, дочь моя?

Как ни устала Элинор, вопрос встревожил ее.

– Я хочу, чтобы все вы стали крестными матерями. Иначе быть не может, ведь вы – моя семья, и Симон родился здесь – Вряд ли малышу прилично иметь столько крестных, возразила настоятельница. – Думаю, хватит и одной сестры Коламбы. Нужно соблюдать церковные законы. Но кто будет крестным отцом?

– Это зависит от моего господина, – пробормотала Эльф. – Пусть будет, как вы сказали, преподобная матушка. Мой сын станет щедро жертвовать на монастырь в благодарность за все благодеяния, оказанные его матери, и потому что я с детства буду его этому учить.

Речь отняла последние силы, и глаза Эльф закрылись. Но и во сне она продолжала обнимать новорожденного сына – Положите его в ясли, – с улыбкой велела аббатиса. – А потом пойдем в церковь и вознесем благодарственные молитвы Господу за благополучные роды и здоровье доброй матери Симона Хьюберта.

Она повернулась и выплыла, сопровождаемая сестрами Джозефой и Уинифред.

– Но если Вилла отправится за лордом Ранульфом, кто присмотрит за Эльф? – поинтересовалась сестра Коламба.

– Я позабочусь о госпоже, сестра, не беспокойтесь, заверила Орва.

– Но вы должны прибрать все это.

– Иди за сестрами и настоятельницей, – добродушие посоветовала Орва, поняв тревоги монахини: ведь госпожа была ее старой и верной подругой. – Когда помолитесь можешь вернуться и помочь мне. Буду рада, дорогая сестра.

Сестра Коламба кивнула.

– Ты права, – сказала она и поспешила за остальными.

– Ты вполне можешь скакать верхом, – сказала Орва Вилле. – Пойди и оседлай лошадь. Передай господину, что госпожа здорова и его сын, слава Господу, тоже. Возвращайся с ним, мне без тебя не обойтись. Только смотри, чтобы старая Аида за вами не увязалась. Успеет увидеть малыша, когда привезем всех в Эшлин. Кроме того, не мешало бы госпоже выбрать няньку помоложе. Аиде уже семьдесят. Не донимаю, почему бы ей не вспомнить о своем возрасте и не уйти на покой.

– Наверное, считает, что успеет наложиться в могиле, ма, – встала на защиту бабки Вилла. –

Хочет быть полезной. Будь ты в ее годах, неужели добровольно рассталась бы со всем, что тебе дорого в жизни, и целыми днями просиживала бы на солнышке?

Орва изумленно уставилась на нее. Подумать только, она считала Виллу глупенькой девчонкой! Как же ее дочь повзрослела, всего за несколько месяцев!

- Поспеши, девочка, - велела она, не отвечая. А ведь Вилла права. Ни за что не позволила бы Орва старости победить себя и все так же продолжала бы принимать новорожденных, но ведь между ней и свекровью существует огромная разница.

Вилла, словно догадавшись, о чем думает мать, лукаво улыбнулась и покачала головой, прежде чем выбежать из дома. Не найдя на конюшне сестры Джозефы, девушка оседлала ту лошадь, на которой приехала, весело помахала на прощание рукой сестре Перпетуе и поскакала к Эшлину.

...Ворвавшись в ворота на полном скаку, девушка крикнула недоумевающему Седрику:

- Где господин? Я привезла новости. Эконом повел ее в зал, и Вилла, едва поклонившись, метнулась к высокому столу.

- Господин, сегодня у вас родился чудесный сынок! Госпожа благополучно разрешилась и тоже здорова. Ой!

Только сейчас Вилла заметила еще одного рыцаря, того, что посетил Эшлин несколько месяцев назад. Такой красавец, сразу видно, что не простой человек.

- Простите, господин, - извинилась она, краснея. - Я так торопилась сообщить вам, что не заметила гостя. Ранульф широко улыбнулся:

- Ты прощена. Вилла. Скажи, девочка, малыш крепкий? А моя милая жена? Все обошлось?

- Да, господин, - кивнула Вилла и подробно пересказала все, что случилось сегодня.

- Меня послали за вами, - добавила она. - Вы поедете? Госпоже не терпится вас увидеть.

- Иди на кухню и поешь, девочка, - велел Ранульф. - Вернемся в монастырь вместе. Отдохни. Через чае отправимся в путь.

- Хорошо, господин, - откликнулась Вилла и с низким поклоном отошла. Девушка не ела целый день и сейчас умирала от голода.

- Поздравляю, Ранульф! - воскликнул сэра Гаррик Талиферро. - Теперь у тебя есть сын и наследник.

- Первый из многих, надеюсь. Ранульф был вне себя от радости и сиял, как весеннее солнышко, но, внезапно отрезвев, нахмурился:

- Мы можем ехать в Вустер прямо из монастыря. Говоришь, не знаешь, зачем герцог Генрих хочет меня видеть?

- Нет. Могу сказать только, что он приехал тайно и послал меня сюда. Чем быстрее доберемся, тем скорее узнаешь.

- Придется провести ночь в монастыре. Приедем туда уже в сумерках, но до утра лучше никуда

не трогаться.

- Я думал оказаться в Вустере примерно через неделю, - признался сэр Гаррик. - Герцог будет рад увидеть нас раньше назначенного срока.

Через час рыцари вместе с Виллой пустились в дорогу. Солнце уже опустилось за холмы, отделяющие Англию от Уэльса, когда ворота монастыря открылись перед ними. Сестра Перпетуя приветливо заулыбалась гостям. Спешившись, они передали лошадей сестре Джозефе.

- Слава Богу, вы благополучно добрались, - приветствовала их настоятельница, спеша навстречу. - Элинор все звала вас, и вам, наверное, не терпится увидеть сына!

Ранульф кивнул и, представив аббатисе Талиферро, попросил:

- Мы с сэром Гарриком умоляем о гостеприимстве. Нельзя ли провести сегодняшнюю ночь под вашим кровом?

- Разумеется, сэр, вы оказываете нам честь.

- Где Элинор? - нетерпеливо осведомился Ранульф.

- Вилла проводит вас в странноприимный дом, господин. Сэр Гаррик, у нас редко бывают посетители. Служанка леди Элинор покажет, где вы сможете отдохнуть. Доброй ночи.

Мужчины последовали за Виллой. Та показала сэру Гаррику, где обычно размещаются гости мужского пола, а Орва тем временем торопливо поклонилась Ранульфу.

- Добро пожаловать, господин. Госпожа не может дожидаться, пока вы увидите нашего Симона Хьюберта.

- Трудно ей пришлось? - спросил Ранульф. Орва покачала головой:

- В жизни не думала, что такая малышка произведет на свет настоящего богатыря и без особого труда. Редко увидишь такие быстрые и легкие роды, словно у ее изголовья ангелы стояли, господин.

- Так оно и было, - кивнул Ранульф, - ибо моя Элинор - лучшая из всех женщин на свете.

- Она здесь господин, - показала на дверь женской спальни Орва, и Ранульф едва не оторвал ручку, торопясь поскорее узреть жену.

- Малышка! - прошептал он, становясь на колени и целуя ее в лоб.

Эльф улыбнулась мужу. Господи, как она его любит!

- Наконец-то ты здесь. Я хотела, чтобы они послали за тобой, когда начались схватки, но Орва все твердила, что мужчины тут ни к чему. Посмотри, у очага стоят ясли. Там наш сын.

- А ты, малышка? Ничего не повредила?

- Все хорошо. Иди к Симону Хьюберту. Он самый прекрасный ребенок на земле!

Ранульф поднялся, подошел к импровизированной колыбельке и восхищенно уставился на

мирно спавшего сына. На крошечной головке кудрявился рыжий пушок.

- У него твои волосы! - ахнул Ранульф, осторожно коснувшись лобика малыша. - Он прекрасен. - Он снова подошел к кровати и, придвинув табурет, сел. - Мы решили назвать его Симоном. Почему Хьюберт?

- Сегодня праздник святого Хьюберта, покровителя охотников, - пояснила жена. - Мне посоветовали дать ему второе имя в честь Хьюберта. Но крещение только завтра, так что, если не хочешь, назовем просто Симоном.

- Нет, я думаю, что это очень подходящее имя, Элинор.

- Ты был прав, господин. Мне не следовало ехать в монастырь перед самыми родами. Но я в жизни не предполагала, что мой ребенок появится именно здесь.

Ранульф взял ее руку и расцеловал каждый пальчик.

- Хотя я предпочел бы, чтобы наш первенец родился в Эшлине, здесь ты в такой же безопасности, как и там. В окружении добрых монахинь, так тебя любящих, ты чувствовала себя лучше и разрешилась быстрее. Я не сержусь на тебя.

- Они так много для меня сделали, Ранульф. Настоятельница была спокойна и ободряла меня. Сестра Уинифред дала мне снадобье, чтобы облегчить муки. А сестра Джозефа вымыла и выложила душистыми травами ясли, чтобы сделать Симону колыбельку. Матти ободряла и поддерживала меня, помогая пережить страх и боль.

- В благодарность, Элинор, мы сделаем щедрый дар монастырю, - тихо пообещал Ранульф.

- Нельзя ли нам вернуться домой завтра? - с надеждой спросила Эльф. Как красив ее муж. Сильный и нежный... если бы только она посмела признаться ему в любви! Она перевела взгляд на сына. Настоящее чудо! Голос мужа вернул ее к действительности:

- Думаю, тебе следует отдохнуть несколько дней перед возвращением. Утром я еду в Вустер, а на обратном пути остановлюсь здесь, и мы поедем вместе, малышка. Орва говорит, что роды были легкими, но отлежаться не помешает. Я приказал, чтобы через неделю сюда прибыла дюжина вооруженных всадников. Даже не пытайся уехать без меня, малышка. Даешь слово?

- Да, - недоуменно протянула Эльф. - Но зачем тебе в Вустер?

- За мной приехал сэр Гаррик, чтобы отвезти к герцогу Генриху. Не спрашивай, с какой целью, ибо я сам не знаю. Поскольку герцог осведомлен о моей преданности королю, уверен, что он не замышляет зла. Сэр Гаррик - человек благородный. Если я сумею оказать небольшую услугу будущему королю, не нарушая при этом клятвы верности нынешнему, нам это совсем не повредит, малышка. Герцог Генрих известен как человек чести, так что вряд ли он просил меня приехать ради каких-то низких целей.

- Интересно, что ему нужно, - медленно протянула Эльф. - Если никто, кроме тебя, не сумеет справиться с поручением, ты, несомненно, заслужишь благодарность герцога, а это впоследствии будет полезным нашему сыну.

Она уже пеклась о своем ребенке, как подобает заботливой, но честолюбивой матери.

- Кажется, у герцога совсем маленький сын! Может, в один прекрасный день Симон будет

служить ему при дворе, и если они вырастут вместе, станут добрыми друзьями! Какая чудесная возможность для твоего наследника, Ранульф. Если послужишь Генриху, наше будущее обеспечено!

Ранульф де Гланвиль потрясение устоял на жону. Он и не подозревал об этой стороне ее натуры! Родила всего несколько часов назад и уже устраивает будущее сына, мечтает о величии и славе! Непонятно, то ли радоваться, то ли бояться этой совершенно неизвестной ему женщины, ставшей его женой.

- Простые рыцари редко оказывают сильным мира сего услуги, заслуживающие такого щедрого вознаграждения. Мое имя не столь знатное, чтобы король позволил принцу Уильяму дружить с нашим отпрыском.

- Никогда не знаешь наверняка, - возразила Эльф. Ранульф обескураженно хмыкнул. Его жена не из тех, кто легко расстается с мечтами.

- Вероятнее всего, герцог Генрих, незнакомый с местностью, просит здешних лордов проводить его по округе. Меня послали в Эшлин, потому что поместье стоит на границе Англии и Уэльса, Герцог - великий полководец, Элинон, и, вероятно, опасается, что, когда взойдет на трон, валлийцы начнут опустошать страну. Другой причины моей поездки, думаю, не существует.

Он поднялся и, нагнувшись, легонько поцеловал жену в губы.

- У тебя был трудный день, Элинон. Поспи немного, чтобы набраться сил. Завтра тебе придется кормить сына.

- Ты наведишь меня перед отъездом? - с тревогой спросила Элинон. - Не уезжай, не попрощавшись, Ранульф. Ты должен присутствовать на крещении Симона.

- Обязательно, - пообещал он и вышел.» В» комнате появилась Вилла и, вынув из колыбели Симона, поднесла матери.

- Ма говорит, что лучше уже сейчас попробовать дать ему грудь. Молоко еще не пришло, но молозиво полезно для ребенка.

Эльф попыталась сесть и, устроившись поудобнее, развязала шнуровку камизы.

- Как это делается? - допытывалась она у Виллы, когда Симон схватился ручонками за ее грудь.

- Суньте ему в губы сосок, госпожа. Остальное он знает и сам, - сообщила Вилла. - Ма сотни раз так поступала.

Прижав к себе сына, Эльф потерлась соском о маленький ротик Симона. Тот немедленно приоткрыл губы и с поразительной силой вцепился в нежную плоть.

- Пресвятая Дева! - охнула Эльф. - Совсем как отец! И, немедленно сообразив, что высказалась вслух, побагровела, но Вилла хихикнула. Эльф зачарованно наблюдала, как малыш яростно сосет, красный от усердия. Голубые глазки на миг скользнули по ней.

- Да, - прошептала она. - Я твоя мать, Симон Хьюберт. Никогда не думала, что стану держать у груди младенца. Видишь, как все получилось.

В комнату ступила Орва.

- Ах, вы уже кормите! Прекрасно. Он настоящий великан, госпожа. Приложите его ко второй груди, чтобы вызвать приток молока. День-другой, и он у нас будет сыт и доволен.

Эльф переместила протестующего младенца, и он немедленно вцепился во вторую грудь с такой же энергией. Глазки его стали медленно закрываться, головка вдруг склонилась набок, и Симон мирно засопел. Орва взяла ребенка, уложила в ясли и наказала дочери не отходить от новорожденного, пока ее не сменят.

- В монастыре сейчас трое воспитанниц и две послушницы, - сообщила она госпоже. - Настоятельница обещала, что они по очереди станут дежурить у постельки нашей крошки, чтобы мы тоже могли поспать. Вы голодны, госпожа.

- Устала, - пробормотала Эльф.

- Тогда спите, - велела Орва. - Все спокойно, все хорошо, слава Господу нашему и его Пресвятой Матери.

Глава 12

Сэр Гаррик Талиферро и Ранульф де Гланвиль добрались до города Вустера два дня спустя. Прелестное местечко, расположенное на восточном берегу Северна, Вустер имел долгую и славную историю. К удивлению Ранульфа, оказалось, что герцог остановился в замке епископа. Вустер сильно пострадал, когда войска Матильды сожгли его пятнадцать лет назад. Но не весь город был уничтожен, и даже когда армия короля Стефана пять лет назад осадила его, многие дома уцелели, а разрушенные были вновь отстроены. Собор сохранился, если не считать одной башни, которую позже восстановили.

Поскольку приезд герцога держался в тайне, никаких официальных церемоний, разумеется, не ожидалось. Ранульфа ввели в небольшую обшитую панелями комнату, где в очаге ярко горел огонь, прогоняя сырость июньского утра. Генрих Анжуйский приветствовал рыцарей скупой улыбкой.

- Добро пожаловать, сэр Ранульф.

Ранульф низко поклонился, с неприятным чувством осознал, что возвышается над герцогом едва ли не на голову, и попытался неприметно ссутулиться, но тот, заметив его усилия, только рассмеялся.

- Не получится, - прохрипел он странным сипловатым голосом, - ниже все равно не станешь. Клянусь, такие гиганты редко рождаются в наше время. Я вполне удовлетворен своим ростом и, кроме того, не так глуп. И если бы оскорблялся при виде каждого высокого рыцаря, нажил бы бесконечное множество врагов.

Мужчины уселись лицом друг к другу в кресла с высокими спинками и мягкими сиденьями.

- Мне нужна твоя помощь, Ранульф де Гланвиль, - начал герцог. - Король Стефан не в себе. Потеря любимой жены и моего злосчастного кузена Эсташа подорвала его силы и сломила дух. Он более не интересуется делами государства и потерял желание жить. Вряд ли он когда-либо оправится. Мне сообщили, что ему недолго осталось ходить по этой земле. По всей видимости, к концу года я взойду на английский трон. Церковь одобрила меня как помазанника Божия, и весь наш род имеет полные права наследования. Но я опасаясь, что непокорные английские

бароны затеют новые, выгодные им распри, чтобы вдоволь половить рыбку в мутной воде, как в те времена, когда моя мать и Стефан боролись за господство. Я должен немедленно вернуться в Нормандию, чтобы присматривать за владениями, как моими, так и жены, найти достойных людей, которые станут править моим именем, когда я надену английскую корону. Вернувшись осенью, я привезу с собой жену и сына, чтобы показать мою будущую страну королеве и наследнику. Надеюсь, их появление поможет предотвратить мятеж. Я прошу тебя вернуться в Нормандию со мной. Никто не должен знать о моих планах относительно Алиенор и Уильяма. Ты должен сохранить это в секрете, ибо именно тебя я выбрал для сопровождения моих жены и сына.

- Меня? - удивился Ранульф. - Господин, но ведь эта огромная честь подобает знатному лорду. Я же всего-навсего простой рыцарь с небольшим поместьем, и, несмотря на все значение Эшлина для английских королей, у меня даже титула нет, хотя я и обещал поклясться вам в верности.

Блестящие серые глаза пристально смотрели на Ранульфа.

- Ты считаешь себя недостойным такого поручения, но я выбрал тебя именно по тем причинам, которые ты перечислил. Я желаю, чтобы моя семья прибыла в Англию тихо и без всякой помпы. Знатному лорду такое не по плечу, и, кроме того, любой барон посчитает, что, получив под свою опеку моих жену и сына, он тем самым приобретает власть надо мной. Я такого не допущу! Ты же человек честный. Я знаю, что могу тебе доверять, Ранульфе Гланвиль. Королева должна всюду появляться рядом со мной. Как только она и мой сын будут здесь, я сумею их защитить. Но путешествие крайне опасно. Когда я через несколько дней вернусь в Нормандию, ты поедешь в кортеже моих рыцарей и станешь одним из многих. Никто ничего не заподозрит, тем более что всем известно о болезни короля Стефана. Подумают, что ты открыто перешел на мою сторону теперь, когда власть короля слабеет. - Но тут герцог, заметив расстроенное лицо Ранульфа, участливо спросил:

- Что-то случилось?

- Моя жена Элинор всего два дня назад разрешилась нашим первенцем. Она гостила у друзей в монастыре Святого Фрайдсуайда, когда настало ее время. Я заехал туда по пути к вам, господин, навестить ее и нашего сына и обещал, что сам заберу их домой, в Эшлин. Если я поеду с вами, как сдержать данное жене обещание?

- Разве у тебя нет оруженосца, который мог бы проводить даму с ребенком? - с некоторым раздражением осведомился герцог.

- Господин, я уже говорил, что владения мои весьма невелики. Пока я не женился, у меня не было средств содержать оруженосца. По-моему, куда меньше бросится в глаза, если я отправлюсь в Нормандию один, и никто не обратит на меня внимания. Подумаешь, очередной рыцарь, желающий попасть в милость к будущему государю.

- Это ваш первенец, говорите?

- Да, - невольно улыбнулся Ранульф. - Симон Хьюберт. Родился в День святого Хьюберта, как сказали добрые монахини. Элинор показалось, что это имя пристало настоящему мужчине.

- А ты любишь жену, Ранульф де Гланвиль? - хмыкнул герцог. - Я страстно влюблен в Алиенору. Она была французской королевой, но Людовик, с его монашескими повадками, сумел дать ей всего двух дочерей, а потом добился развода на основании якобы близкого родства. Глупец! Лишился таких богатых поместий! А его новая жена, Констанция

Кастильская, родила ему третью дочь, в тот же год, как моя Алиенора принесла сына. Я обожаю ее! Ты любишь Элинора?

- Да, господин, - тихо признался Ранульф, хотя и не той особе, что похитила его сердце. - Она должна была стать монахиней, но брат ее умер и оставил Эшлин. Она само совершенство, господин мой. Никогда не думал, что такой старый, закаленный в битвах воин, как я, женится, да еще на такой чудесной девушке.

- Меня уверили, что Стефан протянет это лето, - заметил герцог Генрих. - Даю тебе месяц уладить дела, а потом отправляйся в Нормандию, ко Дню святого Суитена. Поезжай в Барфлер, а оттуда - в Руан. Я повезу туда жену и сына, чтобы представить матери. Там ты присоединишься ко двору. Рад, что ты любишь жену, Ранульф. Однако позаботься и о моей семье и благополучно доставь ее в Англию. Как только окажешься в Нормандии, мы обсудим, каким маршрутом им лучше ехать.

Ранульф поднялся и низко поклонился будущему королю:

- Готов вам служить, милорд.

- Только никому не говори, кроме разве что жены, если, разумеется, она не из сплетниц, - предупредил герцог.

- Понимаю, - кивнул Ранульф и вышел из маленькой комнаты в коридор. Там никого не было.

Он направился к конюшне, где нашел свою лошадь в просторном стойле. Отстегнув пояс, на котором висел меч, Ранульф отложил его в сторону, лег на вязанку соломы и заснул. Пробудил его узкий луч света, проникавший в крохотную щель на стене.

- Оседлай жеребца через полчаса, - велел он конюху, убиравшему противоположное стойло, вышел во двор и плеснул на лицо воды из лошадиной колоды. Немного придя в себя, он последовал за толпой священников в парадный зал, где уже подали завтрак. На раскладных столах стояли корзины с хлебом и деревянные чаши, которые наполняли элем слуги. Ранульф, вынув небольшой каравай, отрезал ломоть сыра. Ел он торопливо и молча, поскольку кругом не было видно ни одного знакомого лица. Гаррик Талиферро куда-то исчез, но это к лучшему: не придется объяснять, чего хочет от него герцог.

Ранульф съел половину каравая и сыр, сунул остаток в сумку, на дорогу, поскольку не знал, когда представится возможность поесть в следующий раз. Допив эль, он отправился во двор. Лошадь была уже оседлана и привязана у конюшни, но конюх куда-то исчез. Ранульф вскочил в седло и отъехал.

День занимался, когда он выехал на дорогу, ведущую к Эшлину. Солнце поднималось все выше, и Ранульф остановился у быстрой речки, чтобы напоить лошадь. Потом пустил животное пастись и доел хлеб с сыром, утоляя жажду ледяной водой. Освежившись, Ранульф продолжал путь. Стоял июнь, и сумерки наступали поздно. Ранульф обрадовался, когда на вершине холма показался монастырь, в котором он ночевал по пути в Вустер. Добравшись до него, он попросил гостеприимства у привратника.

Он как раз успел к ужину, который подавали посетителям. Слуга подал хлеб, ножку вареного кролика и небольшую чашу с элем. Однако монах, распорядившийся странноприимным домом, сжалился над Ранульфом и принес ему еще кусок крольчатины, видя, что рыцарь голоден, что неудивительно для такого великана.

- Куда направляетесь, господин? - полюбопытствовал он.

- В монастырь Святого Фрайдсуайда, - объяснил Ранульф, благодарно кивая монаху. - Моя жена гостила там, когда у нее начались роды. Она принесла сына. - Он неспешно дожевал кусок мяса и сделал глоток эля. - Я был в Вустере, - солгал он, - когда знакомый путник передал мне новости. Теперь я еду за ними, чтобы отвезти домой, в Эшлин.

- Эшлин? Вы хозяин Эшлина? - удивился монах.

- Да, преподобный отец.

- Да ведь это совсем близко от Уэльса, а там, как я слышал, теперь неспокойно.

- Поместье хорошо защищено, отче. Стены высоки, а мои люди прекрасно обучены.

- Ничто не поможет, если урожай сожгут, а скот угонят, - вздохнул монах. - И сделают это ради удовольствия напакостить. Валлийцы - безбожные создания.

- В таком случае попрошу вас молиться за Эшлин и его людей, - расстроился Ранульф. - Вы что-то слышали в последнее время, преподобный отец?

- Они снова пустились в набеги. Пока лишь небольшие вылазки по нашу сторону границы, то здесь, то там. Особенно досаждают нам один разбойник, по имени Мэрин Ап-Оуэн. Говорят, за ним повсюду следует златовласая ведьма, столь же кровожадная, как сам он. Никому от них нет спасения. Несколько недель назад они сожгли небольшой монастырь Святой Бригитты, убили старых монахинь и обесчестили молодых, перед тем как прикончить. Бойня была ужасной. - Монах печально покачал головой. - Вам не следует путешествовать в одиночку.

- Я неплохо вооружен, - возразил Ранульф, - а кроме того, не выгляжу человеком, которого стоит грабить, отче.

- А ваша лошадь, господин?

- Верно, но Шедоу легко обгонит пони любого разбойника.

- Я буду молиться за вас, сын мой. И за Эшлин, - пообещал монах.

Ранульф с облегчением увидел, что, кроме него, в доме никого не осталось и ему не придется делить свой тюфяк с другим гостем. Он поднялся затемно, чтобы присутствовать на заутрене. Потом ему подали на удивление сытный завтрак: овсяную кашу в корке теплого каравая. Он съел всю кашу и половину хлеба, спрятав остаток в сумку. Допив сидр, Ранульф встал, положил на стол монету, поблагодарил доброго монаха и пошел за лошастью. Видя, что за животным заботливо ухаживали, он в порыве великодушия дал монаху, присматривавшему за конюшнями, еще одну монету.

Ранульф опять пробыл в пути до полудня, остановившись, чтобы напоить и накормить коня и съесть хлеб.

Сегодня он доберется до монастыря, где подадут про стой ужин. Как он мечтал о доме и вкусной еде: дымящемся кроличьем рагу в винном соусе, сочных овощах и сладком пудинге. Сыр. Сколько он пожелает! Масло. Свежее масло на теплом хлебе!

Ранульф, рассмеявшись, погнал жеребца. Кажется, он уже привык к привольной жизни

владельца поместья, и трудности существования простого рыцаря ему не по вкусу.

Он не переставал спрашивать себя, уж не предал ли короля Стефана. Однако герцог Генрих не просил чего-то необычного и, уж разумеется, не подстрекал его к измене. Кроме того, Ранульф пообещал принести герцогу клятву вассала, как только тот взойдет на трон. Ранульф окажет будущему королю бесценную услугу, если привезет в страну его жену с ребенком. Чем отблагодарит его Генрих? Короли, как известно, награждают преданных слуг. И Генрих обязательно спросит, чего хочет Ранульф.

Де Гланвиль задумался. Чего же он хочет?

И внезапно он понял. Королевского повеления построить замок. Помочь защитить границу между Англией и Уэльсом. Эшлину нужен замок, но без позволения монарха это невозможно. Он постарается войти в милость к королеве, чтобы получить ее поддержку.

Ранульф усмехнулся. Жена гордилась бы им, ибо теперь он мыслит как муж, отец и хозяин поместья.

Только на закате он наконец добрался до монастыря. У ворот, как всегда, стояла сестра Перпетуя, открыв одну створку. Ранульф проехал во двор и услышал позади стук закрывшейся створки. Соскользнув с коня, он помог привратнице задвинуть тяжелый засов.

- Спасибо, господин, - поблагодарила монахиня. - Мы ждали вас. Элинор была уверена, что вы сегодня придете.

- Я пообещал ей не задерживаться в Вустере, - ответил Ранульф. - Мои люди уже здесь, сестра?

- Да, приехали вчера вечером. Мы поместили их в конюшне, рядом с лошадьми. Настоятельница посчитала, что так лучше.

- Спасибо, сестра. А где матушка-настоятельница? Я хотел засвидетельствовать ей свое почтение, прежде чем отправиться к жене и сыну.

- Вы найдете ее в здании капитула.

Ранульф поспешил в указанном направлении и нашел аббатису в комнате, где она обычно занималась делами монастыря. Дверь была открыта, и матушка Юнис подняла голову от стола, за которым работала.

- Заходите, сэр Ранульф, - пригласила она. - Садитесь.

Ранульф придвинул стул и уселся.

- Я хочу поделиться с вами секретом, который должен остаться между нами, мать-настоятельница, - начал он. - Поверьте, я не замышляю ничего предательского, но вы поймете, почему необходимо все держать в тайне.

- Продолжайте, сэр Ранульф.

- Король умирает. Герцог Генрих, которому я обещал поклясться в верности после кончины короля Стефана, просил меня привезти его жену и сына в Англию. Он выбрал меня, как человека, способного держать язык за зубами и честно выполнить поручение. Сам герцог уже

вернулся в Нормандию. Через месяц и я последую за ним. Дело несложное, но случись что-то со мной, и Элинор останется одна. Я хочу заручиться вашим обещанием заботиться о моих жене и сыне.

- Понимаю, господин. Вы скажете Элинор, куда и зачем едете?

- Обязательно. Мы не таимся друг от друга.

- А что попросите у будущего короля за службу? - с проницательным видом осведомилась аббатиса.

- Если моя миссия удастся, попытаюсь получить разрешение построить в Эшлине замок. Настоятельница кивнула:

- Мудрое решение. Наконец-то и мы сумеем защитить наш участок границы.

- Я хотел поговорить с вами еще кое о чем. До меня дошли слухи, что валлийцы вновь принялись за старое. Набеги участились. И кроме того, среди них появилась особенно подлая шайка, предводитель которой зовется Мэрином Ап-Оуэном. Недавно он сжег монастырь и зверски расправился с тамошними обитателями. Его сообщница - какая-то женщина. Будьте начеку. Постарайтесь, чтобы ворота монастыря были заперты день и ночь.

- Обычно нас оставляют в покое, ибо всем известно, что здесь нет ничего ценного. Ни серебряных, ни золотых подсвечников, ни реликвариев.

- Вы забыли об овцах и коровах.

- Верно, - задумчиво протянула настоятельница. - Но если придут валлийцы, они скорее всего угонят скот и отвяжутся от нас.

- Этот Мэри Ап-Оуэн - человек без чести и совести. Перед смертью молодые монахини были зверски изнасилованы. Он не просто крадет, матушка. Огнем и мечом прошел по округе. Пытает, издевается, убивает. - Ранульф поднялся. - Пойду к жене и сыну. Они здоровы?

- Да, - рассеянно кивнула встревоженная его словами аббатиса, размышляя над тем, что Ранульф сказал ей. Такого человека, как этот Мэри Ап-Оуэн, следует бояться. Нужно день и ночь молиться о том, чтобы он не вздумал напасть на монастырь Святого Фрайдсуайда.

Ранульф вышел из здания капитула и направился к странноприимному дому. Там его встретили Орва и Вилла, но он почти не заметил их. Взгляд его устремился к очагу, где сидела Элинор, кормившая Симона.

- Малышка! - окликнул он.

Она быстро подняла голову. Серо-голубые глаза ярко блеснули, на губах играла улыбка. - Ты вернулся! - ахнула она. - Добро пожаловать господин. Полюбуйся на Симона. Клянусь, он уже успел вырасти.

Ранульф поспешил устроиться рядом.

Господи, как он ее любит! Почему же не признается?

Но он уже знал ответ. Элинор всем своим существом стремилась стать монахиней. Их брак был вынужденным. Хотя браки в основном устраивались опекунами или родителями, женщины все

же имели возможность перед свадьбой познакомиться с будущими мужьями и, кроме того, не готовились в монахини с самого детства. Как может Элинон любить его, когда ее заставили идти к алтарю? Когда вся ее жизнь в одночасье перевернулась? Все же она стала ему хорошей женой, но вряд ли способна полюбить навязанного ей мужа. А он не вынесет, если она отвергнет его любовь. Уж лучше и дальше молчать.

- Когда мы сможем вернуться домой? - нетерпеливо спросила жена.

- Если ты достаточно окрепла, завтра, малышка моя. Вооруженный эскорт уже здесь. Мне передали, что валлийцы снова пустились в набеги. Я хочу, чтобы наш Симон поскорее оказался в безопасности. В стенах Эшлина ему ничто не грозит. Но через месяц мне придется отправиться в Нормандию по поручению герцога Генриха, Элинон.

У Эльф сделалось такое обиженно-недоумевающее лицо, что Ранульф поспешил объяснить, тем более что в комнате, «кроме них, никого не было: Орва и Вилла оставили супругов одних.

- Я доверяю эту тайну только тебе и настоятельнице. Больше никто не должен знать, куда и зачем я уехал. Ты никому ничего не говори, малышка. Мы придумаем какое-нибудь правдоподобное объяснение моему отсутствию на случай, если соседи, а особенно барон Хью, явятся и начнут совать нос не в свои дела.

Эльф отняла от груди сына и протянула растерявшемуся отцу.

- Возьми, - велела она. - Подержи его, пока я зашнурую камизу. - И при виде выражения неподдельного ужаса на физиономии мужа весело рассмеялась:

- Прижми его к груди, Ранульф, только осторожнее. И не бойся, он не такой уж и хрупкий.

- Он смотрит на меня, - благоговейно прошептал муж.

- Разумеется. Не привык к твоему голосу и хочет знать, кто ты. Это твой папочка, Симон, - проворковала она. - Когда подрастешь, он научит тебя владеть копьем и мечом и скакать на коне. А я покажу, как читать и писать и прилично вести себя на людях. И оба мы будем любить тебя, Симон Хьюбертде Гланвиль, мой обожаемый маленький сыночек. И дадим тебе братьев, с которыми можно играть, и сестер, которых так весело дразнить, - пообещала она.

- Ты хочешь еще детей? Но ведь ты только что родила! - воскликнул он, хотя втайне был удивлен и обрадован.

- Конечно, хочу! Когда-нибудь Эшлин станет замком, а де Гланвили - могущественным и влиятельным родом. Нам нужно много детей. Кроме того, - прошептала она ему на ухо, - мы так чудесно позабавились, пока делали этого!

Ранульф едва не уронил сына, но Элинон, ловко подхватив его, тихо засмеялась. Ранульф судорожно сглотнул.

- Элинон, мне с каждой минутой все труднее оставить тебя, - выдохнул он.

- В таком случае я достигла цели, господин, и ты всеми силами будешь стремиться домой, к нам, - снова засмеялась она.

В комнате появилась Вилла с подносом.

- Господин, мы подумали, что неплохо бы вам поужинать, - объявила она, ставя поднос на раскладной стол. Ранульф с жадностью втянул в себя соблазнительный запах, а увидев, что принесла служанка, вытаращил глаза. Перед ним красовались блюдо тушеной баранины с густой подливой из моркови и лука-порея, небольшая вареная форель на листьях зеленого салата, свежий хлеб, сыр и кувшин вина.

- Это монастырская еда? - удивился он.

- Нет, монахини питаются просто, даже скудно, воспитанницы - чуть получше, но ты - гость особый, господин мой, - пояснила Эльф и, отдав ребенка Вилле, стала прислуживать мужу за столом: положила еду в чашку, поставила перед Ранульфом и с удовольствием смотрела, как он ест. Ранульф уплетал за обе щеки, пока не доел все, до последней крошки, а когда Эльф напоследок водрузила на стол небольшую миску с земляникой, сдобренной густыми сливками, счастливо заулыбался. Наконец, допив вино, он с довольным вздохом отодвинулся от стола.

- Я целую неделю мечтал о таком обеде, какой ты подала сейчас, малышка.

- Думаю, нам следует отправиться в путь сразу после заутрени, - заметила Эльф. - Подумать только, я вот уже месяц как не была в Эшлине! Хочу домой! - Уверена, малышка, что выдержишь поездку?

- Я не какой-нибудь чахлый цветок, господин. Слава Богу, силы у меня есть. Завтра возьмем сына и поедем домой, - твердо заявила Эльф.

- Я еще помню, как ты рыдала от невозможности остаться в монастыре, - подпел он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. - Ты совсем не похожа больше на маленькую монашку. Настоящая женщина. Мать Симона и моя чудесная жена.

- Я благодарна Господу за проведенные здесь годы. И будь на то Его воля, осталась бы и посвятила свою жизнь Спасителю нашему, но сейчас более чем счастлива быть твоей женой и матерью Симона.

» И кроме того, люблю тебя больше жизни. Если бы ты только любил меня. Но это не так. Мне придется довольствоваться тем, что ты считаешь меня хорошей женой и достаиваешь своей дружбы. Грешно роптать, когда все так хорошо складывается «.

Ночь Ранульф провел один, на мужской половине дома. Утром он с женой отстоял заутреню, а позже позавтракал вместе со слугами. Вещи были собраны, лошадь запряжена в тележку, и когда Эльф устроилась поудобнее, аббатиса и остальные сестры вышли попрощаться.

- Мы сделали тебе подарок для церкви в Эшлине, - объявила аббатиса, вручая Эльф красивую корзину, сплетенную из ивовых прутьев. Внутри лежал алтарный покров, украшенный изумительной вышивкой.

- Не знаю, как выразить свою благодарность, - сказала Эльф, казалось, озарив, улыбкой всю округу, - Хорошенько заботься о нашем крестном сыне, - наставляла аббатиса. - И почаще привози его к нам, Элинор.

- Прощай, дорогая, - вздохнула сестра Уинифред. - Вот здесь корни дягиля для твоего сада.

Эльф поцеловала морщинистую щеку старушки.

- Спасибо, сестра.

В глазах ее стояли слезы.

- Ну-ну, не стоит, - мягко пожурела ее сестра Уинифред. - Юная Мэри Габриель - прилежная девочка, пусть и не обладает такими способностями, как ты. - Она отступила от тележки. - Я не стану прощаться, Эльф. Скажу только: до нашего скорого свидания, - вздохнула сестра Коламба. - Для меня было огромным счастьем снова оказаться рядом с тобой, но при этом я поняла, что твое место в Эшлине, а мое - здесь, в этих стенах. Благослови тебя Господь, моя драгоценная подруга. - Она крепко обняла Эльф.

Небольшая кавалькада выехала со двора на дорогу. Монахини сгрудились в воротах, окружив настоятельницу, как цыплята - курицу.

- Помни, укропная вода помогает от детских колик, - окликнула сестра Катберт. Всю жизнь она возилась с малышами и знала много средств от младенческих хворей.

Монахини долго махали руками вслед бывшей воспитаннице. Настоятельница, сестры Агнес, Хильда, Мэри Габриель, Филиппа, Мэри Бэзил, Анна, Уинифред, Коламба, Катберт, Перпетуя и остальные.

- Не забывайте держать ворота на запоре, - напомнил Ранульф.

Настоятельница кивнула в знак того, что поняла предупреждение. Эльф мгновенно насторожилась.

- Думаешь, валлийцы нападут на монастырь? - допытывалась она. Все эти годы монастырь был оплотом спокойствия и безопасности?

- Возможно, - ответил Ранульф. - Но если валлийцы нагрянут, они, вероятнее всего, просто угонят скот и не тронут монахинь.

Они ехали не торопясь и пробыли в пути целый день. Время от времени Ранульф замечал на холмах одиноких всадников, однако незнакомцы не делали попытки приблизиться. Ранульф жалел, что не удвоил охрану, но ведь и узнал он обо всем только на обратном пути из Вустера.

Наконец к вечеру они добрались до Эшлина. Крепостные, трудившиеся на полях, радостно приветствовали хозяев, а многие даже бросали работу, чтобы посмотреть на нового наследника Эшлина.

- Покажите им маленького господина, леди, - тихо попросила Орва.

Эльф приказала остановить тележку и открыла личико Симона. Раздались радостные крики, посыпались похвалы.

- Род Стронгбоу продолжился, - объявила Эльф. - Если Господь захочет, у Симона будут братья и сестры.

Вперед выступил отец Освин, новый священник поместья.

- Он, разумеется, принял святое крещение? Эльф кивнула:

- Да, отец Ансельм окрестил нашего сыночка. Крестный отец - сэр Гаррик, а крестные матери - все добрые монахини, но держала малыша сестра Коламба. Симон Хьюберт де Гланвиль будет покровителем монастыря, где родился, - сообщила она священнику.

- Аминь! - с воодушевлением провозгласил отец Ос-вин, симпатичный молодой человек с теплыми карими глазами и прямыми каштановыми волосами.

Тележка въехала в ворота. Старая Аида и Седрик дожидались у дома.

- Дайте мне мое дитя! - взволнованно воскликнула престарелая нянюшка. Эльф рассмеялась.

- О нет, Аида, - покачала она головой, - за новорожденным присмотрит кто-нибудь другой. Я не могу обойтись без тебя. Вилла не умеет услужить мне так хорошо, как ты. Она нуждается в твоих наставлениях. Я не отпущу тебя, хотя пока можешь подержать моего сына.

Старуха не знала, то ли расстраиваться, то ли радоваться. Немного подумав, она прижала к груди младенца и про себя решила, что стала слишком дряхлой, чтобы не спать по ночам и целыми днями быть на ногах. Уход за младенцем требует немалых сил. Нет, она предпочитает служить хозяйке!

- Я помогу тебе выбрать подходящую няньку для молодого господина. Пусть он станет смыслом ее жизни, совсем как ты и твой брат для меня.

Орва, стоявшая за спиной Эльф, едва сдержала улыбку. Госпожа послушалась ее совета и при этом ухитрилась не обидеть старую Аиду. Наоборот, няня преисполнилась сознания собственной важности и значимости. Для столь молодой женщины госпожа мудра не по годам.

Они вошли в дом, и Эльф осталась довольна при виде царившего там порядка. Очевидно, в ее отсутствие Седрик и слуги не забывали о своих обязанностях. Сев у очага, она взяла сына и принялась кормить, пока вокруг шли приготовления к ужину.

- Я должен поговорить с Фулком, - бросил Ранульф. Эльф, всецело занятая сыном, рассеянно кивнула.

Ранульф вышел во двор и разыскал начальника стражи, тренировавшего своих людей в стрельбе из лука.

- Фулк, - начал он, отводя в сторону старого солдата.

- Что вам угодно?

- Мне понадобится оруженосец. Не знаешь, кто из твоих людей лучше всего подходит для этой должности?

- Мой племянник, господин. Ему девятнадцать лет. Сильный, здоровый парень. Я сам учил его искусству владения мечом, копьем и боевым топором. В молодости я тоже был оруженосцем сэра Роберта и покажу парнишке, как ухаживать за вашими доспехами и конем. Его зовут Пэкс, и, клянусь, он не предаст вас, господин.

- А я думал, что ты готовишь племянника на свое место, - заметил Ранульф.

- До этого еще немало времени пройдет, господин, а ведь есть еще и другие, не хуже, вроде Сима, который может меня когда-нибудь заменить. Пэксу необходимо приобрести опыт, который могут дать только обязанности оруженосца. Я обучил его всему, что знаю сам, господин, теперь же ему потребна закалка, а она приходит с годами, - Кто из них Пэкс? - осведомился Ранульф.

- Пэкс, выйди вперед, - велел Фулк, и молодой человек немедленно повиновался.

- Что, дядя?

Среднего роста, коренастый, с круглым лицом, каштановыми волосами и карими глазами, он показался Ранульфу серьезным и основательным парнем. Пэкс поклонился:

- К вашим услугам, хозяин.

- Фулк утверждает, что ты можешь стать неплохим оруженосцем. Хочешь попробовать? Ты должен последовать за мной, когда я буду покидать Эшлин. Согласен?

Широкая улыбка сделала лицо Пэкса почти красивым.

- Да, господин! - радостно воскликнул он.

- У тебя есть месяц, чтобы познакомиться со всеми обязанностями, - предупредил Ранульф. - Потом мы отправимся в Нормандию.

- Я буду готов, - пообещал молодой человек.

- Знаешь ли ты какой-нибудь язык, кроме английского? - поинтересовался Ранульф и был крайне удивлен ответом.

- Да, господин, еще и норманнский. Достаточно, чтобы быть вам полезным, правда, понимаю его гораздо лучше, чем говорю. Дядя научил, - пояснил молодой человек, не дожидаясь расспросов.

Ранульф расплылся в улыбке.

- Прекрасно, Пэкс, пусть все думают, что ты почти ничего не смыслишь в норманнском наречии, - кивнул он. - Прожив немного в Нормандии, ты, разумеется, приобретешь необходимые навыки, но это посторонним знать не обязательно.

- Да, господин.

- Сегодня будешь служить мне за ужином, - велел Ранульф и ушел.

- Будь ему верен, и не придется жаловаться на судьбу, - посоветовал довольный дядюшка. - Он справедливый хозяин.

- А что я должен делать сегодня?

- Встанешь за его стулом и проследишь, чтобы его чаша и кубок нашей госпожи не пустели. В больших хозяйствах эту работу выполняет паж, но у нас поместье маленькое, - пояснил Фулк. - Придется тебе поесть пораньше. Иди на кухню и все объясни повару. Ох, парень, Эшлин становится завидным местечком. Когда-нибудь здесь будет замок. Надеюсь, что доживу до этого.

- Замок? - потрясение переспросил Пэкс. - Но откуда ты знаешь, дядя? Ведь Эшлин - всего-навсего небогатое поместье, каких немало.

- Господина вызвали в Вустер, парень, - начал Фулк. - Он возвращается, заявляет, что нуждается в оруженосце, поскольку через месяц едет в Нормандию. Вряд ли ему нужно туда

по делам поместья. Нет, он выполняет поручение знатного лорда, причем очень осмотрительно, без лишнего шума. Если он добьется успеха, значит, будет вознагражден. Будь на его месте я, наверняка попросил бы позволения короля построить замок здесь, в Эшлине, чтобы охранять границу. А теперь помни, Пэкс, я ничего не знаю наверняка. Просто существует определенный порядок определенных вещей. Держи глаза и уши широко открытыми, мальчик, а рот – на замке. Понятно?

- Да, дядя. Я не сплетник.

- Смотри не вздумай хвастаться перед девчонками, за которыми ты вечно гоняешься. Твоя приветливая улыбка и всегда готовое к бою оружие и без того дарят им немало радостей.

- Да, дядя, – послушно отозвался Пэкс. Карие глаза весело блеснули, и Фулк рассмеялся.

Этим вечером новый оруженосец впервые прислуживал госпоже и господину. Его большие ладони вспотели от страха, но Ранульф похвалил парня, а Элинор одарила благосклонной улыбкой.

- Пришли ко мне завтра свою мать, – велела она молодому человеку. – Тебе понадобится новая одежда. Я позабочусь о том, чтобы она получила все необходимое.

- Спасибо, госпожа, – поклонился Пэкс.

- Преданно охраняй моего мужа, и я обещаю сделать тебя свободным, – добавила Эльф.

Пэкс встал на колени и поцеловал подол ее юбки.

- Благодарю вас, госпожа.

- Вижу, он неплохой парнишка, – заметила Эльф, лежа с мужем в постели. – Фулк любит его, как сына, поскольку своих детей у него нет. Он хорошо воспитал Пэкса и второго племянника, Сима.

- Я хочу проверить, как он управляется с оружием, – прошептал Ранульф, припадая губами к ее шее. От нее так сладко пахло. Жаль, что им нельзя любить друг друга почти до самого его отъезда в Нормандию. Сестра Уинифред пришла к нему перед тем, как они покинули монастырь, и предупредила, что Элинор необходимо время оправиться после родов.

- Говорят, некоторые мужчины не заботятся о женах, – объяснила старушка, – но если вы хотите видеть свою Элинор здоровой, умерьте свое сладострастие.

Она строго нахмурилась, и Ранульф отчего-то покраснел.

Монахиня лукаво хмыкнула.

- Еще на три недели, – смягчила она приговор. Жена повернулась к нему, поцеловала и прижалась всем телом, расцветшим после родов.

- Мой дорогой господин, – прошептала она.

- Нельзя, – выдохнул он.

- Почему? – возмутилась Эльф, лишенная страстных объятий вот уже несколько месяцев. Сейчас ей не терпелось вновь предаться любовным играм.

- Сестра Уинифред считает, что тебе нужно немного подождать, - твердо заявил Ранульф. - Я не хотел бы подвергать тебя риску, малышка.

- Кровь Христова! - к удивлению мужа, выругалась Эльф. - Но я уже давно не в монастыре! Ранульф лукаво усмехнулся - Неужели ты хочешь меня так же сильно, как я - тебя, малышка? Ожидание хуже любой пытки! - Он погладил ее по голове.

- Но через месяц тебя здесь не будет!

- У нас еще будет целая неделя, чтобы насладиться друг другом.

- А потом ты отправишься в Нормандию, господин. И я останусь одна в холодной постели! - рассердилась Эльф. - Ты и сам не знаешь, сколько будешь отсутствовать!

- Может, предпочитаешь, чтобы мы не .

- Нет! - с бешенством выпалила она - Но я могу спать в другой комнате, пока мы снова не будем вместе, малышка.

- Нет!

Она приникла к его плечу.

- А я-то думал, монахини приучили тебя к воздержанию и смирению, - поддразнил он, приподнимая ее подбородок. - Как прекрасно - быть добродетельной, пока не узнаешь всей прелести порока, верно?

- Ненавижу тебя, - прошептала Эльф, отвесив ему шутовскую пощечину.

Ранульф рассмеялся и, поймав ее руку, поцеловал ладонь.

- Неужели не подозреваешь, как я ревную к нашему сыну?

- С чего бы это вдруг? - выпалила она, но тут же осеклась и вспыхнула. - Ой!

- Спи, малышка, - велел он, - и довольствуйся тем, что ожидание так же тяжело для меня, как и для тебя.

- Вот и хорошо, - фыркнула Эльф, проведя кончиками пальцев по его истомившейся плоти, прежде чем повернуться к нему спиной.

Ранульф снова рассмеялся.

- Ведьма, - прошипел он и привлек ее к себе, накрыв ладонью набухшую молоком грудь.

- Это несправедливо! - запротестовала Эльф, - Что именно? - делая вид, что не понимает, осведомился Ранульф.

В ответ Эльф потерлась ягодицами о его чресла. Желание, охватившее Ранульфа, было столь нестерпимым, что он громко застонал.

- Это несправедливо, - пожаловался он, в свою очередь.

- Забыл, что в эту игру могут играть двое? - ангельским голосом спросила Эльф.

- Спи, Элинон, - процедил он хрипловато.

- Да, милорд, - с притворной покорностью согласилась Эльф, с наслаждением ощущая тяжесть его руки. Как она хотела слиться с ним воедино! Но сестра Уинифред права. Она совсем недавно родила и еще слишком слаба. Где же то терпение, которым всегда так гордилась Эльф? Нужно немедленно вспомнить о нем, иначе она просто умрет от желания.

Эльф ощутила нежное прикосновение губ Ранульфа к чувствительному местечку на шее и со вздохом закрыла глаза.

Глава 13

В следующие несколько недель их жизнь снова обрела подобие порядка. Ранульф каждый день объезжал поместье, полный тревоги за безопасность Эшлина. И с каждым часом убеждался, что его земли будут подвергаться набегам, пока на месте дома не вырастет замок. Ограда, окружающая владения, была высока, но внутри оказывалось слишком много построек: дом, церковь, хижины крепостных, лачуги слуг и вольноотпущенников. Все вместе походило на большую деревню. Любой серьезный враг вполне способен прорвать оборону и оставить Эшлин без всякой защиты. Да и в доме нельзя долго укрываться. Он выстроен на равнине: стоит взломать дверь - и пощады не жди. Все же сейчас Эшлин укреплен немного лучше, чем прежде: ограда надстроена, стражи обучены. Придется доверять Фулку и его соглашению с валлийцами. Может, они и вправду оставят Эшлин в покое.

Размышляя над всем этим, Ранульф еще раз подумал, что поручение герцога Генриха крайне важно для будущего всей его семьи. Возможно, позже удастся отдать Симона на воспитание ко двору новой королевы, как мечтала Эльф. Владелец замка - лицо куда более влиятельное, чем хозяин поместья.

Ранульф рассмеялся, сообразив, что слишком высоко метит. Прежде всего необходимо получить разрешение, а потом думать, что делать дальше.

Урожай обещал быть неплохим. Дожди лили часто, но града не выпадало. Дни держались теплые, ночи - прохладные, но без заморозков. Пшеница вымахала высокая. Обитатели Эшлина с нетерпением ожидали сухой погоды, чтобы накосить сена на зиму. Сад трав тоже процветал. Овцы и коровы жирели на подножном корму.

Вскоре настал и День святого Иоанна, который по обычаю широко праздновался в стране. Хозяин отменил все работы, и обитатели Эшлина встали рано, чтобы встретить рассвет. Зрелище было изумительным. Небо светлело медленно, синева ночи уступала место голубизне, на горизонте протянулись полосы сначала лимонного, потом золотого, пурпурного и оранжевого цветов. Зачирикали, запели птицы, приветствуя огромный красный шар солнца. День обещал быть чудесным.

Из лекарни доносился запах хлебцев Святого Иоанна, испеченных из сладких рожков, перемолотых в муку. Такое лакомство подавалось только в этот день, на пиру, устраиваемом господином и госпожой Эшлина. Овцы, выбранные для заклания, стояли у двух ям, вырытых на лугу, где их и зажарят. Мясо крепостным редко доводилось есть, но сегодня Эльф собиралась подать поросят, фаршированных сыром, хлебом, орехами и специями, а также жареную оленину, эн-трайяль, овечий желудок, набитый яйцами, овощи, печеную свинину, блюдо из цыплят, риса, миндаля и сахара. Повар обещал также приготовить угрей, треску в сливках и лососину, а на десерт - яблочный пудинг с пряностями, сахаром и молоком. Стоило ли упоминать о сыре, масле и печенье в виде птичек, животных, домиков, кораблей и домашней

утвари! И все это предстояло запивать медовым напитком, сдобренным мятой, и имбирным элем с добавкой базилика и аниса.

Накануне в дом явились бродячие музыканты и попросили ночлега. Сегодня они пообещали развлечь жителей Эшлина. Оказалось, что они играют на всех мыслимых инструментах: ребеке, барабанах, свирелях, рожках, тростниковой дудочке, колокольчиках и тамбурине. Танцоры весело подпрыгивали под задорные мелодии. На другом конце поля установили мишени для состязаний в стрельбе из лука. Наиболее резвые соревновались в беге. Девушки гадали на зверобое, стараясь определить по количеству желтых цветов, встретят ли они свою любовь, и разразились громким смехом, когда Вилла оторвала последний бутон со словом «любит». Немало многозначительных взглядов было брошено в сторону молодого оруженосца Пэкса, а Вилла залилась краской до самых корней волос. Устроили настоящую охоту за цветущим папоротником, обладающим, по слухам, способностью делать человека невидимым, но, увы, так ничего и не нашли.

- Идите загадывать желания! - позвал Артур, когда настал вечер.

Обитатели поместья отправились к реке, где уже были приготовлены деревянные лодочки с вырезанными на бортах пожеланиями. В них осторожно поместили зажженные свечи и пустили по воде. Мельничное колесо вращалось, вызывая рябь и легкие волны на ее поверхности. Крохотные суденышки беспомощно болтались на воде. Некоторые, слишком близко подплывшие к колесу, тонули, на других ветерком гасило огонь. Но те, которые благополучно достигли другого берега, были верным знаком, что желание владельца исполнится.

- Обе наши лодочки целы, - улыбнулась Эльф. - Ты что загадал?

- Поскорее вернуться к тебе. А ты, малышка?

- Чтобы ты побыстрее приехал, - прошептала она, потянувшись к нему.

- Костры зажигают! - закричал, кто-то, и супруги рука об руку вернулись на луг. Вокруг и в самом деле загорались огни, и они снова уселись за стол.

Долгий день заканчивался. Остатки еды исчезли вместе с элем и медовым напитком. Закатные лучи радугой расцветили вечернее небо. Музыканты снова заиграли, и по знаку Седрика господи встали и сцепили пальцы. Свободную руку Эльф протянула Вилле, та, в свою очередь, подозвала Пэкса. Постепенно образовалась длинная линия, она, извиваясь, медленно ползла между кострами в древнем танце, который так и назывался —» Продень нитку в иглу «.

Солнце кануло за горизонт. Небо потемнело. Музыка стала еще громче, ритм - бешеным, диким, первобытным, и вдруг все стихло. Людей окружило глубокое молчание, не нарушаемое ни единым звуком. Потом костры поспешно потушили, и жители Эшлина растворились во мраке. Ранульф тоже повел жену домой. Праздник завершился. Впереди трудовой день.

- Вилла убежала, - неодобрительно пробурчала Аида. - Я сама поухаживаю за тобой, дитя мое.

- Нет, няня, иди лучше спать, - спокойно возразил Ранульф. - Я не хуже тебя помогу своей жене раздеться.

- Верно, господин. Все лишняя забава, не так ли? - закудаhtала Аида.

Ранульф ухмыльнулся и последовал за женой в хозяйские покои, оставив весь мир за дверью.

Эльф поспешно обернулась и, обняв мужа, взглянула ему в глаза.

- Скоро ты покинешь меня, - едва слышно выговорила она. - Не знаю, сколько времени тебя не будет, но уже тоскую. Пусть я дерзка и чересчур смела, Ранульф, но прошу, возьми меня. Люби. Хоть всю ночь. Как давно наши тела не сливались в страстных объятиях!

Ее бездонные глаза сияли неприкрытым желанием.

- Я не причиню тебе боли, - тихо пообещал Ранульф. Эльф невольно рассмеялась.

- Клянусь, господин мой, ты самый добрый человек из всех, кого я встречала, хотя, честно говоря, до сих пор жила я довольно уединенно. Не знай я тебя лучше, предположила бы, что у тебя есть любовница среди крепостных. Но ты не из таких, - поспешно поправились она, видя растерянное лицо мужа. - Ранульф, мой господин, мой славный муж, я с самого начала наслаждалась радостью, которую приносит мне наше соитие. Но мы так давно не были вместе, а ведь через неделю нам предстоит бесконечно долгая разлука. Хотя бы до твоего отъезда мы будем неразлучны! Благодаря своим травмам и отварам я быстро исцелилась.

Она торжествующе улыбнулась и погладила мужа по щеке.

- Ты хочешь любить меня? Возможно, мужчине приходится труднее, чем женщине, и хотя я должна по обету чести оставаться целомудренной все то время, что тебя не будет, ты - дело другое, и когда доберешься до двора герцога Генриха, станешь гасить свои желания с прекрасными и утонченными женщинами? - Глаза ее неожиданно сверкнули, и Эльф сердито топнула ножкой. - Клянусь Богом, я этого не допущу! - И она принялась барабанить по его груди стиснутыми кулачками.

Ранульф оглушительно расхохотался. Невероятно! Из неотразимо прелестной и соблазнительной кошечки она мгновенно превратилась в разъяренную ведьму! Неужели он ей небезразличен?

Сердце Ранульфа забилося быстрее, и он осторожно, но крепко сжал ее запястья.

- Малышка, - поклялся он, - я никогда не предаю тебя, как бы ни был велик голод, ибо превыше всего ставлю и желаю лишь единственную женщину во всем мире: тебя, моя Элинора.

Прижав ее к своей широкой груди, он спрятал лицо в густых волосах.

- Ты, малышка, моя жена. Другой мне не нужно. Их уста слились.

Немного утихомирившись, она тоже поцеловала его, лихорадочно стараясь распутать узел на его поясе.

- Ну и бесстыдница ты, малышка, - поддел он. - И во что бы то ни стало хочешь заманить меня в постель.

Он помог ей стащить с него тунику и, в свою очередь, ослабил ее пояс и принялся раздевать. Ее юбка вслед за туникой тут же оказалась на полу. Эльф расшнуровала его камизу, и длинная рубаха соскользнула с плеч. Ранульф ответил тем же и привлек ее к себе, так что ее полные груди прижались к его обнаженному торсу, а венерин холмик - к горящему копыю. Эльф громко охнула, когда он, встав на колени, скатал и снял чулки с ее ножек и поцеловал пухлые коленки. Потом он поднялся, и Эльф, подражая мужу, сняла с него шоссы и отпрянула, пораженная мощью освобожденной мужской плоти. До сих пор она не видела ее так близко и

теперь не могла отвести зачарованного взгляда от источника своего наслаждения. Огромное орудие привлекало ее своими необыкновенными размерами, а какой восторг испытывала Эльф, когда оно наполняло ее!

Когда Эльф встала, муж вопросительно взглянул на нее.

Он снова притянул ее к себе, жадно вдыхая аромат тела.

- Теперь, когда мы лучше узнали друг друга, я могу многому научить тебя, малышка, - признался он.

- Можно, мне поцеловать его?

- Да, - коротко ответил он.

- А что еще?

- Можешь сосать его, как я - твои груди, - прошептал он. Господи, он сейчас взорвется. Она так возбуждает его своими наивными вопросами. Мысль о том, что сейчас эти губки возьмут его плоть, была почти непереносима.

- А если я проглочу твоё семя, могу забеременеть? - продолжала любопытствовать она.

- Нет, но я не хочу, чтобы ты это делала. Я сберегу своё семя для твоего сладостного лона.

- И это даст тебе наслаждение? - допытывалась Эльф.

- Да! - выдавил он.

Эльф, ни минуты не колеблясь, упала перед мужем на колени, и жаркие уста сомкнулись на его жаждущей плоти. У Ранульфа голова шла кругом.

- Не так сильно, малышка, - простонал он. Кровь Христова, как она изменилась! Совсем не та невинная девочка, на которой он женился менее двух лет назад!

- Довольно! - вскрикнул он.

Раскрасневшаяся Эльф вскочила, и он принялся осыпать ее безумными поцелуями. Не в силах сдержаться, он подхватил ее, сжимая ягодицы в больших ладонях, и стоило ей инстинктивно обвить ногами его талию, медленно вошел в истекающее любовной влагой тело. Она обняла его, прижалась и глубоко, удовлетворенно вздохнула.

» Неужели я ей небезразличен? - снова спросил себя Ранульф. - Или она просто наслаждается радостями супружеской близости?«

Он медленно прошел через комнату, направился в спальню, ни на миг не давая их телам разъединиться, и положил драгоценную ношу на постель. Сам лег сверху и начал осторожно двигаться, боясь, что причинит любимой боль. Но Эльф откровенно млела, буквально купаясь в нежных ласках, и тихо стонала. Как сладостно он наполняет ее! Как она истосковалась по его страсти! Полюбит ли он ее когда-нибудь или ей придется довольствоваться лишь его страстью?

Ее ногти вонзились в бугрящиеся на его спине мышцы. Она отчаянно напряглась в предвкушении вот-вот готового обрушиться экстаза, и когда жгучее наслаждение опалило ее, она как сквозь сон услышала его крик, и его любовная лава затопила ее.

Ранульф обессиленно рухнул на жену, но уже через мгновение она легонько его толкнула. Глаза их встретились, и ослепительная улыбка жены едва не лишила его рассудка.

Он любит ее и хочет, чтобы она тоже его любила!

Как можно заставить ее полюбить себя? Это чувство совсем иное, чем страсть, ибо, когда они не лежат в постели, Ранульф испытывает к жене нечто совсем иное. Жаждет защитить ее. Разделить с ней свои мысли и узнать, что у нее в душе и на уме. Признаться, как важно ему ее одобрение и одно лишь прикосновение руки возносит на седьмое небо!

Ранульф слегка стыдился своей слабости, ибо, помимо всего прочего, он еще и мужчина. Должен ли настоящий мужчина изливаться в нежностях женщине? Да еще собственной жене?!

А что, если он откроется ей и окажется, что она вовсе не разделяет его чувств? Не вызовет ли это отчуждения между ними? Но вдруг он зря опасается? Элинор искренна, и в ней нет ни капли притворства. Она честна и неиспорченна. В этом жена не изменилась. Предположим, он скажет, что любит ее, и в ответ Элинор, человек прямой и бесхитростный, откроет все, что у нее на душе. Единственное, что удерживает его от признания, – мысль о том, что она может его отвергнуть. Впервые в жизни Ранульф де Гланвиль понял, что способен испытывать страх. О, он, как и всякий воин, бывало, боялся грядущей битвы, но это совершенно другое!

Его родная мать предала его ради нового мужа. Сначала Ранульф был потрясен изменой, ибо он был ее сыном, первенцем, и все же она с такой легкостью отшвырнула его. Когда боль и потрясение стихли, он понял, что мать лишь старалась сделать все ради собственного спокойствия и детей, рожденных в повторном браке. И хотя не воспрепятствовала отчиму украсть наследство Ранульфа, все же уговорила сына сохранить доброе имя, зная, что он сможет начать новую жизнь при дворе короля Стефана. Ранульф простил ее, но рана так и не зажила до конца.

Теперь же он знал, что удар, нанесенный матерью, ничто по сравнению с муками и скорбью, которые он испытает, если Элинор не разделит его любви. Лучше пока молчать. По крайней мере сейчас.

Она лежала в объятиях мужа, пристроив голову ему на грудь.

» Мужчины так разительно отличаются от женщин «, – думала Эльф. Она вспомнила, как девушки в монастыре утверждали, что мужчины могут испытывать либо похоть, либо страсть. С тех пор она успела узнать, что и то и другое – вещи совсем не обязательно плохие, но ее сердце жаждало большего. Правда, она понятия не имела, так ли уж прекрасна любовь, как о ней поют менестрели. Ее брат души не чаял в жене, а чем это кончилось? Ради любви Дикон избавился от собственной сестры, и за девять лет всего лишь однажды навестил ее. Эльф невероятно повезло, что она так счастлива, ибо брату было все равно, что с ней станет, лишь бы угодить Айлин! Коварная же супруга отравила его, чтобы заполучить в мужья Саэра де Бада.

Неужели любовь делает мужчину слабым и глупым? Как бы ей хотелось признаться Ранульфу, что он завладел не только ее телом, но и сердцем.

Она мечтала постоянно быть с ним и тосковала в разлуке. Даже сейчас не могла вынести мысли о том, что он должен ехать в Нормандию и неизвестно когда вернется. Несмотря на то что все эти годы она спала одна на монастырском топчане, сейчас не могла без ужаса представить, как ляжет в холодную постель и не прижмется к его теплому телу. Она понимала, что это не сладострастие. Стоит Ранульфу улыбнуться, и ее сердце наполняется светлой

радостью, а от звуков его голоса хочется петь.

Как она станет жить, когда его не будет здесь, рядом? Когда не с кем делить дневные заботы?

Она бы сказала ему о своих чувствах, но боялась смутить его глупыми откровениями. Он старше ее, мудрее и почитает жену дурочкой, а ей страшно подумать, что случится, если его уважение к ней сменится снисходительной жалостью. Ранульф – человек, умудренный жизнью, воспитывался при дворе, и, хоть не слишком богат и знатен, даже герцог Генрих признал его достоинства и выбрал его для выполнения важной миссии. Ранульфа, вне всякого сомнения, смутят и расстроят ее признания. Лучше уж молчать. Муж добр к ней, чего еще желать?!

Настал июль, и пришло время отправляться в Нормандию. Ранульф с тяжелым сердцем готовился в путь. Хотя Эшлин пока не подвергался набегам, слухи о бесчинствах валлийцев ширились. Крепостной, посланный в монастырь с корзинами слив, подарком Симона крестным матушкам, вернулся с известием, что с ближайшего монастырского луга была угнана небольшая отара овец. Это случилось ночью, что казалось всем еще более пугающим. Добрые монахи, встав утром, обнаружили потерю, только когда их внимание привлекло воронье, слетевшее на останки безжалостно убитой пастушеской собаки.

– Держи одну створку ворот закрытой даже днем, – наказывал жене Ранульф. – Если нагрянут валлийцы, крепостные могут добежать с полей в укрытие, но помни, что ворота должны быть заперты до того, как разбойники подберутся к подъемному мосту. Если успеете, поднимите его на случай нападения. Это затруднит врагу доступ к дому. Однако при штурме стены можно проломить. Я считаю, они все же чересчур низки, но не верю, что валлийцы способны собрать достаточно большое войско. Если примете все возможные меры предосторожности, вам ничто не грозит. Никогда не забывай об опасности, малышка.

– А если наших людей застигнут на открытой местности? – встревожилась Эльф.

– В таком случае им придется спасаться самим, и помощи беднякам Бог! – вздохнул Ранульф. – Безопасность всего Эшлина зависит от твоих решений, малышка. Командовать людьми будет Фулк, но ты здесь хозяйка, и твое слово закон.

– Не хочу казаться капризным ребенком, но такая ответственность тяготит меня.

– Если меня убьют в бою, тебе придется сохранить поместье для Симона, Элинора, как в свое время сделала твоя мать. Мне говорили, что она была доброй и нежной женщиной, но у нее хватило сил бороться за наследство сына в отличие от моей матери, позволившей ее второму мужу украсть мои земли.

Он ободряюще обнял ее за плечи, и Эльф вдруг ощутила, как перетекает в нее его отвага.

– Прости мое нытье, – тихо вымолвила она. – Я исполню свой долг.

– Знаю, – отозвался Ранульф. – Пусть стража день и ночь охраняет стены. Передай пастухам, что, если нагрянут валлийцы, они должны взять собак и скрыться в зарослях. Пастухи бессильны перед вооруженными разбойниками и не смогут помешать угону овец. Скот можно купить. Жизнь ничем не восполнишь. Мне нужны верные люди.

– Ты пришлешь гонца с известием о возвращении?

– Вряд ли, поскольку миссия моя секретная. Однако попытаюсь, малышка. Как только услышишь о смерти короля Стефана, знай, что я на пути домой, – объяснил Ранульф. – Тогда

королева вместе с сыном приедут в Англию.

Эльф собрала вещи мужа, которые и нагрузила на мула. Две нарядные туники и две повседневные. Она сама сшила несколько камиз из тонкого полотна, уложила шоссы, нижние туники, красивое сюрко, чтобы носить поверх кольчуги при дворе, дорогой пояс, украшенный гранатами и жемчугами, и пару подбитых мехом перчаток, а также легкий шерстяной плащ, опушенный рысью.

- Уж не знаю, хватит ли этого, - волновалась она.

- Наверняка, - рассмеялся Ранульф. - Ведь я всего-навсего простой рыцарь, и мне ни к чему привлекать излишнее внимание, малышка. Я должен выглядеть простым английским воробушком среди ярких павлинов-придворных. Кроме того, мул понесет еще и доспехи. Меня могут пригласить участвовать в турнире.

Эльф побледнела.

- А что, если тебя ранят?! - охнула она. - И кто будет стирать твою одежду, если тебе придется побыть в Нормандии больше месяца?! Герцог Генрих подумал об этом, когда давал тебе поручение? Нет! Конечно, нет! Привык командовать, не заботясь о безопасности и благоденствии подданных!

Ранульф восхищенно покачал головой. Он в жизни не видел Элинор в таком бешенстве!

- Стирать одежду - обязанность оруженосца, - пояснил он и шутливо добавил:

- Пэкс пообещал заботиться обо мне не хуже жены.

Эльф презрительно фыркнула.

Солнце только взошло, мул уже был навьючен. Пэкс в сотый раз поблагодарил дядю за то, что порекомендовал его на должность оруженосца, поцеловал свою гордую мать и вскочил на коня. Ранульф невольно улыбнулся, видя волнение молодого человека. Он знал, что Пэкс никогда не выезжал раньше из Эшлина и с нетерпением ожидает великих приключений.

Эльф изо всех сил сдерживала слезы. Она не станет ныть, не выкажет слабости!.. В конце концов, Ранульф не на войну идет!

- Я буду молиться за твое благополучное и скорое возвращение, господин мой, - тихо обронила она, - и за то, чтобы никакие опасности тебя не коснулись.

- Чем раньше я уеду, тем быстрее вернусь, малышка, - пообещал он и, сжав жену в объятиях, нежно расцеловал.

- Береги Симона и Эшлин, жена, - наказал он на прощание.

- Обязательно, Ранульф, - поклялась она. Не мелькнуло ли в его взгляде что-то новое? Последнее время она заподозрила, что, вероятно, любовь - не столь уж незнакомое для него чувство. Если бы только она могла свободно открыть душу!

Эльф неотрывно следила за мужем, уже успевшим сесть на боевого коня. Он нагнулся и, подняв ее, поцеловал в последний раз. Эльф задохнулась от счастья.

- Прощай, малышка, - прошептал он, ставя ее на землю. Черт побери, ее ответный взгляд

более чем красноречив! Неужели это возможно? Неужели она отвечает на его чувства? Смеет ли он надеяться?

Ранульф вздохнул и пустил лошадь шагом. Откровенный разговор подождет до его возвращения, Кроме того, он должен быть твердо уверен в том, какое место занимает в ее жизни. Если она любит его, он желает услышать это из ее уст. Ему нужна не жалость, а любовь Элинора.

Эльф смотрела вслед мужу и его оруженосцу, пока они не исчезли вдаль, и, печально покачав головой, вернулась к своим повседневным обязанностям. Необходимо немедленно поговорить с Фулком, Джоном и Седриком. В следующем месяце начнется жатва, поля нужно вспахать и засадить озимыми. И если все хотят получить новую зимнюю одежду, пора стричь овец, ткать сукно, а все излишки шерсти продать на летней ярмарке. Так что дел по горло!

А тем временем на опушке леса, граничившего с Эшлином, скрывался за кустом Мэри Ап-Оуэн. Он не доверил своим людям разведать обстановку в небольшом поместье, предназначенном стать целью следующего набега. Он всегда шел сам на такие опасные дела, и в этом крылся секрет его удачливости.

Присмотревшись, он заметил, что стены, окружающие Эшлин, куда выше, чем рассказывала Айлин. Неужели солгала? Несла чушь? Или новый владелец надстроил ограду? Скорее всего последнее, ибо при всех своих пороках Айлин не глупа и довольно наблюдательна. Нужно подобраться ближе. Айлин утверждала, что ров мелок, но вполне возможно, его успели углубить.

Он вышел из леса и направился по узкой тропе, ведущей к воротам. Сегодня валлиец был одет просто, в зеленое с коричневым, чтобы легче было раствориться среди листвы. На спине он нес оселок. Он часто прибегал к такой маскировке. В любом поместье найдутся тупые ножи, хотя там наверняка имеется свой оселок. Все же в подобном виде Мэри не возбудит подозрений и легко найдет ночлег в любом месте. Это наилучший способ-вес хорошенько осмотреть. Слуги, особенно женщины после ночи любовных утех, обычно склонны сплетничать.

Мэри Ап-Оуэн растянул губы в волчьей ухмылке.

Как он и ожидал, его охотно впустили в Эшлин. Валлиец сразу определил, что ров действительно углубили, а узкую земляную насыпь срыли, и ее место занял подъемный мост из толстых дубовых бревен. Изнутри по всем стенам шел деревянный помост, где день и ночь дежурили часовые. Мэри не ожидал, что в Эшлине так много вооруженных людей, да к тому же, по всей видимости, хорошо обученных. Да, Эшлин – орешек куда тверже, чем он предполагал. Придется хорошенько поразмыслить, как прорвать оборону. Но стоит ли результат такого риска?

Вечером, сидя в зале. Мэри тщательно взвешивал все «за» и «против». Овцы и скот пасутся за оградой и, похоже, являются самой большой ценностью в поместье. Животных можно угнать без всякой опасности для жизни. Хотя дом кажется уютным и хорошо прибран, валлиец не заметил ни серебра, ни богатой утвари, ради которой стоило бы идти на штурм. Айлин движет неумная жажда мести, но даже страсть к извращенным забавам не затмит в Мэрине здравого смысла.

Хозяйка поместья, похоже, вышла замуж удачно, за хорошего человека. Это видно сразу по царящему здесь порядку и мерам предосторожности, принятым хозяином против нежеланного вторжения. Он сам на месте де Гланвиля сделал бы то же самое. Однако, судя по разговорам,

хозяин сейчас в отлучке. Пожалуй, самое время украсть скот.

Взгляд Мэрина Ап-Оуэна обратился к жене лорда. Айлин называла ее маленькой монашкой, но Мэри посчитал самым прекрасным созданием на свете. Красновато-золотистые аккуратно заплетенные волосы скромно прикрыты вуалью.

Глаза валлийца оценивающе прищурились. Судя по тому, как слуги стараются угодить даме, она любима и почитаема. Неужели он впервые в жизни столкнулся с действительно порядочной женщиной? Мэри в жизни не подумал бы, что подобные еще существуют. Но при этом невольно гадал: а каковы так называемые порядочные женщины в постели? Так же безусловно элегантно и холодно-спокойны, как днем? Или сгорают от страсти и плаваются в объятиях мужа. К сожалению, вряд ли ему удастся узнать это наверняка!

Мэрину Ап-Оуэну постелили у очага и утром накормили хлебом с сыром. Поскольку никто не нуждался здесь в его услугах, он покинул Эшлин и направился через холмы в Гвинфр. Прибыв в свой небольшой замок, он пошел в покои Айлин.

- Значит, ты вернулся, господин! - приветствовала она с порога. Сегодня Айлин была в синем шелковом наряде в тон глазам и распустила по плечам золотистые волосы.

- Ложись и подними юбки, - скомандовал он вместо ответа. - Мне не доставало твоего горячего и на все готового, алчного лона, Айлин. Когда ублажишь меня, тогда и поговорим, прелестная шлюха!

Он бросился сверху и безжалостно вонзился в нее. Но Айлин оставалась довольно равнодушной, хотя и притворялась, что разделяет его страсть. Мэри понял, что во время его отсутствия она, должно быть, перепробовала всех мужчин замка, но ни слова не сказал. Пусть воображает, будто способна одурачить его! И хотя ему импонировала ее абсолютная распущенность, в глубине души Мэри сознавал, что рано или поздно отошлет ее назад, к Клауду, и, уж во всяком случае, не позволит безнаказанно наставлять себе рога. Да и нельзя, чтобы его люди считали своего предводителя ничтожным слабаком, легко выпустившим из рук бразды правления!

Излившись в Айлин, Мэри встал и оправил одежду.

- Вставай! Теперь мы потолкуем.

- Ты нападешь на Эшлин? - взволнованно спросила она.

- Много там изменилось со времени твоего отъезда.

Поместье хорошо укреплено. Мы угоним скот и овец, но в доме нет таких ценностей, ради которых стоило бы рисковать жизнями моих людей.

- Что?! - взвизгнула она. - Разве я не объяснила тебе, что желаю смерти Элино де Монфор? Мне нужна ее жизнь, на меньшее я не согласна, ибо она разрушила все мои замыслы! Желаю, чтобы монашка страдала так же, как в свое время я! Пусть ее поимеет каждый солдат твоего гарнизона! Если любишь меня, значит, сделаешь это! Мэри Ап-Оуэн рассмеялся.

- Но я вовсе не люблю тебя, Айлин, - бросил он. - С чего ты это взяла? Только потому, что я поселил тебя в замке для своего развлечения? Ты опасна, как бешеная собака, красавица моя. И позволь мне самому выбирать, на кого и когда напасть. В Эшлине меня интересуют лишь скот и овцы, а остальное не стоит внимания. Муж леди Элино де Монфор сейчас уехал, следовательно,

самое время напасть на пастухов.

- Глупец! – завопила она, принимаясь колотить его кулаками в грудь. – Тупоголовый валлийский болван! Неужели не видишь, что именно дороже всего для хозяина поместья?

Мэрии поймал ее запястья и грубо вывернул.

- Что? – прошипел он, ударив ее наотмашь. – Чего именно я не вижу? О чем ты, Айлин?

Он хорошенько встряхнул разъяренную женщину.

- Элиноор! – выкрикнула та. – Отпусти меня, животное, мне больно! – Она принялась растирать руки. – Разве за даму не дадут выкупа, Мэрин Ап-Оуэн? Ну за сколько можно продать скот? Жалкие гроши! Ведь все знают, что он краденый! Оставь это глупое занятие и готовься похитить госпожу Эшлина. Ее мужу придется продать все, чтобы заплатить выкуп, который ты запросишь! А ты получишь прибыль вдвое большую! Разве это не идеальный план по сравнению с твоим?

- Верно, – поразмыслив, согласился он. – Но не думай, что я не понимаю, чего ты добиваешься, Айлин. Хочешь жестоко отомстить Элиноор, пока она будет под моим кровом. Однако я не позволю тебе и волоска на ее голове тронуть! Если леди Элиноор причинят зло, я потеряю не только золото, но и жизнь, ибо разъяренный муж не пощадит никого. Ты ведь не хочешь этого, Айлин? – Мэрин ехидно ухмыльнулся. – Кажется, ты просила любить тебя, верно? Что же, если твоя голова и дальше будет так работать, может, твоя мечта и сбудется.

Он схватил ее в объятия и принялся целовать.

Айлин сунула руку ему в шоссы и стала тискать мужскую плоть, пока она снова не отвердела, а потом потянула Мэрина к кровати, сбросила платье и, взяв в ладони свои большие груди, кокетливо приподняла, словно предлагая любовнику. Дала Мэрину вдоволь налюбоваться, подтолкнула на постель, встала над ним и широко расставила ноги, давая ему вдохнуть мускусный запах своего разгоряченного лона. Темные соски нависли над его губами. Мэрии попытался лизнуть их, но Айлин увернулась.

- Сука! – прорычал он и, схватив ее за щиколотки, повалил на спину. Не успела Айлин опомниться, как напряженный меч вошел в ее ножны. – Сука, – повторил он, когда она попыталась сбросить его. Но Айлин в ответ обхватила его руками и ногами и вонзила зубы в плечо, укусив до крови.

- Теперь я заразила тебя бешенством! – рассмеялась она.

Он отвесил ей несколько пощечин, но без особого пыла.

- Ты умна, но не считай себя незаменимой, моя прелестная шлюха. В один прекрасный день я могу прикончить тебя.

- Если я не убью тебя раньше! – выпалила Айлин и усмехнулась при виде его изумленного лица.

Он снова врезался в нее, грубо, жестоко, не давая разрядки и освобождения, пока она не начала сыпать ругательствами. Наконец он все же подарил ей наслаждение, издевательски бросив при этом:

- Ты всего лишь женщина, Айлин, и к тому же слабая! - И, засмеявшись, поднялся. - Помни это, хорошенькая сучка! А я пока поразмыслю над тем, что ты предложила.

Он привел одежду в порядок и вышел, не слушая ее проклятий.

Сидя в своей спальне, он подумал, что Айлин становится весьма надоедливой. Она обладает той же ненасытной похотью, что и он, и нужно признать, что удовлетворяет его, как ни одна из женщин. Однако доверять ей ни в коем случае нельзя. Айлин стремится к богатству и независимости. Возможно, он поможет ей достичь и того и другого при условии, что она будет вести себя с ним тише воды ниже травы. Лучше иметь ее в союзниках, чем во врагах.

И она права, предложив похитить леди Элино́р. Мэри действительно получит немалую выгоду, запросив выкуп с мужа дамы. Но как уберечь пленницу от этой необузданной злобной ведьмы, его шлюхи? Мертвая или искалеченная женщина бесполезна. За нее денег не получишь! Кроме того, ненависть Айлин к Элино́р де Монфор совершенно неоправданна. Сама Айлин рассказывала, как уговорила мужа отослать маленькую девочку в монастырь. Женщины встретились уже перед самой смертью Ричарда де Монфора, когда тот послал за сестрой.

Сообщник Айлин, ее кузен Саэр де Бад, очевидно, человек не только безнравственный, но и крайне глупый. Нужно же так неудачно выбрать время и место, чтобы попытаться обесчестить девушку! Насколько мудрее было бы явиться ночью и взять на помощь Айлин! Это он виноват в том, что план кузины провалился. Вряд ли можно осуждать Элино́р за попытку защититься от нежеланных знаков внимания со стороны де Бада. И крепостной благородно поступил, бросившись на крики хозяйки.

Жалобы Айлин на Элино́р не имеют ни малейшего основания. Видимо, она сгорает от ревности к бывшей золовке. Да, в этом все дело. Леди Элино́р не менее прекрасна, чем Айлин де Варенн, и, в противоположность последней, уважаема и любима всей округой. Айлин же, по-видимому, ненавидели и боялись. Поэтому она и не выносит леди де Гланвиль. Айлин ничем не изменишь. Она по-прежнему будет добиваться своей цели всеми способами, включая самые подлые.

Так как же уберечь заложницу от этой твари? Если решить эту проблему, можно тогда и подумать, как осуществить похищение. Леди Элино́р не стоит того, чтобы его люди сложили за нее головы, так что прямая атака на Эшлин исключена, хотя, если проломить стены, попасть в дом будет легче легкого. А не проще ли выманить жертву за ограду?

Мэри Ап-Оуэн налил себе терпкого дорогого вина, запас которого держал в своих покоях, и снова сел у огня, чтобы как следует все продумать. Леди обожает монахинь, которые ее вырастили. Может, если напасть на монастырь, она немедленно бросится на помощь? Кто знает? Скорее всего тот опытный воин, начальник стражи, вряд ли позволит хозяйке покинуть поместье и отправит в монастырь своих людей. Однако такая внезапная атака послужит прекрасным отвлекающим ударом.

Мэри Ап-Оуэн медленно погладил подбородок. Если внедрить в Эшлин лазутчика, который мог бы усыпить привратника, часовых, челядь и открыть ворота его отряду... Идеальный план. Но кого без всякой опаски примут в поместье? Кто окажется вне подозрений? Ему необходимо беспомощное создание, которое можно запугать и чья верность беспредельна. Кто?

И тут веселая улыбка озарила его красивое лицо. Нашел!

Служанка Айлин. Племянница Клауда. Арвид!

Арвид далеко не глупа. Сумела же она вырваться из борделя дядюшки, где была всего лишь

немногим лучше невольницы. Айлин никогда не жаловалась на нее, следовательно, Арвид умела угодить и своей капризной госпоже. Сумеет ли она сослужить службу хозяину? Ну разумеется, иначе он собственными руками ее придушит! Ему не нужны непокорные слуги. Кстати, неплохо бы узнать, кто ублажал Айлин за время его отсутствия. Он предупреждал мужчин, что Айлин – его собственность, его, и более ничья, но, очевидно, кто-то поддался неотразимым чарам шлюхи. И теперь болван умрет за то, что осмелился послушаться господина. Он ничего не скажет Айлин, но та поймет и, что всего важнее, его люди тоже. Поймут и учтут. Никто больше не осмелится и на пять шагов приблизиться к Айлин без разрешения Мэрина.

Он мрачно усмехнулся, соображая, какую историю сочинить, чтобы Арвид приняли в Эшлине. Пусть скажет, что она беглая рабыня, чей хозяин пытался продать ее в бордель, или что-нибудь такое же душещипательное. Этим девка наверняка заслужит участие мягкосердечной леди Элинор.

Мэрии весело хмыкнул. Арвид прекрасно выполнит поручение. Придется только придумать, какой сигнал она подаст, когда настанет нужное время, но это подождет.

Глава 14

Пэкс из Эшлина не мог надивиться на окружающий мир. Сколько всего он расскажет Вилле! Они покинули дом и ехали целую неделю, прежде чем добрались до моря. Оказалось, что Англия – довольно большая страна. Наконец они остановились в городе, который хозяин назвал Портсмут, и стали искать корабль, отходивший в Барфлер. Пэкс никогда не был в таком оживленном месте, как Портсмут, и то и дело морщил нос, не привыкший к запаху соли. И говорили здесь совсем на другом наречии, чем в Эшлине, так что приходилось внимательно прислушиваться к каждому слову. Зато его норманнский значительно улучшился, поскольку хозяин целыми днями разговаривал только на нем.

- Запомни, – предупреждал Ранульф, – притворяйся, что понимаешь лишь самые простые фразы. Пусть окружающие не опасаются откровенничать при тебе, а ты старайся собрать как можно больше сведений.

- Обязательно, господин, – кивнул Пэкс.

- Пока ты держался молодцом, – похвалил Ранульф, и Пэкс расплылся в довольной улыбке, ибо действительно хотел показать себя и оказаться достойным руки Виллы. Если господин останется довольным его службой, наверняка разрешит ему жениться на девушке.

Они переплыли пролив в теплый летний день. Море было спокойным, солнце – жарким, ветер – попутным.

- Повезло нам, – заметил Ранульф, когда они на следующий день причалили в нормандском порту Барфлер. – Переправились быстро и без труда. Будем считать это хорошим знаком.

- Переночуем в Руане, господин? – поинтересовался Пэкс.

- Нет. Доберемся туда только завтра утром, а может быть, и к ночи. Все зависит от дорог и погоды. Они свели с корабля лошадей и мулов.

- Давай найдем рынок, Пэкс, – предложил Ранульф. – Нужно купить еды, поскольку я не знаю, сумеем ли мы отыскать безопасное место, где провести ночь. Вполне возможно, мы окажемся в глуши, вдалеке от постоянного двора или аббатства.

Он вскочил на коня и предупредил:

- Перед отъездом из города нужно бы напоить лошадей.

- Хорошо, господин, я все сделаю, - кивнул Пэкс. Но сначала они наткнулись на рынок, и Ранульф купил два караваев хлеба, небольшой круг сыра, толстую колбасу, несколько персиков и тяжелый мех с вином, которое прежде попробовал, чтобы убедиться, что оно не прокисло.

- Ты англичанин? - спросил виноторговец.

- Да, - признался Ранульф. - Я всего лишь скромный рыцарь и приехал принести клятву вассала герцогу Генриху, ибо наш король тяжело болен.

- Уж это точно, - согласился торговец. - Лучше до, чем после. Ты мудр, господин мой, и, очевидно, заботишься о своей семье. Герцог Генрих - человек великодушный, а герцогиня Алиенор - самая прекрасная и совершенная из женщин. Я как-то видел ее, когда навещал свою сестру в Руане. Прости за дерзкие слова, но она великолепна.

Ранульф поблагодарил торговца за учтивость и спросил дорогу к общественному колодцу. Они напоили коней и поскакали по дороге в Руан. По мере того как сгущались сумерки, становилось все яснее, как своевременны были его приготовления. Кругом не было видно ни монастыря, ни постоянного двора, где можно было преклонить головы. Услышав шум воды неподалеку от дороги, Ранульф направил туда коня и приказал остановиться на ночлег.

- Не стоит зажигать огонь, чтобы не привлечь разбойников, - заметил он Пэксу. - Поедим в темноте. Воды много, и кони могут попасться.

- Но не нападут ли на нас дикие звери? - испугался Пэкс.

- Скорее уж двуногие животные, если мы приманим их костром, парень, - улыбнулся Ранульф, спешиваясь. - Посмотри, вон там пасутся коровы. Вряд ли бы их оставили на ночь, водись здесь волки. Давай лучше поедем и хорошенько отдохнем. Я не спал почти всю ночь на палубе корабля, боясь, что кто-нибудь вздумает перерезать нам глотки за лошадей и мула. - И весело хмыкнул, заметив, как побледнел его оруженосец. - Здесь никому нельзя доверять, - тихо заметил он. - Кроме меня, разумеется.

Они стреножили лошадей и оставили их мирно пастись. Молодой оруженосец бережно отрезал по два больших ломтя хлеба и сыра, разломил колбасу и вручил хозяину его порцию. Они поели, передавая из рук в руки мех с вином, и решили оставить персики на завтра. День был долгим, и оба устали. Становилось все темнее. Лежа на спине и глядя в небо, Пэкс думал, что даже звезды здесь другие. На небо выплыл тонкий полумесяц, освещающий лес слабым светом.

Но мужчины уже крепко заснули.

Ранульф пробудился от пения птиц. Открыв глаза, он увидел, что линия горизонта посветлела. Поднявшись, он отошел, чтобы облегчиться, и разбудил оруженосца.

- Вставай, парень, уже почти рассветло. Поедем, и в путь. Уж лучше провести следующую ночь в Руане, чем в чистом поле. Мои кости стары и не выносят сырости.

Пэкс, зевая, вскочил.

- Простите, господин, за то, что проспал.

- Пойди помочись, и позавтракаем, - велел Ранульф. Они оставили немного хлеба с колбасой и персики на обед, доели сыр и допили вино, сразу их согревшее. Утро выдалось сыроватым, но день обещал быть жарким. Поев, они напоили лошадей, оседлали и пустились в дорогу. Вокруг расстилалась долина в окружении невысоких холмов. Дорога проходила по берегу Сены. К вечеру впереди показались городские башни. Рыцарь с оруженосцем перебрались через горбатый каменный мост с тринадцатью огромными сводами по всей ширине реки.

- Руан город древний и считался столицей провинции во времена правления римлян, - объяснил Ранульф Пэксу.

Тот кивнул, хотя понятия не имел о том, кто такие римляне, и не стал расспрашивать, боясь показаться невеждой. Ранульф добавил, что Нормандия тогда была частью провинции, называемой Галль. Даже Англия была когда-то римской провинцией, Британией. Пэкс снова кивнул, но при этом не переставал с любопытством озираться, жадно всматриваясь в узкие улочки, застроенные высокими, наполовину деревянными домами, в четыре-пять этажей. Вилла просто не поверит, что на свете существуют такие красивые здания!

- Нужно найти место для ночлега, и как можно ближе к замку, - велел Ранульф.

- Разве мы будем жить не в замке? - удивился оруженосец.

- Только если нас пригласят. Помни, я здесь всего лишь для того, чтобы засвидетельствовать почтение герцогу Генриху, нашему будущему монарху. Куда более знатные лорды, чем я, спят по двое-трое в одной комнате да еще вместе со слугами. Может, я сумею выпросить место в конюшне. Все зависит от величины герцогской свиты. Ладно, едем сначала в замок, Пэкс. Боюсь, пребывание на постоялом дворе окончательно истощит наш и без того не слишком тяжелый кошелек.

Он не сказал оруженосцу правды о цели своего приезда в Нормандию. Парень еще совсем зеленый, и Ранульф не знал, может ли полагаться на его благоразумие и осмотрительность.

Найти замок сиятельной Матильды оказалось легко. Он был самым большим строением в Руане с донжоном и огромным залом. Всадники пересекли подъемный мост и оказались в шумном, забитом людьми и конями дворе. Ранульф поискал глазами конюшни и направился туда в сопровождении Пэкса. Приблизившись к главному конюшему, де Гланвиль смиренно попросил приюта:

- Я сэра Ранульф де Гланвиль, хозяин Эшлина. Приехал из Англии принести герцогу клятву вассала. Не найдется ли, господин, местечка на сеновале для меня и моего оруженосца?

Конюший долго изучал вновь прибывших. Одежда добротная, хотя немного запылилась в дороге. Лошади крепкие.

- Вы знаете здесь кого-нибудь? - строго осведомился он.

- Сэра Гаррика Талиферро, одного из рыцарей герцога Генриха. Он охотно удостоверит, что я тот, за кого себя выдаю.

- Надеюсь, вы понимаете, что я должен увериться в правдивости ваших слов, господин. Последнее время сюда каждый день прибывают все новые английские лорды со своими людьми, чтобы заключить мир с герцогом. В замке ужасно тесно.

- Разумеется, - вежливо кивнул Ранульф.

- Сейчас пошлю кого-нибудь за сэром Гарриком, который знаком и мне. Если он поручится за вас, я дам вам и вашему оруженосцу убежище, насколько пожелаете.

- Я человек неприхотливый и буду благодарен за любое пристанище, - обрадовался Ранульф.

- Эй, паж! - окликнул конюший пробежавшего мальчишку и, схватив его за шиворот, наказал:

- Беги к сэру Гаррику Талиферро и скажи, что конюший Конан просит разрешения с ним поговорить. - И легким подзатыльником отослал парня.

Днем они так и не сделали привала, и сейчас животы окончательно подвело. Ранульф велел Пэксу достать оставшиеся припасы, и мужчины уселись на скамью у дверей конюшни, запивая каждый кусок пиши вином. День перетек в вечер, становилось темно. Наконец в сумерках появилась тень. Это явился сэр Гаррик.

- Ранульф! Что ты делаешь в Руане? И как там мой крестник? - выпалил он, протягивая руку.

Ранульф поднялся и сжал ладонь приятеля.

- Решил, что пора выразить свое почтение герцогу Генриху, и с одобрения своей женушки тронулся в путь. Симон здоров и счастлив.

- Как Стефан?

- Угасает, но еще жив. Кстати, если сумеешь убедить мастера Конана, что мы люди смирные, он поселит нас на конюшне. Ну как? Попробуешь?

- С удовольствием. В замке яблоку негде упасть, ибо на днях прибыла герцогиня со всем своим двором навестить свекровь. Пойдем, я отведу вас в парадный зал. Как раз подали ужин, правда, не такой разнообразный, как обед, поскольку сиятельная Матильда - особа прижимистая и не слишком гостеприимна, но довольно сытный, - усмехнулся Гаррик и, обернувшись к конюшему, объявил:

- Герцог одобрит, если вы дадите этим людям и их коням пусть и скромный, но приют.

- По рукам, господин мой, - кивнул конюший. - Сейчас покажу, где будете спать, сэр де Гланвиль. И животных берите.

Он повел их в самую глубину здания и, остановившись в дальнем конце, показал на пустые стойла, забитые свежим сеном:

- Оставьте коней здесь, господин, а сами можете занять одно стойло на двоих. Здесь вас никто не потревожит. Только пусть ваш оруженосец сам позаботится о лошадях и муле.

- Спасибо, мастер Конан, - поблагодарил Ранульф, сунув в руку конюшего небольшую серебряную монетку. Тот кивнул и отошел.

- У меня еще довольно еды, - заметил Пэкс. - Я расседлаю и накормлю коней. А вы идите в зал.

- Уверен?

- Да, господин.

Ранульф вместе с сэром Гарриком направился в парадный зал Руанского замка, где только что

начался ужин. Они отыскиали места за дальним концом одного из раскладных столов. Слуги подали корки караваев с вынутым мякишем, по одной на двоих гостей. Сэр Гаррик разрезал корку и протянул половину Ранульф. Оловянные чаши были полны довольно сносного вина. На стол водрузили небольшой круг сыра. Из рук в руки передавали большое блюдо с жареной крольчатинной. Наколов кусок на острие кинжала, Ранульф положил его на корку, отрезал солидный ломоть сыра и принялся есть.

Утолив голод, Ранульф огляделся. Здесь в основном сидели рыцари со своими оруженосцами, хотя у самого высокого стола расположились прелестные женщины. За высоким столом находился герцог Генрих, по правую руку сидела его мать, могущественная Матильда, по левую – жена, Алиенор Аквитанская. Ранульф как-то уже видел властительницу и сейчас нашел, что хотя она и постарела, но не слишком изменилась. По-прежнему высокомерна и презрительно взирает на окружающих. Видно, так и не забыла своего царственного происхождения. Недаром она была дочерью короля Генриха I и его жены, дочери шотландского короля Малколма. Мать Матильды происходила из рода последних саксонских королей. Так что Матильда могла по праву хвалиться своей голубой кровью. Мало нашлось бы людей, равных ей по благородству рода.

Молодая герцогиня показалась Ранульфу прекраснейшей из всех женщин мира. Его Элинор, бесспорно, была красавицей, но куда ей до Алиенор Аквитанской! Волосы – чистое золото, а глаза – драгоценные сапфиры! И черты лица безупречны: белоснежная кожа, прямой носик и пухлые губки, на которых так легко появлялась улыбка.

– Смотри не влюбись, – тихо предупредил Гаррик. – Здесь таких немало. Она наслаждается вниманием мужчин, но остается верной мужу.

– Как и подобает замужней женщине, – возразил Ранульф, несколько шокированный словами спутника.

– Не слышал сплетни о ее трубадурах?

– Нет. Какие именно? – полюбопытствовал Ранульф.

– Двор герцогини – самый веселый и изысканный на свете, – начал Талиферро. – Герцогиня любит музыку, литературу, поэзию и сочинителей. Недаром ее двор называется Двором любви. В обычае трубадуров выбрать благородную даму, замужнюю, разумеется, ибо она должна быть поистине недосыгаемой, влюбиться в нее и посвящать грустные стихи и песни о несчастной любви.

– А что должна делать эта самая недосыгаемая дама? – развеселился Ранульф.

– То дарит трубадура вниманием, то отталкивает и обливает холодом.

– На мой взгляд, подобные повадки не только странны, но и смехотворны, – пожал плечами Ранульф. – Какое право имеют эти шуты выбирать целомудренную женщину и делать ее объектом своих неразделенных желаний?

Гаррик Талиферро от души расхохотался:

– Ты слишком земной человек, друг мой. Дамы обожают подобные вещи, а мужья считают, что им оказана высокая честь, ибо трубадуры достаивают своим вниманием только самых прекрасных особ женского пола. Тут нет ничего плохого, хотя в случае с молодой герцогиней многие уверены, что эти трубадуры – ее любовники. Но это, разумеется, не так. Герцогиня

слишком умна и благородна, чтобы решиться на подобное. И кроме того, обожает герцога.

- Я и близко не подпустил бы такую шваль к Элинон, - мрачно заметил Ранульф. - Им не место в нашем скромном поместье. - И, сочтя за лучшее сменить тему, спросил:

- Когда, по-твоему, я могу представиться герцогу Генриху? Не хотелось бы надолго оставлять жену и сына. В этом году набеги валлийцев участились. Я надстроил стены, но все же на душе беспокойно.

- При первой же возможности поговорю с герцогом, - пообещал приятель. - А пока надеюсь, что ты присоединишься к остальным рыцарям, поохотишься с нами и примешь участие в турнире.

- Хорошо, - кивнул Ранульф. - Я достаточно времени провел при дворе и знаю, что быстро тут дела не делаются. Говорят, правда, что Стефан долго не протянет, так что я надеюсь оказаться дома еще до Рождества. Осталось лишь молиться, чтобы валлийцы держались подальше от ворот поместья.

- В крайнем случае потеряешь скот, вот и все, - успокоил Гаррик. - А теперь расскажи о моем крестнике.

- До чего ушлый парнишка! - восторженно воскликнул Ранульф. - Клянусь, он узнает мой голос и, стоит мне войти в комнату, поворачивает головку. Правда, жена утверждает, что я все это придумал.

- Думаю, и мне пришла пора жениться, - заметил сэр Гаррик. - У меня небольшие владения к западу от Лондона. Там живет моя мать, которая вечно донимает меня требованиями обзавестись невестой. Возможно, когда Генрих станет королем, я попрошу его найти здоровую молодую девушку, которая подарит мне наследников. Мужчине нужны сыновья. У короля уже есть один, и говорят, герцогиня снова носит младенца.

- Вот еще одна причина, по которой мне не терпится оказаться дома, - поддакнул Ранульф. - Мы с Элинон хотим иметь много детей, но пока я в Нормандии, а она в Эшлине, получается, что с этим нам придется подождать.

Вечер прошел на редкость приятно. Гостей развлекали приглашенные жонглеры, а очередной любимец трубадур герцогини, стройный молодой человек с темными локонами и янтарными глазами с поволокой, спел печальную песню о неразделенной любви к прекраснейшему цветку Аквитании. Ранульф был вынужден признать, что мелодия поистине сладостна, хотя слова сочинены настоящим слюнтяем. Мужчины за его столом принялись играть в кости, и Ранульф, не имея денег, был вынужден подняться.

Он вернулся в конюшню и вошел в большое просторное стойло, которое Пэкс успел сделать довольно уютным. Лошади расседланы, тюки с мула сняты. Животные напоены, накормлены и вычищены. Седла разложены на широком барьере между стойлами. Доспехи красуются в углу, на небольшом сундучке. Пэкс принес еще соломы и накрыл ее плащами, устроив мягкие постели.

- Придется вам умыться в конских яслях, господин, - сказал он Ранульфу.

- Утром, - отмахнулся тот и лег.

Следующие несколько недель прошли на удивление быстро. Они ели в парадном зале,

охотились с герцогом и его придворными, участвовали в турнирах, и Ранульф даже приобрел некоторую известность как непобедимый боец, которого никто еще не смог выбить из седла. Когда он в один прекрасный день одолел витязя самой сиятельной Матильды, герцог наградил его лавровым венком победителя, который Ранульф немедленно передал Матильде с грациозным поклоном.

- Кто это? - поинтересовалась герцогиня у своей придворной дамы.

- Не знаю, госпожа. Вряд ли кто-то знатный, - пожала та плечами.

Алиенор Аквитанская задумчиво улыбнулась:

- Может, и так, Адела, но он умен и обладает изысканными манерами. Кто он. Генри?

- Ранульф из Эшлина, - ответил ее муж. - Приехал принести мне клятву вассала. Пожалуй, сейчас самое время. - Он знаком подозвал рыцаря. - Приветствуем тебя в Нормандии, сэр Ранульф!

Ранульф упал на колени перед герцогом и, вложив в его руки свои, принес обет верности.

- Поднимись, сэр Ранульф, - велел герцог. - Мы рады честным слугам, таким, как ты. Твоя искренность и преданность королю Стефану не остались незамеченными.

- Я готов защищать вас ценой собственной жизни, мой господин! - воскликнул Ранульф.

- Я твердо в это верю, - торжественно объявил герцог, - и желаю представить тебе будущую королеву герцогиню Алиенор.

Ранульф низко склонился перед пленительной женщиной, оказавшейся вблизи еще краше.

- Госпожа, могу ли я принести и вам клятву вассала? - спросил он.

- Благодарим тебя, сэр Ранульф, - сладостным, мелодичным голоском пропела герцогиня. - Мы заметили, что никто не сумел взять над тобой верх. Сразу видно истинного рыцаря.

- Мне просто повезло, госпожа, - скромно ответил Ранульф, отступая.

- Мы приглашаем тебя немного погостить у нас, сэр Ранульф, - вставил герцог. - Если, разумеется, ты не нужен дома.

- Большая честь для меня, мой господин, - пробормотал Ранульф. - И хотя валлийцы снова тревожат нас, Эшлин в надежных руках и хорошо укреплен.

- Ты выстроил замок? - грозно спросил герцог, сведя брови.

- Нет, мой господин. Без разрешения короля такое невозможно, - поспешно заверил Ранульф, - Но я надстроил стены, чтобы защитить семью и крепостных. Надеюсь, что не оскорбил вас своеволием.

- Нет, - ответствовал немного успокоившийся герцог, умиротворенный таким послушанием. Ах, если бы все английские лорды были столь покорны! К сожалению, это не так. Большинство знатных баронов - алчный, подлый сброд, которыми придется править железной рукой.

- Возвращайся к друзьям, сэр Ранульф, и знай, что мы тобой довольны.

Их взгляды на мгновение встретились, и герцог едва заметно опустил веки в знак того, что все понял. Ранульф снова поклонился царственной чете и сиятельной Матильде и отошел.

- Он и подобные ему все эти годы поддерживали Стефана, - пробурчала претендентка на английский престол, - но он не предаст тебя, Генрих. Простые рыцари обычно благородны и честны. Привлеку на свою сторону как можно больше таких. Они всегда поддержат тебя, а от знатных лордов нечего ждать, кроме интриг и распрей. Где ты познакомился с ним?

- Откуда ты знаешь, что мы уже встречались? Матильда пренебрежительно фыркнула:

- Мои глаза не настолько слабы, чтобы не заметить, как вы переглядывались. Он приехал сюда не зря. Но с какой целью?

- Обещаю все рассказать, матушка, но не сейчас. Тут слишком много народу, - прошептал герцог, и Матильда, кивнув, не стала более допытываться. Она всегда считалась главной советчицей сына, и у них не было секретов друг от друга. Еще мальчиком он учился у нее искусству повелевать, но отчетливо видел также, что причиной падения матери была неудержимая спесь, и поэтому старался быть проще и доступнее, предпочитая прятать крепкий кулак в бархатную перчатку. И добивался этим гораздо большего, чем мать.

Ранульф тем временем вернулся к шатрам, где ждал его оруженосец. Пока Пэкс снимал с него доспехи, явился сэр Гаррик.

- Весьма неглупый поступок с твоей стороны, - заметил он. - Многие рыцари жестоко тебе завидуют.

- Я не хотел никого оскорбить.

- И не оскорбил, - рассмеялся сэр Гаррик. - Мы все восхищаемся тем, что, выбив из седла рыцаря Матильды, ты умудрился предложить награду старой драконше. Молодец!

- Из своего прошлого опыта при дворе я знаю, что самые непримиримые враги - это знатные леди, так что лучше их не злить, - улыбнулся Ранульф. - Герцог узнал меня, когда я клялся ему в верности, и представил герцогине. Она соизволила сказать мне несколько добрых слов. Меня пригласили погостить, и я, разумеется, не смог отказаться.

- Уверен, что твоя жена поймет.

- Да, она лучшая женщина и хозяйка на свете, - согласился Ранульф, хотя втайне тревожился за свою малышку. Руан так далеко от Эшлина. Между ними лежат море и длинный отрезок суши. Не напали ли на них валлийцы? Или, как и в прежние годы, Эшлин оставили в покое? Он не может послать гонца к жене, ведь Эшлин лежит в стороне от оживленных дорог. Никто из придворных, даже рыцарь, возвращающийся в Англию, не согласится туда поехать. Да и богатые торговцы попадали в Эшлин крайне редко, разве что иногда заворачивали какие-нибудь мелкие разносчики с дешевым товаром. Придется положиться на волю Божию.

После турнира, где он победил лучшего рыцаря Матильды, Ранульф понял, что герцогиня Алиенор явно выделяет его из остальных. Вечером того же дня, когда все собрались в зале, она подозвала его к себе и осведомилась;

- Ты поклонник изящных искусств, сэр Ранульф?

- Нет, госпожа, - сухо усмехнулся он, - я всего лишь простой рыцарь. И хоть умею читать и

писать, не силен в стихосложении и употребляю свои знания лишь затем, чтобы вести дела поместья.

- Знаешь ли ты латынь?

- Только церковную, госпожа.

- И никакой поэзии? - вздохнула она, склонив голову набок.

- Нет, госпожа. На что она годится?

Герцогиня рассмеялась:

- Чтобы добиться любви дамы, сэр. Неужели никто из моих женщин не успел тебя очаровать, сэр Ранульф? Если такая есть, ты должен научиться сочинять в ее честь стихи и баллады.

- Я женатый человек, госпожа, - осторожно возразил он, - и приехал в Руан принести мои обеты вашему мужу и предложить свои услуги. И хотя леди, окружающие вас, подобны весенним цветам, все они лишь бледные звезды в сравнении с такой сияющей и ослепительной луной, как вы.

Алиенор Аквитанская улыбнулась, удивленная и польщенная столь галантной речью.

- Думаю, что еще сумею сделать из тебя поэта, сэр Ранульф. Но скажи, чем же ты расположил к себе свою жену?

- Хозяйка Эшлина была выбрана мне в жены самим королем Стефаном. Ее владения находятся вблизи границы с Уэльсом, и королю понадобился верный человек, чтобы защищать рубежи страны. Моя жена с пяти лет воспитывалась в монастыре Святого Фрайдсуайда и должна была вот-вот принять постриг. Но вместо этого вышла замуж.

- Вот как, - понимающе кивнула герцогиня.

- У нас недавно родился сын. Его назвали Симоном в честь моего отца и Хьюбертом, ибо он родился в День святого Хьюберта, - пояснил Ранульф.

- Возможно, когда-нибудь твой сын придет ко двору, чтобы служить моему крошке Уильяму, - ответила герцогиня. Ей нравился этот простой человек и его искренние речи. Ранульф де Гланвиль не из тех, кто таится и держит камень за пазухой. Она снова вернулась к теме искусств:

- Может, ты поешь, сэр Ранульф?

- Пою? - Какой странный вопрос! Мужчины не поют. - Нет, госпожа, не пою.

Одна из дам герцогини наклонилась и что-то прошептала. Алиенор лукаво улыбнулась:

- Леди Элайза желает знать, каким же образом вы можете осчастливить жену, если не поете и не сочиняете стихи?

- Заставляю петь ее, госпожа, - нашелся Ранульф, чем вызвал взрыв общего смеха.

- Вижу, ты остроумен и сообразителен, сэр рыцарь, - усмехнулась герцогиня, весело блеснув си ними глазами. - Значит, есть надежда, что тебя еще можно обратить в нашу веру.

- Я всего лишь откровенен, - поклонился Ранульф.

С этого дня его включили в круг приближенных, хотя люди знатные по-прежнему считали его особой незначительной. Герцогиня доверяла ему присматривать за юными дамами, и он честно исполнял свои обязанности, оберегая их от распутных повес, способных погубить репутацию наивной девы. Ранульф не флиртовал с ними, как на его месте поступили бы другие, ибо понимал, что жестоко обидел бы свою невинную Элинор, узнай она об этом. Девы дали ему прозвище Сэр Дядюшка, чем немало позабавили Гаррика Талиферро.

- Ну и монахом же ты стал! - издевался он.

- Уж лучше быть в глазах жены монахом, чем похотливым развратником, - отмахнулся Ранульф. - Сам знаешь, что Элинор получила монастырское воспитание и во многих вопросах остается прежней чистой девочкой.

- Похоже, ты любишь ее, - догадался Гаррик.

- Да, хотя так и не нашел в себе мужества признаться. Но как только вернусь домой, скажу правду. Элинор давно пора знать все. Просто боялся, что она отвергнет меня, потому что я гораздо старше и был навязан ей самим королем. Все же, прощаясь с Элинор, я подумал, что она немного смягчилась и, возможно, питает ко мне такие же чувства. Больше я не в силах молчать.

- Разумеется, - согласился приятель. - Хотя мне этого не понять, но женщины отчего-то обожают слышать слова «Я тебя люблю».

Прошел август. За ним - сентябрь. В начале октября герцог собрал войско и отправился покорять восставшего вассала Роберта де Ториньи, внезапно отказавшегося платить полагающуюся дань. Ранульфу приказали присоединиться к воинам, осаждавшим замок де Ториньи. Он очень обрадовался, поскольку веселая жизнь при дворе и обязанности опекуна молодых леди порядком ему надоели. Он отчаянно сражался, заслужив наконец уважение тех знатных лордов, которые раньше его не замечали. Все посчитали, что именно такого человека следует иметь на своей стороне и в союзниках.

В самом конце октября прибывший из Англии посланец сообщил, что король Стефан умер двадцать пятого числа в Дуврском замке. Герцог воспринял новости спокойно и продолжал осаду, пока от замка Ториньи не осталось камня на камне, а его хозяин не приполз к повелителю на коленях. Новый король вернулся в Руан отпраздновать восхождение на трон вместе со счастливой матерью и женой, которая к тому времени была уже на сносях. Во всех церквах служили торжественные мессы в честь нового короля и поминальные службы по старому. Хотя в Руане был архиепископ, но собора еще не успели построить.

Как-то ночью Ранульфа подняли с постели, и королевский паж повел его в личные покои Генриха. Невыспавшийся рыцарь на ходу протирал глаза. Король был известен как человек, способный бодрствовать едва ли не сутками, и обычно спал не более четырех часов. Паж проводил Ранульфа в покои и немедленно исчез. Де Гланвиль быстро поклонился его величеству. Король сидел за длинным столом. Перед ним лежал пергаментный свиток.

- Налей себе вина, если хочешь, - велел он, знаком показывая рыцарю на стул. - Клянусь Богом, никогда у меня не было столько работы! Нужно привести в порядок дела в Нормандии, прежде чем отправляться в Англию. Кроме того, мне сказали, что на море бушуют штормы! Из-за состояния жены я должен оставаться здесь. Кстати, теперь я сам провожу королеву, де Гланвиль. Нужда в секретности отпала, но ты позаботишься о принце Уильяме. Это огромная

ответственность, ибо кто знает, кого носит королева на этот раз! Может, и дочь! Советники полагают, что я должен оставить сына в Нормандии, поскольку путешествие будет слишком опасным для столь маленького мальчика. Каким же дураком они меня считают, мои верные рыцари! Можно подумать, я отдам единственного наследника на растерзание этой волчьей стае! Все же я сделаю вид, что послушаю их. Весь двор принца останется здесь. Ты же возьмешь его вместе с кормилицей и переправишь в Англию. Посторонним выдашь их за сына и жену. Поскачешь в Барфлер за два дня до нашего отъезда. Детали обсудим позже.

- Кто будет знать о моем поручении, кроме нас, повелитель?

- Моя мать, жена и духовник.

Ранульф кивнул.

- Мы разбудили тебя? - осведомился король. Ранульф густо покраснел. Он не думал, что король заметит его сонный вид.

- Прошу прощения, повелитель.

- Ничего, - хмыкнул Генрих, - это мы почти не нуждаемся в отдыхе. Ты наверняка слышал жалобы по этому поводу. Мы позвали тебя так поздно, с тем чтобы наша встреча осталась незамеченной. Кроме меня, с тобой должны поговорить моя матушка, королева и мой духовник. Когда настанет пора отправляться в дорогу, тебе дадут денег на расходы.

- Куда мне отвезти принца по прибытии в Англию?

- Присоединишься к моей процессии в Лондоне, и только тогда будет объявлено о присутствии принца Уильяма. Там он обзаведется собственным двором, и поверь, немало людей будут более чем счастливы служить моему сыну, - почти мрачно заметил король, но тут же усмехнулся. - У тебя будет немало хлопот с Уилли, сэра де Гланвиль. Ему уже больше двух. Настоящий бесенок. Не позволяй этому негоднику водить себя за нос и запугивать, ибо он уже прекрасно сознает свое величие. Будь с ним построже и жури, как собственного сына. Пусть повинуется тебе беспрекословно, иначе подвергнет опасности и себя, и тебя. Не обращай внимания на его капризы! Я даю тебе позволение принимать любые меры, чтобы обеспечить безопасность принца.

- Клянусь, повелитель, ибо сам хочу благополучно добраться домой, к жене и сыну. Я стану охранять принца, как своего ребенка, повелитель.

- Вот и хорошо! - воскликнул король. - Теперь можешь идти спать. Он снова углубился в документы.

Ранульф, кланяясь, удалился. Паж куда-то исчез, и ему пришлось долго искать дорогу к конюшне. Когда король давал ему поручение, Ранульф предположил, что будет путешествовать с надежной охраной, и теперь совсем растерялся, узнав, что сопровождать принца будут только он и Пэкс. Однако дорога из Руана в Барфлер не слишком опасна. Правда, и ребенок совсем мал, хотя куда лучше, если бы все еще лежал в пеленках. У Ранульфа не было опыта обращения с двухлетними детьми, но, насколько он помнил, они ужасно неугомонны. Остается посадить его в седло перед собой. И ехать придется не слишком быстро. Да, поездка обещает быть нелегкой.

Придется обо всем рассказать Пэксу. Его молодой оруженосец показал себя надежным и достойным доверия человеком. Но лучше поговорить с Пэксом перед тем, как они тронутся в

путь.

Ранульф подошел к вязанке соломы и лег.

Он возвращается домой!

Скоро, совсем скоро он будет рядом с Элинор и сыном! Симону вот-вот исполнится полгода!

Ранульф надеялся, что урожай выдался неплохой, а скот и овцы целы. Господи, только бы валлийцы на них не напали! Только бы все было хорошо!

И с этой мыслью Ранульф де Гланвиль мирно заснул.

Глава 15

Стражники на стенах Эшлина сначала с плохо скрытым интересом, потом с изумлением наблюдали, как по полям, шатаясь и распугивая овец, бредет какое-то странное существо в лохмотьях. Приблизившись к воротам, непонятное создание с мольбой протянуло к часовым руки, но только когда перешло подъемный мост, стало ясно, что к ним пожаловала женщина.

- Помогите! - выдохнула она и свалилась у самого входа.

Стражники нерешительно переглянулись. Что, если это очередная уловка валлийцев? Но, сообразив, что кругом на несколько миль никого не видно, они спустились вниз.

- О Иисус! - пробормотал тот, кто успел добежать первым, глядя на несчастную оборванную женщину, тощую, как скелет, и покрытую рубцами и синяками. Мужчины, не зная, что делать, беспомощно столпились вокруг.

- Пойду-ка я за Фулком, - решил другой и ринулся к дому, оставив товарища наедине с бедняжкой.

- Помогите! - жалобно повторила женщина и попыталась схватиться за подол туники часового. Тот нервно отпрыгнул.

- Сим отправился за ним, - растерянно сказал парень. - Он поможет.

Женщина слабо кивнула и закрыла глаза.

Примчавшийся Фулк посмотрел на незнакомку и покачал головой.

- Беглая невольница, - устало вздохнул он и, наклонившись, спросил:

- Ты невольница?

- Уже нет, - многозначительно отчеканила женщина.

Фулк снова покачал головой.

- За тобой придут?

- Не знаю. По-моему, я его убила.

- Будем на это надеяться, иначе, если им покажется, что ты чего-то стоишь, за тобой пошлют

погоню. Как тебя зовут? – осведомился Фулк, помогая ей подняться.

– Арвид.

– Валлийка? Твой английский слишком хорош для валлийской девчонки, – отметил Фулк.

– Мать была англичанкой, из Херефорда, – пояснила она.

– Как же ты стала невольницей? – удивился Фулк, медленно уводя Арвид к дому.

– Мою мать схватили много лет назад. Похитители обесчестили ее, и родилась я. Мужчина, чьей невольницей она стала, дал мне имя. Мать давно мертва. Он убил ее, когда она не дала меня изнасиловать. Но я осталась одна, и эта свинья опозорила меня! Мне было всего одиннадцать!

Арвид презрительно сплюнула.

– Это его ты прикончила?

– Да. Ему показалось забавным поделиться мной со своими друзьями. Чего они только со мной не вытворяли! Поэтому, когда несколько дней назад он напился, я перерезала ему горло и удрала. О, сэр, у меня три дня крошки во рту не было, если не считать каких-то ягод, но я боялась их есть вдосталь из страха отравиться. Пожалуйста, смилуйтесь надо мной, господин!

– Отведу тебя к хозяйке, – решил Фулк. Сам он не знал, верить девушке или нет. Правда, она избита до полусмерти и выглядит так, словно долго голодала. Рассказ ее звучал достаточно правдиво, однако что-то его тревожило. Прежде всего ее нежелание смотреть ему в глаза. Неужели ее внезапное появление – какой-то хитрый трюк валлийцев? Придется посоветовать госпоже, чтобы получше следила за девчонкой.

Он привел ее к леди Элинор, где Арвид вновь повторила свою историю. Едва Аида и Вилла увели девушку мыться, Фулк отвел Элинор в сторонку. . – Что-то мне в этой девушке не нравится, госпожа, – тихо предупредил он. – Тут не вес ладно. Не могу понять, с какой стати она оказалась здесь, в Эшлине, в стороне от больших дорог, – Может, сам Господь направил ее к нам, Фулк, – спокойно заметила Элинор. – Она сильно избита. Богу известно, я могла бы помочь ей вернуть здоровье.

– Возможно, госпожа, – пробормотал Фулк. Ему всегда хотелось вопить от отчаяния, когда на хозяйку нисходило благолепие, ибо она до сих пор не поняла, каким жестоким и безжалостным может быть мир за границами Эшлина и монастыря Святого Фрайдсуайда.

– Послушайте меня, госпожа, – умоляюще выпалил он. – Будьте начеку! В такое время слишком опасно доверять незнакомому человеку!

– А я предпочитаю смотреть на мир не так мрачно, – возразила Эльф. – И не такая уж простушка, какой ты меня считаешь, Фулк. – Она рассмеялась, видя, что он покраснел. – Обещаю, что учту твои слова, – попыталась она успокоить его.

Фулк поклонился и вышел.

– Она тотьше ветки, госпожа, – сообщила Вилла, вернувшись в комнату. – Старая Аида искупала ее и вычесала гнид. Она вся в кровоподтеках. Не понимаю, как можно столь жестоко издеваться над такой хрупкой девушкой.

- Она сказала что-то еще? Вилла покачала головой:

- Нет, только поблагодарила за доброту.

- Пусть живет у нас, пока не поправится, - велела Эльф.

- Конечно, госпожа, - кивнула Вилла. - Выпадет же такая несчастная судьба!

Арвид быстро прижилась. Уже через несколько недель она порозовела и немного окрепла. Синяки почти сошли, из черных стали сначала фиолетовыми, потом зелеными и наконец исчезли. Круглое лицо Арвид с незапоминающимися чертами было довольно приятным. Голубые глаза стали блестящими и живыми. Ей поручались легкие задания, и она старательно их выполняла. Однако самый большой ее талант проявился в составлении букетов. Она заполнила все кувшины и плоские полевые и садовыми цветами. Эльф хвалила Арвид, и ей действительно нравились фантазии валлийки.

Фулк удивлялся, почему за девушкой никто не пришел. Неужели у хозяина, убитого Арвид, нет ни одного родственника? Все это крайне беспокоило старого воина. Он все более убеждался в том, что Арвид подослана к ним скорее всего валлийцами, хотя девушка до сих пор не сделала ничего подозрительного. Но внутренний голос твердил, что дело нечисто, поэтому он продолжал следить за Арвид. Однажды он даже попытался расспросить о херефордской родне матери, но Арвид отговорила тем, что никого там не знает, поэтому Фулк не смог отослать ее в Херефорд и тем самым навсегда избавиться от собственных дурных предчувствий.

Наступил август, но в этом году Элинор запретила ездить на ярмарку, опасаясь нападения валлийцев.

К концу сентября урожай был почти собран. Только ветви деревьев еще гнулись от плодов, и ушло несколько недель на то, чтобы снять все, до последнего яблока. На День святого Михаила все обитатели Эшлина, как крепостные, так и господа, лакомились жареными гусями. Вольноотпущенникам заплатили жалованье за следующий год. Через несколько дней в Эшлин прибыл человек в одежде слуги и рассказал, что монастырь Святого Фрайдсуайда осаждает валлийский разбойник Мэри Ап-Оуэн. Аббатиса послала в Эшлин за помощью, прежде чем всех монахинь убьют. Эльф пришла в ужас.

- Немедленно отправляйся с отрядом в монастырь, - велела она Фулку.

- Вы знаете этого парня? - с подозрением осведомился тот.

Эльф покачала головой:

- Но это не важно. Он носит герб аббатисы, а многие из монастырских слуг давно состарились. Возможно, это кто-то из новых.

- Так и есть, леди, - поспешно заверил незнакомец. - Я сын Уолтера, того, что ухаживал за свиньями.

Эльф не помнила, как звали свинопаса, но он был уже немолод, и парень вполне мог оказаться его сыном. Кроме того, разве это так уж важно? Главное, что монастырь в опасности!

Она смерила Фулка гневным взглядом:

- Какая причина этому человеку являться сюда и лгать? Тебе лучше поторопиться, Фулк.

Прогони валлийцев и спаси монастырь! При необходимости пусться за ними в погоню и не щади никого! Пусть Господь смилостивится над их грешными душами! Иди!

Фулк всем своим существом чуял неладное, но леди Элино́р – хозяйка, и он не может ее послушаться!

Старый воин поклонился:.

- Как угодно, госпожа, только обещайте мне держать ворота на запоре днем и ночью. Дайте мне слово.

- Конечно, Фулк. Не бойся, ничего с нами не случится, – успокоила Элино́р, прекрасно понимая, в какое затруднительное положение ставит начальника стражи. Но разве есть иной выход?

- Ты поедешь со мной, – велел Фулк посланцу.

- Конечно, – хладнокровно согласился тот, но его невозмутимость ничуть не успокоила Фулка. Беда неминуема, он ощущает это, и ничто не убедит его в обратном.

Фулк и его люди мчались без остановки и на всем скаку осадили коней перед воротами монастыря. Кругом догорали хозяйственные постройки, скот с лугов исчез. На стук отозвался женский голос:

- Убирайтесь, безбожные твари! Проваливайте, во имя Господа!

- Это Фулк из Эшлина, сестра Перпетуя! – громко окликнул воин.

В приоткрывшееся окошечко высунулась голова монахини.

- Слава Богу! – охнула она, и минуту спустя створка со скрипом отошла.

- Оставайтесь на страже и, если увидите валлийцев, пускайтесь в погоню, – приказал он своим людям, а сам вошел в монастырь. – Где мать-настоятельница?

- В церкви, молится вместе с остальными. Фулк, воздержавшись от ехидной реплики, коротко кивнул и, поблагодарив привратницу, направился к церкви. Стук сапог громко отдавался на каменном полу. Благочестиво перекрестившись, он подошел к аббатисе:

- Матушка, леди Элино́р послала меня на помощь. Настоятельница почти вскочила. На обычно бесстрастном лице отразилось облегчение.

- Господин Фулк, как же я рада вас видеть! Они вместе вышли во двор, предоставив остальным возносить молитвы.

- Расскажите, что случилось, – попросил он, ежась под только что начавшимся дождем.

- Валлийцы, – устало обронила настоятельница, – последние несколько недель понемногу уводили скот. Сегодня, однако, они подожгли все постройки, что находились за стенами, и расправились с теми крепостными, кого сумели отыскать. Эти несчастные оставались в своих жилищах, чтобы присмотреть за скотом, доить коров и собирать урожай, хотя я уверена, что всю пшеницу тоже украли валлийцы, если, разумеется, не сожгли. Не знаю, как продержаться эту зиму, чем прокормить монахинь, оставшихся в живых слуг и коней. Но тут валлийцы исчезли так же внезапно, как появились. Сами видите, как сквозь землю провалились!

Фулк задумчиво нахмурился. Если валлийцы вот уже больше месяца осаждают монастырь, почему аббатиса выжидала до сегодняшнего дня, чтобы прислать гонца? Интересно, можно ли связать появление Арвид с этим странным набегом на монастырь?

- Когда пришли валлийцы, матушка? - осведомился он.

- Почти шесть недель назад, - немного подумав, сообщила она. - Вырвались из-за холмов. Ворота были открыты, и несколько наших воспитанниц и молодых монахинь гуляли у стен монастыря. Хорошо еще, что сестра Перпетуя вовремя заметила разбойников и подала сигнал тревоги! Бедняжки едва успели вбежать в ворота, но, слава Богу и Пресвятой Деве, все обошлось. Валлийцы и не старались ворваться в монастырь и только грабили все, что плохо лежало. На днях они совершили не слишком усердную попытку вломиться к нам, но не тут-то было! Обе створки окованы железом! Сегодня они подожгли все, что горит, и убрались.

У Фулка сердце зашло от дурного предчувствия. Господи, не допусти!

- В таком случае, матушка, почему вы послали в Эшлин своего свинопаса за помощью? - спросил он, уже зная ответ. Аббатиса подняла на него удивленные глаза:

- О чем вы? Какой свинопас? И зачем мне помощь? Опасность уже миновала, потерянного не вернешь, главное, что монастырь и его обитатели целы и невредимы. И хотя я рада вашему прибытию, все же никого сюда не звала. О! Что это с вами?!

От лица Фулка медленно отливала кровь.

- В Эшлин пришел человек, назвавшийся сыном Уолтера, вашего свинопаса. Он передал, что при был от вас и что монастырь в осаде. Госпожа не узнала его, но, не считаясь с моими советами и уговорами, приказала нам мчаться сюда. Она боялась за вас, а теперь я страшусь за нее, ибо знаю, что в Эшлин пробрался лазутчик валлийцев!

- Господи помилуй! - крестясь, ахнула аббатиса.

- Я должен немедленно вернуться в Эшлин! - воскликнул Фулк.

- Ночь надвигается. А луны на небе нет, - заметила аббатиса. - Вам понадобятся факелы, чтобы освещать путь, капитан. Сейчас велю их сделать, но придется подождать, пока все не будет готово. Отправившись в дорогу без света, вы подвергнете опасности себя и ничем не поможете Элинора. Потерпите. Мы постараемся не задержать вас.

- Я буду за воротами, вместе со своими людьми. Им следует знать, что произошло, - бросил Фулк и, поклонившись, направился к воротам. Объяснив случившееся, он спросил своего помощника, где сейчас мнимый свинопас.

- Пошел проверить свиные закуты, - сообщил тот.

- Давно ли?

Солдат беспомощно пожал плечами.

- Он один из них, и больше мы его не увидим. Успел сбежать, негодяй! - прошипел Фулк.

Прошло около часа, прежде чем им вынесли факелы. Сумерки тем временем сгустились во мрак. Стало темно, как в аду. Наконец ворота распахнулись, и появилась аббатиса в

сопровождении монахинь, несших факелы. Мужчины быстро разобрали у них факелы, и зажгли фитили от того, который держала мать-настоятельница. Каждому вручили еще по два запасных факела, которые солдаты прикрепили к седлам.

Фулк горячо поблагодарил монахинь, и процессия тронулась по дороге. Дождь перестал, но в воздухе словно висела сырая дымка. Огоньки факелов плясали на ветру, грозя вот-вот погаснуть. Приходилось двигаться очень медленно, ибо тропа была узкой и скользкой. Фулк изнывал от нетерпения. Его заманили в ловушку так же легко, как деревенского парня, впервые оказавшегося в городе.

Если с леди Элинор или малышом случилась беда, что он скажет господину, когда тот вернется из Нормандии? Фулк подвел его, не сумел защитить доверившихся ему людей, и сердце старого воина разрывалось от горя. Недаром ему все время казалось, что беда вот-вот нагрянет. Почему он послушался хозяйки? Не настоял на своем? Ведь она молода и неопытна, а монастырское воспитание лишило бедняжку всякой осторожности. Слишком она доверяет людям, и это может оказаться роковой ошибкой! Ах, черт побери, даже черепаха движется быстрее, чем они. Как долго им еще тащиться? Милю? Три? Он готов побиться об заклад, что они и половины пути не одолели!

Звон церковного колокола, донесшийся до него, подсказал, что до Эшлина совсем недалеко. Он словно вел их домой. Но почему бьют в колокол?

Фулк остановил отряд, чтобы немного поразмыслить. Без факелов они бы ни зги не видели, а враг не обладает кошачьим зрением. Значит, засады можно не ожидать. Но неужели валлийцы ворвались в дом? Все возможно... но что-то подсказывает ему, что дело не в этом. Он велел двигаться дальше. Тревожный гул не смолкал. Впереди показались огни Эшлина. Фулк то и дело подгонял отряд. Странно: на стенах видны силуэты часовых, и скот мирно пасется на полях. Если пришли валлийцы, почему не стали грабить?

Фулк одним махом взлетел на холм. Мост опущен. Он снова остановился, совершенно сбитый с толку. Да что здесь творится?!

И тут он услышал голос второго племянника, Сима. Сделав знак своим людям оставаться на местах, он подъехал ближе.

- Они похитили госпожу! - завопил Сим. - Похитили госпожу!!

Фулк рванулся вперед.

- Как?! - прохрипел он. - Опустите мост, как только все проедут, - велел он и, спешившись, швырнул поводья мальчишке-конюху. - Как?!

- Мы сами не знаем, - дрожащим голосом произнес Сим.

- Кто стоял у ворот и кто на стенах? - спросил Фулк, нечеловеческим усилием воли удерживаясь от взрыва.

- Альфред дежурил у ворот. Его и часовых одурманили. Они проспали не более часа, и сначала казалось, что все в порядке и ничего не пропало. Но тут старая Аида подняла вой, крича, что госпожа исчезла. Нянька отнесла кормить малыша леди Элинор, а той не оказалось в постели. Весь дом обыскали, но она пропала. Женщины рыдают, а голодный мастер Симон горько плачет.

- Иди к Орве и передай, что нам срочно нужна кормилица для маленького господина. Потом вернешься в дом. Я сам обыщу поместье, - велел Фулк.

- Клянусь распятием! Клянусь святым распятием!! - шипел он про себя.

Он так и знал! Ну почему не послушался внутреннего голоса, вместо того чтобы слепо повиноваться желаниям милой, но наивной молоденькой глупышки?!

Фулк понимал, что все розыски ни к чему не приведут, не зря же мост был опущен, а ворота открыты, но он должен был своими глазами убедиться, что леди Элинор в доме нет.

Мрачный как ночь, Фулк вошел в зал и был немедленно окружен вопящими женщинами.

- Молчать! - зарычал он. Воцарившаяся тишина показалась ему мертвенной. Фулк посмотрел на Виллу, казавшуюся чуть более спокойной, чем остальные:

- Немедленно объясни, как все было, а остальным держать рот на замке.

- Мы легли спать сразу после захода солнца, как обычно, когда в доме нет гостей. Вскоре после полуночи молодой господин проснулся и потребовал есть. Элис отнесла его госпоже, но той уже не было. Мы обыскали все и только тогда подняли тревогу.

- Вы все спали в зале? - осведомился Фулк.

- Все, кроме Элис.

- И Арвид тоже?

- Нет, Арвид поела на кухне, потому что целый день работала в саду с травами. Все последние дни она выкапывала корни и закрывала растения на зиму.

Мрачная улыбка коснулась губ Фулка. Всем, кроме Элис, дали не слишком сильное сонное зелье, и, вероятно, это сделала Арвид, которая крутилась на кухне.

- Где она? - прогремел он. - Кто видел ее последней? После долгого раздумья Вилла объявила:

- Это было днем. Арвид сказала, что идет в сад, и попросила у госпожи разрешения пообедать на кухне.

- Кровь Христова! - взревел Фулк с такой яростью, что женщины отшатнулись. - Я знал, что девка подслана, но не смог этого доказать! - Он с силой ударил кулаком по ладони. - Иисусе! Кто придумал столь коварный план? Кому понадобилось похитить ни в чем не повинную женщину? И зачем?

Непонятно. У госпожи не было врагов. Может, у господина? Они совсем не знали о его прежней жизни, если не считать того, что он был преданным рыцарем короля Стефана и когда-то имел родных в Нормандии. Но вряд ли Ранульф де Гланвиль успел обзавестись смертельным врагом. Он просто не такой человек. Но в таком случае кто?!

- Это та ведьма, что убила лорда Ричарда, - внезапно выпалила Аида.

- Почему ты так считаешь? - нехотя буркнул Фулк. Старуха, разумеется, выжила из ума, и он спросил просто так, от нечего, делать.

- Разве не ходят слухи, что валлийский разбойник берет в набеги златовласую женщину? - прошипела Аида. - И разве та сука не сбежала от папаша, желавшего упечь ее в монастырь? Разве не она собиралась выдать нашу добрую госпожу за своего кузена, а потом отравить ее, как отравила мужа? Но нашу госпожу спасло Провидение, а леди Айлин... - тут она презрительно сплюнула на пол, - леди Айлин вынес приговор сам король! Но она сумела вывернуться! Эта сука - единственная, кто мог затаить зло против бедной госпожи.

- Что же, звучит довольно правдоподобно, - задумчиво протянул Фулк. Да, Аида не так уж и глупа! - Но зачем им понадобилась госпожа? Почему бы попросту не угнать скот?

- Муж отдаст за леди все, что имеет, - уничтожающе фыркнула Аида, словно говоря с несмышленным младенцем. - Что же до остального, откуда мне знать, что на уме у валлийского негодяя? Ты мужчина. И к тому же воин. Твое дело разведать остальное.

Тут в зале появилась Орва, ведя за собой молодую женщину.

- Мэрис может кормить молодого господина. Ее сына пора отнимать от груди. Она здорова, и молоко у нее густое, - сообщила повитуха.

- Слава Богу! - охнула Элис, передав подопечного кормилице. - Бедняжка уже охрип от плача. Я давала ему сладкую водичку, но он хочет есть.

И словно в подтверждение ее слов, Симон Хьюберт вцепился губками в сосок кормилицы и принялся шумно хлюпать, меся ручонками полную грудь. Блестящие голубые глаза медленно закрылись, и малыш постепенно обмяк. Женщины с облегчением заулыбались, и Фулк кивнул. Слава Богу, хоть одной заботой меньше.

- Как вы собираетесь искать леди Элинор? - подступила к нему Вилла. - Вот уже несколько часов как ее нет, а до рассвета совсем недалеко. Небо светлеет.

- Ошибаешься, девушка, это всего лишь зарницы, но рассвет не замедлит наступить. Женщины, займитесь делами, будто ничего не произошло, хотя бы ради маленького господина. Никто не должен знать, что Эшлин остался и без хозяина, и без хозяйки, иначе воронье вроде барона Хью не замедлит покуситься на жизнь малыша, - приказал Фулк, хотя про себя подумал, что готов схватиться за ребенка хоть с самим королем. - Кстати, мои люди были в пути и день, и ночь и крошки во рту не имели. Позаботьтесь накормить их и напоить, ибо мы пустимся в погоню за валлийцами с первыми лучами солнца.

Он вышел из зала, желая присмотреть за своим отрядом, и с неудовольствием отметил, что дождь начался снова. Проходя мимо церкви, он заметил молившегося там священника. Фулк переступил порог и приблизился к алтарю. Отец Освин поднялся так поспешно, что коричневая сутана запуталась в тощих ногах.

- Доброе утро, отец. Вы, конечно, молитесь за госпожу?

- Да, - кивнул он.

- Ее наверняка похитили, - сообщил Фулк. - Но мы должны держать это в секрете ради малыша. Надеюсь, вы понимаете, отец.

- Разумеется, - согласился священник. - В отсутствие хозяев нужно всеми средствами оборонять малыша. Вы уже знаете, кто украл госпожу? И что собираетесь делать?

- Пока не знаю имя похитителя, но подозреваю, что это Мэрин Ап-Оуэн, который наводит ужас на всю округу. Мы ехали с факелами, но продвигались слишком медленно. Как только нас накроют, мы едем за госпожой. Оставляю Сима за старшего над стражниками, а вас - над всеми остальными, пока не вернется господин или мы не привезем госпожу.

- Думаете, этого долго дожидаться?

- Не знаю, отец, - покачал головой Фулк. - Честно, не знаю. Сначала я должен точно узнать, кто держит госпожу в плену. Только тогда можно решить, как доставить ее домой.

- Я знаю, друг мой, что вы человек действия, не выносите дураков и не слишком верите в промысел Божий, но все же я буду просить Господа, чтобы помог вам и госпоже благополучно вернуться, - с улыбкой пообещал священник.

- Ей понадобятся ваши молитвы, - грустно согласился Фулк, - а следовательно, и мне тоже. - И с прощальным кивком поспешил во двор.

Настал рассвет, серый и холодный. Дождь превратился в ливень, и к тому времени, как Фулк и его люди были готовы отправиться на поиски Эльф, дороги развезло. Фулк на все лады проклинал небеса. Следы, оставленные разбойниками, уже смыло. Нет никакого смысла бросаться в погоню, пока не установится погода.

Он распустил людей и, громко топоча, вошел в зал. Ну почему Господь испытывает его терпение, когда в опасности жизнь светлого и чистого создания, никому не причинившего зла?!

Придется полагаться на интуицию. И первым делом выяснить, где скрывается Мэри Ап-Оуэн. Далее - убедиться, что леди Элинор находится в руках именно этого разбойника. Если это он похитил ее, значит, потребует выкуп. Какой именно и сколько? И как, спрашивается, собрать золото в отсутствие господина?!

Фулк рассеянно потер лоб. Как ни тяжело, придется самому принимать решение.

Фулк громко застонал. Он даже не знает, где сейчас господин и с какой целью уехал. Вряд ли история о том, что де Гланвиль собирался принести герцогу Генриху клятву вассала, так уж правдива. Эшлин - владение небольшое. Ранульф мог предстать перед королем, когда тот с триумфом войдет в столицу, и ни минутой раньше. Его величество не оскорбился бы таким поступком. Нет, причина другая, но госпожа никому ни в чем не призналась или сама не ведала. Будучи воплощением невинности, она могла просто поверить мужу. Но так или иначе, Фулк даже не в состоянии послать господину гонца с известием о беде. Теперь все зависит лишь от него. Фулк снова потер лоб. Да, брать на себя ответственность дело нелегкое, и отныне он больше никогда не будет завидовать господам.

Осенний дождь не прекращался три дня и три ночи. Четвертое утро выдалось пасмурным, но сухим. Шансов на то, что они смогут догнать похитителей, не осталось: дождь окончательно размыл землю. Фулк собирался сам разыскать логово Мэрина Ап-Оуэна, но Сим, его помощник, настаивал на том, что начальник стражи должен остаться.

- Ты повел людей в монастырь, и взгляни, что случилось! - сердито твердил он. - На этот раз поеду я. Кроме того, меня не так хорошо знают, как тебя, Фулк.

- Но меня послала госпожа', - возразил Фулк.

- Мог бы приказать, чтобы ехал я, и остаться охранять Эшлин, - ответил Сим. - Именно тебя выбрал господин для защиты поместья. Что будет, если мы тебя потеряем? Меня по крайней мере можно заменить, хотя и я намереваюсь вернуться домой целым и невредимым.

- Какая разница, был я тут или нет? - упрямо буркнул Фулк. - Все равно в еду подсыпали сонное зелье; Я уснул бы так же крепко, как ты. Однако твои доводы разумны. У меня больше опыта в делах обороны и ведения воя. Когда наступит время спасти госпожу, я пойду впереди, но пока ты лучше подходишь для того, чтобы разведать, где находится укрытие Мэрина Ап-Оуэна, и проверить, действительно ли он держит госпожу в заточении. Если это не так, просто не знаю, где ее искать. Остается ждать требования о выкупе.

- Которое ты прочтешь в отличие от меня! - торжествуя вставил Сим.

- Чепуха! Наш священник знает грамоту, - отмахнулся Фулк с едва заметной улыбкой. Симу не терпится доказать, на что он способен. Что же, пусть получит такую возможность. - Если собираешься в один прекрасный день занять мое место, Сим, - заметил он, - тебе придется научиться читать и писать. Только грамотный человек может возвыситься в этом мире и стать полезным своему господину. Невежде остается лишь трудиться на полях или погибнуть в первом же бою.

- А я-то думал, что ты прочишь вместо себя Пэкса, - откровенно заявил Сим. - Неужели откажешься от него ради меня?

- Вы оба мои родственники, - откликнулся Фулк, - но Пэкс стал оруженосцем господина, и, если покажет себя, надеюсь, в один прекрасный день получит рыцарские шпоры. Для этого не нужно благородного происхождения. Следует только быть свободнорожденным. И отважным. Он заслужит вольную.

Сим удовлетворенно кивнул.

- Пожалуй, мне пора, - решил он.

- Господь с тобой, парень. Только будь осторожнее, - предупредил Фулк. - Помни, от тебя не требуется спасать леди. Отыщи дом Мэрина Ап-Оуэна и убедись, что госпожа у него. Потом возвращайся в Эшлин и расскажи обо всем, что узнал.

- Понятно, - кивнул Сим. - Обещаю действовать осмотрительно.

Он вскочил на лошадь и поскакал к воротам. Фулк смотрел ему вслед, почти жалея, что разрешил Симу ехать. Но парень, к сожалению, прав. Фулку лучше остаться здесь, в Эшлине.

Он отправился на поиски священника, чтобы сообщить об изменении планов. Отец Освин откровенно обрадовался, узнав, что капитан остается.

- Люди не так уверены в Симе, как в вас. Симу не мешает набраться опыта, - заметил он. - Вы будете счастливы, узнав, что я повидал малыша, и он уже наелся и спит. Мэрис - женщина хорошая. Она вместе с Элис позаботится о ребенке, а старая Аида присмотрит за женщинами, - закончил он.

- Одной заботой меньше, слава Богу, - с облегчением вздохнул Фулк. - Теперь остается лишь дожидаться Сима и решить, что нужно сделать для возвращения госпожи.

- И нам все удастся с Божьей помощью, - поддакнул священник.

- Меня особенно волнует, не простудилась ли госпожа на таком дожде, - вздохнул Фулк.

Холодно. Ей никогда еще не было так холодно и мокро. Даже когда она купалась. Ведь вода в лохани всегда нагрета.

Голова Эльф была такая же ясная, как безоблачное летнее небо, но это лишь теперь. Перед сном ей было так нехорошо. Давно уже она не чувствовала себя такой измученной.

Четыре дня назад? Неужели прошло четыре дня? Все это время тянулось цепью несвязных кошмаров. Шорохи во тьме. Чей-то шепот. Ее поднимали. Она снова уплывала куда-то, только слегка приподнялась, ощутив дуновение холодного ветра. Но тогда было светло. Арвид принесла ей теплое питье. И она снова спала... спала... спала...

Но теперь вновь ожила и мыслит связно. Ее куда-то несут на носилках. Эльф не имела ни малейшего представления, куда именно, но поговору поняла, что ее похитители - валлийцы. И осознала, что Фулк был прав в своих подозрениях относительно Арвид. Девушка втерлась к ней в доверие с единственной целью - предать ее. И все же Арвид казалась по-прежнему доброй и услужливой. Сегодня она потихоньку передала Эльф маленький мешочек.

- Возьмите это, - прошептала она, - и спрячьте. Это поможет остановить молоко. Если моя госпожа узнает, что у вас есть ребенок, не успокоится, пока малыша не доставят к ней. Вы хорошо отнеслись ко мне, но больше я ничего не могу для вас сделать. Через несколько часов мы окажемся в замке Гвинфр, и я вновь стану ее покорной служанкой.

Эльф понюхала мешочек. Шалфей!

- Ты все время давала мне отвар шалфея? - удивилась она.

- Да, госпожа. Как и вы, я сведуща в искусстве исцеления. Мать научила перед смертью.

- Она вправду была англичанкой?

- Да. Бедняжка убежала с отцом вопреки просьбам и советам семьи. Мой дед-англичанин был торговцем шерстью, если верить матери. Мне было приказано сочинить ту ужасную историю, что я вам рассказала, хотя жизнь моя после смерти матери не была особенно счастливой. Мой отец, горький пьяница, загнал себя в могилу, а его брат, хозяин борделя, взял меня к себе, но не шлюхой, а служанкой. Спасла меня госпожа, и я обязана остаться ей верной, но вы не причинили мне зла, и я сделала для вас что смогла. Но отныне мы квиты, госпожа.

Эльф кивнула, поняв, чем руководствуется девушка.

- Скажи только, Арвид, кто мой похититель?

- Мэрии Ап-Оуэн, госпожа, - прошептала Арвид и отодвинулась.

Эльф поискала глазами предводителя. Да, его сразу видно: высокий, темноволосый, с жестким красивым лицом. И вид у него повелительный: наверное, привык командовать.

Внезапно он повернулся и пронзил ее свирепым взглядом. Эльф покраснела, но не отвела глаз. Мэрии Ап-Оуэн пересек лагерь и приблизился к тому месту, где сидела Эльф.

- Как вы себя чувствуете, госпожа?

- Какой выкуп вы потребуете? - спокойно осведомилась она и добавила:

- Как я себя чувствую? Промокла насквозь. Неужели вы не могли поискать убежища в такой дождь, Мэрин Ап-Оуэн? Мой муж вряд ли заплатит вам за мой труп.

- Ваш муж в Нормандии, госпожа, и пока он не вернется и не заплатит мне золотом, вы останетесь моей гостьей. И будьте благодарны за то, что я одел вас, прежде чем украсть, - с ухмылкой бросил он и, нагнувшись, поднял Эльф на ноги. - Вы уже достаточно оправились, чтобы ехать со мной верхом. Пойдем! - резко велел он.

Эльф даже не пыталась сопротивляться. К чему зря тратить силы?

Он подвел к ней большого коня в яблоках, поднял Эльф в седло, а сам устроился сзади и крепко обнял ее за талию. Мужчины, мрачные оборванцы, последовали за господином. У Арвид, как заметила Эльф, был собственный лохматый валлийский пони. Девушка даже не смотрела в сторону Эльф.

В пути Эльф не произнесла не слова. Зато Мэри Ап-Оуэн болтал за двоих.

- В Гвинфре вам может быть не так удобно, как дома, госпожа, но не бойтесь плохого обращения. Моя шлюха составит вам компанию. Она утверждает, будто родилась в знатной семье, но при ее склонности лгать ни в чем нельзя быть уверенным. Лживая сучонка! По моему, вы ее знаете. Она хвастается, будто когда-то была вашей невесткой.

Мэрин почувствовал, как напряглась и словно окаменела женщина.

- Айлин. Айлин де Варенн. - тихо прошептал он ей на ухо. - А, так вы все-таки знаете ее! Значит, сука не соврала на этот раз! Что же, неплохо!

И тут Эльф не смогла сдержать гнева:

- Это создание убило моего брата! Она его отравила! Вам лучше держаться начеку. Мэри Ап-Оуэн!

- С чего бы ей вдруг убивать мужа?

- Влюбилась в своего кузена, рыцаря Саэра де Бада. Они замыслили расправиться с Ричардом! Потом она подбила де Бада обесчестить меня, чтобы я не могла принять постриг. Ну а он, разумеется, собирался поступить благородно и жениться на мне. Думаю, они и меня отравили бы, чтобы эта подлая тварь могла получить и своего любовника, и мои земли. Ведь именно ради этого она все затеяла! - выпалила Эльф. - Поверить невозможно, что на свете существует такое коварство! Однако Господь защитил меня и не дал им преуспеть в своей подлости.

- Каким же образом вам удалось избавиться от врагов? - осведомился он, хотя уже слышал от Айлин, что произошло. Но, вероятно, рассказ леди Элинор будет куда ближе к правде.

- Де Бад поспешил. Попытался изнасиловать меня в моей лекарне. Но один из крепостных услышал крики и пришел на помощь. Мой брат был к тому времени мертв и похоронен, поэтому я сбежала в монастырь.

- Но не принесли обеты Господу, - заметил Мэри Ап-Оуэн.

- Нет. Де Бад заявил, что позабавился со мной. И потащил на суд короля. Меня привезли из монастыря. Настоятельница и еще две монахини поехали со мной и доказали, что де Бад лгал. Король, однако, посчитал, что монастырь обойдется без еще одной монашки, а вот Эшлин

нуждается в твердой руке. Он выдал меня замуж за Ранульфа де Гланвиля. Де Бада послали ко двору графа Блуа, Айлин де Варенн приговорили к пожизненному заточению в монастыре.

Мэрин Ап-Оуэн взорвался смехом:

- Айлин?! В монастыре?! Очевидно, король совершенно не знал эту суку!

- Не знал, - согласилась Эльф. - Да и никто из нас не мог и отдаленно представить всю глубину зла, таящегося в природе этой женщины. Просто поверить трудно! А теперь еще выяснилось, что именно Айлин оказалась в центре заговора! Похитить бывшую родственницу с целью получить выкуп! Омерзительно! Невыносимо! Меня учили любить ближнего своего, быть доброй, послушной, снисходительной, но Айлин де Варенн уничтожила все мои благие намерения, и сейчас больше всего на свете мне хочется выцарапать ей глаза!

Мэрин Ап-Оуэн схватился за живот.

- Чудесно! Этой зимой мне не придется скучать. Вы двое станете для меня неиссякаемым источником веселья, леди Элинон. Смотрите! Вон впереди замок Гвинфр! Добро пожаловать в мой дом, госпожа, - издевательски радушно пригласил он.

- Пропади ты пропадом! Ко всем чертям! - впервые в жизни выругалась Элинон, и, как ни странно, на душе сразу стало легче.

- Одна - сука, другая - язва, - ухмыльнулся похититель. - Куда интереснее, чем я предполагал!

ЧАСТЬ IV. ПЛЕННИЦА. Уэльс, 1154 - 1155 годы

Глава 16

- Итак, - приветствовала Айлин де Варенн, - ты наконец вернулся и все-таки сумел привезти маленькую монашку. Брось ее в самое темное и сырое из подземелий! Я уже успела обойти каждое. Там так восхитительно сыро и холодно и полно огромных крыс. Пусть молится своему Господу, чтобы ее не съели заживо!

- Не мели вздор, моя прелестная сука, - отмахнулся Мэрин Ап-Оуэн и, соскользнув с седла, снял Эльф. - Я помещу пленницу в своих личных покоях, пока выкуп не будет выплачен сполна. Только так я могу быть уверен, что ты в своей злобе и глупости не натворишь бед и не свергнешь меня в убыток.

- Предпочитаю сидеть в темнице, - отрезала Эльф. Она замерзла, проголодалась. И до смерти устала от надоедливой Айлин. Пресвятая мать Божья! Ну почему брат с самого начала не разглядел, что представляет собой это мерзкое существо?

- Нет, - проскрежетала Айлин. - Ты не можешь держать ее у себя, господин. Сам сказал, что никого туда не пускаешь, даже меня, свою возлюбленную!

- Ты недостойна моего доверия, Айлин. Жажда мести затмила твой разум! - бросил Мэрин Ап-Оуэн.

- Мечь? - устало, но возмущенно воскликнула Эльф. - Ты? Ты желаешь отомстить мне? Чем же я провинилась перед тобой, грязная убийца?

Айлин от неожиданности растерялась. Такого взрыва от всегда спокойной и покорной монашки

она не ожидала.

- Если бы, - начала она, - ты вышла за Саэра...

- ..то к этому времени была бы уже мертва! - оборвала Эльф. - Кажется, ты принимаешь меня за полную идиотку, Айлин, если считаешь, будто я ведать не ведаю, какую участь ты готовила для меня и Эшлина!

- Дамы, дамы, - вмешался Мэрин Ап-Оуэн. Если их немедленно не остановить, дело дойдет до драки. Может, и следовало бы позволить им вцепиться друг другу в глаза, чтобы развлечь сидящих в зале, но теперь не время. - Прекратите споры, - велел он и, обернувшись к Айлин, ласково провел ладонью по ее щеке. - Здесь хозяин я, моя прелестная сука! Помни это, если не хочешь, чтобы тебе втолковали истину самым неприятным способом. Я ясно выражаюсь? - И, широко улыбнувшись, обратился к Эльф:

- Советую держаться от Айлин подальше, леди Элинор. При первой же удобной возможности она искалечит вас или убьет, поскольку руководствуется исключительно чувствами, и далеко не добрыми. Ни за что и никогда не оставайтесь с ней наедине.

Поняли?

Он приподнял подбородок Эльф. Серебристые глаза облили его презрением.

- Думаете, я ее не знаю, господин? - холодно бросила Эльф. - Можете быть уверены, что без крайней нужды я не собираюсь искать ее общества или добровольно его терпеть.

Ну и женщина! Мокрая, как бродячий котенок, и все же огрызается на каждом шагу. Однако он достаточно мудр, чтобы видеть: у этой кошечки острые коготки, которые она пустит в ход при любом удобном случае.

- Вы так же голодны, как я, госпожа?

Эльф кивнула.

- Прекрасно! - воскликнул Мэрии Ап-Оуэн и, взяв Эльф за руку, повел к высокому столу, где посадил по правую руку от себя, к величайшему негодованию Айлин.

Недовольная любовница заняла место слева, чем весьма позабавила хозяина.

- Еды! - заревел он, и в зале тут же возникла череда слуг с мисками и блюдами. Молодой парень исполнял обязанности виночерпия.

Эльф заметила, что кубки были из тяжелого серебра, украшенного черным ониксом. Тарелки и ложки оказались из того же металла. Интересно, где валлиец украл их, ведь сам замок - просто груда камней.

Ужин оказался более чем обильным: рыба, дичь, птица и баранина, а к ним - салат-латук, хлеб, масло и сыр. Эльф, не стесняясь, отведала каждого блюда, пока не насытилась. Долив вино, она властно объявила:

- Мне нужно искупаться, господин. Я промерзла до костей и пробыла в дороге четыре дня. Пусть меня отведут в мою комнату.

- Клянусь святым крестом, монашка, ты что-то обнаглела, - процедила Айлин. - Купаться?

Вообразила, что попала во дворец?

- В отличие от некоторых я привыкла к чистоте и не обливаюсь духами, чтобы скрыть запахи пота и немытого тела, - резко ответила Эльф, немного удивленная силой собственной ярости. Как же она ненавидит Айлин де Варенн Но если выкажет хоть малейшую слабость, Айлин набросится на нее, как волчица на добычу!

Мэрии Ап-Оуэн ехидно хмыкнул:

- Не сумеете ли сами позаботиться о себе, леди Элинон? Единственные здесь женщины, кроме вас, - моя прелестная сучка и Арвид.

- Я не какое-то беспомощное существо, господин. У меня не было слуг до возвращения в Эшлин. И я не желаю, чтобы Арвид или эта особа и близко ко мне подходили.

- Но пусть Арвид хотя бы натаскает воды для ванны, которую вы так отчаянно желаете, леди Элинон, - посоветовал он.

Неужели он ожидал, что она сама станет носить тяжелые ведра?

Избегая злорадного взгляда Айлин, удивленная Эльф пожала плечами:

- Буду рада принять помощь, господин.

- Иди с леди Элинон, Арвид. Ты знаешь, где лохань. Поставь ее у огня в моих покоях, - спокойно приказал служанке Мэрии. - Леди Элинон будет спать в маленькой комнате рядом с моей. Пока она купается, приготовь ей постель.

- Как угодно, господин, - послушно кивнула Арвид. - Пойдемте со мной, госпожа.

Эльф поднялась и последовала за девушкой.

- Хочешь избаловать эту стерву? - ревниво вскричала Айлин.

- Носить ведра по лестнице и греть воду - ты это называешь баловством? - сухо осведомился он. - Кроме того, мне доставит удовольствие наблюдать, как она моется. Кстати, моя прелестная сука, от тебя такого развлечения я не дождался.

- Значит, замыслил объездить и ее? - взвизгнула Айлин, обжигая его разъяренным взглядом.

Мэрии расплылся в улыбке, отчего стал еще красивее, но вместо ответа скомандовал:

- Встань, Айлин, обопрись ладонями о стол и прогнись, так, чтобы выставить повыше свою круглую попку.

- Ты мне не ответил, - настаивала Айлин. - Хочешь завести еще одну любовницу?

Мэрин вскочил и, безжалостно дергая ее за волосы, заставил встать в требуемое положение.

- Заткнись, Айлин, - бросил он, - и если хотя бы еще раз откажешься немедленно подчиниться в присутствии моих людей, мне придется прикончить тебя.

- Иисусе! - ахнула она. - Ты ведь не захочешь овладеть мной перед всем залом!

Но он молча поднял ее юбки, заткнув подол за вырез.

Черт побери, какая упругая задница!

Ему всегда особенно нравилась эта часть тела Айлин, и теперь он неторопливо ее разглядывал, проводя ладонями по гладким полушариям. Заметив, что Айлин вздрогнула, он наклонился и прошептал:

- А, так все это время ты оставалась верна мне, прелестная сука?

- Ты думаешь, кто-то из твоих людей посмеет утолить мой голод, после того как ты повесил тех двух дураков перед вылазкой в Англию, господин? - уничтожающе выпалила она.

- Готова принять меня? - осведомился он.

- Нет, - тихо призналась Айлин.

- Придется мне об этом позаботиться, - решил он с усмешкой и, встав, с силой опустил ладонь на ее ягодицы.

Айлин завопила от неожиданности, и все мужчины устремили взгляды в ее сторону, плотоядно улыбаясь и делая непристойные жесты.

- За каждый крик я буду добавлять два удара, - пообещал он. - Теперь получишь двенадцать вместо десяти, прелестная сука.

Он снова ударил ее и не успокоился, пока не отпустил положенную порцию, а ее ягодицы не налились багровым цветом.

- А теперь? Готова?

- Да! - выдохнула Айлин и охнула, когда он врезался в нее. Толстое орудие пронзило ее, казалось, до самого горла. Мэрии расхохотался, когда она стала лихорадочно тереться разгоряченным задом о его пах.

- Ты лучшая из шлюх, Айлин, - приговаривал он, делая выпад за выпадом. Его пальцы стискивали ее ляжки, оставляя багровые пятна на белой коже. Мэрии не щадил любовницу, заставляя всхлипывать и стонать под жадными взорами охваченных возбуждением мужчин, ласкавших себя. Наконец Мэрин извергся в алчное лоно и отступил. Айлин несколько мгновений продолжала лежать, распростершись на столе, а потом с глубоким удовлетворенным вздохом поднялась.

- Ты изумительный любовник, господин, - похвалила она, приводя в порядок одежду. - Клянусь, маленькая монашка не сумеет удовлетворить тебя, как я.

Мэрин сел и осушил кубок.

- Ревнуешь, прелестная сучка? - поддел он.

- Ну почему не посадить ее в темницу?

- Потому что она не сделала мне ничего дурного, - пожал плечами валлиец. - Воспитанная, милая дама. Я с ней не ссорился. Просто хочу получить выкуп. Дела есть дела, моя прелестная сука. Ничего более.

- Хотя бы посели ее отдельно, - настаивала Айлин.
- Как уже сказал, я не доверяю тебе, и, кроме того, для такой дамы, как леди Элино́р, здесь нет подходящих покоев, - пояснил Мэрин, которому доставляло искреннее удовольствие изводить любовницу.
- Отдай ей мою спальню, а я перееду к тебе, - умоляюще прошептала Айлин, ловя его руку. - Я буду в твоём полном распоряжении, господин, и сделаю все, что пожелаешь.
- Нет, моя прелестная сука. Все будет так, как сказал я, а леди Элино́р останется там, куда я никому не позволяю войти, - резко бросил он. - Моя пленница прекрасна, и я верну ее мужу такой же, как увез. Или почти такой же, - съехидничал он.
- Ты считаешь ее красивой? - взвилась Айлин. Ее он никогда не называл прекрасной! Не то что маленькую монашку! - Никогда раньше не слышала, чтобы кому-то нравилась Элино́р де Монфор! Это меня считали красоткой, - прошипела она, победно улыбаясь.
- Ты довольно хорошенькая, - согласился Мэрин Ап-Оуэн, - но куда тебе до леди Элино́р! Я знаю, что англичане считают необходимыми условиями истинной красоты золотистые волосы и голубые глаза, как у тебя, но я нахожу серебристые глаза, красно-золотистые волосы и нежную кожу поистине неотразимыми. Не говоря уж о чистоте ее души, искренности и доброте. Неужели все мужчины падали к твоим ногам, сраженные золотом волос и сапфирами глаз? Ты так же коварна и порочна, как я, Айлин, и душевная злоба отражается на твоём лице. Элино́р же вся светится добротой.
- Да ты влюбился в нее! - обличающе взвизгнула Айлин.

- Нет, - хрипло буркнул Мэрин и вскочил. - Я иду к себе, моя прелестная сука! Пойдем, провожу тебя в спальню, чтобы увериться, где именно ты находишься.

Он рывком поднял ее и потащил за собой. Айлин сыпала изо щренными проклятиями:

- Ты подлая собака, Мэри́и Ап-Оуэн! Я не стану ублажать тебя, как последняя сука, если будешь и впредь так со мной обращаться. Поберегись! Ты делаешь мне больно! Ой! Не дергай меня за волосы!

Оказавшись в узком каменном коридоре, Мэрин прижал ее к стене и несколько раз ударил головой о стену.

- А теперь слушай. Ты принадлежишь мне, и мне одному! И немногим лучше невольницы, Айлин. Будешь делать, как тебе приказано, пока мне нравится держать тебя здесь. - Его пальцы впились в ее плечо. - Ты поняла меня, Айлин?!

Глаза его полыхнули черным пламенем. Тут Айлин по-настоящему испугалась. Мэрин совсем не похож на тех мужчин, что она знала до сих пор. Отказывается плясать под ее дудку, запугивает, грозит, и все же она обожает его всем своим существом. И не позволит Элино́р вторично разрушить ей жизнь. Она еще добьется любви Мэрина Ап-Оуэна.

- Понимаю, господин, - тихо сказала она.

- Прекрасно! Значит, все улажено. Они поднялись наверх, прошли мимо его покоев и очутились около узкой лестницы, ведущей в башню.

- Не выходи из своей комнаты до утра, Айлин. Я пришлю к тебе Арвид. Как только она придет, я спущу мастиффов. Если попытаешься пробраться ко мне, тебя разорвут на куски. Доброй ночи.

Он захлопнул дверь, спустился к себе и приказал Арвид вернуться к хозяйке.

- Да поторопись, - добавил он, - иначе скоро мастиффы окажутся на свободе. Останься со своей госпожой до утра.

- Да, господин. - Арвид с поклоном удалилась. Мэри Ап-Оуэн огляделся и увидел, что лохань уже стоит у очага. Войдя в спальню, он заглянул в крошечную смежную «каморку».

- Вы еще не готовы лечь? - спросил он Эльф, которая до сих пор не осмелилась раздеться. - Разве ваша одежда не промокла?

- Тут нет ни двери, ни занавески, чтобы отгородиться, - пожаловалась Эльф.

- Так лучше. По крайней мере я могу все время вас видеть. Снимайте платье, леди. Как вы предусмотрительно напомнили мне, ваш муж не заплатит за труп.

Уверен, ваша камиза достаточно скромна, чтобы не пробуждать во мне низменные инстинкты. Кроме того, если бы я собирался покуситься на вашу добродетель, обязательно добился бы своего, будь на вас хоть доспехи.

Элинор ошеломленно уставилась на него, не зная, поражаться или смеяться такой самоуверенности.

- Задуйте свечи, - попросила она.

- Так и быть, - согласился он и, неотрывно следя за ее тенью, сбросил одежду и лег.

- Спокойной ночи, леди, - пожелал он. Эльф долго прислушивалась к его размеренному дыханию. Наконец он захрапел. Она прошептала молитву и закрыла глаза. Но сон долго не шел. Ее терзали вопросы, на которые не было ответа. Каким образом Айлин попала в замок Гвинфр? А Мэри Ап-Оуэн? Что он за человек? Пусть он груб с Айлин, ей же не выказал ничего, кроме вежливости. Кто знает, уж не грозит ли пленнице безжалостное насилие? Или он вообще равнодушен к ней?

Тревожные мысли теснились в голове, не давая покоя. За сына Эльф особенно не волновалась. Женщины позаботятся о маленьком Симоне и не дадут пропасть. Наверняка Седрик уже нашел среди крепостных подходящую кормилицу. Малыш не станет скучать по матери, пока найдутся теплая грудь и сильные руки, чтобы кормить и укачивать его. Но Эльф не могла отделаться от мучительного ощущения потери. Она лишилась и мужа, и ребенка! Груды ныли так же сильно, как сердце, и страдания становились все невыносимее. Но она не сломается. Нужно держать себя в руках, хотя бы ради Симона. Ее враги не должны знать о его существовании.

Ранульф.

Эльф тихо вздохнула. Он в безопасности, пока находится в Нормандии, но долго ли еще ждать его возвращения?

» Когда услышишь о смерти короля Стефана «, - напомнила она себе. Но вот уже давно о короле ничего не слышно, а ведь уже наступил октябрь! Правда, Эшлин расположен в такой

глуши, что новости всегда доходят в последнюю очередь. А она? Она застряла в Уэльсе, пока выкуп не будет выплачен. А ведь денег никто не потребует, пока муж не вернется.

Слезы снова защипали веки, и Эльф поспешно их сморгнула. Она не покажет этому валлийскому разбойнику и его шлюхе, как измучена и запугана! Ранульф! Ее душа тоскует по нему. Перед глазами всплыло лицо мужа. Темные мохнатые брови над добродушными зеленовато-карими глазами. Большой рот, который умеет целовать ее так нежно и горячо. Она почти ощущала мягкость каштановых волос под своими пальцами. Как терпеливо он добивался ее! Как сильно она его любит! И если когда-нибудь доведется еще увидеться, скажет все, даже если сконфузит и смутит его своими признаниями! Что же, давно пора и ему узнать, что такое женская любовь! Он свыкнется с ней, и, даже если не любит жену и вообще не ведает любви, ей все равно. Главное, что Эльф его любит!

Мэри Ап-Оуэн проснулся на рассвете и сразу ушел. Эльф поднялась, оделась, вышла из каморки и толкнула дверь, но она оказалась закрытой. Однако в очаге горел огонь, а на столе стоял поднос с кувшином, небольшим караваем свежего хлеба, яблоком и медовыми сотами. Сначала Эльф боялась есть из опасения, что Айлин подсыпала отраву в еду или питье, но потом решила, что зря тревожится. Наверху, над ее головой, раздавались шаги: очевидно, Айлин все еще у себя. И кроме того, ключ от тюрьмы пленницы только у Мэрина.

Эльф уселась и позавтракала, предусмотрительно оставив про запас половину каравая, застелила обе постели и от нечего делать посмотрела в окно. Гвинфр был выстроен на вершине холма. Внизу виднелась деревня. Трава на окружающих пригорках пожухла, день выдался пасмурным и дождливым.

Она только успела отойти от окна и сесть перед огнем, как услышала скрип ключа в замочной скважине и вскочила. На пороге возник Мэрин Ап-Оуэн.

- Вижу, вы уже на ногах, леди Элинор! - приветствовал он. - Садитесь, поговорим о наших делах, а именно о сумме выкупа.

Эльф снова села.

- Мой муж в Нормандии, - сообщила она. - Вы выбрали неудачное время для похищения, господин.

Сегодня Мэри показался ей довольно красивым мужчиной, если не считать ужасного шрама, перерезавшего левую сторону его лица.

- В Эшлине нет человека, который смог бы заплатить вам.

- Вы говорите, словно не ведаете, когда вернется ваш муж.

- Это действительно так, - откровенно призналась Эльф.

- Зачем он отправился в Нормандию?

- Он не объяснил, господин, хотя, по-моему, это каким-то образом связано с его матерью, которая живет там вместе с отчимом, - не моргнув глазом солгала Эльф.

- А может, поспешил преклонить колени перед герцогом Генрихом, ведь, как я слышал, английский король на смертном одре, - заметил Мэрин Ап-Оуэн.

- Кто знает? Правда, мой муж всегда был предан королю Стефану. Это он отдал меня в жены Ранульф в награду за верную службу.

- Цель его поездки меня не интересует, - безразлично пожал плечами валлиец. - И если придется ждать его приезда, так тому и быть, хотя, откровенно говоря, я не рассчитывал на долгие проволочки. Леди Айлин - враг опасный, она ищет возмездия.

- Глупое создание, наделенное непомерными тщеславием и спесью, - пренебрежительно отозвалась Эльф. - Убила моего брата, а теперь винит меня, потому что я не пожелала стать ее покорной жертвой и добровольно отдать родовое поместье! Когда-то я считала, что обладаю великим терпением, но Айлин де Варенн выведет из себя даже святых и ангелов небесных!

Мэрин согласно кивнул и усмехнулся, неожиданно осознав, что ему нравится эта молодая женщина. Айлин издевалась над ее порядочностью, но Мэри не помнил, когда встречал столь честную и добрую женщину. Да, эта Элинор де Монфор - поистине редкая птица!

- Айлин действительно не слишком умна, - поддакнул он, - но не следует ее недооценивать, госпожа, ибо наряду с тупостью в ней кроются невероятная хитрость и подлость, а одно это делает ее грозным противником.

- Это она замыслила мое похищение.

- Да, госпожа. По правде сказать, я удовлетворился бы угоном скота и овец, но Айлин подсказала, что, увезя вас, я получу вдвое больше, а за краденых животных много не дадут. Теперь же ваш муж будет вынужден продать скот куда дороже, чем это удалось бы мне.

- Она втянула вас в неприятности, Мэрин Ап-Оуэн, - покачала головой Эльф. - К этому времени вы уже держали бы в руках серебро за коров и овец, а теперь неизвестно, когда ваш кошель вновь наполнится, да еще придется охранять меня день и ночь от вашей шлюхи. Сумеете ли вы, господин, держать ее в узде? Что-то сомнительно. Похоже, что дурочка Айлин перехитрила нас обоих.

Мэри невольно рассмеялся:

- Вы совсем не такая, как описывала Айлин.

- За девять лет жизни в монастыре я видела ее и брата всего однажды, вскоре после того как они обвенчались. Живя в монастыре, ты защищен от всего света и настоящей жизни. Совсем нетрудно быть святой, когда не встречаешь искушений. Вероятно, я казалась Айлин невинной глупышкой. Она судит обо мне по нескольким неделям жизни под одной крышей. И хотя прежняя наивность все еще жива во мне, я вовсе не такая милая простушка, как воображает Айлин. И если она попытается причинить мне зло, я стану защищаться всеми силами и средствами. Единственное, против чего я бессильна, - яд. Трудно сделать что-то, если она захочет меня отравить. Вам тоже нужно этого остерегаться, если не хотите потерять выкуп, господин.

Мэри кивнул, пораженный ее пронизательностью. Кровь Христова, что за прелестная женщина!

- Я сумею вас защитить, - поклялся он.

- Я вам верю, - тихо отозвалась Эльф. - Кстати, господин, мне придется все время проводить в этой комнате?

- Нет, разрешаю вам спускаться в зал, когда пожелаете.

- Я просто не могу сидеть и целыми днями бездельничать! – горячо воскликнула Эльф. – Если у вас есть станок, я начну ткать гобелен, если нужно починить одежду – только скажите, если кто-нибудь соберет для меня травы и растения, я сделаю мази, отвары и настои. Кто лечит у вас больных и немощных?

- Никто, – нерешительно протянул Мэри.

- Никто?! – поразились Эльф.

- Тут живут одни мужчины, леди Элинон. До того как появилась Айлин, женщин вообще не было. В случае необходимости мы полагаемся только на себя.

- Разве у вас нет жены? – вырвалось у Эльф. Она сгорала от любопытства узнать, почему такой красавец до сих пор холост.

- Нет, – коротко обронил он. По какой-то причине валлиец не желал признаваться, что уже был дважды женат и ни одну из своих супруг не поминает добрым словом.

- Возможно, среди ваших людей найдется такой, кого я сумела бы обучить лекарскому искусству. И когда вернусь в Эшлин, у вас останется свой целитель. Если вдруг разразится чума или холера, вся деревня попросту вымрет. Представьте себе этот ужас, господин!

Она обращалась с ним как учтивая гостя с внимательным хозяином! И хотя ничуть не осуждала его привычки и обычаи, Мэрину Ал-Оуэну стало не по себе. Откуда такая доброта и готовность помочь? В конце концов, он ее похититель, причинивший столько горя!

- Я попробую поискать нужного человека, – пообещал он. – А пока выберу надежного воина, чтобы неотлучно оберегал вас. К сожалению, придется обходиться без служанки. Арвид предана Айлин телом и душой, и, если вы раньше доверяли ей, госпожа, сейчас лучше поостеречься. Она целиком во власти Айлин и сделает все, чего бы та ни попросила. Однако я предупрежу ее, чтобы не смела подчиняться требованиям хозяйки разделаться с вами. Айлин приходится постоянно напоминать, кто здесь хозяин. А сейчас пойдём. – Он встал и предложил ей руку. – Я провожу вас в зал, леди Элинон.

Они спустились вниз и обнаружили, что зал пуст, если не считать единственного слуги.

- Гвилл! – позвал хозяин Гвинфра. – Отныне леди Элинон на твоём попечении. Ты головой отвечаешь за её безопасность. Только я имею право давать тебе приказы относительно этой дамы. Повторяю, только я, и никто другой, особенно леди Айлин. И запомни, не буду ничего передавать через третье лицо и, когда понадобится, сам все скажу.

- Как угодно, господин, – поклонился Гвилл. Мэри повернулся к Эльф:

- По-моему, на чердаке хранится станок, принадлежавший моей бабке. Сейчас посмотрим, сумеем ли мы его разыскать. Гвилл, в этом замке можно найти нитки с иглой?

- Вряд ли, господин, – засомневался Гвилл, пораженный столь странным требованием. – Может, на чердаке, вместе со станком?

- Пусть Гвилл отведет меня, господин. У вас наверняка дела поважнее, чем копаться в женских игрушках.

- Хорошо, леди, - кивнул Мэри. - Кроме того, нужно же знать, что ищешь. Я уже давно забыл, как все это выглядит. Гвилл, не отходи от госпожи ни на шаг.

- Понимаю, господин, - многозначительно ответил Гвилл, не выносивший любовницы хозяина. Что за подлая ведьма!

Эльф почти не надеялась обнаружить желаемое, но, к ее удивлению, все оказалось в целости - и рама, и станок, и даже корзинка с цветной шерстью. Потом Гвилл обнаружил шкатулку с принадлежностями для шитья.

- Интересно, чье все это? - тихо обронила Эльф. Гвилл ничего не ответил, притворившись, что поражен не меньше подопечной. Хотя знал, что шкатулку привезла с собой первая жена господина, наивная малышка, полная надежд на счастливую жизнь и без памяти любившая мужа. Вскоре бедняжка поняла, что связана узами брака с настоящим чудовищем. Она погубила себя, умерла с разбитым сердцем, и никто не позаботился отомстить за ее смерть, ибо женщина была сиротой.

- Если вам больше ничего не нужно, госпожа, нам лучше вернуться в зал. Я установлю станок, если желаете. Наверное, лучше всего у очага?

- Ты прав, - кивнула Эльф, кладя шкатулку в корзину, и стала осторожно спускаться по узким ступенькам, боясь, что споткнется о камни, выпавшие из стен. Она действительно должна чем-то заняться, если не хочет умереть от тоски! Верный своему слову, Гвилл расчистил местечко для рамы, установил станок, придвинул стул и спросил:

- Собираетесь ткать, госпожа, или пойдете за травами? На улице довольно тепло и дождя почти нет, только легкая морось.

- Думаю, лучше остаться в доме, Гвилл. Я все еще не согрелась после долгой поездки, - с улыбкой откликнулась она.

- Как по-вашему, госпожа, вы долго пробудете с нами? - вежливо осведомился он, усадив ее перед станком и поставив рядом высокую корзину. - Может, разложить шерсть на полу, чтобы было легче решить, какие цвета понадобятся?

Он немедленно опрокинул корзину и принялся разбирать нитки.

- Спасибо, - поблагодарила Эльф. - Не знаю, сколько придется здесь прожить. Это зависит от того, когда вернется из Нормандии мой супруг.

Она наклонилась и принялась помогать Гвиллу, откладывая на колени все, что приглянулось.

- Остальное убери, Гвилл, - велела она и начала заправлять в станок нитки.

- О! Как мило! Такая уютная, совсем домашняя картина!

- Доброе утро, Айлин, - сухо ответила Эльф. - А что ты делаешь целыми днями? Гвинфр не слишком веселое место, - Вот оно, истинное благочестие! Вижу, господин Мэри не знает, как тебе угодить! Будь ты моей пленницей, я приковала бы тебя к стене и отдала на съедение крысам. Пусть твой муженек подбирает все, что осталось, когда заплатит выкуп. Впрочем, он скорее всего счастлив избавиться от тебя!

В постели ты, должно быть, холоднее рыбы! Интересно, ты молишься в те редкие ночи, когда

он старается взгромоздиться на тебя, чтобы получить хоть какое-то удовольствие от твоего тощего тела? – прошипела Айлин, подбоченившись и злобно взирая на Эльф.

– Но я не твоя пленница, Айлин, хотя мне и дали понять, кого благодарить за мою печальную участь, – спокойно откликнулась Эльф, хотя Гвилл слышал в ее голосе гневные нотки.

– Так он сказал, что это я все придумала! Что же, это правда! – торжествующе выкрикнула Айлин. – Если муж согласится выкупить тебя, останется нищим! Впрочем, я сомневаюсь, что он отдаст все, приобретенное такими трудами, лишь бы вернуть тебя. Надеюсь, он не заплатит ни гроша! Тогда я отведу тебя в мой бордель! Будешь отрабатывать свое содержание!

Она язвительно рассмеялась, видя, как побледнела жертва.

– Ты заставляешь меня стыдиться самой себя! – воскликнула Элинон. – Впервые в жизни я готова убить! Раздавить тебя, как гнусную гадину! – Она величественно поднялась и встала лицом к лицу с ненавистной противницей, сжимая кулаки. – Ты омерзительное создание, Айлин де Варенн! Прости меня Боже, но я не выношу тебя!

Айлин отступила, потрясенная яростью, полыхавшей в обычно безмятежных глазах. Сейчас не было ни малейшего сомнения, что доведенная до отчаяния Эльф вполне способна напасть на нее.

– Итак, – прорычала она, – и тебе не чужды человеческие чувства! Прекрасно. Какой интерес сражаться со слабым врагом?

– Я здесь не для твоего развлечения, – холодно отозвалась Эльф и, снова усевшись, принялась натягивать шерсть.

– Оставь нас! – приказала Айлин Гвиллу.

– Не могу, – возразил он. – Хозяин запретил, госпожа. Велел не отходить от леди Элинон и не подчиняться никому, кроме него.

Судя по решительному взгляду и слабой, но ехидной ухмылке, Гвилл не намерен отступить. Айлин поняла, что проиграла, и, размахнувшись, наградила его оплеухой.

– Наглый раб! – взвизгнула она, но тут же отпрянула, закрыв руками лицо. – Ты... – пробормотала она, неверяще уставясь на Эльф, – ты посмела меня ударить?!

– Впредь и не думай поднимать руку на челядь, – остерегла Эльф. – Гвилл всего лишь следует приказам хозяина.

Ты здесь не хозяйка!

– И ты тоже, – парировала Айлин, лихорадочно растирая щеку. – Если ты навеки испортила мою красоту, я найду способ наказать тебя, сколько бы твой сторожевой пес ни крутился рядом! Клянусь, ты еще пожалеешь!

– Перестань ныть, у тебя даже царапины не осталось, – презрительно бросила Эльф. – Следы от моей ладони через несколько часов бесследно исчезнут, Айлин. Однако позволь, в свою очередь, предупредить тебя. Не смей тиранить слуг без причины! Неужели мать так ничему и не смогла тебя научить? Какое счастье, что люди Эшлина от тебя избавлены!

- Но это всего лишь челядь, - пренебрежительно отмахнулась Айлин. - Подумаешь?

- Они такие же творения Божьи, как и мы, - наставительно заметила Эльф. - Даже такое порочное существо, как ты, Айлин, тоже создал Господь.

- Пропади ты пропадом! Ненавижу! - взвыла Айлин, выбегая из зала.

- Вы приобрели смертельного врага, госпожа, - сокрушенно заметил Гвилл.

- Она всегда мечтала покончить со мной, - пояснила Эльф сбитому с толку валлийцу. - К счастью, теперь я набралась сил и ума, чтобы выстоять против нее.

- А я буду вас защищать, - поклялся все еще не опомнившийся от изумления Гвилл. Просто невероятно! Милая, тихая пленница не побоялась вступить в спор с разгневанной любовницей хозяина! К сожалению, здесь, в Гвинфре, некому дать укорот подлой бабенке, но Гвилл считал, что леди Элинор в безопасности под его охраной. Эту английскую суку все здесь ненавидят, особенно с тех пор, как хозяин велел повесить двоих, покусившихся на его собственность и поохотившихся в чужих угодьях. Только бедняжка Арвид все еще верна леди Айлин, но Арвид не способна на убийство. Как бы там ни было, нужно глаз не спускать с леди Элинор. Не дай Бог Айлин удастся ее коварный план.

Эльф с самого начала поняла, что стонать и жаловаться на судьбу смысла нет, поэтому постаралась стать полезной обитателям замка Гвинфр. Все ее мысли занимали Ранульф и дорогой сыночек, но от сознания того, что им обоим ничто не грозит, на душе становилось легче. Так или иначе, она была занята с утра до вечера: вышивала, ткала, искала целебные растения и готовила запас снадобий.

Как-то, когда она, забыв обо всем, загляделась на холмы, Гвилл тихо заметил:

- Вы ведь не знаете, в какой стороне лежит Англия, верно, госпожа? Но даже не думайте о побеге: дорога слишком тяжела для одинокой женщины.

Эльф ничего не ответила, сделав вид, что не слышит, и глубоко вонзила в землю нож, которым выкапывала корни растений. Гвилл совершенно прав. Она не знала, в каком направлении идти, а расспрашивать слишком опасно: сразу заподозрят неладное.

Эльф по-прежнему молча вручила Гвиллу нож и положила траву в корзину.

Жизнь в Гвинфре оказалась нелегкой. Как уже говорилось, большая часть замка обрушилась от времени, и, кроме Эльф, Айлин и Арвид, других женщин здесь не было. Даже приходившие днем слуги все были мужского пола. Эльф обнаружила, что в суровом монастыре ей жилось куда уютнее, а тут, чтобы умыться, приходилось самой носить воду. С того вечера, как Эльф появилась здесь, Айлин запрещала Арвид помогать ей, а Мэрин Ап-Оуэн в женские распри не вмешивался. Главная беда в том, что одежда пленницы нуждалась в стирке.

Мэрии похитил ее, предварительно одурманив. Хорошо хоть успел надеть юбку и тунику и завернуть Эльф в плащ. Она, как могла, чистила и вытряхивала порядком измявшийся наряд, но это мало помогало. Нельзя же носить одно и то же платье две недели! Камиза совсем засалилась, а другой на смену не было. Кроме того, отсутствие двери между комнатами представляло серьезное затруднение. Что же делать? А вдруг хозяин появится не вовремя?

Наконец она сообразила: нужно, как в былые времена, искупаться прямо в камизе. Она сделает это вечером, прежде чем Мэрии Ап-Оуэн вернется в спальню. Потом завернется в одеяло и

повесит камизу у огня, а сама быстренько заберется в постель, и Мэрии ни о чем не догадается!

Но Мэрии, войдя к себе, заметил сорочку, висевшую перед очагом на спинке стула, и недоуменно поднял брови.

Что за черт?

Подойдя поближе, он все понял. Ей нечего надеть!

Будь на месте Элинон любая другая, он не задумался бы воспользоваться подвернувшейся возможностью. Но только не с ней. Никогда в жизни он не встречал подобной женщины. Как прекрасно она держится! С каким мужеством приняла удар судьбы! И хотя ее ни о чем не просили, она приняла на себя обязанности хозяйки, и слуги впервые на его памяти выглядели почти счастливыми.

Ее отношение к нему тоже было не совсем обычным.

Айлин выказывала открытое пренебрежение к леди Элинон, но и та не походила на мямлю и святошу, наоборот, смело и остроумно оборонялась от шлюхи, которая не упускала ни малейшей возможности принизить или обругать пленницу. Мэрии был вполне уверен, что леди Элинон не одобряет его манер и привычек, но она ни разу не попыталась упрекнуть или перевоспитать его, а целыми днями хлопотала по хозяйству, Кроме того, она уже перевязала и вылечила несколько ран и царапин и избавила повара от ужасного кашля.

Мэрии Ап-Оуэн, смотревший на противоположный пол лишь как на источник наслаждений, был вынужден признать, что небо послало ему истинно добродетельную женщину. Он даже чувствовал некоторые угрызения совести за то, что похитил ее, хотя намерений насчет выкупа не оставил. Однако сейчас, при виде рубашки, он был искренне тронут тем, что она не стала жаловаться, а попыталась выйти из положения самостоятельно. Ну ничего, к этому он ей поможет.

Проснувшись, Эльф увидела, что хозяйина уже нет, и прокралась в его спальню. Камиза уже высохла, но, к своему удивлению, Эльф обнаружила на стуле небольшой отрез тонкого полотна и счастливо улыбнулась. Теперь она сможет сшить себе еще одну сорочку.

Одевшись, она спустилась в зал, где уже завтракал Мэрии. Айлин не было видно: она редко поднималась так рано. Эльф заняла свое обычное место.

- Спасибо, - тихо поблагодарила она.

- Я не думал, что вы пробудете с нами так долго, иначе» захватил бы хоть какую-то одежду, госпожа. Не нужно стесняться, если что-то понадобится. Просите что хотите! Я не «намереваюсь унижать вас.

- Видите ли, господин, я не привыкла роптать, хотя и рада, что могу сшить еще одну камизу.

Больше на эту тему ничего не было сказано, но через несколько дней она вручила ему остаток полотна.

- Что это? - поразился Мэрии.

- Для одной камизы этого слишком много. Я сшила кое-что и вам, подумав, что лишнее белье

не помешает. Правда, я не снимала с вас мерку, но думаю, что не ошиблась. Померьте камизу, и я сделаю все возможное, чтобы она вам подошла.

- Леди... - пробормотал Мэри, потеряв дар речи. За всю жизнь никто ничего не сделал для него даром. Она его пленница. Он украл ее из родного дома, не позволил вернуться и требует выкуп, И все-таки она заботится о нем, как о друге.

- Сегодня, с вашего разрешения, мы с Гвиллом пойдем за травами. Скоро начнутся холода, и растения замерзнут. Правда, я успела сделать значительные запасы на зиму.

Значит, она заметила его смущение и старается сделать вид, что ничего особенного не произошло!

- Разумеется, - едва выговорил он, украдкой бросив на нее взгляд, - вы можете идти.

Боже, как она прелестна!

И Мэри Ап-Оуэн с ужасом осознал, что случилось невероятное. Сердце, в само существование которого он не верил, все-таки есть и сейчас болит и ноет. Значит, вот она какая, любовь... Он влюблен в Элино де Монфор... Как же это случилось? Может, следовало послушаться совета Айлин и бросить пленницу в подземелье? Тогда он наверняка был бы в безопасности и не ведал бы, как она прекрасна, умна, очаровательна...

Поздно! Он любит хозяйку Эшлина и, если хочет, чтобы она была жива и здорова, ни за что не выдаст своей тайны Айлин.

- Господи, - молился он впервые за долгое время, - пожалуйста, помоги мне!

Но услышит ли Создатель молитвы такого человека, как он?

Мэри от всей души надеялся, что так и будет, хотя бы во имя благополучия Элино де Гланвиль.

Глава 17

Погода на берегу стояла ужасная, в проливе дул ледяной северный ветер, ливень обрушивался с неба днями и ночами, огромные волны с грохотом разбивались о песок, принося с собой клочки белой пены. Король, тепло одетый, полупьяный, был вне себя от гнева, что нельзя отправиться в путешествие. Он не мог дождаться, когда его коронуют. Вот уже больше месяца как в Англии нет монарха! Только бы не начался мятеж или, еще хуже, война! Пусть его права на трон неоспоримы, а происхождение безупречно, кто знает, что взбредет в голову этим непокорным англичанам!

Ранульф де Гланвиль тоже сгорал от нетерпения. Все, что ему хотелось, - поскорее выполнить поручение короля и вернуться домой. Как давно он не видел жену и сына! Прекрасное лицо Элинор снилось ему по ночам, и он умирал от желания признаться, что любит ее. Скоро. Уже совсем скоро.

Он едва не взвыл от возмущения, обнаружив, что его услуги королю ни к чему. Он лишь зря потратил время, околавываясь при дворе. Никому он там не нужен.

Королева Алиенор, отягощенная вторым ребенком, заявила, что не расстанется с сыном. Двор немедленно двинулся вслед за королем в Барфлер. Матильда осталась в Руане, чтобы править

Нормандией в отсутствие сына, но не задумываясь встала на сторону невестки. Поэтому маленький принц будет путешествовать открыто, вместе со своим двором.

- Сдался на милость женщинам, - вместо извинения объявил король. - Ничего не поделаешь, мать права, утверждая, что Алиенор в ее положении нельзя расстраивать. Пусть моя провансальская роза будет счастлива, каждый день видя сына.

Генрих беспомощно пожал плечами.

- В таком случае я могу вернуться домой, - обрадовался Ранульф.

- Нет, мой добрый де Гланвиль, я желаю, чтобы ты присутствовал на коронации. Остайся. Переправись вместе с нами. Я благодарен тебе за верность и должен предложить хотя бы эту малую награду.

Ранульф поклонился:

- Благодарю вас, повелитель, но разве преданность заслуживает награды?

- Тем не менее ты ее получишь, - жизнерадостно объявил король.

Ранульф понял, что проиграл, и, поклонившись, растворился в толпе придворных. Он хотел домой! Но ему придется тащиться вместе с медленно ползущей процессией в Лондон, чтобы узреть церемонию коронации в Вестминстерском аббатстве! Как неудачно все сложилось! Он отправился в Нормандию по прихоти Генриха, но из-за женского каприза все кончилось ничем. Разве такой награды ждал Ранульф? Ему был нужен замок, но теперь все останется по-прежнему, а Симону нечего ждать милостей от двора.

Утром седьмого декабря небо прояснилось. Король велел готовиться к отъезду, несмотря на то что его предупредили о шторме, грозившем нагрянуть еще до захода солнца.

- В путь! - приказал король и сам руководил погрузкой лошадей на корабли. Единственными женщинами в свите были королева и ее фрейлины, но Алиенор, привыкшая к тяготам пути еще во время первого крестового похода на Иерусалим в бытность свою королевой французской, ничуть не пугалась, наоборот, подбадривала служанок и первой взошла по сходням, держа за руку сына.

Небеса снова нахмурились, а ветер усилился. Вскоре море начало волноваться, и поднявшийся туман заволок белой дымкой силуэты судов. Ранульф, Гаррик Талиферро и их оруженосцы сидели в небольшом смэке

вместе с одним из королевских капелланов. Лошади и мул были крепко привязаны и накрыты мешками. Тьма сгустилась. Только звуки труб отдавались эхом во тьме, указывая на местонахождение остальных кораблей и вселяя некоторую надежду на благополучный исход путешествия. Мужчины поужинали хлебом с солониной и сыром и запили еду вином, после чего священник принялся истово молиться, в то время как суденышко подпрыгивало и переваливалось с волны на волну. Нос угрожающе задирался вверх, и Ранульф под вой ветра зачарованно ждал, пока смэк рухнет вниз с высоты. Молодые оруженосцы дремали, то и дело просыпаясь. Во мраке не видно было даже лиц, и Гаррик не сумел заметить выражения глаз приятеля, когда спросил, какова была истинная цель его приезда в Нормандию. Нужды лгать больше не было, поэтому Ранульф рассказал правду, признав, к собственному стыду, что планы изменились не один раз, а дважды.

- Безнадежная, заранее обреченная на провал затея, - закончил он, - но как я мог отказать королю?

- Ты прав, - вздохнул Гаррик. - Люди, подобные Генриху Плантагенету, отличаются от простых смертных. Ему в голову не пришло, сколько неудобств и хлопот он тебе доставил. Впрочем, совершенно ясно, что он не желал ничего плохого. Знаешь, Ранульф, я тебе завидую. Твоему дому, жене я малышу. Отправишься к себе и больше никогда не будешь зависеть от королевских причуд и желаний.

- Я надеялся, что, оказав королю услугу, получу разрешение построить небольшой замок. Мы слишком близко к Уэльсу, и не мешало бы охранять границу получше.

- Рано или поздно он заключит мир с валлийскими баронами, - утешил Гаррик друга, - можешь быть в этом уверен.

- Но при виде замка они сразу станут сговорчивее. Пусть я не знатный лорд, а все же мечтал возвыситься, сделав королю одолжение. Но мои планы пошли прахом, - вздохнул Ранульф и спросил:

- Разве не ты говорил, что после коронации вернешься на родину и женишься? Что тебе мешает, Гаррик? В отличие от меня у тебя есть фамильные земли. Женись на дочке богатого торговца, тут нет ничего постыдного.

- Да, - кивнул Талиферро. - Устал я от одинокой жизни. Мать моя уже немолода. Она будет счастлива получить дочь и внуков.

Утром туман наконец рассеялся, и оказалось, что их судно успело добраться до гавани Саутгемптона. Вскоре после прибытия они узнали, что королевский корабль видели в нескольких милях ниже, около Нью-Фореста. Сев на лошадей, рыцари поспешили на поиски господина. Вести о том, что король не побоялся переправляться в шторм, скоро распространились по округе, вселяя радость в сердца англичан.

Огромный флот разбросало по всему проливу, но ни один корабль не утонул. Суда приставали к берегу одно за другим, придворные высаживались на берег и направлялись разными дорогами в Винчестер, куда король должен был отправиться прежде всего, чтобы проверить состояние государственной казны. Сторонники короля Стефана боялись за свое будущее. Но никто не осмелился поднять смуту против Генриха Плантагенета, внука Генриха I и будущего короля Англии.

Тибальт, архиепископ Кентерберийский, собрал высших церковных сановников, чтобы встретить короля в Лондоне. Коронация должна была состояться в Вестминстере, хотя огромный собор находился в запустении от долгого небрежения. Однако здесь возводили на трон почти всех английских владык, и в воскресенье перед Рождеством года 1154 - го Генрих Плантагенет и Алиенор Аквитанская были возведены на трон. Ему был двадцать один год, ей - тридцать.

После король и королева, в великолепных нарядах, проехали по улицам столицы, красуясь перед восхищенным народом. Белая бархатная туника короля была расшита львами и лилиями. Молодой, здоровый, красивый... Его стремление как можно скорее воссоединиться со своими подданными заслужило всеобщее восхищение. Прекрасная его супруга, тоже в белом бархатном платье, перехваченном усыпанным драгоценностями поясом, переливавшимся под неяркими солнечными лучами, казалась самым совершенством. Длинные золотистые волосы были забраны золотой с жемчугом сеткой, на голове красовалась корона.

- Vivat rex! - вопили норманны.

- Waes hael! - вторили англосаксы.

Царственная чета раскланивалась и бросала в толпу монеты. Процессия пересекла город и направилась в резиденцию короля Бермондси. Вестминстерский дворец, выстроенный на месте старого, саксонского, внучатым дедом короля, Уильямом Руфусом, был почти разрушен во время войны между Стефаном и Матильдой. Вечером устроили празднество: по всей столице и в предместьях горели костры в честь нового монарха.

Наутро Ранульф и Гаррик покинули двор и некоторое время ехали вместе, пока Гаррику не пришло время свернуть на дорогу, ведущую в Глостер. Ранульф направился на северо-запад, к Эшлину. Если повезет, к Рождеству он окажется дома.

Дом! Его Элинор! Их сын!

- Господин! Господин! - окликнул Пэкс вскоре после расставания с Гарриком. - Коням нужно отдохнуть. Мы совсем их загнали! Мне тоже не терпится оказаться дома, но мы наверняка застрянем в дороге, если придется идти пешком.

Ранульф послушался оруженосца. Они пустили лошадей шагом и вскоре остановились на маленьком постоялом дворе. Жена хозяина накормила их хлебом и тушеным мясом. Пришлось спать в конюшне, поскольку местность была совсем отдаленной и бедной, и утром они скорее всего обнаружили бы пропажу и животных, и доспехов. На следующий день Ранульф старался не гнать коня. Погода была хоть и холодной, но по крайней мере сухой. Следующие несколько ночей им удавалось найти приют в странноприимных домах монастырей, где было куда безопаснее как для постояльцев, так и для животных.

Наконец двадцать четвертого декабря они оказались в знакомых местах и принялись нахлестывать лошадей. Последний холм - и перед ними, прямо внизу, расстилаются Эшлин и деревушка. Даже кони, почуяв дом, пошли быстрее. Ранульф, увидев пасущихся овец и щиплющих травку коров, облегченно вздохнул. Валлийцы оставили их в покое, несмотря на все слухи о набегах. Он с удовольствием отметил, что, хотя мост опущен, одна из створок накрепко закрыта. Значит, его приказы выполняются!

В это время дня на полях не было никого, кроме двух пастухов, собиравшихся загнать скот на ночь, да нескольких овчаров, присматривающих за овцами. Ранульф весело им помахал. Вот уже видны часовые на стенах, послышался сигнал рожка, предупреждающий о появлении гостя. Он жаждал пустить коня в галоп и влететь в ворота, но все-таки придержал животное и неспешно въехал в деревню.

- Добро пожаловать, господин, - приветствовал привратник, но лицо его осталось печальным.

Ранульф и Пэкс направились к дому по сельской улочке. В маленьких окнах лачуг мерцали огоньки, из труб поднимался дым. Дверь господского дома распахнулась. Ранульф спешил и вручил поводья Пэксу.

- Отведи жеребца на конюшню, - велел он, бросившись к крыльцу.

- Добро пожаловать домой, господин! - воскликнул Седрик, знаком приказав слуге взять у хозяина плащ. Ранульф увидел знакомые лица слуг, отца Освина, заметил колыбель у очага. Подойдя ближе, он потрясение уставился на малыша. Это не его сын!

- Где Симон? - осведомился он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Элис со смехом подняла мальчика:

- Вот он, ваш сыночек, господин.

- Но...

- Вас не было почти полгода, господин, - объяснила Элис, - а дети растут быстро.

Она положила ребенка ему на руки. Отец и сын смотрели друг на друга одинаковыми глазами. Ранульф с удивлением взирал на свое крохотное отражение.

- Клянусь святым распятием, это моя плоть и кровь! - воскликнул он.

- Уж это точно, господин, - поддакнула Элис.

- Мы рады видеть вас, господин, - вторил отец Освин. - Хорошо, что хозяин дома будет слушать сегодня первую из рождественских служб.

Ранульф рассеянно кивнул, не переставая оглядываться:

- Где моя жена?

- Пойдемте, господин, сядем, - вместо ответа попросил священник.

Но Ранульф не двинулся с места.

- Где Элинон, преподобный отец?

- Похищена валлийцами еще осенью, господин, - сообщил священник и поспешно добавил:

- Но она жива.

Седрик сунул кубок в руку хозяина. Ранульф залпом выпил вино.

- Откуда вы знаете? И как случилось, что никто не сумел защитить мою жену? Где был Фулк со своими людьми? Как вы допустили, чтобы мою жену украли, словно овцу с пастбища?

Голос его постепенно повышался. Сегодня обитателям Эшлина впервые предстоит увидеть, каков он в гневе. Редко кому доводилось стать свидетелем подобной бури. Глаза его застлало багровым туманом.

- Сядьте, господин, - строго повторил священник. - Я все объясню, когда вы успокоитесь.

Ранульф тяжело рухнул в кресло с высокой спинкой.

- Вскоре после вашего отъезда в Эшлин забрела девушка, жестоко избитая и худая как щепка. Она попросила убежища, и леди Элинон велела напоить и накормить ее. Мы лечили раны девушки, и госпожа дала ей работу. Еще несколько недель спустя из монастыря прибыл некий свинопас и передал, что аббатиса просит спасти ее от валлийцев. Вопреки всем просьбам и уговорам госпожа послала на помощь Фулка и почти всех его людей.

- На монастырь действительно напали? - допытывался Ранульф.

- И да и нет, - ответил священник и досказал остальное, добавив в заключение:

- Узнав, что госпожа пропала, мы были безутешны.

- Поняв, что нас провели и мнимый свинопас был шпионом валлийцев, - вмешался Фулк, - я со своими людьми всю ночь скакал обратно из монастыря, чтобы добраться до Эшлина. Мы сразу же помчались бы в погоню, но дождь лил три дня без продыху и смыл все следы. Наконец, когда погода установилась, я послал Сима на поиски логова разбойника Мэрина Ап-Оуэна. Наверняка это он украл госпожу. Сим пропадавал почти три недели, но вернулся с известием, что именно Мэрии Ап-Оуэн держит госпожу в плену. Сим все видел своими глазами. Госпожу охраняют день и ночь. Живет она в замке разбойника на холме. Выкрасть ее в одиночку оказалось невозможно, поэтому Сим вернулся рассказать обо всем, что разведал.

Ранульф кивнул. Красный туман немного рассеялся, но в груди загорелся неукротимый свирепый гнев.

- Вскоре прибыл гонец с требованием выкупа, - продолжал Фулк. - Мэрии Ап-Оуэн, оказывается, знал о вашем отсутствии. Он пообещал не причинять зла госпоже до вашего возвращения. Придется продать весь скот и овец, чтобы собрать нужную сумму. Когда деньги будут у вас, зажгите факелы на стенах. Один из часовых Мэрина Ап-Оуэна обязательно увидит сигнал, и госпожу обменяют на золото. Нам пришлось отпустить посланца и передать, что мы все поняли.

- Слишком хорошо все продумано, - медленно выговорил Ранульф. - Никогда не подумал бы, что простой разбойник так умен.

- Говорят, он благородных кровей, только уж очень коварен, - пояснил Фулк. - Мне так жаль, господин! Во всем моя вина! Не следовало слушаться госпожу.

Ранульф покачал головой:

- Нет, Фулк. Ты был обязан подчиниться. Если бы эта девка Арвид не предала мою жену, ничего бы не случилось. Даже будь ты здесь, чем бы помог? Все знают, как ты любишь поесть и выпить. С твоим аппетитом наверняка уснул бы первым. Слава Богу, что тебя не было. По крайней мере хоть что-то предпринял, - утешил он, хлопнув по плечу начальника стражи.

- И что же теперь делать, господин? - озабоченно спросил Фулк.

- Сначала отслужим мессу. Потом я должен поговорить с Симом и решить, есть ли шанс спасти мою жену. Правда, может, лучше всего просто заплатить выкуп. Интересно, кому пришло в голову советовать мне продать скот? Все это слишком хорошо задумано, друзья мои. Валлийцы могли угнать животных, но вместо этого похитили мою жену, зная, что я получу при продаже вдвое больше, чем они. Да, все это чей-то подлый замысел!

- Но если у нас ничего не останется, как же прожить целый год?

- Мэрии Ап-Оуэн следит за нами, - пояснил Ранульф, - наблюдатель ждет только сигнала, а следовательно, скрывается достаточно далеко, опасаясь быть пойманным. Завтра праздник, но послезавтра мы перегоним овец с дальнего на ближний луг, а по пути отобьем тех маток, которые должны вот-вот обьягниться, и спрячем в загоне, где их никто не увидит. Таким образом у нас скоро появится новое стадо. Валлийцы ничего не узнают, ибо, получив выкуп, перестанут обращать на нас внимание. Надеюсь, урожай был достаточно хорош, чтобы прокормить овец в зимние месяцы.

- У нас есть несколько стельных коров, - вмешался управитель Джон.

- Мы и их оставим, - решил хозяин. - Сегодня полумесяц не толще серпа. Пусть пастухи отведут их в коровники. Я не желаю терять жену, но и этим разбойникам не позволю довести нас до нищеты.

- Вы убьете их, господин? - прошептал Фулк.

- Обязательно, но сначала нужно вернуть госпожу, - спокойно откликнулся Ранульф. - Ну а потом окажем королю услугу, избавив границы от этой швали.

- Аминь! - воскликнул отец Освин.

- Идите к столу, господин, - позвала Аида. - Ужин подан, а вы, должно быть, проголодались. Госпожа не простит, если мы не присмотрим за вами.

Ранульф давно хотел есть, но сейчас невольно задался вопросом, сыта ли его жена. Мерзнет или в тепле?

Усевшись за высоким столом, он растерянно огляделся, изнемогая от одиночества.» Элинор! Моя малышка! Я люблю тебя всем сердцем...«

За окнами зловеще завывал ветер.

Эльф сидела за ткацким станком, у очага. Господи, она могла бы поклясться, что слышит голос мужа. Ветер хлопал плохо прибитыми ставнями, громко стонал, и она невольно вздрогнула. Наступило время вечерней рождественской службы, но в замке Гвинфр не было ни церкви, не священника. Гвилл шепотом объяснил ей, что святые отцы считали Гвинфр проклятым, его хозяина и обитателей - отродьем самого дьявола.

В день зимнего солнцестояния здесь царило пьяное веселье. Айлин даже привела шлюх развлечь мужчин.

- Вам лучше оставаться в своих покоях, - посоветовал Мэрии Ап-Оуэн, - и не выходить, чтобы не случилось беды.

Для верности он запер Эльф и подsunул ключ под дверь. Таким образом, объяснил он, никто не сможет украсть ключ, если сам он напьется. Оба понимали, что он имеет в виду Айлин.

- Когда я вернусь, уже успею протрезветь, постучу и попрошу открыть, - добавил он и исчез.

Снизу слышались вопли и визг: очевидно, там всю разгоралась оргия. Мэрии предусмотрительно велел принести Эльф поднос с ужином. Она поела и занялась вышиванием. Раза два ей казалось, что за дверью слышатся осторожные шаги. Потом кто-то подергал ручку. Эльф на всякий случай поставила поближе кочергу. Вряд ли кто-то вломится в комнату, но нужно иметь чем защититься.

Постепенно шум затих, и Эльф, как была в одежде, легла на постель, бросив кочергу рядом.

А в это время Айлин уговаривала своего любовника отдать Эльф его людям на потеху.

- Я хочу видеть ее униженной и растоптанной, - твердила она.

- Скорее я тебя отдам мужчинам, - бросил Мэрин.

Он был пьян, но разума не терял. Айлин окончательно спятила со своей жадной мести, но ему нужны деньги. А кроме того, если он не может получить Элинора, то и другим ее не видеть. Сама мысль о том, что кто-то способен обесчестить ее изысканную красоту и сломить отважный дух, выводила его из себя. Он встал, поднял Айлин за волосы, сорвал с нее платье и швырнул на стол, голую, на виду у собравшихся.

- Эй, парни, моя шлюха к вашим услугам, но только на эту ночь, ибо я человек ревнивый. Кто первым попробует ее прелестей, прямо здесь, на столе? Неплохое лакомство, верно?

- Дьявол! - прошипела Айлин, но мужчины уже толпились вокруг стола, жадно пялясь на нее. Заскорузлые от грязи руки тянулись к ее полной груди. Двое раздвинули ей ноги, а остальные выстроились в очередь, чтобы один за другим взгромоздиться на желанную добычу. Айлин оставалась равнодушной. Никто не мог возбудить ее так, как Мэрин Ап-Оуэн. Ей приходилось угождать всем, чтобы поддержать репутацию страстной женщины.

Повернув голову, она заметила Мэрина. На его коленях сидела рыжая шлюха, тоже голая. Он уже успел насадить ее на свое копье, и девушка энергично подпрыгивала: голова откинута, шея напряжена», из горла рвется вопль наслаждения.

«Сука!» - подумала Айлин. Но ничего, отныне у рыжей в клиентах будет самая последняя шваль, уж об этом Айлин позаботится!

Перед рассветом, когда почти все в зале, пресытившись едой, вином и наслаждениями, громко храпели, Мэрин поискал глазами Айлин. Она слала под столом, несмотря на то что один из валлийцев все еще трудился над ней. Мэрин бесцеремонно оттолкнул его и поднял Айлин.

- Пойдем, моя прелестная шлюха, - велел он. - Ты еще не обессилела, а мой резвый «петушок» не успокоится, пока не окунет клюв в твой хмельной мед.

Айлин пришла в себя и улыбнулась ему:

- Ублюдок! Твои парни растерли все у меня внутри до крови, и тебе все мало? В чем дело? Разве красноглазая потаскуха не ублажила тебя? Или жалеешь, что употребил ее, а не пленницу? - И громко рассмеялась в его удивленное лицо. - Думаешь, я не заметила томные взгляды, которые ты бросаешь на Элинора, когда воображаешь, что никто не замечает? Словно неотесанный деревенский олух, которого угораздило влюбиться в молочницу!

Она презрительно фыркнула, хотя изнемогала от ревности. Да, Айлин удалось застать его врасплох, но Мэрин мгновенно пришел в себя и, наградив ее оплеухой, поволок по лестнице.

- Если я обращаюсь с леди Элинора иначе, чем с тобой, то лишь потому, что она благородная дама и поистине добродетельная женщина. Ты же - подлая, злобная шлюха, с душой, черной как ночь. Мы с тобой - идеальная пара.

В утро Рождества, когда за стенами замка Гвинфр вихрился снег, Эльф продолжала трудиться над гобеленом. После утренних молитв она тихо спела рождественский гимн, который выучила когда-то в монастыре. Ужасно печально сознавать, что она даже не может встретить праздник как полагается.

На гобелене появился первый узор. Поскольку этот замок не место для религиозных сюжетов, она черпала вдохновение в окружающем пейзаже, изобразив зеленые холмы, синее небо и луг, усеянный цветами. Неплохо бы прибавить пару оленей!

Эльф вздрогнула. Шелковая туника и юбки плохо грели, и даже плащ не спасал от сырости. Несмотря на то что она не отходила от огня, сквозь щели сочился холод, известковый раствор, скреплявший камни, давно выкрошился.

Она вспомнила о своем теплом доме в Эшлине. Как там ее маленький Симон? Вернулся ли из Нормандии Ранульф? Когда ее наконец освободят? Здесь никто не положил в очаг рождественское полено, не поставил свечи из душистого воска, не зажарил кабана, не спел ни одного гимна. А сейчас обитатели Эшлина наверняка слушают мессу в заново отделанной церкви. Первое Рождество Симона, а она даже не может полюбоваться личиком малыша.

На мгновение Эльф захлестнула ярость, но она вовремя вспомнила, что младенец Христос пришел, чтобы принести на землю мир. Она снова вернулась мыслями к Эшлину. Как она тоскует по воинственной старой Аиде, Вилле, верному Седрику, надежному Фулку. Как ей не хватает мягкой постели и вкусных обедов! Здесь еда такая однообразная и почти никогда не бывает зелени.

За стенами продолжал бушевать ветер. Эльф снова зябко поежилась, но тут же ахнула от неожиданности, когда на плечи ей упал тяжелый, подбитый мехом плащ. Женщина подняла удивленные глаза и встретила взглядом с Мэрином Ап-Оуэном. Губы их почти соприкасались. Эльф вспыхнула и испуганно отпрянула, не в силах вымолвить ни слова. О, этот огонь в его глазах! В точности как в свое время у Ранульфа. И тут ее мгновенно озарило: Ранульф любит ее! Сердце наполнилось счастьем, но тут же вновь сжалось. Значит, и Мэрии Ап-Оуэн питает к ней те же чувства!

Мэрии поспешно отвернулся. – Гвилл напомнил мне, что у вас почти нет одежды, а теперь, когда пришла зима, вам не мешает иметь плащ потеплее, – спокойно заметил он.

Эльф с трудом сглотнула.

– Спасибо, господин, – поблагодарила она, низко склонившись над работой.

– Это волчий мех, Я сам убил зверя прошлой зимой, – продолжал он.

«Нужно смотреть на него, иначе он заподозрит неладное», – подумала Эльф и снова подняла голову.

– Я уже почти согрелась. Теперь буду укрываться по ночам.

– Но почему вы не сказали, что мерзнете? – удивился он.

– Не в моих привычках жаловаться.

– Впредь просите все, что понадобится, ведь я уже говорил вам! Согласен, наше положение не совсем обычное, но я не собираюсь лишать вас привычных удобств. Я человек честный и не желаю, чтобы вы зачахли. Обещаю вернуть вас мужу целой и невредимой.

Эльф против воли рассмеялась. Мэрии улыбнулся. Он никогда не слышал, как она смеется!

– Что вас так позабавило, госпожа?

– Вы – честный человек? Вы разбойник и вор, Мэрии Ап-Оуэн, – фыркнула она.

– Верно, – ухмыльнулся он, – зато честный разбойник и вор.

- Интересно, придерживались ли монахини Святой Бригитты того же мнения, - мягко напомнила она. Мэрин вспыхнул:

- Жажду крови трудно удержать в узде. Никогда, ни до, ни после, я не совершал таких постыдных деяний, но в тот день меня подстрекала дьяволица в женском облике. Мне стыдно признаться в собственной слабости, но что сделано, то сделано, и ничего не вернуть.

- Вы по крайней мере можете молиться за тех, кого погубили, Мэрин Ап-Оуэн, и этим исправить содеянное. Если искренне раскаетесь и попросите у Господа прощения. Он дарует вам благо.

Мэрин устало вздохнул:

- Я лишился всякой надежды на спасение, госпожа Элинор. Может, если бы мы встретились раньше, все вышло бы по-другому. Но этому не суждено было случиться.

Он поклонился ей и, повернувшись, исчез. Элинор вернулась к прерванному занятию. Но на душе было тяжело. Бедняга! Каким он был до того, как в его жизнь вошла Айлин? Гвилл утверждает, что его хозяин - великий грешник с самого своего рождения, но так ли это? Приходилось признать, что Гвилл не лжет, ибо он был искренне предан Марину. Как ни горька правда, тут уж ничего не поделаешь. Что за многообразный мир! И она ничего не знала бы о его бедах и радостях, если бы осталась в монастыре. Не было бы ни Ранульфа, ни Симона. В мирской жизни приходится принимать равно как хорошее, так и плохое. Остается лишь надеяться, что последнего куда меньше.

Что с ней будет?!

Снег. Снег - досадная помеха всем планам. Ранульф не находил себе места. Он хотел послать Сима в Гвинфр, передать, что он вернулся и продаст скот, как только отыщет подходящего покупателя. Соседи наверняка начнут гадать, с чего он вздумал торговать зимой. Некоторые даже воспользуются его безвыходным положением. Да, нелегко ему придется, но ничего не поделаешь. Сейчас главное - Элинор.

Метель наконец улеглась, и Сим отправился в путь. Первого января он подъезжал к Гвинфру, презрительно рассматривая руины, кучи мусора и убогие постройки.

- Что тебе нужно? - окликнули его из-за решетки.

- Поговорить с Мэрином Ап-Оуэном.

- Он не принимает чужаков.

- Я от Ранульфа де Гланвиля, хозяина поместья Эшлин, и ваш господин ждет меня, - рявкнул Сим.

- Подожди.

Привратник ушел и, вернувшись через несколько минут, молча поднял решетку, пропуская Сима.

- Сюда, - велел он, показывая на одну из башен. Сим спешил и, не поблагодарив привратника, направился к башне. Там его встретил молодец самого разбойничьего вида, который знаком велел следовать за ним.

Они оказались в парадном зале, где за высоким столом восседал сам Мэрии Ап-Оуэн. По правую руку находилась леди Элинон, бледная, но невредимая, а слева... слева... Иисусе сладчайший, да ведь это Айлин де Варенн! Вот она, истинная причина всех их бед! Сим учтиво поклонился.

- Господин, хозяин прислал меня с известием о своем возвращении. Он сделает, как вы сказали, но прежде должен убедиться, что его супруга в безопасности и чувствует себя нормально.

- Ты сам можешь видеть, что госпожа жива и здорова, - ответил Мэрии. - Я человек слова, пусть даже привычки мои несколько необычны. Когда ожидать выкупа?

- Мой господин должен действовать осторожно, если он продаст весь скот сразу и в одном месте, могут возникнуть ненужные вопросы. Он постарается получить самую высокую цену, ибо безмерно уважает и почитает жену.

- К чему эти уловки? - неожиданно вмешалась Айлин. - До сих пор с вашей хозяйкой обращались мягко, но, если ваш господин попытается провести нас, она может оказаться а подземелье.

- Молчать! - прогремел Мэрии Ап-Оуэн. - Ты здесь никто! - И, обратившись к Симу, добавил:

- Такая задержка поистине кажется мне странной. Может, есть другие причины, кроме тех, о которых ты сказал, и хозяин Эшлина не желает возвращения жены?

- Господин, если лорд Ранульф проявит поспешность или волнение, торговцы без зазрения совести воспользуются его горем и заплатят не больше, чем получили бы вы, если бы просто угнали скот, - спокойно объяснил Сим. - Какой же тогда смысл похищать леди?

- Этот раб слишком уж умен. Прикончи его! - прошипела Айлин.

- Если убьете меня, кто передаст ваши слова хозяину? - невозмутимо осведомился Сим. - Конечно, вы можете привезти ему мое бездыханное тело, но как же лорд Ранульф узнает, что его госпожа жива? Только я смогу удержать его от штурма вашего замка? Уж поверьте, гнев его будет ужасен, а наше войско не оставит здесь камня на камне.

- Ты ведь не просто крепостной, верно? - хмыкнул Мэрии.

- Меня зовут Сим, господин, и я при надобности замещаю начальника стражи Фулка, - сообщил парень. - Мой хозяин выказал вам свое уважение, послав сюда человека моего положения, а не какого-то безмозглого болвана. Могу я потолковать с госпожой? Всего несколько слов, чтобы успокоить ее супруга.

- Так и быть, - кивнул Мэрии, - но говори при всех.

- Я привез вам привет из Эшлина, госпожа. Мы каждый день молимся за ваше благополучное возвращение. Отец Ос-вин велел передать, что у нас все живы и здоровы, а Седрик, Аида, Вилла, Симон, Орва и Фулк шлют свою любовь. Ваш муж обещал освободить вас как можно скорее, леди Элинон.

Что мне ему передать?

- Как видишь, Сим, я не пострадала, и Мэрии Ап-Оуэн хорошо со мной обращается. Скажи

господину и всем остальным, что я по ним скучаю.

Она широко улыбнулась и многозначительно кивнула. Сим учтиво поклонился, весьма довольный собой. Как ловко он ухитрился дать знать госпоже, что ее дитя не болеет. Валлийский разбойник и его шлюха так ничего и не поняли! Госпоже, разумеется, не терпелось получить вести о сыне, но все в Эшлине считали, что похитители понятия не имеют о ребенке, иначе украли бы и его.

- Поезжай к хозяину, - велел Мэри, - и напомни, что терпение мое не безгранично, хотя и я тоже считаю, что осторожность не помешает. Явишься через месяц, условимся о времени и месте встречи. Но если твой хозяин попытается меня предать или получить жену без выкупа, я убью ее, - подчеркнул он. - Ты понял, Сим из Эшлина?

- Конечно, господин, но опасаться нет причин. Лорд Ранульф мечтает лишь о возвращении жены, ибо на всей земле нет для него человека дороже, - заверил Сим и снова поклонился. Сначала хозяину дома, потом Эльф.

- Иди с миром, - кивнул Мэри. Сим удалился.

- Наглый ублюдок! - взорвалась Айлин. - Тебе следовало бы разрубить его на куски и в таком виде отослать господину.

- Ты слишком безрассудна, - возразил Мэрин Ап-Оуэн. - Какой смысл убивать простого посланца? Я не вижу в этом особой радости, а тем более выгоды. В чем провинился этот самый Сим? А вы, леди Элино, думаю, будете дома уже к весне. Довольны?

- Очень! - не покривила душой Эльф. Как хорошо увидеть Сима, узнать, что Симон здоров, а Ранульф вернулся! Это означает, что король Стефан мертв, а на трон взошел Генрих Плантагенет. До Гвинфра новость еще не дошла. Впрочем, какая теперь разница?

- Вы должны закончить гобелен, - заметил Мэрин. - Я вывешу его здесь, в зале, на всеобщее обозрение.

- Это достаточно жалкая плата за кров и еду, господин, - проронила Элино. Как он смотрит на нее! И хотя изо всех сил старается скрыть желание, ему это плохо удается. Только бы Господь смилостивился и не дал Мэрину надругаться над ней. Дошло до того, что она не смела поднять на него глаза и откровенно боялась наступления ночи. Последнее время она привыкла ложиться в постель сразу же после ужина, чтобы уснуть к тому времени, когда придет он. Но все усилия были напрасны. Она не могла уснуть до тех пор, пока не услышит храпа. Его чувства пугали Элино и одновременно, как это ни странно, волновали. Это было искушение в самом чистом виде, и от нее требовалось немало сил, чтобы ему противостоять.

И еще Айлин. Она не так глупа, чтобы не понимать, что происходит, а если приревнует Мэрина, способна на любую подлость. И это тоже страшило Эльф.

«О Ранульф! Пожалуйста, поспеши! Я хочу домой! Хочу оказаться в твоих объятиях, снова ощутить вкус твоих губ, взять на руки сына. О Ранульф! Скорее! Скорее!»

Глава 18

«Сердце у него тверже кремня», - думала Айлин, сидя за столом рядом с Мэрином Ап-Оуэном. Он не любит ее и никогда не любил. Она тешила себя мечтами о том, что когда-нибудь завоюет его, но в конце концов признала поражение. Каким же ударом для нее было понять, что Мэри

способен на глубокое чувство! Только не к ней. Во всем, что касалось Элино́р де Монфор, Мэ́рии был мягче масла. Ублюдо́к! А ее соперница, язык которой в последнее время жалил хуже осы, как ни в чем не бывало улыбалась Мэ́рину, поднося к губам чашу. Жаль только, что она не наполнена ядом до самых краев! Маленькая лживая ханжа!

Что же, настало время Айлин позаботиться о себе. Пусть чертов валлиец и лучший любовник из всех, какие у нее были, – этого недостаточно. Впервые в жизни Айлин поняла, что хороший любовник – это еще не все. Похоже, она не отличается от других женщин, и хочет, чтобы ее тоже любили, а если этому не суждено сбыться, значит, нужно подумать о своем будущем. Но почему ни один мужчина не любил ее?

Она ведь так красива!

Ричард де Монфор клялся, что не может жить без Айлин, но оказалось, что он всего-навсего сгорал от вожделения, как и остальные. И скоро надоел Айлин. Прошло совсем немного времени после свадьбы, а пыл его заметно остыл. Он ожидал, что она станет кем-то вроде экономки: будет вести хозяйство, лечить омерзительно смердящие раны и не менее гадкие хвори крепостных. Даже сейчас, при воспоминании об этом, Айлин брезгливо поморщилась. Она не из таких дур, чтобы заниматься всякой чепухой!

Всю жизнь Айлин нуждалась в поклонении и восхищении. Пусть другие служат ей! Для черной работы существуют слуги, но Ричард посмел требовать от нее исполнения хозяйских обязанностей, постоянно толковал о каком-то долге! О, ее мать со всем справлялась, но она просто старая клушка!

А ее кузен, Саэр де Бад, который соблазнил Айлин, когда та была совсем маленькой, хотя, по правде говоря, это она обольстила его. А отец договорился о ее браке с Ричардом де Монфором, потому что у де Бада не было ни денег, ни дома, и к тому же они находились в близком родстве. Сначала Айлин страдала, мучилась при мысли о том, что ее отдадут другому. Но Саэр успокоил ее, пообещав, что рано или поздно они будут вместе. Однако, пока она не взяла дело в свои руки и не начала поить мужа медленно действующим ядом, а потом не призвала к себе кузена, Саэр не давал о себе знать.

По приезде он начал рассказывать сказки, будто все это время старался стать достойным ее и поэтому искал выгодную службу. Лгун! Она, и она одна была его единственным средством добыть поместье и некоторое положение. Но, судя по тому, как он вел себя после смерти Ричарда, Айлин подозревала, что он и не подумал бы убить Элино́р и мирно жил бы с ней в супружестве, сохранив Айлин в качестве любовницы. Теперь она радовалась, что их план не удался. Предательство Саэра было бы для нее слишком тяжким ударом.

Но все это ничто по сравнению с изменой Мэ́рина Ап-Оуэна. Что он находит в Элино́р?! Подумать только, страдает, словно влюбленный молокосос! И даже ни разу не овладел ею! Или это не так?! Да уж не лжет ли он? Как можно любить женщину, с которой никогда не спал?!

Айлин такого не понимала и серьезно подозревала, что Мэ́рин Ап-Оуэн скрыл правду. Да, хитрая кошечка эта Элино́р де Монфор. Не хочет, чтобы кто-то, тем более Айлин, узнало ее грешках! Должно быть, она и в самом деле пригрела Мэ́рина в постели, иначе почему выглядит такой спокойной и безмятежной? Распутная сучка! Что ж, Айлин не проведешь!

Да, но что теперь делать? Мэ́рии следит за своей драгоценной пленницей, как мать-наседка за цыплятами. А когда его нет, рядом вечно торчит проклятый Гвилл. Как бы ни хотелось Айлин расправиться с Элино́р, шансов почти нет. Но она должна отомстить тем, кто так больно ее

ранил! Кроме того, несмотря на все наслаждение, что она дарит Мэрину Ап-Оуэну, тот начал уставать от нее. И от швырнет так же легко, как любую деревенскую девку! И что тогда делать?

Она только недавно начала заниматься борделем Клауда, и еще не время вытеснить хозяина и занять его место. У нее нет достаточно денег, а Мэрии наверняка откажется помочь. Наоборот, с жестоким наслаждением прогонит ее, предоставив самой о себе заботиться. Подлец! Но без золота она бессильна.

И тут Айлин поняла, что выход прямо у нее под носом! Она украдет присланный Ранульфом выкуп, прежде чем деньги попадут в Гвинфр. Достаточно хорошей лошади, чтобы Айлин де Варенн отправилась куда глаза глядят и стала хозяйкой лучшего борделя во всей Англии.

Лондон! Она поедет в Лондон! Там Мэрин никогда ее не найдет! Посчитает, что Ранульф де Гланвиль обманул его, и истерзает Элинора, прежде чем прикончить, так что Айлин одним ударом убьет двух зайцев: отомстит и получит золото.

Щеки Айлин разгорелись, а сердце бешено колотилось от возбуждения.

- У тебя вид кошки, только что пойманной воробушка, - заметил Мэрии, - О чем размышляешь, моя прелестная сука?

- О том, как Эшлин будет разорен, а все его обитатели, которые были так несправедливы ко мне, умрут с голоду, когда Ранульф де Гланвиль продаст скот, чтобы выручить жену, - солгала она, прямо глядя в его темные глаза. - Туго им придется. Ни шерсти на продажу, ни молока, ни мяса. Как они смогут пополнить запасы? Купить семена? - Она злобно расхохоталась. - Ранульф де Гланвиль сто раз пожалеет о том, что все отдал за благочестивую супругу, когда крепостные станут проклинать его имя! Я прихожу в восторг при одной мысли об их печальной участи!

Это был тот редкий случай, когда Айлин не лгала. Интересно, отомстит ли Ранульф своей жене. И кто кого прикончит: он Мэрина или наоборот? Что же, не важно, главное, что она, Айлин, в конце концов восторжествует.

- У тебя поистине черное сердце, моя прелестная сука, - бросил Мэрин. - Что-то давно я не вставлял стрелу в твой колчан, Айлин. Твое коварство вызывает во мне неудержимое желание. - Резко повернувшись к Элинора, он приказал:

- А вам пора подняться к себе, госпожа. Не ждите меня, я приду поздно. - И ехидно усмехнулся, зная, что сумел уколоть Айлин.

- И пусть тебя не тревожит шум, доносящийся из моих покоев, - поддакнула та. - В моей постели господин не знает удержу.

- Как и все остальные мужчины, насколько я слышала, - съязвила Эльф и, поднявшись, с поклоном покинула зал. Мэрин Ап-Оуэн негромко рассмеялся.

- Ну и злючка! - восхищенно заметил он. - Клянусь святым распятием, хотел бы я оказаться между ее разверстыми бедрами!

- Думаешь, я поверю, что ты уже не пил из этого колодца? - прорычала уставшая притворяться Айлин. - Будто уж ты не брал ее снова и снова с тех пор, как привез в Гвинфр и поселил в своих покоях! Правда, она притворяется сущим ангелом, но боюсь, что давно лишилась святости,

пожив рядом с тобой. А то, что ты отродье самого дьявола, известно всем.

- Ты совсем не знаешь меня, прелестная сука, - со зловещим спокойствием откликнулся Мэрии, - если воображаешь, что я способен покрыть себя позором, обесчестив пленницу. Не все женщины похожи на тебя, Айлин, хотя многие до некоторой степени обладают чертами твоего характера. Но Элино де Монфор порядочна и добродетельна.

- Ты любишь ее! - взвилась Айлин.

Несколько долгих мгновений Мэрии сверлил ее испытующим взглядом. Потом бесстрастно улыбнулся. Нет, он не откроется этой твари, которая смеет поносить его даму. Никогда и ни к кому Мэрин не испытывал столь чистого чувства, как к Элино де Монфор, и не загрязнит его, поведая подлой ведьме, что кроется в его сердце.

- Пойдем, моя прелестная сука, - велел он, вставая. - У тебя есть много других способов позабавить меня. По-моему, мое копьё давно не протыкало тебя сзади. Кроме того, тебе не помешает хорошая порка. Придется разогреть тебя березовыми розгами. А потом, моя прелестная сука, ты примешь меня в свои жаркие влажные ножны, где так тесно и уютно.

- Она не способна дать тебе то, что даю я, - выдохнула Айлин, едва поспевая за ним.

- Верно, - с улыбкой согласился Мэрии. - Не способна.

Эльф услышала их шаги на узкой лестнице. Визгу Айлин вторил мрачный смех Мэрина. В такие моменты Эльф понимала, как порочен ее похититель. И все же он никогда не обращался с ней плохо. Наоборот, выказывал всяческое почтение. Айлин он третировал, как последнюю шлюху, каковой она, впрочем, и была. Почему? Увы, Эльф слишком неопытна, чтобы ответить. О, сколько же еще терпеть, прежде чем они с Ранульфом снова увидятся?

«Осталось совсем недолго», - думал Ранульф, пересчитывая монеты, привезенные Джоном из Херефорда, где тот продал половину скота. Вторая половина осталась в Вустере. Овец купил епископ, узнавший о беде и заплативший более чем справедливую цену, к великому облегчению Ранульфа. По его мнению, святые отцы частенько пытались воспользоваться отчаянным положением прихожан, но тут этого не случилось.

Осталось выбрать время и место для передачи выкупа, и Элино де Монфор будет свободна. Господи, как же долго тянутся последние недели!

Глядя на Симона, ползавшего по залу и уже пытавшегося встать, Ранульф понял, сколько всего пропустила Эльф.

Ребенок наверняка не узнает матери!

Холодный зимний дождь лил без просвета в тот день, когда Сим отправился в Гвинфр и, добравшись до места, предложил назначить встречу. Мэрии Ап-Оуэн приветствовал его. Но сестра не предложил. Айлин де Варенн кисло морщилась.

Леди Элино де Монфор нигде не было видно.

- Я должен убедиться, что госпожа все еще жива, - вежливо заметил Сим.

- Гвилл, - окликнул Мэрии. - Приведи госпожу. Пусть ее слуга собственными глазами увидит, что она невредима. Гвилл поспешно выбежал из зала.

- Где твой хозяин желает со мной увидеться? - осведомился валлиец.

- Он предлагает два места на выбор, но если вы не согласны, готов явиться, куда укажете. Недалеко от границы, со стороны Англии, есть развалины старого дома. Мы зовем его Брайармир. Можно и на холме, на самой границе, господин.

Мэрии Ап-Оуэн немного подумал. Он хорошо знал Брайармир. В развалинах легко устроить засаду. Он сам много раз нападал на бедняг, имевших несчастье оказаться на его пути. Если он доберется туда первым... но, с другой стороны, если хозяин Эшлина успеет раньше... нет! Брайармир на этот раз не подойдет. А вот на вершине холма... идеальное место. Там просто негде скрыться.

Мэрии улыбнулся. Должно быть, Ранульф де Гланвиль думал о том же и точно все рассчитал.

- На холме, - решил он, - через десять дней.

- По рукам, - кивнул Сим. - Я принесу золото, а вы привезете госпожу.

- Не пойдет. Принесешь золото и подождешь, пока его передадут мне. Я должен убедиться, что твой хозяин ведет честную игру и не наполнил кошель камнями вместо монет. Когда я пересчитаю деньги, ты получишь госпожу. Я сам привезу ее, чтобы не допустить никаких неприятных случайностей. От холма до Гвинфра всего несколько часов езды.

Сим так и порывался запротестовать против такой несправедливости, но благоразумно промолчал. Да и разве у него был выход? Последнее слово все равно остается за валлийцем.

- Через десять дней мой посланец будет ждать тебя, - продолжал Мэрии Ап-Оуэн. - Он будет один, и ты тоже никого не бери. Понял?

Сим кивнул.

- Сим!

Он повернулся и увидел входившую в зал леди Элинон.

- Госпожа!

Сим низко поклонился, но она взяла его за руку и спросила:

- Как там в Эшлине? Как поживают мой муж, Аида, Седрик, Вилла и Симон?

- Все здоровы, госпожа, но расстроены вашим отсутствием, - заверил Сим. Госпожа выглядела неплохо, только бледна и немного осунулась.

- Долго еще? - прошептала она.

- Через десять дней я привезу выкуп, госпожа, и если господин Мэрии останется доволен, привезет вас, и мы уедем домой.

- Слава Богу, - вздохнула Эльф. - Самое трудное - пережить последние дни, особенно теперь, когда я знаю, что совсем скоро окажусь дома.

- Как видишь, с твоей госпожой ничего не стряслось, - вмешался Мэрии. - А сейчас уезжай и скажи господину, что мы обо всем договорились.

- Обязательно, господин, - откликнулся Сим и поспешно покинул зал.
- Итак, - прошипела Айлин, - твой муж готов отдать последнее, лишь бы вернуть свое сокровище. Должно быть, еще влюблен. Посмотрим, однако, что он скажет тебе следующей зимой, когда будете подыхать с голоду.
- Ошибаешься, Айлин, голодать мы не будем, хотя теперь, когда скот продан, должна признать, нам нелегко придется. Ничего, Господь нас не оставит, - отозвалась Эльф. - А вот где ты окажешься следующей зимой и что будет с тобой? На твоём месте я бы призадумалась..
- Что это означает? - выпалила Айлин, сверкая глазами.
- Конечно, я человек неопытный, но мне кажется, что господин Мэри начал уставать от твоих выходок. По-моему, ты ему надоела. Да и что ты способна предложить такого, чего нет у другой женщины? - издевательски усмехнулась Эльф. Ну почему в присутствии Айлин она на себя не похожа? Словно с цепи срывается!
- Айлин, хищно согнув пальцы, бросилась на Эльф, но Мэри, смеясь, встал между соперницами.
- Сука! - взвизгнула Айлин.
- Шлюха! - гневно бросила Эльф. - Считаешь, что я уже забыла, как ты отравила моего брата?
- Подумай, если бы тебе удалось вылечить Ричарда, ты до сих пор гнила бы в монастыре, а так - получила любящего мужа и поместье! - завопила Айлин.
- Но ты убила Дикона! - настаивала Эльф.
- И что из того? - с бесстыдной прямоотой спросила Айлин. - Подумаешь, надоедливый олух, ожидавший, что я стану его служанкой! Ни воспитания, ни утонченности, особенно в постели. Я возненавидела твоего братца, правда, не сразу! И наслаждалась, видя его страдания! Поверь, я была счастлива, когда он испустил последний вздох!
- Знаю, Господь всепрощающ, но я всего лишь смертная и не выношу тебя, хотя ненависть пятнает грязью мою бессмертную душу. Ты самое злобное и подлое из всех его созданий, Айлин. Помоги тебе Бог!
- Прибереги свою жалость для кого-нибудь другого, - огрызнулась Айлин. - Мне она ни к чему. Лучше себя пожалей, ибо мне удалось разорить Эшлин! Ты останешься голой и босой, когда заплатишь выкуп.
- Я вернусь к мужу, который меня любит, Айлин, - со спокойной силой ответила Эльф. - Наша любовь переживет все: и твою подлость, и нищету, а кроме того, Эшлин выдержит трудные времена, потому что мы будем вместе. И поверь, я предпочитаю жить с Ранульфом в нищете, чем, подобно тебе, стать шлюхой! - Она в ярости стряхнула руку Мэрина, пытавшегося ее удержать, и добавила:
- Я не боюсь ее, господин, и ничего мне она не сделает. - И с этими словами выплыла из зала с гордо поднятой головой.
- Я требую ее смерти! - процедила Айлин сквозь стиснутые зубы.
- Попробуй притронуться к ней, моя прелестная сука, - усмехнулся Мэри, - и я прикончу

тебя, и поверь, смерть твоя будет нелегкой, а страдания – невыносимыми.

Теперь настала очередь Айлин оттолкнуть его.

- Ну и глуп же ты, господин мой! Жаждешь ее так, что разум потерял от желания подмять под себя это белое тело, а жар в твоих чреслах не остудит даже дождь, что льет за окном, но опасаясь взять маленькую святошу! Выкуп почти у тебя в руках, и ты не вернешь ее, пока не получишь золота. Почему бы не позабавиться с этой бледной сучкой, которая так тебе по душе? Кто узнает? Разве муж потребует возвращения денег только потому, что ты поимел его жену? Думаешь, она осмелится признаться в таком грехе?

- Похоже, ты ревнуешь, моя прелестная сучка, – усмехнулся Мэрия. – Задумала использовать меня, чтобы отомстить леди Элиноре? Нет, Айлин, ошибаешься, я не такой дурак, каким ты меня представляешь. И не похож на тех слюнтяев, которыми ты вертела всю свою жалкую жизнь. Я вижу тебя насквозь.

Его ладонь погладила ее по щеке, скользнула к шее, тонкие пальцы слегка сжались.

- Ты не соблазнишь меня надругаться над телом и душой леди Элиноры. Должно быть, уже успела понять, что я получаю наслаждение от не совсем обычных забав. Я должен причинять боль той, с которой сплю, Айлин.

Пальцы сжались чуть крепче. Он наклонился, едва притронулся к ее губам своими, поднял голову и, увидев страх в ее глазах, улыбнулся.

- Думаю, мы поняли друг друга, не так ли? – осведомился Мэрия, отпуская ее и с удовольствием отмечая красные следы на белоснежной коже. – Леди Элинора может не выдержать моей страсти в отличие от тебя, Айлин. Ты моя и будешь жить здесь, пока не навлечешь на свою голову мой гнев. В этом случае не рассчитывай, что я верну тебя Клауду. Нет. Я отдам тебя своим людям, а уж они хорошенько развлекутся, прежде чем разделаться с тобой.

- Ты чудовище.

- Как и ты, Айлин, – мягко отозвался он, – только я сильнее. Берегись и не забывай этого.

- Не забуду, – обронила она. Нет, Айлин не забудет. И действительно постарается быть осторожнее. И тщательно продумает план, как украсть выкуп у дитя из-под носа.

- Подними юбки, – скомандовал Мэрия. Она, смеясь, подчинилась.

- Ну что ты за коварный бес, господин! Может, мне притвориться твоей невинной пленницей? О, помогите! Помогите! Господь и его святые, спасите меня от этого огромного похотливого орудия! Нет! Нет! Ты меня не получишь!

Он ударил ее, но Айлин расхохоталась еще громче.

- Мерзкая дрянь!

- Признай, ты втайне мечтаешь, чтобы на моем месте была она! Но она никогда не сможет ублажить тебя так, как я, господин мой Мэрия! – прошептала Айлин и, притянув к себе его темную голову, стала неистово целовать.

Эльф, сидевшая в своей каморке, испуганно вздрогнула. Последнее время ей становилось все труднее смотреть на Мэрина Ап-Оуэна во время их нечастых бесед. С той самой минуты, как Эльф догадалась о его чувствах, она изнемогала от неловкости при каждой встрече. Он, разумеется, ни в чем не признался и старался не прикасаться к ней, даже случайно. Но временами она, поднимая голову от работы, замечала его взгляды, полные робкой нежности.

Эльф печально вздохнула. Будь она свободна, все равно не могла бы полюбить Мэрина. Слишком густая мгла окружает его. Слишком она боится своего похитителя.

Боится и жалеет. За эти недели она успела узнать от Гвилла о двух неудачных браках хозяина Гвинфра. Бедняга! Он совсем не умеет любить! Но сама она уже осознала, нет, была почти уверена, что Ранульф любит ее и мир переменялся. Она мечтает снова оказаться в объятиях мужа. Все инстинкты подсказывали ей, что радость, которую они делили раньше, теперь будет несравненной, потому что теперь можно не утаивать любви друг к другу.

«Скоро, дорогой, – счастливо подумала она. – Скоро».

«Элино. Моя малышка». Сердце Ранульфа рвалось к ней, и он мог почти поклясться, что она отвечает на его безмолвный крик.

«Я люблю тебя, дорогая. Обожаю! И когда снова заключу тебя в объятия, никогда больше не отпущу. Господи милостивый, только верни мне ее».

Сим вернулся в Эшлин и доложил хозяину:

- Она здорова, господин, разве что немного бледна. Готов поклясться собственной жизнью, с ней хорошо обращаются. Мэри Ап-Оуэн выбрал для обмена холм на границе. Но сначала он должен получить золото. Только убедившись, что его не обманули, он привезет леди, – объяснил он.

- Мне это не нравится, – вскинулся Фулк. – Он боится, что его надуют, но можно ли доверять такому негодяю? Что, если он не вернет госпожу?

- Он не уверен, отдадим ли мы золото, – возразил Ранульф. – В подобных переговорах часто бывает, Фулк, что одному приходится довериться первым, потому что иного выхода просто нет. И мы сейчас именно в таком положении. Придется Симу ждать, пока приведут госпожу. А мы в это время будем скрываться в Брайармире. Как только госпожа окажется в безопасности, мы последуем за Мэрином Ап-Оуэном, прикончим его и вернем наше золото. Выкупим у епископа овец и раздобудем новый скот. Но самое главное – леди Элино.

- Если уж собираетесь разделаться с хозяином Гвинфра, – вмешался Сим, – лучше сразу удавить эту шлюху. Во всем виновата Айлин, и удивительно, как еще она не отравила леди Элино своей ненавистью. Не будь ее, Мэри Ап-Оуэн удовольствовался бы нашим скотом. Но все-таки он в своем доме хозяин. Не дает волоску с головы нашей леди упасть, а поставь Айлин на своем, не видать бы нам госпожи! Давно бы свела ее в могилу. Если не покончите с этой женщиной, господин, она снова придумает способ повредить Эшлину и леди Элино. Не время думать о рыцарских обетах. Коварнее Айлин нет на свете. Барон Хью не знает, где его дочь, и ему не обязательно знать, жива она или мертва. Впрочем, ему все равно.

Ранульф де Гланвиль задумчиво кивнул:

- Мне невыносимо думать о том, что можно поднять руку на женщину, но ты, кажется, прав, Сим, Вы с Пэксом уладите это дельце, когда доберемся до Гвинфра. Будьте милосердны и не

мучайте ее. Пусть умрет быстро. Не терплю ничьих страданий. Я позабочусь о том, чтобы отец Освин потом отпустил вам этот грех.

Золото пересчитали и тщательно уложили в два мягких кожаных кошелья. Сумма оказалась довольно велика. Особенно хорошую цену дали за коров. Ранульф признался себе, что едва не поддался соблазну утаить часть денег. Все равно разбойник об этом не узнает.

Но потом он выбросил из головы крамольные мысли. Он не подвергнет опасности свою драгоценную Элинор за несколько жалких монет! Хватит и того, что они спрятали телят и овец. Не так уж много, но достаточно, чтобы завести новое стадо.

Ранульф не знал, по-прежнему ли за ними наблюдают, поэтому Сим взял кошельи и отправился в путь в сопровождении всего двух вооруженных людей. Они останутся в Брайармире ожидать своего господина, пока Сим будет пробираться к холму, чтобы встретить посланца Мэрина Ап-Оуэна. Ранульф со своим отрядом выедет на два часа позже, когда соглядатаи, если таковые есть, наверняка уберутся в Гвинфр доложить о прибытии англичанина.

Погода, как всегда ранней весной, была сырая и пасмурная. Наутро четвертого дня Сим въехал на холм, где уже находился закутанный в плащ всадник. Сим не сумел ясно разглядеть лица незнакомца да и не особенно всматривался. Главное - поскорее передать деньги. Он протянул кошельи, и валлиец взвесил их на затянутой в перчатку ладони.

- Хозяин будет доволен, - проворчал он и, пришпорив коня, исчез в густых зарослях. Сим приготовился ждать. Должно пройти не менее четырех-пяти часов. Начался дождь, сначала мелкий, потом быстро перешедший в ливень. Сим проклинал судьбу, поплотнее кутаясь в плащ. Вскоре он принялся чихать, чувствуя, как вода просачивается в сапоги. Ноги окончательно промокли, и, что еще хуже, заledenели. Но ничего не поделаешь, нужно набраться терпения.

Наконец дождь прекратился. Почему же они задерживаются? Может, во всем виновата погода?

Из-за облаков проглянуло солнце, и Сим улыбнулся при виде радуги, протянувшейся между холмами. Хороший знак! Однако Мэрии Ап-Оуэн и госпожа так и не появились. Внизу раздался свист. Это Пэкс!

- Никого? - спросил брат.

- Сам не видишь? Иначе с чего бы я тут торчал? - огрызнулся Сим.

- Но ты отдал золото?

- Несколько часов назад, тому, у кого на плаще была приколотая бляха с гербом Гвинфра. Он еще сказал, что хозяин будет доволен. Я думал, что госпожу задержал дождь.

- Вернусь и расскажу господину, - решил Пэкс и поспешил прочь.

Сим пожал плечами и снова взобрался на холм. На дороге, ведущей от границы, ни души. Да что же, во имя небес, случилось? Может, Мэрии Ап-Оуэн посчитал, что денег слишком мало? Но сам разбойник выручил бы за скот куда меньше! И все же что-то неладно.

Солнце начало склоняться к горизонту. Сим снова расчихался и, подумав, что дальнейшее ожидание бесполезно, вскочил на коня и направился в сторону Уэльса. Увидев, что он исчез,

Пэкс обо всем сообщит господину, и они последуют за Симом. Он чувствует, что времени почти не осталось, и, кроме того, вряд ли есть иной выход.

Было уже темно, когда Сим въехал в заваленный мусором двор замка Гвинфр. Его немедленно окружили и стащили на землю. Не успел Сим опомниться, как его поволокли в зал и бросили на колени перед Мэрином Ап-Оуэном. Сим попытался было встать, но его снова швырнули на пол.

- Прикончи английского ублюдка! - завопил кто-то за спиной.

Сим поднял голову и вопросительно уставился на хозяина замка.

- Нужно отдать тебе должное, Сим из Эшлина, дерзости у тебя хоть отбавляй, - заметил Мэрии Ап-Оуэн. - Где выкуп?

- Господин, - собравшись с мужеством, как мог спокойнее откликнулся Сим, - я встретил посланца на вершине холма несколько часов назад и вручил ему два кошелька с золотом. Все это время я провел, не сходя с места, поджидая госпожу, как и было договорено. Сначала я думал, что дождь помешал вам появиться, но потом почуял беду и поэтому сам явился в Гвинфр. Почему твои люди так неприветливо меня встретили?

- Говоришь, что виделся с моим человеком? - переспросил валлиец, подняв брови.

- Клянусь, - твердо ответил Сим.

- И как же он выглядел?

- Лицо его было скрыто капюшоном, но на плаще была бляха с гербом Гвинфра, господин. Когда я отдал деньги, он сказал, что вы будете довольны, и ускакал, - объяснил Сим.

- Не видел лица? Как звучал его голос? Почему же я не получил ни монеты? - допытывался Мэрии Ап-Оуэн у растерявшегося Сима.

- На нем был капюшон, - повторил Сим. - День был пасмурный, начиналась буря. Посланец ни разу не взглянул на меня, но, насколько я могу судить, он был среднего роста. Кроме того, он произнес всего три слова: «Хозяин будет доволен». Голос довольно грубый, и мне это показалось странным, поскольку валлийские голоса обычно более мелодичны, но зачем подозревать человека, который носит ваш герб, встретил меня в назначенный час и в условленном месте? - саркастически бросил Сим.

- И вправду, зачем? - задумчиво спросил Мэрин и внезапно нахмурился. - Мой посланец был высок и обладал мягким, бархатистым голосом. Его тело нашли в миле от Гвинфра примерно с час назад, Сим из Эшлина. Денег при нем не оказалось. Земля под ним была суха, хотя плащ промок от дождя. Это указывает на то, что он был убит до вашей встречи на холме. Вполне возможно, ты поджидал моего человека в засаде, убил его и вернулся на холм, чтобы посмотреть, не явится ли кто следом. Действительно ли твой хозяин заплатил выкуп или посчитал, что меня можно надуть?

- Господин! - воскликнул Сим, потрясенный таким оборотом дела, - клянусь жизнью госпожи Элинор, что я честно отдал выкуп. Мой хозяин ни за какие деньги не подверг бы опасности леди Элинор. Я точно исполнил все ваши приказания. Если вас предали, не лучше ли поискать изменника в собственном доме?

Господин Гвинфра снова замолчал, сосредоточенно размышляя над словами англичанина. Тот, должно быть, не лжет, иначе не явился бы сюда.

Темно-синие глаза зловеще сузились. Только один человек способен так обойтись с ним! Хитрый и подлый. Кстати, Айлин должна была бы сидеть рядом, но передала через служанку, что сильно простудилась и останется в постели.

- Вставай! - велел Симу Мэри Ап-Оуэн и повернулся к Бэдану:

- Поднимись в покои леди Айлин и приведи ее ко мне. Если служанка будет отговариваться тем, что госпожа больна, объяви от моего имени, что должен увидеть ее своими глазами. Если же ее не окажется, притащи Арвид. Только не издевайся над ней.

Бэдан с поклоном убежал. Сим вскочил, потирая колени: на каменном полу не было даже тростника. Сим благоразумно молчал. Чем же все это закончится?

- Леди Элинор ничто не грозит, - негромко обронил Мэри Ап-Оуэн.

Вскоре в зале появился Бэдан, волоча за собой упиравшуюся Арвид. Перепуганная насмерть девушка громко плакала.

- Где твоя госпожа? - холодно осведомился Мэри. - Говори, девка!

- Не... не знаю, - всхлипнула Арвид.

- Она соврала, что леди Айлин спит, но я протиснулся мимо нее в спальню и увидел, что кровать пуста, господин, - вставил Бэдан.

- Где твоя госпожа? - повторил Мэри. Арвид зарыдала еще сильнее.

- Не знаю, господин! Клянусь именем Пресвятой Девы!

- Ты лжешь, - уличил ее лорд Гвинфра. - Тебе наверняка что-то известно.

- Хозяйка рано поднялась и сразу исчезла. Не сказала, куда идет и когда вернется. Она со мной не откровенничала. Правда, сегодня предупредила, что если ее спросят, сказать, мол, она больна и спит. Вот и все, господин.

- Почему же ты, видя, что уже стемнело, не пришла ко мне и не призналась во всем? Не сказала, что она пропала? - допытывался Мэри Ап-Оуэн.

- Но такое не раз бывало, - возразила Арвид. - Если бы я прибежала к вам, а она все же вернулась, быть мне битой до полусмерти. Я ее единственная служанка. Ухаживала за ее волосами, шила одежду, приносила все, что потребуется. А она обращалась ко мне лишь затем, чтобы отдать приказ или пожаловаться. С ней было нелегко, но все же лучше, чем прислуживать в борделе.

- Если я узнаю, что ты врала, Арвид, - предупредил Мэрин, - отдам тебя своим людям на потеху. Арвид бросилась на колени.

- Господин! Слово даю, я сказала все, что могла. Заклинаю, не наказывайте меня! - молила она, протягивая к нему руки.

- Господин, - вмешался Сим, - думаю, девушка говорит правду. Леди Айлин отделалась от нее,

перед этим заставив послужить неплохим прикрытием. Если бы Арвид исчезла одновременно с хозяйкой, вы скорее бы обнаружили предательство и погнались бы за ней. Теперь же она успела уйти далеко и, вне всякого сомнения, унесла золото.

- И убила моего посланца, - добавил Мэрин Ап-Оуэн. - Айлин - завзятая отравительница, а на теле бедняги нет ни единой раны. Зато губы посинели, а на подбородке засохшая пена. Его лошадь пропала, очевидно, негодяйка ускакала на ней. Она все тщательно продумала. Но я найду ее, и пусть не ждет пощады! Вставай, девка! - рявкнул он. - Возвращайся в покои госпожи, пока я не придумаю, что с тобой делать, Арвид с трудом поднялась и ринулась вон так поспешно, словно за ней гнались черти из ада.

- Господин, - спросил Сим, - а как быть с моей госпожой? Я честно выплатил выкуп, и никто не виноват, что золото не дошло до вас.

Мэрин Ап-Оуэн взглянул на молодого англичанина;

- Я должен поразмыслить и над этим, Сим из Эшлина. Ты можешь провести ночь в конюшне. Возвращайся сюда через час после того, как поднимется солнце, и я объявлю о своем решении. И не пытайся сегодня вернуться в Эшлин. Ты ел? Нет? Иди на кухню, там тебя накормят. Мои люди тебя не тронут, ибо ты такой же доверчивый болван, как и я.

У Сима голова закружилась от облегчения. Поклонившись, он отправился на кухню. Глядя ему вслед, Мэрин едва не рассмеялся вслух. Парень вел себя храбро, и только его поспешное отступление показало, как он боится. Однако он все же набрался отваги прийти сюда с просьбой освободить госпожу.

- Как вы поступите, господин? - поинтересовался Бэдан. На лицах окружающих было написано такое же любопытство.

- Пока не знаю.

- Но вы отправитесь на поиски суки?

- Разумеется, но вот что делать с пленницей? Во всяком случае, будьте готовы с утра пуститься в погоню.

Эльф, сидя у очага, чинила тунику Мэрина. Услышав шаги, она подняла голову. Прелестное личико было серьезным.

- Что случилось? Разве не сегодня меня должны были вернуть мужу, господин? Уже ночь, а я все еще в Гвинфре.

- Мой посланец убит, а золото украдено, - пояснил Мэрин. - Теперь я должен решить, как поступить. Лицо Эльф смертельно побледнело.

- Но как это произошло, господин? - охнула она, отложив шитье. Мэрин поведал ей печальную историю, и, к его удивлению. Эльф разразилась слезами, всхлипывая столь жалостно, что сердце его едва не разорвалось. Он обнял ее за плечи, пытаясь утешить. Эльф взглянула ему в лицо, и Мэрии понял, что пропал. Не в силах сдержать себя, он завладел ее губами в исступленном, неистовом поцелуе.

Эльф, растерявшись, сначала не сообразила, как быть.

До сих пор она не ведала ничьих поцелуев, кроме возлюбленного Ранульфа. Губы ее инстинктивно приоткрылись, и она пришла в себя, лишь ощутив, как в живот упирается его алчное пульсирующее орудие. Все же на какое-то мгновение она позволила ему ласкать себя, прежде чем собрала все силы и уперлась кулачками в его широкую грудь.

- Господин! - прошептала она, отталкивая его, - пожалуйста, господин, так нехорошо, и вы это знаете.

Она поспешно отступила, стараясь оказаться как можно дальше от него и пылая под страстным взглядом темных глаз.

- Как давно ты знала, что я хочу тебя?

- С утра Рождества, когда вы накинули на меня подбитый волчьим мехом плащ, - призналась Эльф.

- Я люблю тебя, Элинор, - выдохнул он.

- Знаю, господин Мэрин, - ответила она, не вытирая слез.

- Но ты меня не любишь, - грустно договорил за нее Мэрин. - Для тебя всех дороже твой Ранульф. Любит ли он тебя, как я? Беззаветно, преданно, безгранично? Ах, никогда не думал, что любовь доставит мне столько мук!

- Да, господин, мы любим друг друга. И кое-чего вы не знаете. У нас есть сын. Меня зовут не только мой дом и муж, но и мое дитя. Если Ранульф заплатил деньги и не пытался вас обмануть, как же можете вы удерживать меня здесь? Какова бы ни была ваша репутация, что бы о вас ни говорили, что бы вы ни творили, я всегда буду судить вас по тому, как вы со мной обращались. Благородно и справедливо. Таким я навеки запомню Мэрина Ап-Оуэна.

- Но я мог бы взять тебя сейчас и силой! - вскричал он.

- Испытав вкус ваших поцелуев, я не сомневаюсь, что ответила бы со всем пылом, но наутро согнулась бы под грузом тяжкой вины и угрызений совести, которые не покинули бы меня до конца дней моих. Говорят, что женщины слабы, но и у них есть честь. Опозорив меня, вы обесславите себя. Прошу, не делайте этого, господин мой. Не позволяйте похоти уничтожить дружбу, так нежданно возникшую между нами. Я еще не знала таких людей, как вы, и вряд ли узнаю.

Она окинула его умоляющим и одновременно гордым взглядом.

Да, он способен принудить это хрупкое создание. Она не будет долго сопротивляться ему, силы слишком неравны. Но он любит ее. Мужчина не может надругаться и сломать столь прекрасный, невинный и сладостный цветок. Тому Мэрину Ап-Оуэну, что был любовником Айлин де Варенн, все равно. Он походя уничтожил любовь, радость и красоту. Но тот Мэрин Ап-Оуэн, что удостоен улыбки и дружбы Элинор де Монфор, - совсем другой человек.

Мэрии взял руки Эльф и почтительно поцеловал.

- Похоже, Элинор, что любовь к тебе перевесила мое вожелание. Завтра я отправлю тебя домой, к твоему счастливицу мужу. И обещаю, что, пока правлю Гвинфром, валлийцы не потревожат Эшлин. А теперь иди спать, любимая, и ничего не бойся. Только ты знаешь человека, которым я мог бы стать. Завтра, проведив тебя, я отправлюсь в погоню за этой

ведьмой, и обещаю, что сотру ее с лица земли. Больше она не будет тебя преследовать.

- Не стоит убивать ее из-за меня, господин, - сказала Эльф.

- Ее смерть будет не на твоей совести, любимая, - улыбнулся Мэрии. - Это мой грех, как и многие другие. Но Господь не накажет меня за то, что избавил мир от дьявольского отродья. За это я получу награду, пусть и не на небесах, но мне обязательно зачтется.

Глава 19

- Отдай мне Арвид, - попросила Эльф на следующее утро, перед тем как в последний раз выйти из маленькой комнаты. - Сам знаешь, что случится с ней, если она останется здесь или вернется в заведение своего дяди.

- Ты забираешь ее, несмотря на все, что она сотворила? - изумился он.

- Она, как могла, пыталась выжить, - возразила Эльф. - Сердце у нее доброе. Не могу забыть, как она защитила моего сына от козней Айлин, сохранив в тайне его существование.

- Пусть едет, если захочет, - пожал плечами Мэрии. - Я пришлю ее тебе. Потом спускайся в зал, где уже наверняка ждет преданный Сим. Пусть увозит тебя из Гвинфра, пока твой муженек не нагрязнул, чтобы прикончить меня, и не погубил людей. Не сомневаюсь, что Ранульф де Гланвиль близко. Будь я на его месте, тоже спешил бы отомстить.

Он усмехнулся и вышел.

- Господин! - окликнула она и, когда он обернулся, встала на носочки и поцеловала изуродованную шрамом щеку. - Я не стану смущать тебя прилюдно или подвергать опасности мою репутацию, целуясь с тобой при всех. Но хочу сказать о моей глубокой благодарности. Я всегда буду помнить и молиться за тебя. Постарайся делать добро ради своей бессмертной души.

- В таком случае я почти спасен от адского огня, - тихо ответил он и поднес ее руку к своим губам. - Ах, какая бы великолепная пара из нас вышла, любимая.

Он вышел, а Эльф поднесла ладони к горящим щекам. Слезы снова навернулись на глаза, и она нетерпеливо их смахнула. Она не любит Мэрина, но сознание того, что дорога ему, было слишком тяжким бременем. Скорее бы увидеться с Ранульфом! Ей так не хватает его сильных рук!

- Госпожа!

Эльф обернулась и увидела Арвид, нерешительно маячившую в дверях.

- Подойди, - велела она. - Я считаю тебя доброй девушкой, невзирая на то что служила ты подлой и коварной хозяйке. Ты свободна, Арвид, и вольна выбирать себе судьбу. Я предлагаю тебе место в моем хозяйстве. Сначала тебе нелегко придется. Ты предала мое доверие и людей Эшлина. У них долгая память. Они не забудут того, что ты сделала, особенно Аида. Но я обещаю заступиться за тебя, если будешь мне верна. Когда-нибудь тебя простят, ибо у них добрые сердца.

Арвид опустила на колени и поцеловала подол юбки Эльф.

- Госпожа, о госпожа! Ваша доброта спасла меня. Я с радостью поеду. И вынесу все испытания, потому что вина моя огромна. Я буду молить о прощении и клянусь Пресвятой Девой честно и преданно служить вам.

Эльф подняла девушку.

- Значит, решено, - спокойно сказала она. - Пойдем, нас ждут в зале. Господин Мэрири собирается отпустить меня. И мне не терпится отправиться домой.

Они спустились в зал, где уже подали завтрак. Эльф уселась за стол и с аппетитом принялась за крутые яйца, сыр, масло и хлеб, утоляя жажду разбавленным вином и весело кивая Симу, который тоже воздавал должное еде. После завтрака Мэрири Ап-Оуэн встал и объявил:

- Все вы можете подтвердить, что я - человек благородный. Господин Эшлина передал выкуп, который я потребовал за возвращение его жены, и в том, что золото украли, его вины нет. Я считаю нечестным и дальше удерживать леди Элинор и поэтому передаю ее под покровительство Сима из Эшлина. Пусть никто не смеет тронуть их и пальцем. Они покинут Гвинфр с миром, а после их отъезда мы отправимся по следу злобной ведьмы, посмеившей похитить мои деньги. Идите и готовьтесь в путь. Не знаю, долго ли нам придется скитаться, поскольку неизвестно даже, в каком направлении уехала сука, но мы затравим ее, парни. А потом...

Он зловеще рассмеялся, и от этого звука у Эльф мурашки пошли по коже. Тот человек, которого она знала, снова исчез, а его место занял незнакомец, вселявший страх одним своим видом.

Она встала и, молча спустившись с возвышения, подошла к Симу.

- Поедем домой, Сим, - попросила Эльф, и тот поспешно кивнул. Оба, не оглядываясь, проследовали во двор, где стояла Арвид, державшая под уздцы лошадей.

- Она едет с нами? - неверяще охнул Сим.

- Арвид - хорошая девушка, - твердо ответила Эльф. - И я не оставлю ее здесь. Вот увидишь, она будет верно служить мне.

Сим побоялся, что его хозяйка внезапно сошла с ума, но не стал возражать, ибо сейчас не было времени спорить. Кроме того, стоит господину узреть эту лживую тварь, он немедленно прогонит ее в шею.

Сим помог женщинам сесть в седла, вскочил на своего коня, и они медленно спустились с холма на узкую дорогу, ведущую к границе.

День выдался необычайно теплым, солнце ярко светило с безоблачного неба, и в воздухе пахло весной. Эльф уже забыла, каково это, когда с неба не льется дождь. Она посчитала такую погоду хорошим предзнаменованием, хотя Айлин де Варенн, которой грозила смерть, сейчас туго приходится. Куда она исчезла? Но какое дело до этого ей, Эльф? Даже если Мэрин Ап-Оуэн и не поймает Айлин, ее непременно ждет суд Божий за все преступления. Лучше выбросить ее из головы.

- Мэрин Ап-Оуэн считает, что мой муж неподалеку, Сим. Это так? - спросила она парня.

- Да, госпожа. Удивляюсь, почему мы его до сих пор не встретили. Я думал, что он окажется у

ворот Гвинфра еще на рассвете. Возможно, увидев, что меня нет на холме, он догадался, куда я уехал, и решил выждать.

Не прошло и получаса, как на холме показался вооруженный отряд. Эльф напрягла зрение, пытаюсь разглядеть всадников, и с радостным воплем прищпорила кобылку. Сим улыбнулся при виде знакомых лиц. Впереди скакал лорд Ранульф, подгоняя боевого коня. Наконец они сблизились и натянули поводья. Ранульф в мгновение ока очутился на земле и, сняв жену с седла, сжал в объятиях.

- Я люблю тебя, - прошептал он ей на ухо. - Люблю! И принялся жадно целовать жену, припадая к ее губам, как умирающий от жажды.

Эльф, задохнувшись, со смехом отстранилась и подняла на мужа счастливые глаза.

- Почему ты не признался мне в этом раньше! - воскликнула она. - Я умирала от желания услышать эти слова, ибо отчаянно люблю тебя.

- Ты любишь меня? - потрясений ахнул Ранульф. - Да, большой глупый болван! Как мне не любить мужчину, от которого я не видела ничего, кроме нежности и доброты?

- Но почему ты молчала?

- Считала, что такой умудренный жизнью человек посмеется над моими глупыми чувствами, сочтет их ненужным бременем, а меня - романтической дурочкой. Я добила твоего уважения и доверия. И не хотела их терять, бормоча бессмысленные признания. А ты? Почему до сих пор не открыл своего сердца?

- Не думал, что ты способна любить человека, оторвавшего тебя от привычной жизни, для которой ты была предназначена, - вырвалось у Ранульфа. - Но, Элино, я полюбил тебя с того момента, как впервые увидел, милую, доброжелательную, отчаянно старавшуюся спасти жизнь брата. Никогда не думал, что могу иметь настоящий дом, прекрасную женщину, которая станет заботиться обо мне и родит детей. Но король преподнес мне неслыханно щедрый дар. Я опасался, что, если скажу правду, ты мне не поверишь. Обольешь презрением, посчитаешь глупцом, пытающимся улестить тебя, чтобы овладеть твоим прекрасным телом. Опасался потерять твою дружбу, малышка.

Он легонько провел костяшками пальцев по щеке жены, вытер одинокую слезу.

- Не плачь, родная. Мы снова вместе. Больше я никогда не допущу, чтобы ты попала в беду. Продолжай путь в Эшлин, а я тем временем доберусь до Гвинфра и уничтожу его и его подлого хозяина. Больше Мэрии Ап-Оуэн не станет разорять округу.

- Нет! - вскинулась Эльф, положив руку ему на плечо.

- Означает ли это, что у меня есть причина для ревности?

- Давай немного прогуляемся, и позволь мне все объяснить, - попросила Эльф. - Не уверена, льстит мне твоя ревность или оскорбляет. Неужели ты способен подумать, что я была неверна тебе, Ранульф? Пойдем.

Она взяла его под руку и повела по лугу. Рассказ занял, казалось, целую вечность. Эльф поведала, как Айлин де Варенн замыслила похитить ее.

- Поверь, любимый, Мэри Ап-Оуэн заслуживает той репутации, которую ему приписывают. Однако со мной он был неизменно учтив и добр. Защищал от всех попыток Айлин убить или искалечить меня. Мэри по-своему благороден и великодушен. Вчера Айлин, переодевшись мужчиной, украла выкуп и исчезла. Поэтому меня и не вернули. Но Сим оказался храбрым человеком, Ранульф, и на закате приехал в Гвинфр. Тогда все и обнаружилось. Сегодня утром Мэри освободил меня и дал слово, что больше набегов на Эшлин не будет.

- И ты ему веришь?

- Да, - спокойно отозвалась Эльф. - Как себе самой. Я четыре месяца была его пленницей и видела ту сторону Мэрина Ап-Оуэна, которую он никогда не показывает другим, кроме разве своего старого слуги Гвилла, который присматривал за мной. Он не настолько порочен, каким его считают. Все это время я спала в каморке рядом с его спальней, так как он боялся, что Айлин отомстит мне при первой же возможности. В его покои никто не имел доступа, кроме Гвилла. Там я была в безопасности. И он ни разу не попытался обесчестить меня. Я жила там, как в монастыре.

Слова Эльф обеспокоили Ранульфа, хотя он знал, что жена не солжет. Не в характере Элинон лукавить.

- А что ты делала днем? - полюбопытствовал он.

- Мы с Гвиллом нашли ткацкий станок, поставили у очага, и я ткала гобелен. Пока не выпал снег, собирала травы и растения и делала мази, отвары и снадобья для обитателей замка. У них нет лекаря. Я научила Гвилла, что делать в случае нужды.

Ранульф против воли засмеялся. Как это похоже на его жену! Неисправима! Неизменные сострадание и участие!

- Бьюсь об заклад, ты чинила одежду валлийца! - поддразнил он.

- Конечно, - кивнула Эльф, но тут же хихикнула. - В замке нет ни одной служанки, и Айлин таки ми вещами себя не утруждает. Не могла же я допустить, чтобы господин Гвинфра ходил оборванцем!

- Малышка, - едва выговорил Ранульф между взрывами хохота, - я люблю тебя всем сердцем и душой. Другой такой, как ты, просто нет на свете.

- Лорд Мэрин помчался в погоню за Айлин. Боюсь только, что ему нелегко придется, ибо она могла выбрать любую дорогу. Гвинфр уже полуразрушен. Оставь свою затею. Если Мэри когда-нибудь вернется, у него будет хоть какое-то убежище. Поедем домой, к нашему сыну, Ранульф. Ему давно пора иметь брата или сестру.

Эльф улыбнулась, и Ранульф с готовностью кивнул. Как он мог отказать ей в таком требовании? Мэри Ап-Оуэн почти разорил его, зато жена благополучно вернулась.

Они направились к остальным, и господин Эшлин только сейчас заметил Арвид.

- Кто это? - осведомился он.

- Ее зовут Арвид, - начала Эльф.

- Та, которая предала тебя? - перебил Ранульф, мрачно сводя брови.

- Та самая, - хладнокровно подтвердила Эльф. - Она моя новая служанка, господин, и я больше ничего не желаю слышать. Арвид совершила печальную ошибку. Ей пришлось служить подлой, коварной женщине. Но она раскаивается в своем грехе и, кроме того, оказала нам неоценимую услугу. Арвид знала о нашем сыне, однако помогла мне избавиться от молока еще до того, как я появилась в Гвинфре, и никому не рассказала о малыше. Что, по-твоему, сотворила бы Айлин, узнав о Симоне? Все дьяволы ада не помешали бы ей пробраться в Эшлин и украсть мое дитя. Молчание Арвид спасло всех нас. Арвид заслуживает лучшей участи, и я позабочусь о том, чтобы она не погибла. Она свободнорожденная и обладает добрым сердцем. Она честно служила Айлин, и в награду хозяйка бросила ее. Клянусь, больше Арвид никому не причинит зла.

- Похоже, я ни в чем не могу тебе отказать, милая моя супруга, - усмехнулся он.

Эльф приподнялась и нежно поцеловала его в губы.

- Спасибо, господин мой, - прошептала она, когда он усаживал ее в седло.

Ранульф вскочил на коня.

- Мы едем за толовой валлийца, господин? - осведомился Сим.

- Нет, - ответил Ранульф и коротко объяснил причины такого решения:

- Мэрин Ап-Оуэн погнался за Айлин де Варенн. Он достойно накажет ее, если поймает, а если же ничего не выйдет, значит, сам будет наказан. Едем домой! - заключил он.

Во второй половине дня они вышли к границе и оказались в Англии. День по-прежнему оставался ясным. По пути они никого не встретили. Следующие три дня они продвигались к Эшлину, разбивая лагерь по ночам в открытом поле. Лошадей стреноживали и пускали пастись, а вокруг разбивали костры, чтобы отпугнуть хищников. Такому большому отряду не грозило нападение разбойников. Они питались хлебом, захваченным еще из дома, и той дичью, которую удавалось убить.

Наконец утром четвертого дня они въехали на холм, откуда открывался вид на Эшлин. Сердце Эльф забило быстрее. Как часто по ночам она гадала, увидит ли когда-нибудь свой дом.

Увидев, как просияла жена, Ранульф крепко сжал ее руку, Их глаза встретились, и Эльф улыбнулась.

- Симон не узнает меня, - пожаловалась она.

- Это ты его не узнаешь! Когда я отправился в Нормандию, ему не было двух месяцев. К моему возвращению в канун Рождества ему исполнилось семь месяцев. Я был поражен. Передо мной оказался совершенно другой ребенок! Подожди немного, сама все поймешь, малышка. Он уже поднимается на ножки, ползает и непрерывно болтает какую-то чепуху. Его няньки уверяют, будто понимают каждое слово. Но я не способен разобрать ничего, кроме слова «па», которое он твердит каждый раз, когда видит меня. Что за чудесный ребенок, малышка! Не обижайся, если сначала он будет чуждаться тебя, скоро вновь полюбит и, вероятно, даже не вспомнит, что когда-то разлучался с матерью, - объявил Ранульф и тихо добавил; - Сегодня, малышка, мы попробуем зачать братца для Симона. - Он выпустил ее маленькую ладошку и улыбнулся.

- А мне нужна дочь! - дерзко возразила она.

- Сделаем для этого все возможное, - заверил Ранульф с широкой ухмылкой.

Эльф рассмеялась, и они вместе спустились с холма к Эшлину.

Крепостные, пахавшие землю, при виде своей госпожи с радостными криками мчались к ней. Те, кто узнал Арвид, бросали на нее мрачные взгляды, очевидно, вспоминая о ее участии в похищении: старая Аида не отличалась сдержанностью и успела все разболтать, а поскольку пользовалась большим уважением, то и слова ее возымели должное действие. Арвид смущенно ежилась, стараясь сделаться незаметной, и инстинктивно держалась ближе к Симу.

- Зря пытаешься искать защиты у меня, - покачал тот головой. - Я на их стороне. На месте господина я бы велел тебе убираться.

- Ты ничего обо мне не знаешь, - огрызнулась Арвид. - Подумаешь, прожил всю жизнь в тепле и уюте под крышей Эшлина. Что ты ведаешь об истинных пороках и коварстве? Куда тебе в этом до меня! И поверь, больше я никогда не предам леди Элинон. Считаешь, я не своей охотой шла на измену? Просто сердце разрывалось при мысли о том, что мне предстоит сделать, но я боялась кары леди Айлин и господина Мэрина. Страшно даже представить, какова была бы моя участь, посмей я их послушаться.

Девушка с тяжелым вздохом выпрямилась в седле и устремила взгляд на дорогу.

- Может уйти целая жизнь на то, чтобы люди смирились с твоим существованием здесь, - предупредил Сим. - Мы все любим госпожу.

- Еще бы! - многозначительно воскликнула Арвид.

- На случай, если снова что-то замышляешь, запомни: я глаз с тебя не спущу, - буркнул Сим.

- Смотри, как бы жена не приревновала, - усмехнулась Арвид, не глядя, однако, на собеседника.

- У меня нет жены, - объявил Сим.

- Наверное, потому, что ни одной девушке не нужен такой грубиян, - фыркнула его собеседница. - О, Мария, мать Божья, спаси меня! Это старая Аида! Единственная, кого я по-настоящему боюсь.

- И не зря, - усмехнулся Сим. - Уж она не задумается при первой возможности воткнуть тебе нож между ребер. Пусть она и дряхлая бабка, а все же свирепа, как молодой воин.

- Госпожа! Госпожа! - вскричала Аида, едва Эльф сняли с седла, и прижала хозяйку к высохшей груди. - Слава Господу, его благословенной Матери и всем ангелам небесным, за то, что вернули тебя домой живой и невредимой!

- Но мне не грозила никакая опасность, Аида, - утешала Эльф рыдающую няньку. - Со мной хорошо обращались, уверяю тебя. А сейчас хочу увидеть сына.

В этот момент старуха, неожиданно отскочив, с пронзительным воплем бросилась к Арвид.

- Что она делает здесь! - взвыла Аида, тыча костлявым пальцем в злосчастную девушку. - Что делает здесь эта подлая валлийская сука? Вернулась, чтобы на этот раз уничтожить всю семью? Эй, кто-нибудь, дайте мне кинжал! Я прикончу ее, прежде чем она сделает хотя бы

шаг!

Эльф ловко ступила между Арвид и разъяренной нянькой и спокойно объяснила, почему решила взять с собой провинившуюся служанку.

- У тебя слишком доброе сердце, госпожа, - мрачно заметила Аида. - Ну а я не верю валлийцам. От нее, кроме бед, ничего не жди.

- Никаких бед, - действительно заметила Эльф. - Поняла, Аида? Арвид сумела уберечь наследника Эшлина, заслужив тем самым мою вечную благодарность. И тот, кто обидит ее словом или делом, ответит передо мной. Помни, я здесь хозяйка!

Арвид вдруг упала на колени перед Айдой и, глядя на нее полными слез глазами, умоляюще прошептала:

- Пожалуйста, Аида, прости меня за все зло, что я причинила людям Эшлина!

- Хитрая девка, - пробормотала старуха, пронзая Арвид уничтожающим взглядом. - Тебе придется много потрудиться, чтобы заработать мое прощение, девчонка. Но я, так и быть, не стану настраивать других против тебя.

Арвид поднялась и поспешила следом за Эльф, уже входившей в дом. Вперед выступила Элис со своим маленьким воспитанником на руках. Эльф почувствовала, как по щекам льются слезы. И хотя на головке малыша курчавились красно-золотистые волосы, Симон де Гланвиль глянул на нее отцовскими зеленовато-карими глазами. Эльф осыпала дитя страстными поцелуями, пока тот не стал нетерпеливо извиваться, протягивая руки Элис. Эльф рассмеялась.

- О, Симон, - прошептала она сыну. - Прости свою нерадивую мать. Я так тосковала по тебе, крошка моя. Надеюсь только, что ты не запомнишь нашу разлуку и снова привыкнешь к своей маме!

Поцеловав мягкую макушку, она передала мальчика Элис и поблагодарила молодую няньку, так преданно заботившуюся о Симоне.

- Мэрис все это время кормила его грудью, - прошептала Элис, краснея от похвалы.

- Какое счастье! Ведь у меня больше нет молока! - обрадовалась Эльф.

- Добро пожаловать домой, госпожа!

- Седрик! - Эльф, улыбаясь, протянула руки эконому. Он взял их, на секунду прижал к груди и отступил, давая место Джону и Фулку. Лица у обоих счастливо сияли.

- Спасибо за то, что управляли Эшлином в мое отсутствие, - промолвила она. - Фулк, должна сказать, что Сим вел себя очень храбро, особенно перед лицом опасности. Ты можешь гордиться своим родственником, и обещаю в следующий раз слушаться твоих советов.

Глаза Фулка предательски повлажнели.

- Спасибо, госпожа, - сказал он, радуясь тому, что она не винит его в своем похищении.

- Я хочу искупаться после ужина, - объявила Эльф, как только все уселись за высоким столом.

Слуги принялись разносить блюда, и Эльф с аппетитом принялась за еду, особенно за мясо и

зелень, несравнимые с теми, что подавались в Гвинфре. Повар даже приготовил сладкий пудинг из разваренной пшеницы, молока, сахара, корицы, сушеных яблок и изюма. Эльф только что не вылизала деревянную чашку и со вздохом допила вино.

- Похоже, - заметил муж, - кухня валлийца оставляла желать лучшего. Хочешь мою порцию?

Элинор, не отвечая, проворно поменяла местами чашки и с лукавой улыбкой проглотила оставшееся лакомство.

- Как я соскучилась по сладкому, - со вздохом призналась она.

- Я тоже, - поддакнул он, хитро блестя глазами, и Элинор весело хихикнула. Какой чудесный звук! - Иди купайся, малышка, - прошептал он.

- Только вместе с тобой, Ранульф, дорогой мой господин, - пригласила она, нежно глядя на мужа. - Мы были в дороге несколько долгих дней и ночей. Нам обоим не помешает омовение в теплой воде.

Поднявшись из-за стола, она направилась к двери, ведущей в хозяйские покои, но у самого порога обернулась, бросила на него манящий взгляд... и исчезла.

Ощущение, столь часто преследующее его в эти дни, вернулось с новой силой, почти сотрясав его огромное тело. Мужская плоть восстала и напряглась в предвкушении грядущей ночи. Ранульф медленно осушил чашу, напрасно пытаясь взять себя в руки. Он столько месяцев ждал этой ночи! И не испортит ее ненужной поспешностью.

Из покоев выбежали смеющиеся Вилла и Арвид. Когда-то они были друзьями, и теперь, когда Эльф взяла валлийку под свое крыло, не видели нужды дуться друг на друга.

- Леди просит вас присоединиться к ней, господин, - шепнула Вилла.

- И приказала нам не возвращаться до утра, - добавила Арвид.

Ранульф заговорщически усмехнулся, чем вызвал очередной взрыв хохота, пересек зал и затворил за собой дверь покоев. И потрясение замер. Эльф стояла перед ним обнаженная, какой создал ее Господь. Ранульф на мгновение прикрыл глаза, охваченный нестерпимым голодом.

- Господин, - выдохнула она, - позволь помочь тебе раздеться, пока не остыла вода. Я приказала ее немного надуть цветочным маслом.

Она подвела его к табурету и легонько подтолкнула.

- Садись, я сниму с тебя сапоги.

Ранульф мгновенно подчинился, не зная, то ли радоваться, то ли поражаться дерзости жены. Что случилось с его невинной Элинор? Неужели Мэрин Ап-Оуэн...

Но Ранульф немедленно отогнал грязные подозрения. Он ни на мгновение не сомневался в верности Элинор. Надругайся над ней валлиец, и Эльф бы просто покончила с собой или призналась во всем мужу и умоляла о прощении. Почему он вдруг так взволнован восхитительной нескромностью жены? Разве она не старается доставить ему удовольствие?

Она наклонилась, чтобы стащить сапоги, и его голодный взгляд скользнул по маленькой

округлой попке.

За сапогами последовали шоссы.

- Пожалуйста, поднимись, господин, - велела Эльф и, стянув шоссы до щиколоток, внезапно запустила руку под его тунику и стала ласкать обнаженную плоть, гладить и мять твердые ягодицы. - Подними правую ногу, - наставляла она. - Теперь левую.

Опустившись на корточки, Эльф скатала шоссы, положила на соседний табурет и дразняще улыбнулась мужу. Не успел тот оглянуться, как она принялась стягивать с него верхнюю тунику и две нижние. Теперь на Ранульфе осталась лишь полотняная камиза. Его истомившееся копье натягивало мягкую ткань.

Медленно, вызываяще проведя языком по губам. Эльф расшнуровала вырез и спустила камизу с плеч, так что она с тихим шорохом скользнула на пол.

- Теперь мы на равных, господин, - кокетливо улыбнулась она и, наклонив голову, легко лизнула соски, раз, другой, пока у него не закружилась голова и не запылали чресла, охваченные лихорадочным желанием. Поспешно подняв жену, он заключил ее в объятия.

- Куда девалась та маленькая невинность, на которой я женился? - прошептал он и, не дожидаясь ответа, впился в губы жарким поцелуем.

Эльф теряла остатки разума, утопая в наслаждении. Слишком давно, слишком долго они были вдали друг от друга'.

Ее груди настойчиво прижимались к его торсу. Тепло его тела пьянило. Его плоть раскаленным железом прижималась к ее животу. Ее губы чуть приоткрылись под его поцелуями, языки вели любовный поединок, посылая по ее спине приятную дрожь предвкушения.

Через некоторое время Эльф нашла в себе силы отстраниться.

- Вода остынет, если мы немедленно не залезем в лохань, в отличие от нашего желания, которое не остудит никакой лед.

Его глаза страстно пылали, но Ранульф послушал жену и, поднявшись по ступенькам возвышения, ведущего к лохани, нагнулся и подхватил ее на руки. Эльф намылила тряпочку и стала мыть его, проводя по спине и груди, плечам и шее. Она даже намылила его лицо и руки и не оставила без внимания скрытые водой части тела. Ранульф, стиснув зубы, терпел ее очаровательные хлопоты. По команде жены он нырнул под воду, чтобы смыть мыло. Настала его очередь.

Он взял у нее тряпочку, намылил мылом из горшочка и принялся, в свою очередь, мыть жену, зачерпывая воду широкой ладонью. Но наконец не выдержал. Отбросив тряпочку, он привлек Эльф к себе и осыпал поцелуями стройную шею, особенно затылок, там, где закручивались легкие завитки тонких волос.

- Восхитительно, - произнес он, едва прикасаясь губами к коже, и восторженно засмеялся, когда она взвизгнула и прижалась очаровательным задиком к его паху. - Ведьма, - выдохнул Ранульф и, взяв тряпочку, обвел сначала одну грудь, потом прелестную ложбинку и второй упругий холмик. Он сразу увидел, какое действие произвели на нее его заботы: крошечные соски гордо поднялись и превратились в две розовые бусинки. Его рука накрыла ее венерин

холмик, и Эльф ахнула от удовольствия. Но тут он, к ее удивлению, решительно подтолкнул ее к стене, раздвинул бедра и немного согнул. Эльф почувствовала, как его меч входит в ножны, заполняя ее до отказа.

- О, Ранульф, - прошептала она.

- Я больше не мог ждать, - признался он. - Но впереди целая ночь, малышка, вот увидишь, что еще будет.

Он начал двигаться, и Эльф инстинктивно и мгновенно попала в такт его толчков. Голова у нее шла кругом от несказанного наслаждения, пальцы Ранульфа впились в ее бедра, оставляя синяки, пока он проникал все глубже в горячие влажные глубины. О, она, кажется, сейчас умрет от блаженства.

И тут окружающий мир словно взорвался, и оба в нарастающем экстазе громко вскрикнули.

Ранульф бессильно обмяк, продолжая, однако, перекачивать ее соски между пальцами, пока Эльф снова и снова содрогалась в судорогах наслаждения. Придя в себя, Ранульф покрыл ее плечи и грудь алчными требовательными поцелуями.

- Это всего лишь начало, малышка, - пророкотал он и, сжав ее ягодицы, дал ощутить силу своего желания.

- Не знала, что мужчины могут быть столь ненасытны, - пролепетала она, прикинув к мужу, хотя и сама, только что вознесясь в рай влюбленных, почувствовала, что этого и для нее недостаточно. Грудь по-прежнему ныли от неудовлетворенной потребности в ласках, и внизу живота опять разгорался костер.

- Подумать только, почти год я жил вдали от тебя, хотя все это время ни разу не изменил своей малышке, - признался Ранульф. - При Дворе любви королевы Алиенор было немало прелестных женщин, готовых провести со мной ночь, но я думал лишь о тебе, моей драгоценной женушке, моей единственной любви, - искренне исповедался он. Элиенор впервые заметила мелкие морщинки в уголках глаз мужа. - Знаешь, дорогая, моя миссия закончилась ничем. Королю не за что быть мне благодарным, так что замка в Эшлине нам не видать. Придется оставаться прежними скромными дворянами, которых едва не разорил Мэрин Ап-Оуэн.

- Мы наверстаем потерянное, господин. Я, кажется, видела у загона овец с ягнятами, не так ли?

- Да, - ухмыльнулся Ранульф. - Но об этом поговорим позже, любимая. Пока что я так и не сумел удовлетворить мою жажду к тебе. Хочу отнести тебя в постель и глубоко вонзиться в твоё теплое тело.

Он встал, увлекая за собой жену. Они вытерли друг друга, оставив полотнища ткани на полу, и вошли в свою маленькую спальню. Однако прежде чем он бросил ее на кровать, Эльф встала перед ним на колени и стала ласкать ртом, совсем как перед разлукой. Ее язык неустанно обводил рубиновую головку, дразня, играя, пока Ранульф едва не оттолкнул жену. Немного передохнув, он осторожно положил ее на перину, так что ноги свисали через край, не касаясь пола.

- Я верну тебе то наслаждение, которым ты одарила меня, - пообещал он и, раскрыв нежные створки, наклонил голову.

Эльф охнула от восторга, ощутив кончик его языка в самом потаенном своем местечке. Он продолжал медленно лизать ее, проникая языком в ее любовные недра так глубоко, как только мог, пробуя на вкус пьянящий напиток ее страсти. Эльф тихо вскрикнула, когда его язык принялся играть с ее крохотной драгоценностью, и почувствовала, как она растет и набухает.

- О да, господин. Это та-а-а-к чудесно, - промурлыкала она.

И когда она достигла пика наслаждения, Ранульф с улыбкой поднял ее на кровать и лег рядом.

- Я давно жаждал дать тебе эту радость, - пробормотал он, целуя пухлые губы, давая ощутить ее же собственный вкус, и снова положил руку на мягкий холмик.

- Ты такая теплая и живая, любимая моя. Никогда, никогда мне не устать от тебя.

Он накрыл губами ее сосок и принялся жадно сосать. Эльф снова вскрикнула, выгибаясь, как струна. О Боже, он убьет ее своими ласками! Неужели действительно возможно умереть от любви? Его сильные пальцы мяли груди, и Эльф почти всхлипнула:

- Войди в меня, мой Ранульф! Я горю желанием к тебе! Чуть приподнявшись, Ранульф подмял ее под себя, стиснул мускулистыми бедрами и со стоном удовольствия медленно погрузился в манящие недра. Какой идеальной возлюбленной наградила его судьба!

Он намеренно неспешно стал проникать в нее, чувствуя, с какой радостью принимает она его в себя. Эльф сцепила ноги на спине мужа, вбирая его все глубже, ощущая, как пульсирует и подрагивает в ней его плоть, и с неизвестно откуда взявшейся силой сжала потаенные мышцы. Ранульф застонал, и Эльф, поняв, что дарит ему удовольствие, проделала это снова и снова, пока он не взмолился о пощаде. Лишь тогда она позволила себе уплыть в страну грез, окруженная, словно коконом, его любовью, теплом и силой. Эльф бесконечно долго поднималась в обитель сладостного восторга, подобного которому она еще не ведала. Она, задыхаясь, льнула к нему и, когда перед закрытыми глазами рассыпались мириады звезд, позвала мужа и провалилась в темную теплую пропасть. Последнее, что она услышала перед тем как потерять сознание, свое имя на его устах.

Придя в себя, она увидела, что распростерта на груди мужа и он прижимает ее к себе. Эльф счастливо улыбнулась, чувствуя, что в эту ночь страсти они зачали еще одного ребенка. О, как она хотела это дитя и всех остальных, что родятся после него. И ей все равно, что в Эшлине не будет замка. Она довольна тем, что дарит ей Господь. Любимый и любящий муж, здоровый сын, верные и преданные крепостные, обещание Мэрина Ап-Оуэна оставить их в покое - что же еще желать? Она даже благодарна королю Генриху Плантагенету, который вернул Англии спокойствие и порядок. И не нужно забывать о ее дорогих друзьях, монахинях монастыря Святого Фрайдсуайда. Скоро она навестит их и заверит, что худшее позади.

- О чем ты думаешь? - неожиданно спросил Ранульф, возвращая ее к действительности. Эльф приподнялась и взглянула ему в глаза.

- О том, как мы счастливы. И о том, как я люблю тебя, мой Ранульф.

Его лицо осветилось радостью, словно эти простые слова коснулись его сердца. Ранульф привлек ее к себе, повернул на бок, чтобы они могли смотреть друг на друга, и перецеловал каждый пальчик.

- Мне трудно было вымолвить признание в любви, малышка, но больше я не боюсь правды. Я любил тебя вчера, люблю сегодня и буду любить завтра и всегда.

Эльф не отрывала глаз от любимого лица. О, как она могла сомневаться в его чувствах?

- Я запомню эту клятву, господин мой, - прошептала она. - Вчера, сегодня, завтра, всегда.

Эпилог. Лондон, 1159 год

Четырехэтажный дом на Троллопс-лейн, что неподалеку от Олдерстейта, считался одним из лучших в Лондоне. Он был выстроен не из дерева, как большинство лондонских зданий и лавок, а из камня и крыт сланцевой черепицей, так что пожар ему не грозил. За домом раскинулся сад, и ходили слухи, что леди Шлюха, владелица дома, скупила почти всю округу.

Дверь охранялась двумя темнокожими маврами, как говорили, евнухами, в широких шелковых шароварах и парчовых безрукавках, усыпанных драгоценными камнями. Талии их стягивали широкие позолоченные кушаки.

Обстановка в восточном стиле также была дорогой, элегантной и роскошной. Ничего подобного нельзя найти во всей Англии! Служанки были одна краше другой, а потаскухи - полногрудыми и готовыми на все. И разумеется, каждая могла соперничать по красоте с любой придворной дамой. Да, что ни говори, а такого второго борделя не найти! Здесь предлагались любые удовольствия, и мужчине достаточно было только сказать о своем желании.

На четвертом этаже находились удобные помещения для слуг, на втором и третьем дамы принимали клиентов, первый предназначался для развлечений. Имелся в доме и глубокий каменный подвал, где хранились тонкие вина и забавлялись те посетители, что имели, мягко говоря, необычные, экзотические или извращенные вкусы. Однако дом был выстроен на совесть, и вопли боли никогда не доносились наверх.

Развлечения неизменно были утонченными и откровенными. Госпожа Шлюха обладала живым и изобретательным воображением. Самым популярным было ежемесячное представление, когда гостям предлагалась девственница. Ее приводили в зал и укладывали на высокий стол. Сначала девушка была полностью одета, иногда даже в наряд знатной дамы, иногда - как дочь торговца или крестьянина. Временами на ней бывало монашеское одеяние или цыганские юбки. Мужчины с радостью платили за каждый предмет одежды, который снимала с несчастной леди Шлюха, пока та не оставалась голой. Потом начинался настоящий торг. Победителю отдавалась девушка на всю ночь, но только после того, как ее временный владелец насиловал бедняжку прямо на столе. Таким образом все присутствующие убеждались в том, что леди Шлюха их не обманула и девушка действительно пришла сюда невинной. Жертву обычно одурманивали сонным зельем, но иногда она визжала и отбивалась, к веселью всех присутствующих.

Шептались даже, что король Генрих, чья ненасытная похоть была предметом сплетен, часто навещал дом на Троллопс-лейн, когда бывал в Лондоне. Прелестная королева, такая же страстная, как муж, слишком часто рожала наследников их огромных владений. Королева Алиенор приехала в столицу с сыном Уильямом. Маленький принц умер, но королева дала Англии еще трех сыновей, Генриха, Ричарда и Джеффри, а также маленькую принцессу Матильду. Даже если она и слышала о борделе, все равно была слишком хорошо воспитана и уверена в любви мужа, чтобы упоминать о таком позоре.

До рассвета оставалось два часа. В доме стояла тишина; клиенты, довольные и счастливые, либо разошлись, либо проводили ночь в комнатах проституток. Леди Шлюха сидела в своих покоях, пересчитывая прибыль за вчерашний вечер. Облаченная в прозрачное одеяние, она гордо выставляла напоказ свое все еще упругое тело. Ей нравилось принимать гостей в таком

виде. Многие открыто желали ее, но именно она выбирала своих любовников. И никогда не удерживала их надолго, опасаясь, что они станут слишком самодовольными и уверенными в ее привязанности. Ну уж нет, больше ни один мужчина не станет ее хозяином и господином!

- Ты, как всегда, красива, моя прелестная сука! - раздался за спиной знакомый и крайне неприятный голос, прерывая блаженное молчание.

Айлин медленно повернулась и с деланным удивлением подняла брови.

- Кто ты? - осведомилась она, притворяясь, что никогда не видела этого человека. Мэрин Ап-Оуэн рассмеялся:

- Не играй со мной, моя прелестная сука. Я пришел за своими деньгами. Вижу, ты хорошо распорядилась украденным золотом, дорогая. Кажется, два кошелька? Я возьму у тебя три, поскольку долги следует платить с процентами.

Одетый в черное, валлиец скользящим шагом приблизился к Айлин.

- Не пойму, о чем ты толкуешь! - дерзко воскликнула она, все еще делая вид, что ничего не знает. Рука в перчатке мгновенно стиснула ее шею.

- Отдавай украденное золото, моя прелестная сука. - Пальцы чуть сжались, достаточно для того, чтобы причинить боль. - Я гонялся за тобой пять лет, Айлин, и теперь, несмотря на все твои коварные уловки, игра кончилась. Мои деньги!

Он отпустил ее и отступил на шаг. Айлин де Варенн, леди Шлюха, потеряла шею, на которой остались синяки, и обожгла незваного гостя негодующим взглядом. Но что поделать! Она одна, телохранители спят на четвертом этаже. Кричи не кричи - стены и двери слишком толстые.

- Перед побегом, господин, - едко бросила она, - я подарила тебе нечто куда более дорогое, чем золото. То, чего ты столь отчаянно желал, но оказался слишком труслив, чтобы взять. Я говорю об Элиноре де Монфор. И что? Она рыдала и вопила, когда ты ее насильничал? Наслаждался ли ты ею в полной мере? Или понял, каким разочарованием она стала для тебя, прежде чем ты убил ее?

Губы мегеры раздвинулись в злобной улыбке. Мэри брезгливо поморщился. Она состарилась, и ее красота заметно поблекла.

- Я не надругался над леди Элинорой, - с усмешкой сообщил он. - Считаешь, будто я настолько глуп, чтобы не разгадать твоих замыслов? Я вернул ее мужу такой же нетронутой, как в тот день, когда увез из Эшлина. Не ее вина, что ты отравила моего посланца и заняла его место, а потом украла выкуп, посланный де Гланвилем. А теперь отдавай мои деньги, и мне пора в путь. Больше мы не встретимся.

- Ничего ты не получишь! - прорычала Айлин. - Я женщина могущественная, господин Мэри! Самые знатные лорды королевства приходят в мой дом в поисках удовольствий. Король не раз побывал в моей постели. Попробуй отнять у меня хоть медную монетку, и я обращусь за помощью к его величеству. Сколько раз он твердил, что никогда не спал с женщиной, подобной мне! - гордо заключила она, бросив на него вызывающий взгляд. - Ты же не кто иной, как разбойничье отребье.

- Тут ты права, Айлин, я всего лишь разбойник, а вот ты - воровка, и многие это подтвердят. Король - человек справедливый и, услышав твою истинную историю, бросит тебя в тюрьму.

Когда Сим, не дождавшись госпожи, явился в Гвинфр, мы сразу поняли, что случилось. При сложившихся обстоятельствах я больше не мог держать в плену невинную женщину. С тех самых пор я ищу тебя. Мои люди покинули меня два года назад, чтобы вернуться в Гвинфр. Они уверены, что ты либо умерла, либо сбежала в Нормандию. Но я слишком хорошо тебя знал! Теперь же я желаю вернуть похищенное. Отдай мне золото добровольно, иначе я возьму его силой.

- Слюнявый валлийский болван! - прошипела Айлин. Голову сверлила одна настойчивая мысль. Он не прикоснулся к Элинор! А она-то была уверена, что ненавистная монахиня давно мертва.

- Обожествлять Элинор де Монфор, и с чего?! Она такая же, как остальные женщины, господин, а все женщины в душе шлюхи. Даже твоя бесценная леди Элинор.

Он ударил ее по щеке с такой силой, что услышал, как хрустнула шея, увидел удивление в голубых глазах, прежде чем Айлин рухнула на пол.

Мэрии приложился ухом к ее груди - Айлин де Варенн была мертва. Философски пожав плечами, валлиец переступил через тело и подошел к камину. Отсчитав камни арки, начиная с центрального, он медленно потянул. Мэрин предусмотрительно наблюдал за Айлин несколько вечеров и знал, где та прячет накопленное. Пошарив внутри тайника, он вытащил с полдюжины туго набитых мешочков. Большую часть богатства она, вероятно, хранит у менялы, а это всего лишь доходы за последние несколько дней. Здесь же находились драгоценности. Мэрии небрежно сунул их в карман. Все равно они Айлин больше не пригодятся. Забрав мешочки, он тщательно вставил камень на место, задул свечи и направился к окну, через которое влез в комнату. Достаточно открыть ставни и переступить низкий подоконник.

В последний момент Мэрии обернулся и еще раз осмотрел труп Айлин.

- Прощай, моя прелестная сука, - прошептал он, прежде чем исчезнуть в ночи.

Он сдержал слово, данное Элинор. Никогда больше Айлин ее не потревожит. Прелестная сука теперь в аду, дожидается своего любовника. Только он, возможно, не присоединится к ней. Разве не утверждала леди Элинор, что даже он может избежать горячей сковороды и клещей дьявола, если раскается в грехах? Разве не она верила, что и в его душе есть ростки добра? Пять лет скитаний научили его тому, что одиночество и злоба - плохие товарищи. Мэрии не знал, сможет ли стать истинно добродетельным человеком, но теперь, когда его миссия выполнена, стоит, пожалуй, попытаться.

Он рассовал мешочки по седельным сумкам, вскочил на коня и отправился по старой дороге, названной Уотлинг-стрит, останавливаясь в пути шесть раз, чтобы положить золото на алтарь одной из церквей, мимо которых проезжал. В последней он оставил драгоценности.

Следующие несколько дней Мэрии двигался на северо-запад и наконец достиг города Шрусбери. Там он продал лошадь и сбрую и приберег деньги для последнего малого пожертвования. Добравшись до окраины города, он постучал в массивные ворота. Ему открыл человек в монашеской сутане.

- Я желаю посвятить остаток жизни Господу нашему, добрый брат, - сказал Мэрии Ап-Оуэн, - но не знаю, захочет ли Бог принять столь великого грешника. Я грабил, убивал и насиловал. Хуже меня нет никого на свете. Мое имя - Мэрии Ап-Оуэн.

- Спаситель всегда рад принять раскаявшегося грешника, Мэрии Ап-Оуэн. Заходи. Заходи же! - приветствовал его монах. - Здесь и не такие бывали. Не ты один оскорблял Иисуса и творил

непотребное. Все же я уверен, что Господь давно ждет тебя.

И он с улыбкой повел будущего послушника в стены древнего монастыря.

Неожиданная мысль пришла в голову Мэрина; удивится ли леди Элинора? А может, и нет? Ведь именно она советовала ему искать в своей душе добрые качества, хотя бы ради бессмертия души. Что же, он попытается.

И Мэрии с улыбкой на лице последовал за монахом во внутренний дворик – в новую, лучшую жизнь.

mir-knigi.org